

Игорь Григорьян

Иллюзия
вторая.

Перелом.

12+

Игорь Викторович Григорьян

Иллюзия вторая. Перелом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34284921

SelfPub; 2018

Аннотация

Лишь только свободные умы способны пренебречь внутренней химией существующего человеческого тела, переступить через свой собственный предел и вырваться на волю – вырваться из своего круга смертей и рождений – вырваться, чтобы погибнуть окончательно и раствориться безо всякого следа в зелено-голубой природе, а значит – стать этой самой природой – бессмертной, бесстрастной и всеобъемлющей. Вот почему благо – лишь окончательная смерть. Ибо только окончательное, как ясно следует из самого слова, отвергает даже время, оно не замечает его и презирает как несуществующее. Ибо окончательно – это всегда навечно.

Мои руки сжимали ручку зонта в виде головы дракона, отчаянно пытаюсь нащупать в ней хоть какие-то признаки жизни, а ноги, повинувшись другой команде весело перебирали ступеньки лестницы, изо всех сил стараясь как можно быстрее вынести моё, всё ещё человеческое тело на улицу, залитую жёлтым солнечным светом.

Что-то неуловимое, но простое; что-то трудно осязаемое и, возможно, именно поэтому до конца неосознанное; что-то иррациональное, называемое человечеством интуицией или предчувствием; что-то неопишное незримо витало в воздухе и прокладывало мой сегодняшний путь...

Куда я двигался?

Конечно же, в счастье.

Зачем?

И здесь всё просто...

Если ты хочешь куда-то попасть – единственное, что необходимо делать – это идти. Молча перебирать ногами. «Молча» здесь не лишнее слово. Ещё Пифагору было известно о волшебной силе слова и о том, что реальность, какой бы она ни была, воспринимает единожды высказанное слово как проявленную материю, как свершившийся и уже реализовавшийся факт и она – реальность – более не заботится об

осуществлении сказанного.

Она, реальность – не заботится.

Вы же сами можете заботиться сколько угодно.

Однако, и результат будет строго пропорционален именно вашим усилиям и возможностям – усечённым, но никак не природным – широчайшим.

Пифагор, например, заставлял своих учеников молчать, иногда даже месяцами, но не заставлял их сидеть обездвиженно, ибо «перебирать ногами» можно и нужно не только внутри себя – мысленно, но и обязательно снаружи – телесно...

Куда я двигался?

Конечно же, в счастье.

Ведь другой дороги, кроме как в счастье, у природы просто не существует, что бы там нам не казалось в каждом из пройденных и нелепо потраченных временных мгновений, и даже – в каждой из прожитых жизней.

Человек всегда движется в сторону своего счастья, какой бы извилистой ни была его дорога, сколь непростым и отвесно-горным не случился бы его путь.

Даже самоубийца, стоящий на самом краю человеческой жизни уверен что его последний шаг в пропасть принесёт ему не что иное как успокоение, а значит – лишит его горестей и тревог, избавит от унылости бытия и одним, последним ударом истребит все существующие несчастья, оставив нетронутым лишь его личное, уже им где-то отобранное или

у кого-то завоёванное – его персональное, ни с кем неделимое счастье.

И в его понимании этот последний удар пусть и болезнен, но мгновенен, пусть и горестен для окружающих, но насколько не обременителен для него самого. Ибо достаточно часто можно решиться на одно болезненное мгновение ради спокойной и счастливой вечности.

Потому что таков его собственный путь в его собственное вневременное счастье...

Иначе, зачем этот последний шаг?

Зачем я сегодня вышел из дома? Зачем я делаю это каждый день? Зачем я бегу навстречу времени?

Зачем? Зачем? Зачем?

Стоит ли вообще задаваться этим заведомо ложным вопросом?

Стоит ли искать на него ответ?

Стоит ли требовать этот ответ у природы, которая выражает себя через доступные нам мысли и воплощает себя же в уже произнесённых словах и ставших видимыми реальностями?

Ведь нельзя найти выбор там, где его нет, а искренне спросить себя «зачем» можно лишь тогда, когда выбор всё-таки есть.

Когда выбор наличествует и пребывает.

Когда выбор бытует.

Когда он бурлит, водится.

Когда выбор живёт и клокочет...

Когда выбор главенствует!

Спросить себя «зачем» можно только тогда, когда выбор уже покинул своё прошлое, когда он уже стал настоящим, но ещё не успел достичь своего будущего, ведь будущее у любого выбора – лишь его упразднение и разрешение – его принятие, его конец, его гибель...

Будущее выбора – его смерть...

Вопрос «зачем» имеет лишь только одно право – право возникнуть, и это право не твоё – это право самого вопроса и, соответственно, не тебе решать когда это право будет использовано. Но, кроме права возникнуть, вопрос имеет ещё и обязанность, и тоже единственную – обязанность быть ответственным или разрешённым. И эта обязанность самого вопроса становится уже твоим личным правом – правом вникнуть и разобраться, правом понять, правом ответить – правом выбрать...

Твоим правом, но никак не обязанностью.

Но возникающее время от времени восклицание – «зачем?» – часто так и остается не ответственным, и вопрос, используя своё право на возникновение, с твоей помощью получает абсолютную свободу, которую ты ему даришь, полностью игнорируя своё исключительно человеческое право

раскинуть мозгами, задуматься, найти ответ. Это ведь всего лишь право, но никак не обязанность... Зачем же тогда размышлять?

К тому же, пока выбор не сделан – всё возможно.

И рождённый, а потом и взрослеющий вопрос так и витает в голове воскликнувшего, забываясь со временем, стираясь из человеческой памяти. В конце концов, он умирает, не выполнив своё жизненное предназначение быть ответственным, а значит – умирает, прожив совершенно никчемную жизнь.

Прямо как оголтелое большинство людей, которое после использования своих прав не всегда с тем же самым рвением желает выполнить и свои обязанности – а одно из нерушимых обязательств человека перед природой – легко принять не только свою жизнь, полную правами, но и неизбежную за ней смерть, успев между ними открыться, ответить самому себе, а значит – и миру...

Прав у человека сотни; мыслей, как реализовать эти права – десятки; идей – единицы; обязанность – всего одна...

И любой вопрос, по своей сути, ничем и не отличается от усредненного человека – будучи рождённым – он капризничает, противится неподвластным ему вещам, мучается в своём выдуманном несчастье и, в конце концов, умирает, так и не выполнив своё предназначение, так и не наполнив себя смыслом и ответами.

Вопрос, как и человек, запутывает сам себя – он избегает своих обязанностей, он глубоко зарывается носом даже

не в поиски первопричины своего возникновения, не в поиски причин того ЗАЧЕМ он рождён и почему необходимо двигаться вперёд в своём разрешении – он отвлекается от своей вопросной сути, он игнорирует насущную необходимость действовать, он занимается поисками совершенно новой структуры – возможности.

И нащупав её, из всего бесчисленного многообразия существующих возможностей он старается изыскать и использовать всего лишь одну – чисто человеческую, ленивую возможность – как ему оставаться на месте, как заморозить своё существование, как оттянуть свою смерть?

И главное – как при этом ровным счетом ничего не делать?

Как оставаться в том сладком миге, когда твоё право на рождение уже использовано, а жизненной обязанностью ещё можно пренебречь? Как оставаться в младенчестве, в детстве, в юности? Как затормозить ход времени и избежать взросления, старения, смерти?

Но если право родиться не подлежит никакому человеческому контролю, ведь на то оно и право – эта безусловная и неоспоримая данность, то единственную обязанность любого вопроса и человека – обязанность быть разрешённым – просто необходимо поставить под контроль – под свой собственный, человеческий контроль – под контроль своего разума и жёсткой логики всего существования.

Но человек ленится, он отступает от своего призвания, он отбивается от своего смысла. Отступает, чтобы в сотый или в миллионный раз воскликнуть – зачем это всё?! Зачем я живу, в чём смысл моего существования, в чём смысл жизни?

Воскликнуть, выплеснув наружу своё негодование и сожаление от несправедливости бытия, а через некоторое время успокоиться, вернуться к привычным вещам и, в конце концов, забыть о своём восклицании. И так до следующего мгновения просветления души, до следующей попытки постижения нового, до следующего возникшего словно ниоткуда вопроса...

Но если человек остановится на одно мгновение, если он попробует погрузиться в своё восклицание, попробует задуматься, попробует найти ответ, а вместе с ответом и смысл своего существования – он автоматически поднимется на одну ступеньку вверх.

А вверх – это всегда к Солнцу, с какой стороны Земли вы бы не находились.

Вот и получается, что всплывающие из ниоткуда вопросы контролируют мыслящего человека, развивают и направляют его, ведут его вперед. Ибо их личное, неконтролируемое человеком право возникать становится обязанностью думающего человека – обязанностью разрешить непонятно откуда возникшее, неизбежно и мощно донимающее и свободно витающее в голове...

Ведь любой вопрос, попавший в пытливым ум будет тре-

бовать свой собственный смысл, будет настаивать на своём разрешении, будет искать свою волю, будет требовать своей собственной смерти!

Таким образом, единственная обязанность любого вопроса – разрешиться, разродиться ответом на самого себя – становится человеческим правом, человеческой данностью, и всё, что необходимо для реализации этого права – это неспешно перебирать своими человеческими ногами – мысленными и телесными, неторопливо продвигаясь вперёд.

Продвигаясь шаг за шагом, мысль за мыслью, учитывая, что выбора-то особо и нет, а есть лишь возникающие непонятно откуда вопросы, которые, как и люди обязаны быть осмыслены и отвечены, и которые всей своей жизнью и даже своей смертью делегируют человеку его право быть человеком.

Но только в мыслящей голове Право превращается в Обязанность – обязанность думать, сопоставлять и находить решения, а значит, и определять свой смысл.

И времени на это – одна только жизнь, один только миг, одно мгновение.

Возможно, лучше и логичнее потратить это мгновение, отмерянное не вами, но вам, на счастливое созерцание протекающих изменений, полностью осознавая каждый счастливый миг бытия? Возможно, это созерцание и предоставит

такие необходимые, но совсем не обязательные ответы?

Сомнения, сопровождающие любое «зачем» возникают, как правило, ровно в тот самый момент, когда всё твоё человеческое естество противится простирающейся впереди дороге и словно вопрошает себя самое – а не проще ли мне остаться там, где я есть?

Не проще ли мне здесь, не спокойнее?

Не слишком ли крупными и неровными камнями вымощена простирающаяся вперед мостовая? Не сверх ли всякой меры тревожен этот путь, не избыточно ли опасна дорога?

Значит ли это что право на возникновение сомнения, пусть не твоё право – право чужое, абстрактное – право самого сомнения; и уже лично твоё собственное противление своему движению вперёд – тесно и неразрывно связаны?

Значит ли это что они сплетены в одну общую нить – с общим началом и общим концом?

Нет!!!

Тысячу раз нет!!!

Первично лишь твоё сопротивление собственному движению вперёд и возникает оно, пусть за одно лишь мгновение, но ДО самого вопроса, как раз перед самым первым, ещё не сделанным шагом. И возникший словно ниоткуда вопрос – всего лишь следствие собственного нежелания развиваться, а значит, и возникает он не из ниоткуда, а из человеческо-

го страха, из боязни неизвестного, из присущей всем без исключения лени, и много ещё из чего. И всё перечисленное всегда сопровождает любое уклонение от своих обязанностей. Так что первично – само уклонение и программная человеческая ошибка – в нежелании, в страхе, в заблуждении.

В невежестве.

Но и на этом этапе честный ответ приведёт к такому же честному ответу, и родившийся из человеческого невежества и страха вопрос поведёт в бой, несмотря на маячащую впереди темноту и неизвестность. А ответ нечестный с большим удовольствием предоставит человеку подходящее оправдание и усыпит его ум, превратит абстрактное человеческое мышление в мышление животное, инстинктивное. Превратит свободу в рабство.

Неосознанное, непроработанное сомнение, как и неотвеченный вопрос будоражат, а неверно или нечестно разрешенные – успокаивают и расслабляют, оправдывают. Они снимают с человека его умственную ответственность и скидывают его на ступеньку вниз – к бессознательному, к животному.

И только правильно направленное внимание и игнорирование неизбежно возникающего страха – постоянного спутника углубления в неизведанное, приводят человека к верному ответу – они зовут, зная что будут отвечены, они указывают ему ту единственную, его личную дорогу, которая обязательно ведёт человека к своей мечте и увлекает в незабы-

ваемое приключение.

К той самой мечте, сформулировать которую сам человек наверняка ещё не в состоянии, но именно эта дорога и предоставит ему как лаконичную формулировку желаемого, так и путь к воплощению оногo...

И только правильно отвеченный вопрос умирает счастливым – используя своё право и выполнив свою обязанность.

Только дисциплинированный человек умирает с желанием, потому что используя свои права и выполнив свою единственную обязанность он распознает смысл своего существования – вдумчиво жить, передвигаясь от одного вопроса к другому, жить по своей совести, жить честно...

И сам этот путь и есть счастье.

Самое обыкновенное, избыточно наполняющее, простое и ясное человеческое счастье.

Всё остальное – лишь эрзац, суррогат, подделка, всего лишь искусственный заменитель, мошенничество и враньё.

Возникающий здесь конфликт разнесённых в противоположные концы мироздания прав и обязанностей чётко описывает и утверждает их природную неразрывность, их сплочённость и их единство, ибо конфликт тоже может соединять, более того – он обязательно это делает.

Есть право – значит есть и обязанность. По другому не бывает.

Человек всегда использует своё право на возникновение, и неизбежно, в течение своей человеческой жизни, соблазняется возникать из небытия вновь и вновь – он прельщается возможностью вновь родиться и жить, продолжая игнорировать свои прямые обязанности и, тем самым, он – человек, лишь поддаётся инстинкту самосохранения, а точнее – инстинкту сохранения тела, другими словами – подчиняется своей внутренней химии, отрицает свою свободу принимать собственные решения, отрицает своё предназначение и отвергает свою волю.

Человек, всеми доступными ему способами, отсрочивает свою окончательную гибель, отсрочивает свою обязанность быть разгаданным и отработанным.

Ведь полное и честное исполнение всех своих обязанностей есть не что иное, как окончательное осознание своей сути, то есть, получение правильных ответов на любые существующие вопросы. Окончательное осознание – это обретение высшего знания.

Но это также и окончательная смерть человека, это конец его пути, это упразднение его человеческой сути. И это всегда упразднение за **НЕНАДОБНОСТЬЮ**... И высший человеческий пилотаж, высшая милость человеческого существования – это самоупразднение, это самовычеркивание, это самоликвидация. Тут речь не о самоубийстве, речь о саморождении...

Полнота знаний – это всегда перерождение человека в совершенно новое качество. И полнота знаний предоставляет перерождённому новые возможности уже нечеловеческого бытия. Или человеческого небытия, это уж как угодно.

И это небытие всего лишь бытие наизнанку, всего лишь бытие другого вида, возможно, более развитого, и потому – невидимого человеческими глазами.

Или специально сокрытого от них. Ибо неподготовленные глаза могут навредить даже одним взглядом...

Не навреди!

Лишь только свободные умы способны пренебречь внутренней химией существующего человеческого тела, лишь свободные умы способны переступить через свой собственный предел и вырваться на волю – вырваться из своего круга смертей и рождений – вырваться, чтобы погибнуть окончательно, чтобы раствориться без всякого следа в зелено-голубой природе, а значит – стать этой самой природой – бессмертной, бесстрастной и всеобъемлющей.

Вот почему благо – лишь окончательная смерть, благо – лишь свой окончательный ответ. Ибо только окончательное, как ясно следует из самого слова, отвергает даже время, оно не замечает его и презирает как несуществующее.

Ибо окончательно – это всегда навечно.

Окончательная смерть человека не имеет ничего общего

со смертью телесной, со смертью физической. Только она, только бесповоротная, только вечная, и от этого – благая смерть, с поклоном возвращает человеку то, что принадлежит ему по его человеческому праву – возвращает ему его истинное бессмертие.

Бессмертие другого порядка, бессмертие другой химии и физики, бессмертие без циклов и повторений, бессмертие бога, бессмертие великого замысла homo sapiens...

Обязанность – на то и обязанность, чтобы, в конце концов, каким-то образом, реализоваться, исполниться, осуществиться.

Ведь даже самая длинная, самая кривая, самая крутая дорога, пусть и отвесная – когда-нибудь, куда-нибудь, да выведет. И выведет неизбежно.

Куда?

Конечно же, в счастье... В обретение смысла человеческого существования, в переход из этого существования в существование уже нечеловеческое – в существование бога.

Да и нет других дорог у природы, просто нет...

– Зачем я бегу? – повторил я сам себе вслух и тут же услышал знакомый голос.

– Зачем? – вкрадчиво проговорил он, – зачем? Лучше спроси себя – куда? Куда ты так торопишься? – знакомый голос внезапно проник в мою голову и раскатисто там рас-

смеялся, – куда ты? Стой! – он поменял интонацию, словно предупреждал меня о чём-то надвигающемся, – стой же! – вдруг что было силы рывкнул голос, – стой, кому говорят! Стооооой–ой–ой!

От неожиданности, вздрогнув всем телом, я споткнулся на последней ступеньке заключительного пролета лестницы, и растянулся, размазавшись по бетонному полу. Можно даже сказать что я успел запрыгнуть в последний вагон уходящего поезда, ибо споткнуться дальше было просто негде – за этим лестничным пролётом был яркий и солнечный летний день.

Моя нога неуклюже подвернулась и не в силах выдержать мгновением позже опустившийся на неё вес всего остального тела, как бы извиняясь за свою несостоятельность, с лёгким и негромким, но очень отчетливым и многозначительным хрустом, вывернулась в сторону, не предусмотренную природой при создании человеческого тела.

В сторону, совсем не предусмотренную. Нисколько не предусмотренную.

При падении, острый осколок малой берцовой кости попытался пробить прочную и надежную, как оболочка космического корабля, кожу, раздирая её изнутри и одновременно разрывая под ней проводку моего корабля.

Авария в конструкции проявилась яркими и красочными гематомами по всей поверхности повреждённого отсека. Однако, мой корабль был выстроен качественно и с любовью, и кожа с лёгкостью выдержала не только натиск обломков ма-

лой берцовой кости, но и напор освобожденной от сосудистых оков красной и живой жидкости, правда, погрузив меня – всего и сразу – в пронзительную боль, к которой тут же добавилась не менее пронзительная гордость за прочность моего корабля... Ведь повреждения на первый взгляд выглядели незначительными – кожа-то была цела!

Изумление от быстроты всего произошедшего, уже с изрядной долей уныния от осознания того, что мой корабль требовал ремонта и, возможно, даже капитального, сами собой добавились к общей картине маслом и только сейчас я услышал эхо, гуляющее в моей голове.

– Стооооой–ой–ой! – наконец-то отзвучало эхо знакомым голосом и замолкло.

– Хрусь, – в тот же момент ответила голосу нога и поспешила отключиться от внешнего, чтобы не заразить своей болью весь остальной организм, который эту боль тут же перестал ощущать.

– Наверное, шок, – видимо, разговаривая с болью, вслух сказал я, а голос внутри моей головы тут же согласился:

– Конечно, шок! Так растянуться! Тебе не помешала бы таблетка анальгина. А лучше – ампула.

– Анальгин? Зачем? – я отвечал своему невидимому собеседнику мысленно, но радость уже заполняла меня целиком...

Я узнал бы этот голос из миллионов других голосов.

– Твоя нога не сможет долгое время удержать боль внутри и должна будет выпустить её наружу. Вот тогда ты её и почувствуешь. Анальгин помог бы тебе сохранить ясность мышления, чтобы не отвлекаться на боль.

– Ты думаешь что сейчас мне прежде всего необходим ясный и незамутнённый болью ум?

– Конечно. Ясный и незамутнённый болью ум необходим всегда! Ведь по какой-то причине ты вышел из дома, ведь так? А путешествовать, пусть и с выдающимся, но перегруженным болью мозгом – не самое приятное из существующих занятий, даже если твоё путешествие обещает быть совсем недолгим.

– Ты прав... – все внутри меня ликовало, и несмотря на сломанную ногу, я был полон радости и счастья – полон как стакан, в котором вода держится только за счёт поверхностного натяжения самой жидкости, выпирая из этого стакана и колышась в такт малейшему к нему прикосновению, – ты прав, прав, тысячу раз прав...

Я так боялся расплескать эту воду и в тот момент более всего на свете хотел сохранить эту радость в себе.

Некоторое время, продолжая лежать неподвижно на прохладном бетоне, я с интересом наблюдал за своей конечностью, которая увеличивалась прямо на глазах.

Бетон был холоден и тверд. Холоден так, как бывает хо-

лодна лишь затхлая погребная сырость, когда ты быстро спускаешься в глубокий подвал за банкой соленых огурцов, и тверд, как эта самая банка.

Последний лестничный пролет, отделявший меня от солнечного и живого дня стал моим погребом, стал моей добровольной, и надеюсь, недолгой тюрьмой на пути к моему же счастью, а я сам на мгновение превратился в солёный огурец, потому что, как и огурец – я был мягкий и живой, а бетонный пол – как стеклянная банка – был твёрдый и искусственный, если хотите – был мёртвый. И чувствовал я себя именно так, как и должен был себя чувствовать солёный огурец в закрытой банке – тюремно, закрыто, замурованно. Ведь огурцу, для того чтобы покинуть банку, а мне, чтобы покинуть подъезд, была необходима всего лишь помощь чьей-то руки. Помощь простой человеческой руки. Однако, руки, находящейся внутри банки не было, как не было и руки, способной достать меня из моего каменного заточения.

Человеческие руки, способные помочь, сами по себе редко выходят гулять, а их обладатели предпочитают пользоваться лифтом, и мысленно прикинув что помощи ждать особо неоткуда, собравшись с силами, я предпринял героическую попытку встать. Мой голеностопный сустав, верой и правдой служивший мне всю жизнь, сейчас более всего напоминал яркий воздушный шарик, неторопливо, но безостановочно надуваемый чьими-то невидимыми, но сильными губами.

Шарик, превращавшийся в огромный воздушный шар. В огромный сине-красный, местами даже лиловый шар с натянутой, как на барабане, резиновой кожей.

– Ахахаха, – притихший было в моей голове голос опять засмеялся, – думаешь не дождешься помощи?

– Думаю да, – мне удалось немного привстать и я опирался на стену и на здоровую ногу, – точнее, думаю нет, – я окончательно запутался, – думаю, не дождусь. Люди редко ходят пешком, – хоть и через силу, но я улыбнулся искренне и дружелюбно, адресуя свою улыбку окружающему меня пустому и гулкому, наполненному эхом пространству.

– Помощь уже в пути, – голос, казалось, знал о чем говорит.

– Если бы ты предупредил меня немного раньше, – совершенно без грусти и без упрёка произнёс я, – тогда бы я успел...

– Ни слова больше! – голос раскатисто засмеялся, – ни слова больше! – повторил он, – я предупредил тебя ровно тогда, когда это было необходимо. Да и могло ли быть по-другому?

– Но ты предупредил меня когда я уже падал, и я даже не успел воспользоваться твоим предупреждением – и вот – результат, – одними глазами я указал на пышущий полнотой, раздувшийся и пульсирующий голеностоп.

– Всё и всегда происходит вовремя, – голос продолжал гнуть свою линию, – не бывает ничего что происходило бы

ранее или позднее намеченного срока.

– Хорошо, значит, это должно было произойти, – легко согласился я.

– А вот это уже совсем другой вопрос, – голос произнёс эти слова со смехом, словно предоставляя мне возможность самому подумать над случившимся.

– Постой, постой, – бросив беглый взгляд внутрь себя, я поймал внезапную мысль, – уж не хочешь ли ты сказать, что...

– Нет, – отрезал голос, – я ничего не хочу сказать. Ничего, кроме того, что ты хочешь сказать сам.

– Так ты сделал это специально?

– Но разве ты бежал не слишком быстро? – в голосе зазвучали вопросительно-оправдательные нотки.

– Возможно. Но я мог бы добежать и без травмы...

– Ну, наверное. Наверное, мог бы. Даже наверняка мог бы. Точнее, конечно, это возможно, – словно нехотя согласился голос, а потом немного помолчав, добавил:

– Да, да, ты мог бы добежать и без травмы. Только куда?

– Куда? – недоуменно повторил я.

– Да, – голос окончательно согласился со мной, – ты мог бы добежать и без травмы, но туда ли, куда бежал – вот в чём вопрос.

– Ага, – я кивнул головой, невольно задумавшись, – ты хочешь сказать, что...

– А может быть и нет, – голос пошёл на попятную, – откуда

мне знать?

– Но...

– Никаких но! Что ты за человек такой если тебя смог остановить простой перелом! И если тебя ещё интересует твой конечный пункт – счастье, то спроси сам себя – зависит ли этот конечный пункт и изменилась ли дорога, по которой ты должен двигаться к нему из-за твоего падения?

– Зависит ли конечный пункт? Осталась ли дорога? – я растерялся ещё больше, – дорога, конечно, не изменилась, да и ведёт она туда же, но...

– Что за дурацкая привычка возражать! – голос стал строже, – раз ничего не изменилось, то я не вижу никакого, даже самого маленького повода расстраиваться, – и он рассмеялся, – тоже мне проблема – сломал ногу! Тьфу! – голос сплюнул и замолчал.

Я закрыл глаза и вдруг услышал свой собственный смех, гулко отскакивающий от жёлтых стен подъезда. Значит, смеялся всё-таки я сам.

Но, может быть, это вовсе и не мой смех разливался бьющимся и гулким, жёлтым эхом...

Этот голос я бы узнал из тысяч других голосов.

Да что там из тысячи...

Этот голос я не смог бы спутать ни с каким другим. Были у него какие-то особые интонации, была в нём никем ещё не

написанная музыка, однако, позволявшая мне без ошибки определить его принадлежность.

Да что там интонации, что музыка! Были у этого голоса признаки, настолько индивидуальные и неповторимые, что ориентируясь только на них, я мог чётко и безошибочно, а главное – абсолютно однозначно определить его обладателя.

Во-первых – этот голос мог звучать только в полной тишине.

Во-вторых – этот голос был лишен всех известных мне страхов и волнений.

В-третьих, и так далее, в-четвертых, в-пятых – этот голос никогда не боялся, не завидовал, не сравнивал, не корил себя за проступки, никогда не чувствовал себя ничтожным и слабым, и ещё, пожалуй самое главное – этот голос никогда не ошибался...

Это был он...

Мой внутренний голос...

Мой дракон...

Моя мысль...

Мой Артак...

Мой ветер, уносящий меня вдаль и моя луна, которая своим солнечным отблеском освещала землю в непроглядном мраке ночи...

В этот самый момент дверь на улицу распахнулась и какая-то женщина в длинном сером плаще на грузном теле и

в цветастом платке, покрывающим её голову, пятясь задом и загоразивая собой уличный свет вместе с тёплым, солнечным ветром, протиснулась внутрь. Она что-то ворчала себе под нос, прикрывая за собой входную дверь и пытаясь совладать с вечно заедающим замком.

Какое-то необъяснимое оцепенение тут же навалилось на меня, словно мешок с песком. Навалилось и придавило своей тяжестью к холодному бетону.

Я, как будто попал под гидравлический пресс, словно из меня, как из металла, выдавливали весь лишний кислород, для того чтобы получить новую – чистую и сверкающую, плотную и однородную монету. Больно было даже вдохнуть, что вполне логично объяснялось этой самой тяжестью, но ещё более было выдохнуть – а это уже не поддавалось никакой логике.

Словно выжимаемый из моего тела воздух трансформировал меня самое в нечто другое, в нечто совершенно новое – в нечто плотное и сконцентрированное, в нечто однородное, равномерное, размеренное и ритмичное, в нечто ровное и жёсткое, в нечто цельное – сжатое и упорядоченное.

Тогда мне казалось – выпустив из себя весь воздух, моё тело тут же сморщится и скукожится, как спущенный воздушный шар. Поэтому тело и противилось выдыханию всеми своими силами, противилось, как могло. А как оно могло? Только одним способом – включив единственный доступный телу механизм контроля разума – и этот механизм – боль.

Боль, обычно сопровождаемая страхом, сегодня пришла одна, без попутчиков, точно так же, как эта незнакомая женщина с улицы, которая всё ещё стояла ко мне спиной и продолжала возиться с непослушным замком на входной двери...

Хотя, вполне возможно, что именно повреждённая нога, не в силах более сдерживать свою боль внутри себя самой, потихоньку освобождала её на волю, частями выпуская её из себя наружу – нога делилась болью с остальным организмом. Разделяла боль на малые, терпимые части. Ибо сама, одна, являясь всего лишь частью целого организма, она уже не могла терпеть целую и неделимую боль.

И организм поддерживал ногу как мог – взамен отданной ему боли, которую он распределил по всему телу, уменьшив таким образом её концентрацию в каждой отдельно взятой точке, он делился с попавшей в беду конечностью всей своей силой, всей своей мощью, вложив её в поток свежей крови – неспешно, но неотвратимо поступающей к травмированной ноге. И, конечно же, для того чтобы вложить в ногу свою свежую и морозную силу, организму пришлось таки предварительно освободить там для неё место и изъять оттуда часть боли, просто выплеснув её наружу, вынеся её вне, вышвырнув её вон. С этой задачей моё туловище, наученное эволюцией, прекрасно справилось. Исцеляющим бальзамом покрыло оно место разлома кости и разрыва связок, и теперь

выглядел совершенно логичным тот факт, что чем сильнее была травма – тем больше лечебного бальзама требовалось и, следовательно – тем шире раздувалась моя нога.

Будучи одной, отделённой от тела – она уже погибла бы, не в силах совладать с травмой, и если бы не ресурсы остального организма, готового её поддержать – ей пришлось бы совсем туго, если не сказать – пришлось бы невыносимо, несносно, запредельно тяжело.

Несмотря на прохладу в подъезде, внезапно меня бросило в пот, и так же внезапно, вдруг, я ощутил, что и само оцепенение, и даже пот, ручьями стекающий по моей спине, были не следствием травмы, а совсем наоборот – они были предвестниками чего-то, они пророчили нечто такое, что должно было произойти, нечто такое, что должно было вот-вот случиться.

И это что-то – не перелом ноги.

Ибо он уже случился.

Это что-то – произойдёт вот-вот. Произойдёт сейчас. В это самое мгновение. В этот самый миг. Произойдёт без задержки и без промедления, ибо время этого чего-то пришло.

Время пришло и стало диктовать пространству и событиям в нём свои необходимости...

Женщина, наконец разобравшись с замком, почему-то продолжала стоять ко мне спиной, словно скрывая своё лицо – можно было подумать, что ещё некоторое время она жела-

ет оставаться инкогнито.

Однако, спустя одно лишь мгновение, женщина сначала резким движением сорвала с головы свою цветную, цветастую косынку, и только после этого, немного покачнувшись, словно юла, теряющая свою скорость, резко повернулась на 180 градусов.

Серая и гладкая кожа, черные глаза-пуговики, острый акулий нос и три ряда белоснежных зубов, растянутых в доброжелательной улыбке – передо мной стояла Агафья Тихоновна – самая добрая и знающая из всех известных мне белых акул.

– Я же говорил – помощь в пути, – голос Артака появился, как обычно, ниоткуда и прозвучал в моей голове ангельской музыкой, – а я никогда не вру. И никогда не ошибаюсь, – после небольшой паузы добавил он.

Моё тело медленно сползло по стенке, на которую до этого опиралось, перегруженное счастьем и радостью, а насколько мне известно – это одна из самых тяжелых человеческих нош (если, конечно, относиться к этому серьезно) – оно, судорожно открывая и закрывая рот, только и смогло произнести:

– Агафья Тихоновна... Вы... Артак... И вы... Здравствуй-те... Здравствуйте...

Более всего сам себе я напоминал рыбу, выброшенную на сухой берег и конвульсивно, надрывисто, надсадно, беспо-

койно и нервноически алчущую мокрой, живой воды.

– Конечно, а кто же ещё, – голос выпрыгнул из моей головы и материализовался в дракона – совсем небольшого, размером всего лишь в один лестничный пролет.

Он ласково дул на мою ногу, сдувая оставшуюся там боль, а акула уже держала в плавнике шприц, наполненный прозрачной жидкостью.

– Здравствуйте, здравствуйте! – весело произнесла она, одновременно проверяя все ли в порядке с иглой.

– Здравствуй, – тихо произнёс Артак и посмотрел мне прямо в глаза своим пристальным и немигающим взглядом рептилии, развеивая в пространстве остатки моей боли, – здравствуй, конечно же, здравствуй, – его глаза с вертикальным зрачком цвета Солнца проникали внутрь моего тела и щедро одаривали столь необходимой мне сейчас силой.

Кроме силы, взгляд дракона нёс какую-то волшебную, непостижимую человеческим умом, а значит – чудесную, магическую, колдовскую уверенность.

В сладостном и счастливом, но, все-таки, недоумении, в изрядной доле смешанном с восторгом от созерцания столь дорогих мне персонажей я крутил головой не в силах решить на ком остановить свой взгляд и кого обласкать вначале.

Совершенно случайно, зацепившись глазами за часы на своей руке, я отметил, что часы, казалось, ожили, и большая стрелка застыла за мгновение до того как показать двенадцать, а маленькая – почти приклеившись к большой – прыг-

нула на десятку.

Часы показывали последнее мгновение до десяти часов утра – не минуту, не секунду, а одно лишь мгновение до...

Часы зафиксировали его в пространстве и уже они оба застыли в неподвижности – и часы, с их мгновениями, и пространство – с событиями в нём...

Чувствуя себя совсем сумасшедшим, я перевел взгляд на шприц, который держала в своих плавниках Агафья Тихоновна.

– Метамизол натрия, – сказала она улыбаясь, – всего лишь метамизол натрия! Ну или анальгин – это одно и то же. И он вам поможет. По крайней мере, должен помочь, – добавила она хитро прищурившись и рассмеялась, – хотя и всего лишь на какое-то время, конечно.

Я покорно кивнул головой и перед тем как окончательно потерять сознание, всё-таки успел заметить что зонт, с которым я вышел из дома, лишился своей ручки.

На месте деревянной головы дракона торчала лишь блестящая и сияющая металлом, сверкающая стальным зеркалом алюминиевая рейка.

Дракон вновь ожил.

Темнота.

Единственное что было вокруг – темнота.

Хотя, пожалуй, кроме темноты было еще немного тьмы.

Тьмы и невежества.

Дракон опомнился первый:

– Он без сознания, – Агафья Тихоновна услышала драконью мысль внутри своей головы, – именно поэтому тут так темно. Но это не отсутствие света – это отсутствие мысли, а значит, и отсутствие самой жизни. Впрочем, выходит что это также и отсутствие всяческих иллюзий.

– Возможно, – в отличие от дракона она проговорила слово вслух, хотя в этом не было никакой необходимости.

Артак слышал её и так, бестелесно. Без участия органов физического тела. И, конечно же, без всяческих слов.

Акула широко распахнула глаза, надеясь на своё более совершенное, чем у человека зрение, но так и не смогла ничего увидеть. Она осторожно протянула вперед один из грудных плавников, стараясь нащупать что-то вблизи, но, опять-таки, бесполезно. Плавник легко и беспрепятственно уходил вдаль.

Это значило что на расстоянии вытянутого плавника было пусто. Или, скорее всего – была пустота. Пусто и пустота – совсем не одно и то же. Пусто – это когда ничего нет. Нет даже пустоты, куда можно было бы протянуть плавник.

Пустота же, сама по себе, уже есть наполнение. Пустое ме-

сто – это место, пустое от всего, пустое даже от пустоты.

И любое пустое место вначале должно быть наполнено этой самой пустотой, то есть наполнено небытием, из которого может родиться привычное нам бытие – может родиться само физическое пространство.

И уже потом, в этой пустоте, в этом только что зародившемся, прозрачном и ничем не заполненном пространстве возникает и всё остальное – видимое глазу и столь привычное и доступное человеку, животному, дереву – их взглядам, их ощущениям.

Доступное не только зрению, но и всем остальным органам чувств.

Много ли их? Чувств? Пять или больше?

Антон Павлович Чехов, в своё время, писал:

– Что значит умирать? Быть может, у человека сто чувств, и со смертью погибают лишь только пять известных нам, а последние девяносто пять остаются живы...

Кто знает...

Самому же человеку – человеку, а не его чувствам – и во все не может быть доступно ровным счетом ничего в существующем мире, ибо он сам и есть это всё – всё, что его окружает; всё, что внутри и снаружи; всё, что чувствуют его чувства; всё, что думают его мысли; всё, что осязает его тело, всё, всё, всё...

Может ли быть так, что сам ты совершенно вдруг, внезапно, без предупреждения и без вложенного труда становишься доступным сам себе?

Может ли быть так, что небытие из которого ты себя достал, крепко рванув за волосы, так быстро отступило и предоставило тебе в полное, безраздельное понимание, а значит, и пользование с исключительными правами, тебя же самого?

Может ли быть так, что ты, сотворив себя кем-то, доступным себе самому, осознал эту доступность сразу – без задержек, без проволочек и без временного контроля?

Может ли быть так, что познавая всего лишь часть – часть мира – себя, ведь ты когда-то считал себя всего лишь частью – может ли быть такое, что познавая себя самого ты безрассудно и беззастенчиво делаешь доступным себе и всё остальное?

Ведь на самом деле ты был, есть и будешь доступен себе всегда, но в большей степени эта доступность проявляется в небытие, в запредельном зрении мире, чем здесь – в воплощённой материи.

Чтобы получить эту доступность тут – придётся хорошо потрудиться. Ведь небытие уже ушло, оно отстало от тебя, отлипло, но всё ещё тянется, волочится, тащится, устремляется, жаждет... И эту незримую связь ты продолжаешь ощущать всё это долгое мгновение бытия, называемое жизнью, и именно это мгновение необходимо создавать и обустривать

– для этого ты и тут.

И создавать придётся самому, а не ждать непонятно чего или кого. И создавать необходимо с любовью и радостью...

Следующий важный вопрос, полностью уравнивающий все предыдущие – осознаёшь ли ты эту необходимость?

Быть в бытие и осознавать это бытие – две одинаковых, равновесных гири. Гиря «быть» уравнивает гирю «осознавать». А гиря «не быть» равняет стрелки весов с «видеть». Только с таким грузом замирают общемировые весы в срединной точке – в точке коромысла, в точке отсчета – в точке, за которой начинается самая что ни на есть настоящая жизнь.

Только самая настоящая жизнь сравнивает и сверяет, сопоставляет, равняет, уподобляет эти понятия – «быть» и «не быть», она балансирует на грани и одного и второго – она соединяет, сцепляет, связывает. Она сосредотачивает, спаивает всё существующее, делая из него монолит. И там, где есть одно – обязательно есть и другое. И любое зависит от любого.

Жизнь, уже в бытие, но жизнь питающаяся небытием; жизнь, отрицающая как бытие, так и небытие; жизнь зовущая и то и другое; жизнь, отторгающая это зыбкое равновесие; жизнь, привлекающая его; жизнь, выпитывающая содержимое его посуды; жизнь, создающая необыкновенные весовые гири; жизнь, выжимающая себя из себя самой.

Жизнь, выбрасывающая свой смысл так далеко, что не всякий глаз поймает этот далёкий свет, не всякое ухо услышит его звонкий гул и не всякий нос учует этот разноцветный запах – запах несущий, запах предупреждающий, запах созидающий.

Только в одном случае и свет, и гул, и запах становятся лично твоими и тебе понятными – если ты сам их создал, если в этот краткий миг бытия, если в это короткое мгновение всеобщего, но доступного тебе лично творения, если только ты успел создать свой собственный смысл, если только ты успел создать сам себя.

И если ты продолжаешь творить себя самое каждый новый, отпущенный тебе момент, продолжаешь несмотря на то, что тебе кажется что ты уже на месте, что ты уже пришёл.

Если ты продолжаешь продвигаться вперёд, и не во времени или в пространстве, ибо они ничего не значат, а в знаниях, в умениях и навыках, в мастерстве и уникальности.

Тогда всё существующее поступит к тебе в услужение, когда ты, словно художник, пишешь свою собственную картину. Когда ты скульптор, безостановочно высекающий свою скульптуру.

Тогда твои новые, приобретённые уже в бытие черты обязательно станут доступными тебе спустя всего лишь какое-то время – станут доступными автоматически, а время это необходимо только на осознание и принятие своих новых качеств, а значит – и принятие нового себя.

И точно так же, как ребёнку необходимо время, чтобы встать на ноги – тебе необходимо точно такое же время на осознание своей мощи, на принятие своей безграничной силы.

Тебе необходима энергия знания и принятия.

Тебе необходима энергия понимания – энергия самого времени...

И только один процесс творения – единый процесс, неразрывный – он доступен тебе всегда!

Он, но не его результат!

Результат просуществует всего лишь миг, тогда как сам процесс сможет питать тебя вечно. И эта вечность будет не человеческая, не ограниченная временными рамками жизни человеческого тела, эта вечность будет вселенская, где по необъятному закону творения и накопления опыта – вечно – значит – вечно, и нет в этом слове никакого намёка на временность, а есть только одно утверждение – вневременности, бессменности, бессрочности – утверждение бесконечности и необозримости.

Зачем тогда тебе глаза? Важны ли они на этом этапе? Так ли уж они необходимы?

Нет!

Один лишь опыт, один процесс, одно искусство!

Безрукое и безглазое, безухое, безносое искусство!

Не сама картина, не сама скульптура – они так и остаются

доступными всего лишь твоему взору, твоему такту и твоему восприятию, но процесс их создания – вот что определяет саму вечность.

Да и сам человек, в принципе, не в состоянии обладать ничем, не в состоянии ничего присвоить. Ничего, что бы не являлось им самим!

Таков его дар и его же проклятие – творить и отпускать, отрезая от себя по частям и распространяясь этими частями по всему миру; творить, распыляя себя в пустом пока ещё пространстве и заполняя это пространство своей собственной плотью; творить, заливая отпущенное ему время своими действиями и наполняя своей кровью все существующие пустоты и впадины – как временные, так и пространственные; творить, сглаживая их остро сшитые края и затупляя опасные, колючие вершины...

Ведь затупить торчащий, острый камень на своём пути нельзя ничем другим, кроме как своей плотью, а заполнить ущелья и впадины получится только лишь с помощью собственной крови.

И натываясь на острое, ты неизбежно оставляешь на нём куски своего тела – но лишь для того чтобы тут же обрасти новым мясом – ярко-красным, свежим и вкусным, дерзким, сильным, выносливым.

И наполняя своею кровью ущелья и впадины ты растекаешься по всем вершинам, чтобы на одной из них, громче

всех тебя зовущей, наконец-то скинуть с себя нелепые одежды, оставив в пришитых карманах все свои надежды и чаяния.

И тогда, освободившись от ненужного тебе более балласта, став нагим и свободным, ты поднимешься ещё выше – поднимешься прямо по воздуху, не по камню – по воздуху, который уже не может тебя ранить, и поднявшись даже выше него, выше воздуха, ты поймешь, что выжить – не самое главное.

Самое главное – сохранить.

И сохранить себя – это одно, а выжить – иногда совсем противоположное.

Так и получается, что «ничего» и «пустота» – это слова-антонимы. Ничего – это ничто, пусто, но пустота – совсем наоборот – это уже что-то, это уже какое-то вмещение внутрь. Это уже начинка.

Пустота олицетворяет собой подготовленное к привычной нам жизни бытие, а пусто – воплощает его изнанку, его обратную сторону – небытие. Впрочем, и то и другое – лишь часть общего процесса. И то и другое – лишь полосы на шкуре зебры, и не имеют они ни начала ни конца.

Бытие. Небытие.

Материя. Антиматерия.

Время. Время вспять.

В окончательной сумме всего со всем всегда будет ноль и

в этом нуле будет заключен смысл, который так алчно ищет мыслящий человек.

Смысл, который так бережно хранит философ.

– Бесплезно, – Артак был спокоен, и казалось, чего-то ждал, – бесплезно. Зрение здесь бесплезно. Только чувства. Чувства и действия. Только они здесь что-то значат. Только они способны осветить хоть немного этого пространства и, кто знает, возможно, тогда глазам станет светло и ясно. Или, хотя бы, станет немного яснее чем сейчас. Нам подходит любой вариант.

– Я не могу понять что вокруг, – Агафья Тихоновна говорила прямо в темноту, не зная где находится дракон, – пустота или ничего нет?

– Вы считаете это важным?

– Конечно, я считаю это важным. Ничего нет – это ничего нет, это ничто, абсолютный вакуум, это смерть всего материального. Если хотите – даже не смерть, а противоположность всего материального, ничто – это физика наоборот, это анти физика и удаляющийся цифровой ряд, бегущий в обратном направлении. А пустота – это уже закладка, это уже заполненное и готовое к употреблению ничто, пустота – это поле, на котором может произрастать нечто физическое и осязаемое человеком, нечто привычное для людей и их глаз, – акула вертела головой, пытаясь рассмотреть хоть что-нибудь, – понимаете разницу?

– Да, я понимаю, – Артак шумно и мысленно вздохнул, – как раз я и понимаю.

На одно мгновение Агафье Тихоновне показалось что он немного разочарован или даже раздавлен навалившейся на него тьмой.

– Где он сам? Его нет тут, с нами?

– Он без сознания, – дракон повторил свои же слова, – и именно поэтому так темно. А мы с вами всего лишь жильцы в здании, выстроенном его сознанием. Его сознание, его мысли, его собственный мир и есть наш дом. И в нашем доме сейчас выключили свет. Или даже не так, – Артак на мгновение задумался, – не просто выключили свет! В нашем, полностью электрифицированном доме сейчас полностью исчезло само электричество. Исчезло как факт, исчезло как материя, исчезло как физическая величина.

– Но разве мы сами не являемся чётким и недвусмысленным указанием на наличие этого самого сознания? Ведь вы сами, Артак – не что иное как его мысли – и вы есть, вы существуете, не так ли? А раз вы никуда не пропали, то существует и основа этого самого сознания – вы – ведь мысль – это прежде всего способность этого самого сознания выражать себя, мысль – это его способность вывернуть себя наизнанку. А наизнанку можно вывернуть лишь только реальные вещи, не так ли? – Агафья Тихоновна немного помолчала и закончила:

– И я – его речь – точно такая же способность того же

самого сознания, но уже в вербальной, и поэтому, иногда в несколько искажённой, по отношению к мыслям, форме. Я правильно всё понимаю? – Агафья Тихоновна говорила размеренно, в полной и непроглядной темноте, и от этого её голос звучал несколько зловеще.

– Правильно, всё правильно, – Артак усмехнулся, – вы всё говорите правильно, но только его физическое тело об этом не знает, – дракон тихонько засмеялся, и вместе со смехом тьма, самым что ни на есть волшебным образом, немного отступила, – нам с вами, в отличие от его тела, нет надобности ни в каком электричестве. Электричество необходимо лишь материи, электричество необходимо лишь телу, которое способно чувствовать боль. Электричество необходимо лишь телу, которое способно умирать, в конце концов.

– И что?

– Мы же с вами есть порождение другого уровня. Вы – порождение культуры, плод буквенной абстракции, созданной многими поколениями человечества, и ваша сила заключена в энергии времени всех этих поколений, а уж это много больше чем энергия времени одного лишь человека, я же... – Артак внезапно замолчал, – я же... Впрочем, неважно... Мы вернемся к этой теме, когда достигнем квантового уровня. Сейчас нам важно одно – ни вам, ни мне недоступно ни ощущение боли человеческого тела, ни ощущение даже его смерти. Ведь ни слова, ни мысли не способны ощущать. Они способны создавать то, что порождает ощущения, понимаете?

Мы с вами – порождение и проявление более тонкого уровня – уровня создающих, в уровне более плотном – в уровне создаваемых, то есть в уровне телесных воплощений.

– Поэтому мы остались в темноте?

– Поэтому мы остались. Разве это непонятно? Поэтому мы просто остались. Мы остались там же где и были, мы – есть, а его – нет. Точнее, нет его тела. Темнота лишь показывает нам состояние этого тела, но мы от него не зависим. Ведь, повторюсь, нам с вами нет никакой необходимости в электричестве, питающем материю, а у его тела такая необходимость есть. Мы – даже наоборот – мы даже способны некоторым образом производить это самое электричество, – Артак усмехнулся.

– Хм... – пробормотала про себя Агафья Тихоновна, – хм... Производить то, что питает тело? – она выдержала вопросительную интонацию, хотя по всему было видно, что вопрос гипотетический и в ответе нет никакой необходимости, – чем дальше – тем темнее, – акула глубоко вздохнула, а Артак, тем временем, продолжал:

– В мире, где живут люди, а точнее – в мире, где они предпочитают жить, – дракон думал неторопливо, подбирая слова, – всё еще продолжают существовать объекты, которые выполняют строго определенные действия. Так, например, существует человек, который спит, как и существует собака, бегущая по дороге, или птица, летящая в небе. А в следующем витке мироздания, на следующей его ступеньке, – Ар-

так на мгновение задумался и замолчал, но встряхнул головой, и спустя всего лишь пару мгновений продолжил:

– Даже не так. Не в следующем витке и не на следующей ступеньке. Просто, с ростом понимания сознанием некоторых элементарных вещей, сам мир, освобождаясь от никому ненужной материальной шелухи, начинает открывать своё истинное, своё чистое и честное лицо. И на этом лице нет места ничему что можно было бы назвать именем существительным. Сам объект пропадает. Любой объект просто пропадает. Нет его. И судя по всему – никогда и не было. Остается одно лишь действие. Остаётся лишь глагол без имени существительного, и этот глагол определяет и необходимость наличия самого объекта, производящего действие. Объект становится вторичен, он становится словно порождением действия, понимаете? А в мире людей и предметов вторично само действие, но первичен объект, производящий оное. Ведь на самом деле – голое, ничем не обременённое, и поэтому безупречное и безошибочное действие – основа вещей. И здесь, – Артак оглянулся вокруг, – здесь темно именно потому что нет никаких действий, а предметы не в состоянии осветить ни этот, ни какой-либо другой мир.

– Вы сказали – глагол определяет объект?

– В настоящем, в действительном мире – да. В настоящем мире действие определяет сам предмет и обязывает его выполнить себя самое, а в вымышленном – наоборот – предмет выбирает себе действие и выполняет его. В настоя-

щем мире действие – есть основа, фундамент и, если хотите, только это действие, только эта основа и существует. Всё остальное, включая предметы и тела, кажущиеся важными там и абсолютно неважные здесь – они лишь подтягиваются под необходимость выживания жителя этого мира, подтягиваются под необходимость того, что определённое действие должно быть выполнено, а поступок совершён. И всё это лишь для того, чтобы объект мог считаться живым, хоть и иллюзорно живым, но живым! Среди точно таких же иллюзорно живых и в действительности мёртвых объектов.

– А что тогда тут, в этом настоящем мире, делают объекты?

– Объекты важны, но важны примерно так, как человеческие руки важны в мире людей, – Артак кивнул головой в кромешной темноте, – ведь именно объекты становятся инструментами для выполнения каких-либо действий. Объекты всегда вторичны, действия же постоянно на шаг впереди. И необходимость в лидере, необходимость в первичном и определяет то, что именно из вторичного будет воплощено в физическом, в материально-иллюзорном мире людей. Ну, или другими словами, в том мире, в котором люди предпочитают жить только потому, что они его якобы «видят». Видят своими собственными глазами и «видя» даже не сомневаются в реальности того что им удастся разглядеть своим, специально усеченным природой, взором.

– То есть?

– То есть, нет и никогда не было, например, спящего человека – но всегда был и есть его сон, есть его дыхание и сердцебиение. Однако человеческий взгляд способен увидеть лишь спящего человека, но не растянутый во времени процесс. Нет бегущей собаки – но есть её бег, есть перемещение её лап и только, хотя глаза способны различить только движущиеся лапы бегущей собаки и её колышущийся хвост, а человеческий мозг тут же наделяет их правом производить эти действия. И делегируют им ещё одно право – право первопричинности, право быть источником, основанием этого действия – бега. Но, на самом деле – всё с точностью до наоборот. Есть бег, а собака появляется лишь для того чтобы удовлетворить возникшую природную НЕОБХОДИМОСТЬ в этом самом беге, – Артак говорил задумчиво и тихо, – подумайте тогда, реальна ли сама собака? Реальна ли, целостна ли эта совокупность соединенных между собой молекул, которую человеческая речь, полностью полагающаяся на человеческий взгляд, определяет как собаку? Я вам отвечу, – Артак хмыкнул в темноте, – нет, не реальна. Её попросту не существует. Нет никакой собаки. Есть просто бег. И нет никакого человека. Есть просто его сон. Да что там «его». Нет никаких притяжательных местоимений. Если бы мы с вами были людьми, то я мог бы сказать что нет ничего в мире, что можно было бы назвать моим или вашим. Потому что нет никого, кто мог бы что-то иметь. А есть только действие, есть процесс. И есть инструменты, необходимые для его произ-

водства и завершения. Без принадлежности к кому бы то ни было.

– И нет птицы в небе? – Агафья Тихоновна, хоть и находилась в крошечной тьме, зажмурилась, представляя новую для неё реальность. Ей было так удобнее фантазировать. Представлять.

– Нет, конечно, нет. Но есть полёт. Он более важен. А если быть точным – то только он и важен.

– И мы сейчас именно там где нет того, кто потерял сознание?

– Да, совершенно верно.

– А что же есть?

– Мы есть. Мысли и разговор. Рассуждения. Процесс. Ведь мы с вами не объекты, намертво привязанные к чьему-то телу, мы с вами и есть этот самый процесс, ради которого это тело, – Артак неопределенно кивнул головой, словно указывая направление, – это тело и было воплощено в видимой иллюзии. И есть природная НЕОБХОДИМОСТЬ в этих процессах – необходимость, которая удовлетворяется, используя его, – дракон ещё раз обвёл глазами пространство, – используя его тело как инструмент, а нас с вами – как необходимые процессы, которые и определили возникновение этого самого тела. И где-то здесь, наверное, должно быть и его потерянное сознание. Где-то рядом с нами. Потому как сознание – это прежде всего процесс и он может, даже должен существовать где-нибудь отдельно от тела или тел, как

бы человеческий мозг не старался их соединить в единую суть. И если оно, сознание, потеряно – его можно и нужно отыскать. Его можно даже пощупать руками, если вдруг появится такое желание.

– Я поняла. Где-то есть потерянное сознание, но нигде нет ни мыслящего, ни говорящего, ни осознающего. Нет никого, кто осознавал бы, что сознание потерялось, что его необходимо найти...

– Вы совершенно правы, в осознающем просто нет никакой необходимости. А вот необходимость осознавать есть – и она существует в полном объёме, – дракон кивнул головой, и хоть Агафья Тихоновна не смогла этого заметить в полной темноте, но она в полной мере прочувствовала драконий кивок.

Кивок был, и он был понят и принят, а вот кивающего не было – его скрывала темнота. Куда ни посмотри – того, кто кивнул нигде не было. И, возможно, не только не было нигде в пространстве, но и не было никогда во времени.

– А кроме нас тут есть кто-то ещё? Ну или хотя бы что-то?

– Есть.

– Что же это?

– Дыхание.

– И где оно?

– Отсюда и не видно, – Артак тихонько подул на Агафью Тихоновну, а точнее, выдохнул в ту сторону, откуда раздавался её голос, – отсюда не видно, но оно есть. Чувствуете?

– Да, чувствую.

– Дыхание питает не только человеческий мир – мир физических, материальных тел и объектов, но и подпитывает мир этот, – дракон оглянулся вокруг, и выдыхаемым воздухом обозначил свое местоположение, – мир действий. Мир действий и поступков. Потому что дыхание – это тоже процесс. Причем процесс, совершенно независимый от его участника. И неподвластный его воле, ибо дыхание, как я уже сказал – проявление следующего витка понимания, дыхание – это лестница, ведущая в небо.

– А если дыхание пропадет? Уйдет, устанет, испарится?

– Физическое тело погибнет.

– А мы? Что будет с нами? Мы останемся?

– Конечно, останемся. Для нас ничего не изменится, ибо с телом физическим мы связаны очень и очень слабо. Точнее – это оно связано с нами, это мы питаем его – мы даже даём ему необходимое для его существования электричество, но нам самим нет никакой насущной надобности в этом теле, кроме как... – Артак запнулся.

– Но если тело пропадёт, то пропадут и слова, которые оно может высказать, а значит – пропаду и я!

– Нет, нет, – Артак запротестовал, – вы не пропадёте. К тому времени, как тело обратится в прах, у вас может появиться новое воплощение. Так что особо переживать не стоит.

– Новое воплощение? Но какое? – акула была явно заинтересована сказанным и её чёрный лакированный глаз по-

блескивал любопытством.

– Мало ли какое, – загадочно ответил дракон, – да хоть чистый лист бумаги. Много ли нужно словам, чтобы существовать?

– Ах, – вскрикнула Агафья Тихоновна, – а ведь верно...
А вы?

– Я тоже не пропаду. Мысли – как состриженные и отделённые от тела волосы. Например, решил человек подстричься. Волосы упадут на пол и продолжают своё существование отдельно, тогда как голова этого человека, наполненная мыслями свежими и не очень, мыслями вечными и проходящими, своими и чужими – голова останется на своём месте и, кто знает, возможно, потом отрастит новые волосы. А, может быть, и не отрастит.

– И от чего это зависит?

– От её готовности жить без волос.

– А если упадёт голова? – не без иронии спросила Агафья Тихоновна.

– Тогда вы поможете мне найти новый дом, – быстро ответил дракон.

– Я? – удивленно воскликнула акула.

– Именно вы, – подтвердил дракон.

– Но как?

– К тому времени вы уже будете существовать на простом листе бумаги, – напомнил он многозначительно, – а я поселюсь где-то рядом и всегда буду витать вокруг этого испи-

санного словами и смыслом листа.

– Я понимаю, – акула кивнула, и опять материализовался именно кивок – этот самый что ни на есть реальный житель столь необыкновенного, и пока ещё непонятного акуле мира, – я понимаю.

На некоторое время воцарилось мысленное и словесное молчание. Оно было необходимо для того чтобы Понимание – ещё один невидимый житель этого необыкновенного мира, смогло родиться на свет.

Молчание было, но не было тех, кто молчит.

Не дракон молчал и не акула, а само Молчание выражало себя через дракона.

Само Молчание выражало себя и через акулу.

Существовал лишь процесс, растянутый над множеством объектов, а вот самих молчавших не было нигде, хоть глаз выколи...

Тут вообще не было ничего такого, что не являлось бы действием или поступком. Это был мир глаголов. Мир без имен существительных. И скорее всего, без прилагательных, ибо прилагательные способны только прилагаться к чему-то или к кому-то, то есть прилагаться к имени существительному. Или к местоимению. Прилагательные и должны прилагаться, как ясно видно из названия. Именно прилагаться к чему-то предметному. А здесь прилагаться было не к чему.

Были только действия и всё.

– Что же нам делать? – Агафья Тихоновна беспомощно развела плавники в сторону.

– Наблюдать. Пока мы существуем, и более того, пока мы есть, пусть даже в этой крошечной темноте – можете считать, что он в безопасности.

– Как же это?

– Если темнота исчезнет сама собой, – Артак глубоко вдохнул, – это может означать только одно – его физическое тело ушло, и эти тёмные, телесные, материальные границы, загромождающие нам с вами весь существующий свет и невидимую сейчас даль, рухнули.

– А если темнота исчезнет, но не сама собой? – Агафья Тихоновна явно что-то задумала, однако не торопилась поделиться своими мыслями с драконом.

– Что вы имеете в виду? – Артак наморщил лоб, пытаясь предугадать её мысли.

– Ну если темнота исчезнет не сама собой, а с чьей-то помощью?

– Я думаю что в этом случае мы с вами покинем мир действий и вернёмся в более привычную людям вселенную – в мир предметов – в мир, где предметы пытаются главенствовать над поступками. И, конечно же, – Артак немного подумал, – конечно же, сознание вернётся к своему хозяину. Однако, оно вернется вместе с болью и непониманием, ко-

которые всегда сопровождают тела на их предметном, физическом уровне.

– Вы предлагаете...

– Я предлагаю просто наблюдать. И что бы ни произошло – именно это действие будет верным и правильным.

– А я предлагаю нечто иное.

– Что же? – в мыслях Артака звучала заинтересованность.

– Я предлагаю действовать! И раз мы в мире действий, то давайте этим воспользуемся! Давайте разведём огонь. Я, например, смогла бы достать дрова и спички. И мы вместе смогли бы развести большой и яркий костёр. Ведь это действие вполне в наших силах... Возможно, это поможет... Костёр смог бы дать свет, столь необходимый ему чтобы проснуться.

Дракон, одновременно удивлённо, и с изрядной долей восхищения повернулся к Агафье Тихоновне и прошептал уже не мысленно, но вслух:

– В наших. Вполне. Конечно, поможет. Действительно, как я сам не подумал... Да если и просто наблюдать... При свете-то виднее...

– Ну конечно! При свете от костра мы наконец-то сможем увидеть всё то, что нас окружает.

– Вы правы, – только и произнес дракон, – но ведь самого костра здесь не будет. Будет лишь горение. Процесс. Будет лишь действие, дающее нам свет и тепло.

– Ах не все ли равно, – возразила акула, одновременно

кивнув головой, – будет костёр или нет, лишь бы был свет, который он даёт.

– Вы правы. Если возникла необходимость в свете, то костёр – лишь инструмент, которым эта необходимость пользуется, да и мы с вами – тоже. Всегда надо учитывать то, в какой из реальностей ты находишься, – Артак усмехнулся, – и если необходимость возникла, то не нам с вами с нею спорить. Тем более, что нас-то тут и нет. Здесь существуют только лишь наши действия и поступки.

Агафья Тихоновна, не мешкая более ни мгновения, как всегда, используя свою способность доставать всё что угодно напрямик из ниоткуда, начала с того что достала из-за спины мощный электрический фонарь. Она крепко держала его в плавниках и направленным лучом освещала пространство вокруг себя. Судя по всему, акула искала место для костра. Правда, было непонятно – могло ли быть в этом мире какое-либо место, ведь само место – это предмет, а даже если не предмет, то уж никак и не действие.

В какой-то момент луч фонаря выхватил из темноты драконью голову, повернутую в направлении светового луча.

Артак с интересом наблюдал за действиями Агафьи Тихоновны, однако не вмешивался и сохранял полное молчание. Не только словесное, но и мысленное. А его морда время от времени принимала насмешливое, но совсем не злое выражение. Да, да, выражение морды было, и оно было иро-

ничным, может быть даже немного ехидным, а вот самого выражающего – того, кто выражал эту насмешку и иронию – нет. Не было его, да и не могло быть. Никак не могло. Такова была физика данного мира.

– Смотрите, – акула поднесла к глазам какой-то осколок, валяющийся в ногах, и случайно попавший в луч фонаря, – смотрите, – она протянула его дракону, – зеркало.

– Да, зеркало, – дракон внимательно рассмотрел осколок и вдруг улыбнулся, как-то широко и по-доброму, – а вы знаете, – он замешкался, словно споткнулся о какую-то мысль, – знаете, это ведь очень хорошо.

– Хорошо, что зеркало?

– Хорошо, что есть хоть что-то.

– ???

– Если бы не было совсем ничего, боюсь, это бы означало, что мы его потеряли.

– Да? Тогда, конечно, хорошо! Хорошо, что есть хотя бы зеркало, – Агафья Тихоновна шумно и с облегчением вздохнула, однако, так до конца и не осознав сказанное.

– Зеркала нет, – Артак задумчиво всматривался в остроугольный кусок покрашенного стекла, от которого отскакивал электрический свет фонаря, – но есть его способность отражать. И знаете, этого вполне достаточно.

– Ах, да, я и забыла, – акула повторила про себя, как хорошо заученный урок, – зеркало существует только в наших умах, привыкших к объектам. Здесь же существует толь-

ко его способность – и эта способность – отражать свет, – она повторила, словно заучивая и покрутила в плавнике ещё один зеркальный кусок. Таких кусков и кусочков здесь было разбросано огромное количество. – Но откуда здесь эти осколки?

– Это может означать только одно, – Артак отстраненно рассматривал битое стекло, – только одно. Одно и ничего кроме этого.

– Что же?

– Кроме нас с вами где-то здесь должно существовать и его потерянное сознание, не так ли?

– Да, – Агафья Тихоновна все ещё не понимала куда клонит дракон, – но сознание, как объект, здесь существовать не может, не так ли?

– Как объект – нет, но шутка в том, что все эти действия и процессы, которые вполне и с комфортом могут здесь разместиться, – Артак обвел взглядом темное пространство, – должны существовать именно где-то, понимаете? И сознание, как ничто другое, идеально подходит на роль большого и доброго дома для всех этих процессов. Дома для всех этих процессов и действий, которые реально существуют здесь, – он немного помолчал и неуверенно добавил:

– Здесь, в сознании. И похоже на то, что мы нашли это здесь. Похоже на то, что мы нашли его сознание. Правда немного разбитым, – Артак запнулся.

– То есть...

– То есть, его сознание и этот дом, выстроенный из зеркальных, а сейчас – разрушенных стен – суть одно и то же.

– Зеркало? – Агафья Тихоновна запнулась на полуслове и вдруг с удивленным вскриком прикрыла пасть передними плавниками, – я поняла! Я поняла! Дом с зеркальными стенами!

Дракон усмехнулся и немного грустно продолжил:

– Я думаю, именно так оно и есть. И этот мир, являющийся всего лишь нашим домом, и человеческое сознание, и эти разбитые зеркальные стены – всё одно и то же. Это дом для мыслей и слов. И сейчас этот дом, в котором мы с вами и живем, внезапно, и по независящим от нас причинам, был некоторым образом разрушен, – Артак продолжал крутить в лапах зеркальный осколок, – а если дом разрушен, то от дома остаются развалины, не так ли? А что здесь? Здесь осколки зеркала. Насколько я могу понять никаких других развалин тут нет. Значит, именно эти осколки и были нашим общим домом.

– Дом-то разрушен, – задумчиво проговорила Агафья Тихоновна, – но мир-то остался.

Артак посмотрел на неё многозначительно.

– Остался, – кивок не замедлил себя ждать, – остался, – повторил он и усмехнулся, – и это лишний раз доказывает некоторую несущественность одного дома на застроенной улице. Или даже в застроенном домами городе. Или на планете. Мир продолжает существовать в любом случае.

– А осколки зеркала?

– Не беспокойтесь о них, – дракон помедлил всего лишь одно мгновение, – как видите, они никуда не делись, и каждый проходящий мимо и имеющий глаза может заглянуть в любой приглянувшийся ему осколок, и кто знает, возможно, внимательно смотрящий сможет разглядеть там что-либо интересное...

– Вы думаете...

– Я думаю, что даже в случае физической, телесной смерти человека, эти зеркальные осколки растворятся в общей картине существующего мира. Они впадут в общее мироздание так, словно река впадает в море. И, соответственно, они немного изменят это море, немного изменят это общее, реально существующее. Если, конечно, к тому времени будет чему впадать и будет чему растворяться... Ведь многие люди так и живут даже не имея этого зеркального дома! И несмотря на это, они иногда чувствуют себя счастливыми... Но живут ли они? Вот в чём вопрос?

– Да, да, – акула о чём-то сосредоточено думала, – я понимаю. А все процессы, происходящие тут лишь наполняли этот дом жизнью, так?

– Похоже на то, – согласился Артак, – но не все процессы можно назвать этим громким словом, которое так любят повторять люди. Я имею в виду слово «жизнь».

– Но ведь мы с вами остались!

– Да, но это совсем не меняет сути. Мы никуда и не мо-

жем деться. Не забывайте, что мы с вами отнюдь не бесплатное приложение к любому жилищу, сродни выдуманного и прикрепленного к дому кобольда или домового, мы с вами – самостоятельная и очень мощная сила – сила творящая, созидающая, формирующая. И вовсе не человек пользуется нами, а наоборот – это мы управляем человеком, мы и создаём его. И если управление – наше с вами дело, то это, – дракон повертел в лапах зеркальный осколок, – то это и наш дом, а значит – нам тут и убираться. Ведь в любом доме всегда должно быть чисто, не так ли? – Артак засмеялся, – и кроме того – и мысли, и слова, точно так же, как и бесконечно отражающие зеркала – всё это может уже быть или только ещё стать родным и близким, вожделенным и долгожданным, желаемым домом для человеческого сознания. И это значит что у нас с вами всего несколько вариантов – мы должны прибраться или в уже давным-давно существующем – в нашем собственном, общем доме, или восстановить дом разрушенный, понимаете? Или ещё один, последний вариант, не сильно благоприятный для него, – Артак посмотрел куда-то вверх, неопределённо, – мы с вами должны найти себе новый дом, ну или стать домом для кого-то ещё, – дракон мелко и безостановочно закивал головой, как будто сам Кивок – абориген этого мира – задержался в гостях и не торопился уходить, – или блуждать в темноте, пока наш новый дом сам не отыщет нас, что, конечно же, тоже является одним из возможных вариантов.

– Но ведь это зеркало разбито, а не потеряно! – акула повысила голос, – разбито – значит уничтожено, не так ли? Наш дом разрушен, да, согласна. Разрушен, но не потерян. И значит, наш дом можно восстановить, пусть даже если из мельчайших осколков. А его, – Агафья Тихоновна показала плавником куда-то вверх, показала неопределённо, словно кружась в танце разговора, – его сознание всего лишь потеряно, не так ли? Потеряно, но цело? А если так, то его можно найти с помощью самого простого луча света, созданием которого мы с вами сейчас и озабочены. Но если с его помощью мы находим лишь мелкие осколки зеркала... – Агафья Тихоновна помолчала всего лишь одно мгновение, – это значит что зеркало было не только потеряно – оно было разбито... Но тогда... Тогда он стал бы безумен, ведь так? Осколочное сознание... – акула говорила невпопад, – и у каждого осколка свой собственный луч. И каждый луч светит в своём собственном направлении. Получается что некогда цельное сознание раздробилось на миллионы частей. Продолжает ли оно в таком случае существовать? Может ли оно принести своему хозяину что-то полезное? Или, кроме безумства, нам ничего более ждать не приходится?

– Безумен? Вы думаете, он стал безумен? – дракон рассмеялся, – нет, нет, что вы. Безумие – то самое безумие, которое вы имеете в виду – одно из редких, можно сказать – редчайших проявлений человеческой многогранности. Такое безумие – точно такой же инструмент эволюции, как и любая дру-

гая мутация – мутация физиологическая, телесная. По сути своей, как общепринятое безумие, так и общепринятая нормальность – это одно и то же, это плоды одного дерева, и даже плоды всего лишь одной его ветки – ведь и там и там сознание присутствует в полном объеме. Запомните это, – дракон поднял лапу, – в полном объеме! Ведь вы же не будете отрицать, что здесь, в этом месте, сознание, хоть и разбито, но сохранено? И что при большом желании мы смогли бы восстановить зеркальные стены нашего общего дома и продолжить бесконечно отражаться от них? Или смогли бы мы, например, создать единое и цельное зеркальное полотно из тех самых осколков что разбросаны перед нами? – Артак вдруг запнулся, внимательно посмотрел на Агафью Тихоновну и повторил:

– И продолжить бесконечно отражаться от стен нашего общего дома.

Он замолчал, и в этом молчании было больше смысла чем во всех валяющихся то тут то там разбитых зеркальных стенах.

– Нет, – вдруг произнёс дракон, – нет и ещё раз нет, – он протянул лапу к акуле и мощно схватил её за плавник, – знаете что я вам скажу? – Артак не стал ждать ответа и продолжил:

– Я вам скажу что разбитое зеркало – это прежде всего свобода. Это освобождение, которое рано или поздно должно было произойти. Это разрушение иллюзий тысячи взаим-

ных отражений, это потеря не дома – это потеря искажений, которые несут эти разноугольные отражения. Это потеря старой, тесной будки с маленькими подслеповатыми окнами в мир. Это обретение новой и современной крыши над головой – безначальной и бесконечной – как сам мир, в котором мы оказались. Это постоянная и ничем не ограниченная защита. Это – благо.

– Разрушение нашего дома – благо?

– Конечно, – Артак был в самом что ни на есть замечательном расположении духа, – разрушение зеркальных и отражающих друг друга стен – самое высшее благо. Это начало познания и обретения бесконечности.

– Вы хотите сказать что он умер?

– Я хочу сказать что он освободился, – поправил Агафью Тихоновну Артак, – освободился, понимаете? Да, вы правы, некоторые люди получают столь долгожданное освобождение только с физической смертью своего тела – это то несчастное большинство, которому предстоит ещё очень долгий путь; а количественно незначительное – то думающее меньшинство, и более того, только некоторые из них – получают свободу при жизни, и тогда у них нет иного пути, кроме как отражать падающий на них отовсюду свет – и отражать его в бесконечность. И нет у них другого предназначения, кроме как светить другим, кроме как...

– Отражать свет в бесконечность? – даже в полной темноте было видно как Агафья Тихоновна широко открыла глаза.

– Да, да, да! И значит, наша задача – собрать все до единого осколки, но не для постройки новых старых стен, а для строительства ровного, гладкого и, следовательно – правдивого и всего лишь ОДНОГО зеркала, которое отныне и будет нашим домом. Отныне – мы с вами странники этой зеркальной поверхности, странники, чьей крышей является одно лишь небо, а стенами – весь мир.

– А сможет ли эта поверхность укрыть нас от непогоды так, как это делали бывшие стены? – Агафья Тихоновна кивнула на зеркальные осколки.

– Нет, – Артак крикнул так громко, что зеркало в его лапе завибрировало, сначала тонко, потом гуще, нарастая, – непогода отныне – наша стихия, и более того – она – наша единственная стихия. И нет нам никакой нужды от неё укрываться, ибо она – и есть мы, она – есть наша суть. Бунтарство ради порядка... Укрыться от себя? Стоит ли? Нужно ли?

– Мы слились с вечным?

– Мы создали его.

– А то, что было до нас? До нашего созидания?

– И это были мы.

– Единое сознание?

– Тоже мы.

– Единое?

– Одно-единственное, цельное и нерушимое.

– И это не сумасшествие?

– Выражение единого сознания и его трактовка, его ин-

терпретация – одним словом, человек – конечно, может считаться безумным, по безоговорочному праву большинства, ибо это право незыблемо в человеческом обществе, но только у этого самого большинства. У большинства, которое само определило себя нормальным, понимаете? Ведь, когда дело касается человека, ещё никто не смог определить это понятие – понятие нормы. Никто не смог определить и никто никогда не сможет его определить. Потому как нет его, нет этого понятия, да и быть не может. Для того чтобы определить внутреннее надо быть глубоко снаружи. Для того чтобы увидеть правду – необходимо стать вне её, необходимо покинуть её – следовательно, необходимо стать ложью. И поэтому так необходимо в любом из существующих миров наличие и того и другого, ибо одно бессмысленно без своей противоположности, бессмысленно и даже противно. Вся природная правда теряет свой высший смысл в отсутствии лжи, – Артак мягко отпустил акулый плавник, – так что абсолютно всё, что существует в природе – нормально. Всё что существует – норма. И только человеческое общество считает что норма – это качества, присущие большинству его членов. Однако, это не норма. Это голосование. И при таком голосовании все остальные качества, могущие быть полезными, и более того – полезными этому самому обществу, считаются отличными от нормы, то есть ненормальными. И всё. Точка. В любом обществе принято так считать, и принято так считать, к слову будет сказано, этим самым большинством, – дракон ещё

раз залиvisto рассмеялся, – и знаете что я вам скажу по этому поводу? – не дожидаясь ответа, он быстро продолжил:

– Бойтесь большинства, как огня. Даже более того – как только вы отнесете себя к большинству, к любому большинству – знайте – с вами уже что-то не так. Большинство, как бы оно ни выглядело изнутри этого самого большинства, или снаружи него – всегда ошибается. Но ошибаясь, оно, к моему большому сожалению, продолжает диктовать правила этой игры, называемой жизнью, и к моему большому счастью – диктует лишь в той её части, где игра – всего лишь игра. Большинство диктует всем – и себе, и незаметному в его тени меньшинству. Большинство диктует правила, которые каждый может принять, опутав себя ими как лианами, ограничивающими свои собственные действия; или отказаться принимать, легко разорвав этим своим отказом стягивающие их движения веревки. И отказавшись, стать, хоть на самую малость, но более свободными. Кстати, впоследствии, только эти отказники смогут назвать игру жизнью – полной и всеохватывающей. Ибо лианы уже не сковывают рук играющих, но всё-таки продолжают висеть на их руках, как вожжи, – Артак замолк на мгновение, – а вожжи, как известно, даны кучеру для того чтобы лошадь избрала нужное ему направление. И общественная лошадь послушно семенит по избранной кучером дороге, иногда переходя на аллюр или галоп, опять-таки, по желанию возницы. И направление самой дороги, как и правила дорожного движения – а значит, и прави-

ла самой жизни определяет и устанавливает тот, кто распутался; тот, кто свободен от марионеточного мышления; тот, кто может танцевать не боясь падения; тот, кто продолжает держать веревки, спутывающие пляшущих в своём беге лошадей уже в своих руках, и более того – диктующих им эту пляску. И эти люди как раз и есть то меньшинство, которое отказалось принимать правила игры, общие для всех, отказалось принимать и поддерживать мысли и действия большинства.

– А если выкинуть веревки? – акула невольно подалась чуточку вперед, словно хотела услышать ответ дракона хоть немного, но раньше.

– Если выкинуть веревки... – глаза Артака блеснули жёлтым... – Тот кто выкинул верёвки из своих рук может по праву считаться меньшинством из меньшинства, – он захотел, – ибо и в меньшинстве всегда будет своё большинство, и по сравнению с меньшинством меньшинства оно тоже будет ошибаться. И полностью отказаться от управления, полученного хоть и по праву, пустить повозку по воле ветра могут совсем немногие.

– Но почему большинство всегда ошибается? – акула внимательно слушала, и чувствовалось что эта тема ей интересна.

– Потому что природа не заинтересована в мыслящем большинстве, – серьёзно ответил дракон, – потому что природе необходимы исполнители её потребностей, а никак

не их инициаторы. И именно поэтому любое большинство всегда будет использоваться самим обществом для наиболее неквалифицированной работы – несложной умственно, но сложной физически. Природе нет НЕОБХОДИМОСТИ в более чем паре-тройке одарённых людей на сотню-две. Если же речь заходит о гениях, то можно говорить и об одном на миллион, а то и на миллионы, – Артак откашлялся и закончил:

– А если у природы нет такой необходимости, то соответственно, она и не будет реализована тем самым сознанием, о котором мы говорили – сознанием цельным и неделимым, сознанием всеобщем. Ибо реализовываются только необходимости, но никак не желания, кому бы они ни принадлежали.

– Но кто определяет эти самые необходимости? – Агафья Тихоновна вся превратилась во слух, – тот, кто держит верёвки в своих руках?

– Нет, – дракон невесело усмехнулся, – тот, кто держит верёвки лишь руководит. А тот кто нашёл в себе мужество их бросить – тот и определяет действия тех, кто руководит. Потому что имеющий столь поразительное мужество сам превращается в природу, и следовательно – сам определяет эти природные необходимости, которые неизменно реализуются через держащих, а уж потом – через скованных.

– Но кто же это?

– Кто? – Артак громко рассмеялся, – я не знаю кто. Но

одно я точно знаю – каждый ДУМАЮЩИЙ участвует в процессе.

– Каждый?

– Без исключения.

– Вы говорите серьёзно? – Агафья Тихоновна внимательно смотрела прямо в глаза Артака, которые вновь осветились жёлтым солнечным светом.

– Как никогда серьёзно. Но сейчас это не главное, к этому вопросу мы с вами вернемся в своё время. Сейчас речь не об этом.

– Да, да, – словно опомнившись от сна, акула встрепенулась, – сейчас есть вещи и поважнее. Итак, насколько я поняла, мы нашли разбитое человеческое сознание, так ведь? Разбитое, но не потерянное, да?

– Всё так, всё так, – Артак продолжал мелко и часто кивать головой, держа в лапах зеркальный осколок, – всё так, хотя может быть и совсем наоборот. Разрушенный, а не потерянный дом, как и разрушенное сознание, может говорить нам лишь о глубине возникшего вопроса, но отнюдь не о невозможности его решения, – дракон подобрал ещё один осколок и попытался совместить их, держа в передних лапах, и вдруг улыбнулся так чисто и искренне, что от одной его улыбки вокруг стало светлее, а мысли прояснились сами собой, – милая Агафья Тихоновна, ну конечно же, сознание не только разбито! Оно совершенно однозначно потеряно! Совершенно однозначно! Потеряно! – дракон громко и весело

рассмеялся, – Потеряно! Потеряно! Никаких сомнений более!

– Но почему?

– Ответ, как всегда, кроется в самом вопросе! – Артак пришёл в замечательное расположение духа, – ведь вы только что сами сказали что мы его нашли, правильно?

– Да! Нашли! И что?

– А то что найти можно только что-то утерянное, ну или брошенное, что в данном случае одно и то же, – Артак опять улыбнулся, – вы знаете, мне кажется, я наконец-то понял.

– Что поняли?

– В этом мире нет предметов, но есть действия. Однако и сами предметы тут все-таки сохраняют свою сущность, сохраняют энергию материи, из которой они состоят, просто в этом мире они становятся невидимы точно так же, как, например, в материальном, в человеческом мире мы с вами не в состоянии увидеть эти самые действия или процессы. Там мы способны разглядеть только их следствия – предметы. Но и действия, и процессы, и предметы физического мира – все они сохраняют свою сущность в любом из миров, однако видимы и осязаемы, ощущаемы они становятся только в своих родных пространствах. Ну, например, мы видим лопату и можем копать, но само «копание», которое можно было бы каким-либо образом зафиксировать в едином моменте, да хоть на фотографии – в человеческом мире предметов и вещей отсутствует. А если быть точнее, то оно есть, но про-

сто-напросто растянуто во времени и мы не можем взять его, зафиксировать, вырвать из бытия, не можем положить в карман. А лопату, как предмет – вполне себе можем. Пока понятно?

– Да, да, – Агафья Тихоновна сосредоточено кивнула, – понятно, продолжайте.

– Здесь же всё с точностью до наоборот. Процессы – вот они, бери и пользуйся, хочешь – в карман клади, хочешь – в кладовку спрячь, тогда как зафиксировать и положить в карман какой-либо предмет не удастся. Не потому что их здесь нет, а потому что они тут невидимы, и возможно, растянуты, если не во времени, то в чём-то другом, и поэтому не подлежат никакой мгновенной фиксации. Понятно?

Агафья Тихоновна недоверчиво усмехнулась и взяв осколок зеркала молча положила его в карман пальто.

– Ну как же нет, когда вот он – предмет. И вот он уже в моем кармане, – акула мерзко захихикала, чувствуя свое превосходство, но быстро осеклась, глядя на серьёзное выражение морды Артака.

– Ах, почему так часто слова опережают мысли? – воскликнул дракон, потом глубоко, но не тяжело вздохнул и продолжил:

– Этот предмет виден вам, ибо вы сами по себе представитель совершенно другого мира. Вы можете его видеть точно так же, как видите меня или себя, понимаете? Однако, вас здесь нет, по крайней мере для жителей этого мира мы невидимы.

димы и бестелесны. Вы, с их точки зрения – лишь невидимое действие, как, например, с вашей точки зрения невидим в застывшем мгновении сам процесс копания. А видимы для них, и более того – мгновенны и подлежат фиксации лишь наши действия и наши поступки. Нас же самих здесь нет. И точно так же, живущие тут аборигены неразличимы для наших органов восприятия. Вполне возможно, что этот мир и сейчас полон различных событий, однако мы с вами, как и раньше, в состоянии увидеть глазами только сами предметы, которые вызывают эти события, ну или наоборот – предметы, которые являются следствием этих событий, понимаете? Ну а сами по себе – физические, материальные предметы, к которым все так привыкли в мире людей, для местных жителей они невидимы! Как невидимы для них и мы с вами.

– Так здесь есть кто-то ещё? – акула быстро осмотрелась, держа в плавнике фонарь, и совершенно внезапно, вдруг поняв то, что ей втолковывал дракон, опустила плавник. На её морде было выражение изумления и восторга, – я поняла! Здесь нет, да и быть не может никого, кого бы мы могли увидеть, но тем не менее этот мир, как и любой другой, полон жизни, которую наши органы чувств просто-напросто не способны заметить и зафиксировать! Эти состояния, действия, поступки и движения, которые мы с вами просто-напросто не расцениваем как проявление жизни, а расцениваем как её следствие, так?

– Ну наконец-то! – Артак кивнул и замолчал.

– И что же нам делать?

– Для того, чтобы вернуть сознание его хозяину, если он его просто потерял, нам с вами было бы вполне достаточно найти его в этой крошечной тьме, что мы уже сделали. И для этого вполне сгодился ваш фонарь, – Артак глубоко вздохнул, – но ситуация серьёзнее. Сознание не только потеряно, но и разбито. Это может говорить о многом. И в большинстве своём – о неприятном. Впрочем, в меньшинстве своём – об очень даже приятном, – Артак засмеялся высоко поднимая голову и освещая жёлтым небосвод этого удивительного мира.

– Например? – быстро отреагировала Агафья Тихоновна.

– Мы не знаем как выглядело сознание ДО того как оно было потеряно. Если оно было целым – одно, а что если оно было разбитым изначально? – Артак немного повысил голос, – что, если собрать сознание в единый цельный кусок и есть задача этой игры, которые люди называют человеческой жизнью? Что, если только сам человек в состоянии собрать из осколков целое? Что, если каждому при рождении даны лишь осколки целого зеркала, но именно те осколки, из которых можно, и даже жизненно необходимо сложить это серебряное полотно в полном его размере и в полной же его красе? В ровной и неискажённой красе? Что, если у каждого новорождённого внутри есть все необходимые осколки от этого зеркала, и только собрав, соединив их воедино станет возможен переход ребёнка в человека, и уже человека – да-

лее, на новый уровень? Что, если целое и цельное зеркало всеобщего сознания было разбито изначально, возможно даже специально – разбито и разьединено непосредственно перед рождением тела? Что, если каждое тело и есть отдельно взятый осколок, и лишь осознание цельности бытия, осознание цельности всего живого на земле способно соединить разьединенное? Что, если собрать эту головоломку, познать отражённую сознанием картину целого и есть та единственная цель и тот одинокий смысл человеческой жизни? Что, если так? – Артак понизил голос до шёпота, – тогда мы не то что не должны, мы просто не имеем права вмешиваться в этот процесс. Тогда, если мы хотим действительно помочь – мы с вами должны лишь найти потерянные осколки, найти и вернуть их хозяину, что мы уже и сделали. И всё... Лишь одно мы можем знать точно...

– Что же? – встрепенулась Агафья Тихоновна.

– Мы знаем что собрать можно лишь разрушенное. А это значит, что когда-то из этого зеркала был выстроен дом.

– Когда?

– Это неважно. В этой человеческой жизни или в прошлой, человеческой ли – неизвестно, – Артак задумчиво перебирал осколки, – но дом-то был, одно это точно...

– Но как мы это узнаем?

– А никак, – Артак неопределённо махнул головой, – никак не узнаем.

– Ничего?

Артак молча покачал головой из стороны в сторону.

Отрицание – этот местный житель, этот абориген, тут же обрёл своё телесное воплощение. Не было отрицающего, не было никого, кто смог бы сказать «нет», но само отрицание было, оно уже обрело материальную телесность и осязаемость.

Удивительный, удивительный мир поступков и действий!

Дракон, тем временем, продолжал:

– Одно лишь тело способно ощущать. Самое обыкновенное физическое тело способно изведывать свой мир, подбираясь, тем самым, к миру следующему. И в этом его уникальная, ничем не заменимая роль – вести своего обладателя к знаниям и к ответам. И на ваш вопрос тоже, – дракон рассмеялся, – так что мы с вами никак не узнаем, мы можем лишь предполагать умозрительно, мы можем лишь догадываться, понимаете? И только человеческое тело, состоящее из привычных и видимых людям атомов и молекул, одно лишь тело, облепленное способностями чувствовать, точно так же, как бетонный пирс испещрён и исстелен ракушками, только эта единая совокупность материи способна, благодаря своим внутренним, материальным ощущениям, дать правильный ответ на любой уже существующий или ещё только возникающий вопрос.

– А мы? – Агафья Тихоновна внимательно слушала и ино-

гда кивала головой, словно в знак поклонения местным жителям, в знак понимания.

И точно так же, как минутой ранее Отрицание материализовалось и заполнило собой существующее тут пространство – как только акула кивнула головой в знак понимания – вдогонку отрицанию появилось и оно – это самое Понимание – пришло как хозяин, смешалось с отрицанием – но не умаляя, а поддерживая; не урезая пространство первому, а разделив его с ним. Не угнетая, но помогая отрицанию раскрыться.

И это лишний раз подтверждало лишь то, что понимание и отрицание – и не враги вовсе, а добрые, закадычные друзья, всегда идущие рука об руку, и вполне себе способные существовать в едином мире, и даже более того – не способные существовать одно без другого.

Да и бывают ли враги? Скорее нет – бывают лишь учителя, бывают зеркала, бывают отражения, но враги? Нет, не существуют они ни в одном из миров, ибо равновесие всего со всем – универсальная схема построения любого мира.

Вполне насладившись появлением нового гостя, Агафья Тихоновна повторила вопрос:

– А мы? На что способны мы с вами?

– Мы? – Артак мягко и как-то округло засмеялся, – мы с вами способны на всё остальное, – он добавил немного резкости в свой смех, и круглое тут же обрело углы, – мыс-

ли способны СОЗДАВАТЬ то, что тело смогло бы ощущать впоследствии. Мысли, в отличие от привычной людям материи безотносительны, мысли абсолютны, они способны только творить, но они не способны чувствовать. И уже потом, нечто телесное, сотворённое этим мысленным потоком, может как чувствовать, так и быть прочувствованным. Мысли же навсегда остаются в мире поступков и действий и не покидают его ни на одно мгновение. Мысли сходятся в уровне НАД предметами, ибо именно они их и сотворили.

– Значит вы живёте здесь? – Агафья Тихоновна покрутила головой осматриваясь, – но как тогда вы появились там? – она имела в виду человеческий мир.

– По зову мыслящего, – просто ответил Артак, – никак по-другому мне не попасть туда.

– Я понимаю, – акула кивнула и на мгновение задумалась.

– Что могут мысли я поняла, но речь? Что я могу? На что способна?

– Речь способна выражать мысли и описывать ощущения, – Артак задумался на мгновение и замолчал, но тут же продолжил:

– Речь, точно так же, как и мысль не в состоянии чувствовать, но в состоянии описать эти чувства, она не в состоянии творить, но она способна описать любое из творений. Речь – как наскальная живопись человечества, речь – как связующее звено между творящей мыслью и творимым предметом. Речь – клей, их скрепляющий; речь – их общая смола, речь

– это цемент всей стройки, раствор для всего строительства.

Акула кивнула, словно поклоняясь пониманию, и просто спросила:

– Что же нам делать? Что же нам делать?...

Она в растерянности водила фонарем из стороны в сторону, и осколочные отражения электрического света окружили собеседников со всех сторон, как светлячки.

– Я думаю, – в который раз дракон повторил это словосочетание, – я думаю, мы должны собрать и соединить все осколки воедино. Вернуть им целостность и вместе с ней и их способность отражать. Ведь только целое способно отражать безошибочно.

– Но... – акула слабо запротестовала, – ведь вы только что сами говорили что не наше это дело! Как же так?

– Да очень просто, – всё ещё круглый, но пока плоский смех дракона приобрёл объём и шаровидную форму, – если его сознание разбито недавно, то мы с вами просто исправим это, собрав и склеив все осколочки до единого.

– А если... – акула не успела договорить, дракон перебил её, уже отвечая.

– А если сознание было разбито изначально, – он хитро улыбнулся, и Отрицание с Пониманием потеснились, пуская нового гостя, – если сознание разбито изначально, и собрать его – цель человеческой жизни, то как вы думаете, он поступит очнувшись?

– Я... Я не знаю...

– Мы можем предположить что он и будет выполнять своё предназначение, не так ли?

– Возможно, – Агафья Тихоновна впустила нового гостя, и Сомнение уселось рядом с Радостью, которая появилась здесь вместе с улыбкой Артака.

– Не возможно, а именно так, – Уверенность потеснила Сомнение, но не убрала его целиком, – потому что любое действие – неважно – считается оно хорошим или плохим, абсолютно любое человеческое действие приводит к накоплению опыта, а опыт ведёт к знанию, а знание – к единству. И поэтому любой человеческий шаг, любой поступок – всегда ступенька вверх, а выбора, как такового, и вовсе не существует.

– Допустим, – согласилась акула и Принятие подвинуло Сомнение.

– А это значит что и наши действия, если мы, конечно, сможем что-либо сделать – смогут привести его только в то же самое место, куда бы он и так двигался, даже без нашего с вами участия, понимаете? Поэтому, **ЕСЛИ МЫ МОЖЕМ – ТО МЫ ДОЛЖНЫ!** Эта простая формула годится для всего и для всех. Если ты можешь – то должен. Сознание просто необходимо собрать воедино, ибо это именно то, чем занялся бы он сам, имея такую возможность. А мы с вами её имеем. Значит – мы должны. Мы просто не имеем права поступить по-другому.

– Ах, вот оно что! – Агафья Тихоновна наконец поняла

что имел в виду Артак, и Понимание тут же залезло на плечи Принятию и Сомнению.

Отрицание собралось и вовсе уходит, а Радость, которая всегда сопровождает Понимание весело оглядывалась уже со своей новой высоты, – конечно, конечно. Это же так просто! Как я сама не догадалась, – она тут же вскочила, демонстрируя свою готовность к действиям.

– Для того чтобы вернуть сознание его владельцу нам нужно не только собрать все до одного осколки и осколочки, включая даже стеклянную пыль, не только соединить их в абсолютно правильном порядке, не перепутав ни одного, даже самого незначительного элемента зеркальной мозаики, но и скрепить между собой, чтобы никакой порыв ветра не смог разбросать их снова, – Артак неуверенно покачал головой, – и это очень кропотливый труд, ибо отсутствие даже крошечной зеркальной пылинки будет давать искажение изображения. И вот этого нельзя допустить ни при каких обстоятельствах. Более того, мы с вами должны будем вернуть этому зеркалу его способность отражать.

– Скрепить их между собой... – задумчиво повторила Агафья Тихоновна, – но чем?

– Чем? – Артак в который раз рассмеялся, – конечно же, знаниями, которые неизбежно вытекают из рассуждений и наших попыток понять пока ещё непонятное.

Акула кивнула. Она была полностью согласна с такой постановкой задачи. Возможность скрепить зеркало сознания

знаниями её совсем не удивляла.

– А как мы вернем ему способность отражать?

– Для этого вашего фонаря мало, – дракон кивнул на акулий плавник, в котором был зажат направленный пучок электрического света, – для этого как раз и понадобится ко­стёр, о котором вы говорили. Зеркало и свет – все что нужно чтобы способность отражать вернулась сама собой. И эта способность, как действие, как процесс, сможет органично вписаться в этот мир – она заработает именно здесь, и заработает в правильном ритме, а значит и вернет недостающую часть себя самой туда, откуда мы пришли. А пока что здесь ничего и нет, ведь и мы с вами, как и другие предметы не в счет. Да, да, мир действий – он такой, – Артак с улыбкой посмотрел прямо в глаза Агафье Тихоновне и её окатило жёлтым драконьим взглядом.

Кивок. Согласие обняло Понимание и уселось рядом с Радостью, ещё немного потеснив Сомнение.

– Приступим? – акула была готова действовать прямо сейчас, – наполним этот мир смыслом?

Артак, казалось, не расслышал её и продолжал говорить:

– Для того, чтобы вновь собранное сознание смогло отражать реальность целиком, а реальность – опять-таки, целиком отражать сознание, кроме самого сознания или проще говоря – зеркала – это уж как вам будет угодно – нам

необходим, как мы уже не раз говорили – свет. Единственное, что нам действительно необходимо – свет. Много света. Очень много света. Очень-очень много света. Ведь если хоть один уголок пространства останется неосвещенным, а, следовательно, и неотраженным – что-то из общего будет упущено и картина будет частичной, неполной.

– И что это значит?

– Вот тут вы были бы совершенно правы. Он придет в себя и сойдет с ума, – дракон усмехнулся, – или сначала сойдет с ума, а потом придет в себя. Ведь если быть точным, то безумие, по сути и есть потеря целостности. Потеря соединения себя, своей части с целым. Только в этом случае безумие становится реальным, только так!

Агафья Тихоновна тихонько вскрикнула, но промолчала, и только глаза-бусинки выдавали её волнение. Дракон, тем временем, продолжал:

– Ну или не сойдёт с ума, а скатится на уровень существования ограниченного человека, или овоща, что впрочем одно и то же, – Артак немного подумал и добавил:

– Для него – одно и то же.

– Я понимаю, понимаю, – акула произнесла эти слова медленно, напряжённо о чем-то думая.

Артак внимательно посмотрел на Агафью Тихоновну. Теперь промолчал уже он, ожидая пока процесс мышления выйдет вне и усядется рядом с пониманием.

– Скажите, Артак, а если предположить, – акула усмехну-

лась своим мыслям, – ведь единственное что мы с вами можем – это только предполагать, так вот, если предположить что его сознание не было дано ему разбитым от рождения, а было разбито потом, то как вы думаете – что случилось раньше? Он потерял своё целое сознание и оно разбилось при падении; или он разбил его, например, споткнувшись обо что-то, и только потом оно потерялось?

– Вы считаете это важным?

– Конечно. Если сначала сознание было потеряно, но не разбито – это одно, а если разбито, а уж потом потеряно – совсем другое, вы так не думаете?

Акула держала фонарь точно посередине между говорящими.

Дракон внимательно посмотрел ей в глаза и немного подумав, кивнул.

– Вы опять совершенно правы. Если сознание было разбито не изначально – не с самого момента рождения тела, а уже после, в течение человеческой жизни, то есть просто немного ранее, чем потеряно – всё становится ещё сложнее. В этом случае никто не может гарантировать что даже собрав воедино все осколки, мы получим какой-то результат.

– Но что же нам тогда делать?

– Действовать. Действовать, не смотря ни на что. Это мир действий, и он ждет от нас именно поступков, – Артак улыбнулся. – Всегда необходимо использовать язык, доступный собеседнику. А в данном случае – нашим собеседником вы-

ступает этот необычный, но от этого, не менее реальный мир. Более того – в этом мире только этот язык и существует и, следовательно, только он и может быть понятен. И говоря на понятном ему языке, мы сможем прийти к согласию, мы можем договориться. Мы сможем даже, если угодно, получить необходимый нам результат...

Артак замолчал, задумавшись, а Агафья Тихоновна уже раскладывала огромные поленища, которые доставала в пространстве, словно фокусник из-за спины, и мастерила из них гигантский костер, призванный из ниоткуда в попытке осветить окружающий их, и пока ещё непонятный им – мир дел, но не изделий...

Мир действий и поступков...

Мир следующего витка...

Мир после...

Мир НАД...

3

Костёр, подпаленный сразу с нескольких сторон, вспыхнул в одно мгновение. Он загорелся как-то сразу и мощно, и моментально – целиком.

Загорелся ярко, неотвратно, загорелся наверняка.

Сотни, если не сказать – тысячи, может быть, и миллионы или миллиарды зеркальных осколков в тот же момент про-

явились из темноты – выступили из неё, пересекли границу тени и вступили в свет, отразив в себе самих источник этого света – трескучие и горящие поленища. Этот отраженный, хоть и осколочный, но жаркий и жгучий свет забегал вокруг, дрожа и подпрыгивая.

Свет кружил поземкой – яркий и голубой, словно снег в тихий, предрассветный час. Его лучи рвано освещали пространство, создавая и моделируя причудливые по своей форме и не вообразимые человеческим сознанием тени. Не вообразимые сознанием человека, но очень даже вообразимые сознанием общим, природным, ибо они были его неотъемлемой частью.

Уже отраженный, а значит и немного искаженный свет, внезапно пропадал и попадал, горя и искрясь, но уже на другую зеркальную поверхность этого вдребезги разбитого стекла – он отскакивал от неё, отдергивался, словно рука, прикоснувшаяся к раскаленному металлу и кузнечиком перепрыгивал на следующий осколок и снова отражался.

Свет без устали и без перерыва копировал сам себя. Копии была предельно похожи, однако не абсолютно точны, не совершенны. Ведь любая копия всегда лишена самого главного – Абсолюта, ибо абсолютным может быть только одно – сам Источник, и ни в коем случае не его описание, коим по сути и являлся уже отраженный световой поток.

Свет, как навьюченная, но быстроногая лошадь, нёс информацию об Источнике, он был его световым отпечатком,

был его фотоснимком. Его лучи были как пальцы, указывающие на Солнце.

Палец ещё не есть само Солнце, он всего лишь указывает на него. Указывает, но не является. Так и свет, несущий изображение, являлся чётким и определённым указателем – и указателем, максимально приближенным к правде.

Указателем со стрелкой, как на автомобильной дороге.

Более того, сам свет, после череды отражений, приобрёл свой собственный, свойственный каждому осколку субъективизм; он впитывал его, растворял, и продолжал своё нескончаемое путешествие уже в новом и немного изменённом качестве. Количество света оставалось неизменным, но качество его менялось с каждым новым отражением, добавляя к информации об Источнике чуточку своей собственной, уже осколочной сути.

Эти вновь приобретенные характеристики светового потока накладывались на Источник, покрывали его и точно таким же образом, как одежда покрывает тело, прятали самое важное что он хранил – возможность разглядеть его сердцевину, его суть, возможность хоть взглядом, но прикоснуться к его телу.

Эта возможность прикоснуться, разобраться, увидеть не пропадала насовсем, да и не могла пропасть – с увеличением числа отражений она лишь пряталась поглубже – она скрывалась, она становилась труднодоступнее.

Что значит труднодоступнее? Это прежде всего значит,

что она была сохранена ещё надежней прежнего. Ещё вернее. Ещё покойней и безопасней. Примерно так, как были сохранены некоторые святые в средние века. Покрытые завесой тайны, доступной лишь избранным. И ещё это значило то, что сама возможность узреть Источник хранится бережно, и самое главное – она доступна, но через труд. Она ТРУДНОДОСТУПНА. Необходимо хорошо потрудиться чтобы снять с Источника все одежды, включая даже самые интимные, снять и насладиться наготой истины горящего костра знаний.

Трудно и труд – однокоренные слова.

Точно так же как работа и раб.

Для того чтобы найти, чтобы отыскать свою собственную возможность видеть, не только отыскать, но и воспользоваться ей, сумеешь достать её из какого-то природного кармана, приблизить её к глазам, докопаться до самой её сути – соискателю придётся приложить ещё больше усилий, стать ещё более старательным, ему придётся максимально обострить своё внимание и восприятие, ему станет необходимым потратить ещё больше своего труда и усердия.

Конечно же, затраченные усилия с лихвой окупятся результатом, ибо в этом случае и результат будет более значимый.

Ведь достать яблоко с верхушки высокого дерева и подобрать его же на земле – совершенно разные вещи. Первое –

запомнится на всю жизнь, тогда как второе сотрется из памяти в следующее за действием мгновение.

А важным может быть только то, что помнится само собой. Без напоминания и усилий.

Следовательно, всё важное – труднодоступно.

Но «труднодоступно» ещё никогда и нигде не означало, да и не могло означать «невозможно». Труднодоступно – это трудно, но возможно. Это возможно, но через труд. Через СВОЙ труд.

Конечно, можно сесть верхом на чужую лошадь и со своей хромой ногой. Но даже на спине этой лошади твоя хромая нога скачет вместе с тобой, и соскочив на землю – ты неизбежно упадёшь лицом в свою собственную грязь невежества.

Труд чужой лошади не поможет тебе твёрдо стоять на своих ногах...

Так и отражение света, как и любой человек, пропускающий сквозь себя целую Вселенную, и именно этим пропусканием изменяющий эту самую целую и цельную Вселенную – отражение несло в себе немного искажённую, но все ещё живую и трепетную картинку настоящего и правдивого.

Картинку истины – картинку того, что было, а если выразиться точнее – того что есть.

И если не лениться, если приложить немного усилий, если потратить определённое количество труда, если копнуть поглубже – то обязательно докопаешься до самого изначально-

ного, докопаешься до того полотна, на которое умелым художником по имени природа нанесены все краски человеческого восприятия.

Докопаешься и до пресловутого Источника, который присутствует в каждом из нас. В каждом из нас, как в каждом зеркальном осколке, способном отразить самый простой, но от этого не менее волшебный луч света.

Волшебство так близко. Руку протяни и схватишь. Глаза раскрой и заметишь. Хорошенько подумай и найдёшь.

Найдёшь его прямо в себе. Никуда и ходить не надо.

Дракон на мгновение закрыл глаза и вдруг недовольно зарычал и схватился лапами за голову.

– Что? Что случилось? Что с вами? – Агафья Тихоновна замерла с фонарём в плавнике и с испугом наблюдала за Артактом.

– Мысли... Мои мысли... Всё смешалось... – дракон замотал головой, но спустя мгновение открыл глаза и без признаков даже самого малейшего страха посмотрел прямо на акулу, – я думаю что свет от костра, отразившись от осколков, вернул ему, – Артак показал лапой куда-то вверх, – вернул ему часть сознания, и это неизбежно отразилось на его собственных мыслях, а значит – отразилось и на мне. Да, да, – дракон кивнул в подтверждение, – разбитое и потерянное, но всё ещё живое и трепетное сознание – не самое луч-

шее место для драконов.

Артак попробовал улыбнуться, но улыбка ему не вполне удалась.

Осколочный свет при этом, как бы освещенный улыбкой дракона, приобрел какую-то общую направленность, и на один маленький, на один малюсенький шаг, но приблизился к порядку. Это не прошло незамеченным для Артака, и он, улыбаясь, всё ещё с трудом, но уже шире, живее, преодолевая головную и мысленную боль, вскочил на лапы и громко, в голос, засмеялся. Свет, словно споткнувшись об его смех и радость, тут же изменил направление своих лучей, и они радостно, копируя смех Артака, ринулись в одном, общем для них направлении, в мгновение ока осветив при этом самую тёмную и дальнюю часть пустоты, наполнявшей пространство.

Только сейчас дракон смог разглядеть то, что там было сложено. Разглядеть то, что скрывала темнота бессознательности. То, что она прятала по своим сумрачным углам, то, что скрывала, чего боялась и чего так хотела избежать.

Это были огромные и пыльные тюки с человеческим вниманием. На серовато запыленных мешках так и было написано «Внимание или способность внимать».

Мешки были аккуратно сложены и затеряны в том непонятном, тёмном и бесчувственном состоянии бездействия, которое сейчас превалировало. В состоянии, которое можно было назвать процессом бессознательного существования.

Конечно же, если существуешь неосознанно, то и внимание вам совершенно ни к чему. Мудрая природа мгновенно подстроилась под новые реалии и убрала всё ненужное человеку в этом новом и непознанном для него, но совершенно обыкновенном для самой природы мире.

Эти события разворачивались за спиной у Агафьи Тихоновны, и она не могла видеть развернувшуюся перед глазами дракона картину. Её глаза с испугом наблюдали за искренне, радостно смеющимся Артаком, но причины его смеха были сокрыты от её взора и понимания. Процесс понимания – живой субъект этого мира – его абориген, его коренной житель – процесс понимания, двигаясь прямо к дракону, обогнул Агафью Тихоновну и вклинился в тело Артака, не принося ему никакого вреда и просто включив его в список тех, кто участвует.

Тех, кто понимает. Тот, кто живёт.

Процесс включил его тело в список сознательных, осознающих.

Действие поглотило предмет.

Ведь суть любого тела, даже драконьего – всего лишь объект из мира предметов.

Мир НАД, как обычно, главенствовал. По незыблемому праву силы тяжести, всегда направленной вниз.

Акула тревожно произнесла:

– Вы смеётесь? Для этого есть какая-то причина?

– Да, да! – Артак продолжал громко хохотать, – я смеюсь!

Я смеюсь, – повторил он взхлёб, – я смеюсь!

Дракон внезапно умолк и щурясь от яркого света, внимательно посмотрел на Агафью Тихоновну.

– Вы считаете что для того чтобы смеяться необходима причина? Мне кажется что причина скорее требуется чтобы быть грустным, а для смеха причины не нужны! Ибо смех – естественное и гармоничное состояние любого мыслящего существа.

– Но что же делать? Вам стало хуже? – Агафья Тихоновна была в недоумении, – может быть, потушить костер?

– Нет, нет! – Артак продолжал смеяться, – что вы! Наоборот, всё как раз наоборот! Подбросьте дров! Подбросьте ещё дров! Больше, больше! – дракон говорил взхлёб, словно его лихорадило, – со своими мыслями и их самочувствием я как-нибудь разберусь, а это, – он многозначительно прищурил глаза, – только что открытое, новое для меня их свойство, очень даже нам поможет. По крайней мере должно помочь. Я так думаю. Точнее, я так знаю...

– Но какое свойство??? Что я упустила?

– Всё очень просто, – дракон ещё раз всхлипнул смехом, – всё предельно просто. Если присутствие света в его, – Артак неопределённо пожал плечами, словно намекая на того, чьё это было сознание, – в его осколочном сознании, а точнее – в этом его сознании, разбитом в зеркальную пыль, если присутствие света так влияет на мою собственную способность мыслить, то и моя способность мыслить точно в той же са-

мой степени влияет на его сознание. На его сознание, которое мы хотим собрать воедино. Понимаете?

– Продолжайте, – акула была вся во внимании.

– И если я смогу справиться со своим состоянием, то это неизбежно повлияет и на целостность его, – Артак посмотрел вокруг, как бы снова намекая на то, где они находились, – на целостность его сознания, а значит, и на его способность мыслить. Мыслить, а значит и жить. И живя, в конце концов, вернуться назад, в свой привычный мир – мир трехмерных объектов, мир имен существительных и местоимений.

– То есть...

– То есть формируя свой мысленный процесс я неизбежно буду влиять на происходящее здесь, в этом мире – мире действий. И чем светлее и собраннее будут мои мысли, тем быстрее пойдет сам процесс выздоровления и возвращения. Теперь вы меня понимаете?

– Да, да, конечно, – Агафья Тихоновна радостно закивала головой, – теперь понимаю. Но не совсем, – внешние уголки ее глаз опустились, и казалось, она была готова вот-вот разрыдаться, – или даже совсем не понимаю.

– Это мир действий. И выздоровление – это действие, выздоровление – можно сказать, глагол. Здоровье – имя существительное, а выздоровление – процесс, то есть уже глагол. И оно может присутствовать где-то рядом, тогда как самому здоровью здесь просто нет места. А что лечит лучше всего? Что способствует появлению этого процесса? Появлению

выздоровления? – дракон опять засмеялся и не дожидаясь ответа акулы, сказал:

– Лучше всего излечивает хорошее настроение! Лучше всего лечит смех и ясные, позитивные мысли. Теперь-то вы меня понимаете?

Агафья Тихоновна кивнула головой, но было видно что понимание ещё не посетило ее так, как оно уже посетило дракона. Не наполнило её до краёв.

Она кивнула и тихо спросила:

– Так что же нам делать?

– Собирать осколки, отражать существующий свет, производить новый, в конце концов. И, конечно же, прогонять прочь свои собственные мысли, если только они будут нагнетать тьму. А такие мысли неизбежно будут возникать в процессе сбора осколков, – Артак ещё раз засмеялся, – и возникать они будут совершенно внезапно, словно из ниоткуда – это я теперь точно знаю. Они будут возникать исходя из того, какое действие поселится рядом. И наша с вами задача – схватить позитив, поймать процесс созидания и понимания. Или даже процесс веселья. Смех, как мы уже выяснили, тоже лечит, смех здоровит, смех исцеляет, – дракон продолжал смеяться, – и вот тогда у нас всё получится. Мы будем наступать по всем фронтам. Мы будем лечить как материю сознанием – смеясь и веселясь, так и сознание материей – собирая воедино зеркальные осколки, включая даже самую мелкую зеркальную пыль. Мы будем продвигаться вперед...

Смотрите, – дракон показал лапой на пыльные мешки за акульей спиной, – смотрите, смотрите.

– Что это? – акула обернулась и широко раскрыла глаза от удивления, – «Внимание или способность внимать», – прочитала она вслух и повернулась к дракону, словно прося объяснений.

– Да, да. Это его внимание и бдительность, его душевность и чувствительность, его сосредоточенность и устремленность. Да мало ли что это. Для нас главное то что оно сложено, как в кладовке. Сложено и спрятано за ненужностью.

– Кем сложено?

– Этого нам знать не дано, – Артак усмехнулся, – может быть, самой природой.

– Так может просто развязать мешки?

– Не думаю что это будет верно, – дракон немного насупился, – для этого действия ещё рановато. Время ещё не пришло. А вот когда оно придёт, когда правильное и нужное время само наступит на эти мешки своей тяжёлой поступью – тогда они развяжутся сами. Наша с вами задача – собрать зеркало, а наши мысли в этом помогут нам. Конечно, если мы хотим действительно ему помочь.

– Помочь кому? Времени?

– Ну можно сказать и так. Пусть будет времени. Мы с вами вполне в состоянии расчистить для времени дорогу и, тем самым, ускорить процесс.

– Но как? Как?

– Когда разбивается глиняный горшок, – Артак подмигнул Агафье Тихоновне, – собрать его воедино поможет самая простая, мягкая глина, то есть именно то, из чего горшок сделан, а когда разбивается сознание – только мысли в состоянии его соединить, только глубокое, как скрытые залежи глины, мышление способно его склеить, продлив его старую или предоставив ему новую жизнь – жизнь после травмы.

– Да, да, я поняла, – акула радостно закивала головой, и потоки света окружили её со всех сторон.

Процесс понимания, невидимый ни человеческому, ни акульему глазу, как бы нехотя, развернулся и быстро направился к Агафье Тихоновне, по пути освещая всё новые и новые нюансы устройства данного мироздания, – да, да, я понимаю, понимаю! – акула уже безудержно хохотала, а свет, выстраиваясь в четко направленные линии, корректировал расположение осколков, разбросанных на полу. Они, словно по волшебству, двигались, направлялись к друг другу, и каждый осколок искал своего соседа – искал то стеклышко, которое точно бы подходило к нему самому. И всё это делал сам свет...

Человеческому глазу показалось бы – следствие меняло причину. Человеческий мозг подумал бы – будущее формировало прошлое. Но на то и было само человеческое тело ложью, а взгляд его – вымышленным и искажённым, чтобы

находясь вне истинных причин и следствий, выворачивать реальность наизнанку.

Агафья Тихоновна, не переставая смеяться, подобрала один из крупных осколков и приставила его вплотную к другому, лежащему рядом. Их границы полностью совпали и с легким шипением соединились в один целый, в один цельный – они соединились в прочный, неделимый кусок.

Чистые мысли и смех изменяли уже прожитое прошлое с той же легкостью, как и формировали ещё непознанное будущее. Отличие было лишь в одном – прошлое этого мира являлось будущим для всех остальных миров. Ведь прошлое у мира действий и есть тот самый настоящий момент, в котором находятся все и всё. Или момент грядущий, уже обусловленный и зажатый в рамки совершённых поступков и действий. Других моментов, кроме настоящего, и наступающего каждый момент будущего, переходящего в настоящее, в человеческой, да и в любой другой жизни просто не существует.

Их не бывает и в пустой, но одновременно такой полной природе.

Мешки с вниманием в углу немного затряслись, будто с них сбивали пыль, однако продолжали хранить свои секреты. Как выглядело то, что было под мешковиной? Выглядело

ли оно хоть как-нибудь?

На самом деле это не имело ни малейшего значения. Как бы оно ни выглядело – оно будет выпущено на свободу и растворено в окружающем пространстве. В своё, предназначенное именно для этого время.

Внимание и способность внимать, как действие, останется тут навсегда, в своей родной Вселенной – в мире поступков и действий. В человеческий мир вернётся лишь тело, способное внимать и чувствовать – вернутся глаза, способные видеть и познавать; вернутся уши, способные слышать; вернётся нос, наделённый обонянием; вернётся кожа, осязающая даже то, что не в состоянии увидеть глаза, а именно – тепло света и жар человеческих сердец.

Костер ярко пылал, а осколки, подгоняемые смехом и отличным настроением, сами собирались в свой пазл, формируя единое, огромное, бесконечное, неделимое зеркало.

Вновь собираемое зеркало было абсолютно без швов. Единое и цельное, как только что сорванное с ветки румяное, спелое, ароматное яблоко.

Зеркало номер один.

Первое и единственное.

Изначальное.

Зеркало ПРА...

Зеркало НАД...

В какой-то момент, наверное, в то время, когда все до единого, даже самые мелкие зеркальные осколки соединились в одно ровное, абсолютно всё отражающее полотно – оно, это полотно, каким-то непостижимым для ума и зрения образом и стало полом, стало основанием, стало поддержкой для этого мира.

Оно стало надёжной опорой для Артака и Агафьи Тихоновны.

Стало тем, на чём твердо стоят наши ноги, когда мы перемещаемся в пространстве. Тем, что ограничивает любую реальность, любой мир, любую Вселенную – тем, что поддерживает все существующие мироздания снизу.

Стало землей, но не в смысле планеты, а в смысле материи – точно такой же материи как огонь, вода или воздух. Стало поддержкой для пустоты, стало поддержкой для всего материально-предметного мира.

Зеркало стало той самой точкой опоры, о которой, видимо, и говорил Архимед, утверждающий что повернуть Землю возможно.

Землю, теперь уже планету.

Зеркало стало точкой опоры и новой точкой отсчета для вновь собранной человеческой реальности.

Зеркало стало числом ноль.

Ноль, который вроде и ничего не значит, но без него ни-

как...

Зеркальный пол, простирившийся сколько хватало глаз, был самой настоящей сценой для всех существующих процессов и действий, удобно расположившихся тут же в мешках. Словно звери на цирковой арене стояли они – то готовые к прыжку, то уже после него; то ожидающие поощрения, то уже получив свою награду.

И под необъятным куполом этого цирка ровно горел костёр, от которого во все стороны распространялись тепло и свет, а значит – распространялась сама жизнь, в её понятном человечеству – органическом, углеродном восприятии.

Было ли что-нибудь в мире кроме этой арены? Были ли где-то само здание этого цирка?

Возможно. Пока еще не разглядеть.

Пока ещё...

Жизнь пробиралась вверх, сначала медленно и неуверенно, но подгоняемая светом от огня, она карабкалась всё с большей скоростью по невидимой пустоте, до краёв заполнявшей это непонятное пространство.

Жизнь, как процесс, как действие, взбиралась в гору словно по скрытым от взора бетонным ступенькам – она выплескивалась вертикально вверх, напором. Выплескивалась, пока не достигла какой-то определенной, видимо чем-то или кем-то заранее заданной высоты, где с оглушительным, как рвущийся брезент треском проделала брешь в ранее недо-

ступном зрению куполе здания.

Это был именно купол, а не крыша.

Архитектура здания была такова, что круглый и почти отвесно выпирающий вверх купол стремительно уносился ввысь, возвышая и вытягивая вслед за собой само пространство. А если существовал купол, пусть и немного необычный, то где-то должны быть и стены, на которые он опирался, значит где-то должно быть и само здание.

Пространство внутри получило своё последнее, окончательное и бесповоротное сходство с цирком. С тем самым цирком, каким он бывает прямо перед началом представления. Перед тем, как зрителей, согласно купленным билетам, начнут пускать в зал, который ещё пуст и молчалив, но гул человеческих голосов, как жужжание роя пчёл, уже можно различить вдали, за закрытыми дверями.

Скорее всего люди пока ещё толпились в фойе, заедая ожидание чем-то буфетным – дорогим и не всегда вкусным и свежим.

Эта привычка – набивать желудок всегда, когда появляется только такая возможность, но никак не насущная в этом необходимость – эта привычка прочно укоренилась в множестве человеческих голов.

– Так мы на самом деле в цирке? – Агафья Тихоновна в изумлении оглядывалась, и хоть стен помещения было не разглядеть, но видимый глазу купол придавал достаточно для уверенности сходства.

– Как видите, – Артак утвердительно кивнул и глянул вверх, – Вселенная никогда не будет спорить с вами.

Теперь уже внешний, яркий и жёлтый солнечный свет неторопливо отогнул край брезента, робко и медленно заглянул внутрь, как бы оценивая плацдарм действий, и встретившись взглядом со светом от костра, понимающе кивнул и приступил к работе. Работа у света всегда одна – принести энергию туда, где был её недостаток и, тем самым, вдохнуть жизнь в любое действие, в любой уже существующий и задышающийся от нехватки энергии процесс.

Пустота – живая, трепещущая на солнечном ветру, не торопясь и как бы нехотя, теряла свою пустотность и медленно изменяла свою суть – она заполнялась светом и его неизменным спутником – ещё одним полноправным жителем этого мира – она заполнялась процессом под громким названием Жизнь...

Именно тем процессом, которому в данный момент так не хватало свежей и солнечной энергии.

Всё это происходило как будто в очень и очень замедленной съемке, и даже сам свет распространялся настолько медленно, что были видны все его раздумья, все присматривания, все его повороты головы.

Легко угадывались его решения и предсказывались перемещения.

Жёлто-белый, яркий, обжигающий роговицу глаза, сия-

ющий солнечный свет, прорвавшийся в помещение сквозь разорванный купол, спустя какое-то время достиг зеркала, отразился от него и смешался с чистым, жёлтым и мягким, немного искусственным, словно вышедшим из-под абажура домашней лампы, но по своей сути – точно таким же светом.

Они еще долго переливались разными оттенками жёлто-белого, перемешивались, как в миксере, словно насыщаясь кислородом или другими необходимыми для жизни элементами, они внедрялись друг в друга пока полностью не растворились один в другом. Но даже растворившись, излучения продолжали хранить каждый свою собственную суть. Хранить информацию. Хранить основу всего.

Каждый отдельный фотон, каждая отдельная частичка света продолжала нести в себе сведения обо всем, к чему она прикасалась ранее, обо всем, что видела, что освещала...

Свет, на самом деле, всегда несет лишь прошлое, замечали?

Свет, зародившийся многие миллионы лет назад в недрах какой-то из звезд, как следствие ядерного синтеза элементов, нёс в себе информацию о своей матери-звезде и обо всем, что ему встречалось по пути сюда. Совсем как нефть или газ, которые, конечно, были более приземлёнными энергетическими субстанциями, а потому и более понятными человеку – они могли рассказать о тех деревьях и животных, из которых они выдавились под длительным воздействием дав-

ления и температуры. Информация ведь никогда и никуда не девается, она продолжает храниться, бережно упакованная и запечатанная самой природой, спрятанная от несведущих глаз, но сразу открывающая все свои тайны пытливому уму. И не-уму, так как человеческий ум – это, все-таки, прежде всего обусловленность.

Хочешь выучить язык света?

Язык нефти и газа?

Язык деревьев и птиц?

Язык камней и минералов?

Язык ветра и дождя?

Хочешь понять природу?

Просто смотри и слушай.

Держи глаза и уши открытыми, а рот на замке, но помни что нет ничего хуже, чем знание, попавшее в неподготовленный ум.

Агафья Тихоновна изумленно посмотрела на дракона.

– Что происходит? Почему свет так странно себя ведёт?

– Всё в порядке, – дракон улыбался, – просто наше время ещё не синхронизировалось, – он кивнул куда-то ввысь, – и там успел пройти лишь миг, тогда как тут – столетие.

– У нас прошло сто лет? – Агафья Тихоновна округлила глаза от удивления и так и застыла в ожидании ответа.

– Нет, нет, что вы. У нас прошел один миг, – Артак засмеялся, – всего лишь один миг, если он, конечно, уже прошёл.

По-моему, ещё нет. Мне кажется, он ещё в пути.

– Что нет?

– Миг ещё не прошел. Он еще длится.

– Но как может мгновение быть таким долгим?

Акула протянула плавник и прикоснулась к вполне осязаемому солнечному лучу. Световой луч распространялся потоком – медленно, неторопливо – он тянулся как жевательная резинка, скручивался в жёлто-белые спирали, тёк и струился в так нужном ему и необходимом нам направлении. Он двигался мягко, на цыпочках, однако, не замечал на своем пути никаких препятствий. Не замечал он ни мешков с надписями, сложенных на зеркальном полу, ни дракона с акулой.

Свет как бы изливался внутрь себя – капающим, тягучим, масляным дождем; достигнув пола, он расплескивался по нему морем брызг, отталкивался от него. И оттолкнувшись, свет приобретал уже другое, противоположное первоначальному направление – оттолкнувшись, свет убегал прочь.

Убегал, неся в себе высокий и священный код – новую, только что полученную новым прикосновением информацию.

Свет возвращался к породившему его источнику.

К костру.

Или к Солнцу.

А может быть и туда и туда. Это было абсолютно неважно.

Важно было другое.

Солнечная – белая и жгучая составляющая света, обогатившись жёлтым и мягким свечением рукотворного костра, на своем обратном пути вверх проходила сквозь пыль от мешков, и сквозь сами мешки, не замечая их и не останавливаясь ни на мгновение, и если бы не это странное свойство времени, замедлившее всё вокруг – всё, кроме скорости восприятия действительности Артака и Агафьи Тихоновны. Если бы не это растянутое в пространстве время – акула никогда бы и не заметила одну странную, и показавшуюся ей очень важной особенность света – проходя через мешки и осевшую на них пыль, свет немного изменялся, он искажался, искривлялся, он приобретал новые качества.

Свет продолжал свой путь, но был он уже немного другим.

Свет начинал выражать некую новую для себя самого суть.

Свет становился богаче на оттенки, на интонации.

Свет вступал в родство с пылью и действиями – в родство кровное, нераздельное, в вечное родство.

Родство, кстати, и может быть только вечным.

Родственники могут умирать, но их родство сохраняется единожды и навечно, родство скрепляется мукой и крахмалом с бесконечным сроком годности...

Свет продолжал свой путь.

Теперь в его безграничной, безмерной, в его энергетической кладовке хранился ещё один фотоснимок, ещё один моментальный кадр. Кадр с информацией о владельце зеркала и костра. И этот фотоснимок, этот мгновенный отпечаток реальности, в своё время точно так же изменит источник самого света, к которому он, безусловно, вернётся. Изменит, как уже все существующие в нём и доставленные нам отпечатки, пусть немного, но изменили этот, так ждавший света – мир поступков и действий.

Важно было то, что абсолютно всё вокруг влияет на себя самое – влияет на это самое всё, абсолютно всё существующее – влияет и изменяет свои же внутренности и устои. И изменяет без исключений, без опусканий и отпусканий, изменяет без изъянов, без ошибок. Изменяет без усталости, без выходных и перерывов на обед. Изменяет безупречно, безукоризненно, совершенно. Изменяет бесконечно.

– Свет... – Агафья Тихоновна показывала плавником на световые лучи.

– Ничего не напоминает? – дракон тоже с интересом наблюдал за происходящим.

– Не знаю, – акула повернулась к Артаку, и в первый раз в этом мире, смогла рассмотреть его при нормальном освещении, – а должно напоминать?

– По-моему, когда что-то рождается из ничего – это всегда может напоминать только одно, – Артак усмехнулся, – но не важно. Не будем об этом.

– Рождается из ничего? – эхом повторила Агафья Тихоновна.

– Да, да, рождается из ничего. Или формируется из пустоты, которая, как вы правильно заметили, тоже является наполнением.

– Да, да... – акула задумчиво наблюдала за игрой света, – да, да, да... По-моему, я понимаю о чём вы говорите...

Кроме мешка с вниманием, или со способностью внимать, вокруг было еще масса самых различных, но неостребованных возможностей и способностей – и милосердие, стоявшее сбоку и опустошенное лишь наполовину, и сострадание – почему-то грязный, развязанный мешок с большим пластмассовым совком внутри, которым, видимо, его иногда и отсыпали – щедрою или не очень рукой.

Была тут и доброта – мягкий и бесформенный, открытый мешок, распространявший вокруг себя аромат живых, ещё не срезанных цветов. Особенностью этого мешка была его неисчерпаемость. Сколько бы кто ни взял. Мешок с добротой был всегда наполнен, хоть и наполнен всего лишь наполовину. А значит – он был и наполовину пуст. Можно и взять и добавить, а если не добавлять, то и доброте когда-нибудь может прийти конец.

Была тут и любовь – единственный абсолютно пустой мешок, к тому же ещё и вывернутый наизнанку. Наверное, она была вокруг всего, наверное, она существовала в растворён-

ном виде в этом изумительном пространстве. А может быть она сама и была этим пространством. Поэтому мешок с любовью и был вывернут наизнанку. Он как бы продолжал ее хранить, но уже снаружи. Своей вывернутостью он не допускал возможности закрыть её, завязать, упрятать.

Мешок с сердечностью был раскрыт и полон. Подходи и пользуйся. Кто как хочет. Кому сколько нужно. Кто сколько может унести. Всем хватит.

А вот приветливость робко выглядывала из полуоткрытой котомки, не торопясь выйти наружу. Перед ней стояли мешки с неприятием, отторжением и боязнью. Они загораживали приветливости свет, и прятали её улыбку, иногда показывающуюся из небольшого прочного мешка. Эта улыбка обладала одним волшебным качеством – увидевший её обязательно к ней возвращался.

Честность и принципиальность грустно ютились сбоку, рядом с порядочностью, хотя в самом центре для них было выделено особое место. Оно, это место, даже было подписано. Честно подписано. Однако насущная необходимость, стоявшая неподалеку, сделала небольшую рокировку, и оттащила мешок с честностью в сторону, поставив на его место неумную жажду. Жажду чего бы то ни было – власти и влияния, привилегий, авторитета, могущества, денег в разных валютах. Чего угодно, кроме одного, что действительно может вызывать жажду – и это что-то – отсутствие воды.

Тут же, совсем рядом, были достоинство и благородство,

искренность и верность, неподкупность и прямодушие. Все они стояли прижавшись к друг дружке, открытые, но не востребованные полностью, и с завистью поглядывали на мешок с любовью – пустой и свободный. Наверное, им тоже хотелось точно так же как и она, раствориться в пространстве, слиться с ним воедино, наполниться его светом и теплом – а значит – наполниться и самой жизнью.

Мешок с жадностью и скупостью был закрыт и туго завязан, а рядом с ним стояла бережливость, которая охраняла подступы к этому мешку, но одновременно с этим пыталась проделать дырочку в прочной, ладно сшитой мешковине чтобы выпустить жадность наружу. Мелочность и прижимистость, корыстолюбие и меркантильность, крохоборство, как могли, спустя свои рукава, помогали бережливости, однако, пока безуспешно. Они были маленькие, слабые, они тянули мешок с жадностью в разные стороны и никак не могли его развязать. Их приспущенные рукава также не способствовали процессу. Однако, их было много и, кто знает, если им удастся объединить усилия, возможно, когда-нибудь жадность будет выпущена наружу.

Кроме них мешок с жадностью окружали небольшие, но полные мешочки с трусостью и предательством, с малодушием, с робостью и нерешительностью, с ложью и вероломством, с хитростью и коварством. С подлостью, которая всегда где-то рядом и только и ждёт своего часа чтоб выстрелить на поражение. И если оставить её бесконтрольной – ей это

вполне удастся.

Агафья Тихоновна вопросительно посмотрела на Артака.

– Что они тут делают?

Артак едва заметно кивнул.

– Стоят. Ждут своего часа.

– Но это же не действия! А если и действия, то вредные и никому не нужные.

– Вы так думаете? – дракон усмехнулся чему-то про себя.

Агафья Тихоновна, заметив, что свет направился в эту сторону тьмы, вскочила на хвост, намереваясь оттащить ненужные и даже вредные по её мнению мешки в сторону, спрятать их от световых лучей. Акула думала что, тем самым, она избавит владельца этого мира от того, что они хранили, защитит его от их темного содержания.

Дракон, не поворачивая головы, остановил её одним движением лапы.

– Не надо, – только и произнес он, – не надо этого делать...

– Но почему? – акула вновь округлила глаза.

– Потому что без них мир станет неполным, – Артак шурился от яркого и уже достигшего его света, – неполным, понимаете? А неполное всегда теряет смысл, а если и не обязательно теряет его полностью, то уж искажает его до неузнаваемости – в обязательном порядке.

– Смысл чего? – Агафья Тихоновна остановилась и в недо-

умении разглядывала залитого светом дракона.

– Смысл существования.

– Как это?

– Очень просто.

– ???

– Это зеркало. И оно не может быть номером один. Номер один подразумевает что есть и номер два и три... Номер этого зеркала – «не-два». Оно цельное и неделимое и оно должно отразить всё, что тут есть – это его прямая и единственная обязанность, иначе...

– Иначе что? – Агафья Тихоновна была нетерпелива и слова часто забегали вперед мысли.

– Иначе он, – дракон показал когтем куда-то вверх, – он не сможет себя познать полностью. Не сможет познать себя – не сможет познать и всё остальное, всё то, что отражает это зеркало. И вот этого просто не может быть. Не может случиться. Это обязательно должно произойти. Обязательно.

– А что отражает это зеркало?

– Существование всего со всем. Единое и цельное существование.

Агафья Тихоновна в изумлении округлила глаза.

– Но это же значит...

– Что? – Артак усмехнулся, уже зная что скажет его спутница.

– Но это значит что и само существование отражает всё это! И нас, и эти мешки, и его, – акула кивнула куда-то на-

верх, к свету, – его самого!

– Именно так, – дракон облегченно вздохнул, – все мы живем между двух зеркал, а если быть точнее, то между двух отражений этих двух зеркал. Своего собственного зеркала, отражающего всё сущее и одного общего, одного на всех, зеркала номер «не-два»...

Дракон поднял голову и посмотрел на ослепительный свет, медленно спускавшийся вниз.

– А если быть ещё точнее, то и не между двух отражений...

– А где же тогда?

– Мы все живем в свете, который несёт эту информацию о существующих зеркалах. Мы – всего лишь информация в общем информационном поле, не более того. Мы – палец, показывающий на Солнце, но отнюдь не само светило. Мы – лишь возможность познать этот свет, которым являемся и ни капелькой больше. И знаете что?

– Что? – акула слушала затаив дыхание.

– Нет никакого второго зеркала. Есть только одно – общее. Зеркало номер «не-два».

– Вы уверены?

– Абсолютно.

– Это относится и к людям?

– Говоря «мы» я имею в виду именно людей, – дракон тихонько засмеялся.

– Значит человек – всего лишь возможность?

– Да! Быть человеком – как стоять на перекрестке всех дорог. И любая дорога доступна. Но найдешь ли ты в себе силы идти – вот в чём вопрос, – Артак продолжал улыбаться, – так что, просто родиться человеком не вполне достаточно. Человеком необходимо ещё стать. Человек – это возможность, это вероятность, это сжатый в пружину потенциал, но никак не завершённое, развёрнутое произведение.

Акула присела рядом с драконом и к её телу тоже прикоснулся луч света. Прикоснулся, пощупал кожу и проскользнул внутрь.

– Да, да, – она кивнула головой и в её глазах мелькнуло озарение, – вы совершенно правы.

– И знаете что ещё? – Артак повернулся к Агафье Тихоновне.

– Что? – тихо произнесла она.

– Человек – это ещё и надежда.

– Чья?

– В данном случае наша. Наша с вами...

Так они и сидели в ожидании конца этого бесконечного мига. Мига пробуждения.

5

Свет, хоть и медленно, но не останавливаясь ни на одно мгновение, заполнял собой всё существующее простран-

ство.

Густой и вязкий, с неторопливым, но и ничем непреодолимым усердием, он флегматично продвигался вперед с неотвратимостью дождя, способного проникнуть в любую, даже самую тонкую щель. Точно так же, как вода была способна намочить всё, к чему она прикасалась, так и свет освещал каждый закуток, каждую расщелину, каждый выступ и впадину, каждый, даже самый труднодоступный участок пустоты.

А абсолютная тишина на арене действий лишь усиливала, нагнетала чувство неотвратимости.

– Что будем делать? – Агафья Тихоновна повернулась к дракону, и показала плавником на световой луч, подобравшийся к ним ближе всех остальных.

Луч как раз огибал мешок с жадностью, и бережливостью, под воздействием света, вместе с мелочностью и прижимистостью, бросились наутек, наконец-то оставив попытки развязать мешок. Спущенными рукавами они закрывали свои тела, пытаясь спастись от яркого, ослепляющего света, а меркантильность, крохоборство и корыстолюбие, не имея своих рукавов, которые можно было бы спустить, пытались спрятаться за спинами своих более крупных товарищей.

– Ждать, – Артак улыбнулся, наблюдая за этой сценой, но не сдвинулся с места, – будем ждать, тем более что ничего другого нам и не остается.

– Нам ничего не угрожает?

– Нам? – дракон рассмеялся сильно, в голос, и от его хохота, кажется, даже световые потоки перешли в лавинное, нарастающее движение. Словно камни в горах при камнепаде. Такой себе световой ураган. Всё вокруг содрогнулось, но выстояло, – нам? – повторил дракон сквозь смех, и наконец ответил:

– Нам ничего не угрожает, – он смеялся и смеялся, но Агафье Тихоновне показалось, что его радость была немного искусственной, насильной, почти натужной.

Дракон, в свою очередь, смеялся и внимательно наблюдал за светом, судя по всему, смеялся он лишь для того, чтобы посмотреть за реакцией света на его смех.

– Но свет растворяет всё, что здесь есть... – неуверенно произнесла Агафья Тихоновна.

– Я бы не смог отказаться, если бы свет захотел растворить и меня, – дракон говорил отрешённо, словно ему в голову пришла какая-то интересная мысль, – но, боюсь, что этого не случится, – он замолчал, прислушиваясь, – хотя, это было бы совсем неплохо. Так что не переживайте, нам ничего не угрожает. Свет не растворяет – он освещает, он питает. Возможно, когда-нибудь он что-нибудь и растворит, – дракон подмигнул акуле жёлтым глазом с вертикальным зрачком.

Агафья Тихоновна молча кивнула и подмигнула в ответ.

Артак, как собака, приподнял уши и вслушался в абсолютную тишину, царящую на зеркальной арене. Скользнув

взглядом по темным, ещё не затронутых светом, участкам пустоты, дракон, казалось, сам превратился во внимание. Или в способность внимать.

– Что вы делаете?

– Ничего особенного. Слушаю. Пытаюсь понять, – Артак полностью погрузился в процесс созерцания.

Казалось, не было ни одного звука, способного пройти мимо чуткого драконьего уха, не было ни одного лучика света, который был бы в состоянии обойти драконий глаз. Артак сейчас олицетворял собой всё внимание, которое было в его распоряжении. Он воплощал собой весь мешок, он растворял в себе их – бездонные мешки возможностей, открывающихся при созерцании.

Артак просто внимал. И был внимателен...

В это же мгновение мешок с вниманием что-то затрясло изнутри, его словно залихорадило, как это бывает при высокой температуре, но тут же отпустило, покинуло, оставило в неподвижности. С негромким шелестом веревка, стягивающая мешок за горло и перекрывающая ему кислород, даже не дождавшись своего светового луча, ослабла и с лёгким шелестом соскочив вниз, упала на зеркальный пол. Мешок глубоко вдохнул и раскрылся.

– И как? Получается? – акула улыбнулась с небольшой долей иронии.

– Получается, – Артак утвердительно кивнул головой, и в его глазах сверкали какие-то искорки, – конечно, получается, – он опять засмеялся, теперь уже искренне и бесхитростно.

Напряжение покинуло его полностью.

Агафья Тихоновна ничего не могла понять и поэтому продолжала молча смотреть на громко смеющегося дракона в ожидании.

– А знаете, что? Давайте посмеемся с вами вместе! – дракон схватил акулу за плавник и вскочил на лапы, – только смеяться надо громко и как можно более проникновенно, смеяться надо тем смехом, про который говорят – от всего сердца!

– Вы сейчас говорите серьёзно?

– Абсолютно! Абсолютно серьёзно! – Артак подпрыгнул и раскаты драконьего смеха заполнили всё существующее пространство.

Казалось, смех разделил со светом всю существующую пустоту и теперь они мирно сосуществовали вместе.

Смех, как и свет, обладал своей собственной, яркой и постоянной энергией, но она была немного тоньше, можно сказать, неуловимее, она была даже менее осязаема, чем энергия света. Похоже, смех со светом стали не разлей вода. Стали друзьями. Почему нет? Ведь по своей структуре они были очень похожи.

Агафья Тихоновна неуверенно прокашлялась, прочистив

горло и посмотрела на Артака.

– Я боюсь что у меня не получится, – она ещё раз покашляла, – трудно смеяться, когда совсем не смешно.

– Получится, получится! Для того чтобы получилось надо не так уж и много, – Артак продолжал смеяться, изредка прерываясь на речь, – надо просто делать то, что вы хотите чтоб получилось. На самом деле это очень просто!

– Но я совсем не хочу смеяться, – акула продолжала слабо возражать.

– Это и необязательно. Чтобы получить нужный результат, надо просто делать то, что вы хотите чтоб получилось, – повторил Артак и подмигнул Агафье Тихоновне жёлтым глазом, – даже если вам кажется, что у вас ничего не получается. Надо просто действовать и всё.

– И всё?

– И всё!

– А если не выйдет?

– Не бывает так! Обязательно выйдет!

– Ну хорошо, – акула набрала в легкие побольше воздуха и её смех точно таким же образом прокатился волной по зеркальному полу.

Он смешался с драконьим смехом, и два хороших настроения, этих две теплых энергии, взявшись за руки, потихоньку заполняли пустотное пространство.

Агафья Тихоновна, словно начав кое-что понимать, смеялась и смеялась – без остановки, без усталости, изредка пере-

глядываясь с точно так же смеющимся драконом. Так они и продолжали смеяться какое-то время, пока не произошло нечто совсем неожиданное.

Смех, как самостоятельная величина, ощутил двойную подпитку, двойное вливание, двойной заряд.

Он стал вдвое мощнее, и сам свет уже был не в состоянии его игнорировать, так, как это происходило мгновением ранее.

Свет в недоумении остановился, прислушиваясь. Он словно споткнулся о второй голос. Наверное, только сейчас свет смог различить два голоса там, где ранее был один. Только сейчас вместо одного драконьего рыка – два голоса, как два дорожных указателя, направляли его туда, где он был необходим. Немного постояв на месте, видимо, размышляя, свет кивнул и продолжил свой неторопливый шаг, однако направление его несколько поменялось.

Вмешались указатели.

И эти указатели направляли его в счастье, в хорошее настроение, в блеск, в блаженство, в освещённое им же, освещённое светом будущее. Теперь свет распространялся не во все стороны, как раздувающийся шар, а двигался направленно, векторно, словно по стрелке.

Мешок со способностью внимать, совершенно вдруг, и как-то резко, неожиданно, обмяк и свалился на зеркальный пол, подняв небольшой столб пыли.

Внимание тут же распространилось вокруг, оставив на полу, в пыли, уже никому ненужную мешковину. Ненужную ли?

– Наверное, он приходит в себя! – Артак подмигнул Агафье Тихоновне жёлтым глазом, – я бы сказал даже так – наверняка он приходит в себя!

Смех и свет, помогая друг другу, переплётшись в одну общую и светлую сущность, немного ускорились и продолжили свой путь. Оно и неудивительно, ведь вдвоём идти и легче, и быстрее. Свет приобрел какую-то желтоватую теплоту и душевность, словно из него вышла бессердечность и безучастие, словно его безвозвратно покинули безразличие и ослепляющая жестокость, которая просматривалась в ярко-белом и чистом, почти в операционном сиянии. Свет стал направленным, он стал избирательным, выборочным. Другими словами – свет стал поляризованным, он целеустремленно и уверенно продвигался в единственно верном направлении – в направлении, подсказанном ему Его Величеством смехом.

Смех же, в свою очередь обрёл крепость и яркость, заиграл разными красками и оттенками в ослепительно-белом сиянии чистого света. Он обзавелся каким-то особым, выразительным красноречием, велеречивостью – он приобрёл мощь. Смех стал сильным и честным. И в этой светлой честности смех продолжал черпать какую-то фундаментальную жизненную силу – незаурядную, изысканную, уникальную,

редчайшую силу. Смех добавил в свой багаж Энергию самого света.

– Смотрите, – дракон глазами показал акуле на место встречи смеха со светом, – смотрите, смотрите...

Артак поддерживал Агафью Тихоновну за плавник, и они, изредка посматривая друг на друга, продолжали смеяться, только теперь уже совершенно свободно и непринужденно. Единственная вещь, которую они не могли бы сейчас сделать – это просто взять и резко остановиться.

Тормозной путь был бы слишком долог. Да и тормозить совсем не хотелось.

Хорошее дело – искренний и беззаботный смех.

Хорошее дело и хороший путь.

Верная дорога.

Ведь правда же, если хочешь что-то сделать – делай. И что бы это ни было – оно сделается само собой.

Это единственный, и к тому же беспроегрышный вариант добиться желаемого.

Просто делай.

Потихоньку, нисколько не спеша, теперь уже единая сущность состоящая из света и смеха, заполнила собой всё видимое глазу пространство и погрузила акулу с драконом в какое-то перманентное сияние.

Оно освещало, но не слепило.

Поддерживало, но не нагружало.

Заполняло, но без отягощения.

Питало, но не слишком. Не закармливало, не пичкало. Но насыщало, охватывало.

– Да, – дракон кивнул головой, захлебываясь очередной порцией смеха, – да, да, да! Вот такой это мир! Мой мир! Мир действий!

Дракон и акула в данный момент выполняли роль двух маленьких заводов по производству хорошего настроения. И им это очень нравилось. Было по нраву, по сердцу.

Каким-то шестым или даже седьмым чувством они ощущали отдачу, и процесс понимания, который уже был внутри каждого из них не оставлял никакого сомнения в том, что они поступают правильно. Именно так как надо. Так, как должно было поступать.

И ещё, наверное – да, даже наверняка – смех излечивал, смех окрылял, он указывал сознанию обратный путь – смех приводил сознание к своему хозяину.

Смех возвращал осознанности её главную роль.

Мешки на арене вскрывались и лопались как мыльные пузыри, один за одним – они наполняли этот чудесный мир новыми красками, новыми запахами и новыми ощущениями. Процесс был запущен. И, конечно же, может и не скоро, но

совершенно неизбежно, когда-нибудь он подойдет к концу.

И конец этого длительного и необходимого процесса будет означать только одно – возвращение хозяину его сознания. Со всеми его чувствами и предчувствиями, со всеми предрассудками, со всеми действиями и поступками – с его собственной, хозяйской реальностью и её собственным, уникальным и неповторимым искривлением.

С её выгибанием в сторону бесконечности, с её округлыми нулевыми боками.

Иначе, зачем эти мешки на полу? Зачем эта пыль?

Возможно, симбиоз их содержимого и формировал то самое, что человечество называет индивидуальностью. Формировал ту самую единичность и неповторимость, являющуюся всего лишь частью ещё более массивной единицы – частью единицы всеобщей, неохватной для усечённой человеческой индивидуальности.

Агафья Тихоновна продолжала смеяться, почти забывшись, она на мгновение погрузилась в хорошее настроение с головой и, видимо, решив его поддержать и даже улучшить – для того чтобы подняться ещё выше, стать ещё чище, ещё звонче, ещё быстрее – она зачем-то достала из-за своей спины, прямо из пустоты, веник с совком и уже почти приступила к уборке, когда Артак остановил её едва уловимым движением своего хвоста.

Акула в недоумении остановилась и показывая на валяю-

щиеся везде пустые, открытые мешки, произнесла:

– Я думала подмести пыль на зеркале и убрать мешковину...

– Не надо, – дракон отрицательно покачал головой, – не надо...

– Но почему? Ведь будет чище и светлее, не так ли?

– Это не мешковина, – Артак приподнял когтистую лапу, – точнее, это не простая мешковина. Это слепые пятна. Как на сетчатке человеческого глаза. И, мне кажется, что будет правильно оставить всё как есть чтобы дать владельцу этого мира возможность видеть то, что он хочет видеть, и закрывать глаза на то, что его раздражает, нервирует, злит.

– Как это?

– Двигая эти мешки по зеркальному полу он сможет сознательно закрывать какие-то участки своего восприятия, тем самым...

– Проявлять свои чувства избирательно? – Агафья Тихоновна подхватила, как всегда, опережая мысли.

– Ну можно сказать и так, – Артак снисходительно улыбнулся, – можно и так. Я бы добавил только одно. Используя эту мешковину, он сможет формировать свою собственную реальность, закрыв части реальности истинной.

– Но тогда его реальность не будет истинной?

– Нет ничего хуже внезапно открывшейся истины, особенно, когда ты в своих мыслях и ощущениях всё ещё ограничен контурами человеческого тела. Поэтому, давайте оста-

вим ему эту возможность выбирать. Всё-таки, ничто и никто не в силах помешать человеку, твердо решившему покончить с иллюзиями и окунуться в реальный мир. Но это должно быть именно его решение. Лично его. Его собственное решение. Можно даже сказать – вынужденное. И вынужденное им же, вынужденное самим собой.

– Но почему именно вынужденное?

– Потому что когда-нибудь, рано или поздно, но совершенно неизбежно, настает момент, когда жить по-старому становится невозможно.

– И что тогда?

– Если речь идёт о социумах – происходят революции, а если о людях – приходит время поиска истины.

– Или новой иллюзии?

– Или новой иллюзии, – дракон рассмеялся, – но иллюзии, раньше или позже, исчерпают себя, а истина – никогда. Поэтому, в конце всех возможных концов, всё равно останется одна истина. И более ничего. Все иллюзии пройдены, все обманы раскрыты, все дороги исхожены.

– Да, я понимаю.

– Так что не будем принимать такие важные, я бы сказал даже – судьбоносные шаги самостоятельно. Это большая ответственность.

– Но, может, хотя бы пыль подмести? – акула указала взглядом на зеркальный пол.

– И пыль подметать не надо, – дракон счастливо засме-

ялся, – пыль сможет придать истине необходимое человеку искажение без которого она сама не сможет получить ни одного шанса быть понятой. Пыль – как воздух, который делает небо синим, и понятным для всех. Ведь синий – видим людьми, – Артак тоже кивнул на пыль, – и пусть немного этой пыли, пусть это слабое, но всё же искажение – пусть оно останется на своем месте.

– Да, да, – Агафья Тихоновна быстро выкинула веник за спину, где он растворился в пустоте, – вы правы. Вы совершенно правы. Это как с крещением новорожденных.

Дракон в изумлении приподнял бровь.

– С крещением?

– Ну да. Родители любят крестить своих, ещё ничего не понимающих детей совсем маленькими, тем самым отбирая у них выбор, не так ли?

– Ах, вот оно что! – дракон улыбнулся, – да, да, именно так.

– И если любая из существующих религий со временем могла бы стать сознательным выбором самого ребенка – то много позже, когда он сможет сам осознать что, зачем и к чему. Но никак не в первые годы жизни. Вот так и получается, что любая религия – всего лишь выбор родителей этого ребёнка, тогда как сам ребенок, вполне возможно, выбрал бы нечто совершенно другое, а может быть и выбрал бы атеизм.

– Родители лишают своего ребенка права выбора, тут вы совершенно правы. Причём делают они это сознательно и ис-

кренне радуются своему невежеству, – Артак усмехнулся, – да, да, вы правы, правы. Это и есть огромная сила невежества. Темноты и невежества. Вот давайте и мы с вами не будем такими родителями, а предоставим возможность хозяину этого всего, – дракон обвёл взглядом пространство, – самому разгрести свои завалы и убрать свою пыль, самому понять свои личные искажения, и самому разобраться со своими со слепыми пятнами.

– Я с вами согласна, – Агафья Тихоновна задумчиво кивнула головой.

– Знаете что? – дракон хитро посмотрел на акулу.

– Что?

– Вы не задумывались о том, что если один верующий человек скажет другому, также верующему, что видел бога – тот, другой, ему совершенно не поверит...

Агафья Тихоновна широко раскрыла глаза, но в ответ не проронила ни слова.

Артак, дав ей некоторое время на размышление, широко усмехнулся и добавил, вроде совсем не к месту:

– Если не секрет, а куда вы собирались убрать мешковину? Ну или куда выкинуть пыль?

– Ну куда-нибудь, – акула осмотрелась вокруг и вдруг поняла что места, куда бы можно было что-то выкинуть, просто не существовало.

Она открыла глаза ещё шире и повернулась к дракону. Артак рассмеялся.

– Ну что? Теперь вы поняли?

– Кажется, да, – глаза Агафьи Тихоновны приобрели немного отрешённое выражение.

Казалось, она рассматривала что-то внутри себя.

– Ничто и никуда убрать нельзя. Ибо всё существует постоянно и неизменно. А вот позволить всему существовать, так сказать – иметь и не пользоваться – сколько угодно, – дракон на мгновение закрыл глаза, – или даже не так! Иметь и не пользоваться – это безусловно очень хорошо, но иметь и использовать – всё-таки ещё лучше. Использовать так, как тебе необходимо, – дракон продолжал сидеть с закрытыми глазами и не видел как акула повернулась к нему.

Но он услышал её слова.

– Ибо всё, что есть в мире – есть и в тебе. Абсолютно всё, что есть в мире, понимаете? Всё это есть в каждом. Потому как каждый и есть весь мир. Полноценный и настоящий. Без недостатков и недочетов. Без дефицита и избытка. Без исключений и без вариантов.

– Да, – дракон приоткрыл один глаз и внимательно посмотрел на акулу, – ничто и никуда убрать нельзя. Но, согласитесь, приятно осознавать что где-то за спиной у большой белой акулы есть веник и совок, а также и другие приспособления, и если ничего и никуда убрать все-таки нельзя и некуда, то попытаться всегда можно. А если есть что-то что можно сделать – то и сделать это необходимо обязательно. Необходимо! Обязательно! Хотя бы для того, чтобы

убедиться в бесполезности этих действий.

– Но зачем?

– Перемещая пыль и мешковину – мы также перемещаем и слепые пятна, а значит – начинаем видеть по-другому, – дракон подмигнул акуле, – так, например, проявляются новые, не замеченные ранее, отражения, однако, старые, хоть раз уже увиденные, забываться не спешат. Вот таким образом, шаг за шагом, когда-нибудь, можно будет сформировать всю картинку целиком. И она, эта картинка, уже и будет более-менее полноценной реальностью. Ну или максимально возможным для данного человека приближением к ней. Точнее, не самой реальностью, а её отражением.

Агафья Тихоновна махнула плавником, доставая из-за своей спины веник с совком и аккуратно положила их на мешок с трудолюбием:

– Пусть здесь полежит, вы как думаете?

– Пусть полежит, – дракон одобрительно кивнул, – пусть подождёт своего часа. Да и место как раз подходящее...

Свет постепенно, медленно, никуда не торопясь и никого не обгоняя – никого и ничего – не обгоняя даже мысль обыкновенного человека – залил, заполнил собой всё существующее пространство.

Некоторые мешки развязались и стояли распахнутыми настежь; некоторые раскрылись сами собой; некоторые упали на бок и с легким шипением сдувались как воздушные ша-

ры, из которых быстро выпускали воздух. Были и те, которые так и остались туго завязанными. Всё происходило словно само собой, без видимого внешнего воздействия и, казалось, даже не требовало этого вмешательства ниоткуда – особенно извне.

Зеркальный пол исправно отражал верхний поток света, обогащал его какими-то невидимыми глазу, но обязательно существующими нюансами, он возвращал уже обогащённый свет обратно, поворачивал его вспять, делал процесс обратимым. Всё ладилось, кроилось, кружилось в слаженном танце и, возможно, сама вечность была готова снизойти сюда и накрыть всё своей окончательной неподвижностью, когда совершенно вдруг, неожиданно, что-то красное – крупное и круглое, немного сплюснутое – словно на воздушный шар сверху положили увесистый том – внезапно это что-то упало на пол прямо в центре зеркального пола.

Зеркало с лёгкостью выдержало удар. Вслед за первым неопознанным диском вниз полетели точно такие же, красные и сплюснутые, практически невесомые, словно сделанные из поролона, диски. Их было много и они были очень большими. Даже не так – их было не просто много, их было очень много. Они падали на пол, отскакивали и быстро уносились в одном и том же направлении, не изменяя и не ломая ничего вокруг несмотря на свои большие размеры. Видимо, благодаря своему небольшому весу.

– Что это? – Агафья Тихоновна ловко уворачивалась от

лёгких, но крупных, размером с неё саму, сплюснутых красных шаров.

Одновременно она пыталась держать в поле зрения дракона, который спокойно наблюдал за происходящим. Он даже не пытался увернуться, и сплюснутые шары обходили его сами собой, как река огибает камень, лежащий посередине потока.

– Это? – в глазах дракона искрился смех, – что это? Вы действительно хотите знать?

– Конечно!

– Это кровь. Самая что ни на есть обыкновенная человеческая кровь. Ну а конкретно, – он толкнул лапой один из дисков, – та её часть, которая переносит кислород, а именно – гемоглобин. Думаю, нам необходимо приготовиться к возвращению в более привычные вам миры. Ибо, – Артак приподнял когтистую лапу, – ибо возобновлен кровоток, а с ним и питание, и, это значит – тело скоро оживет! Следовательно, оставаться нам тут уже недолго.

– Это кровь? – Агафья Тихоновна округлила глаза, уже в который раз за сегодня, – кровь? Человеческая кровь?

– Да, да, – Артак оставался невозмутим, с улыбкой наблюдая её неподдельное изумление, – это самая обыкновенная человеческая кровь.

В этот момент сверху, словно с бомбардировщика, получившего команду бомбить, посыпались красные и белые, иногда сероватые, иногда желтоватые, иногда полупрозрач-

ные шары и диски. Все они двигались в одном, строго заданном направлении, и каждая частичка была на своем собственном, никем и ничем другим не занятом, месте.

– Нас не затопит? – акула опасно смотрела вверх, то есть туда, откуда велась эта необычная бомбардировка.

– Вам ли беспокоиться? – дракон бестактно рассмеялся, но тут же осёкся, – я лишь хотел сказать что рыбе, даже такой необыкновенной как вы, не стоит бояться того что её могут утопить, не так ли? – вопрос был риторическим, и поэтому не требовал ответа.

В какой-то момент к общему потоку присоединились небольшие и бесцветные капли. Они выделялись среди других составляющих человеческой крови немного другой структурой, а точнее – отсутствием таковой. Похоже, это была просто чистая вода.

– Нет, нет, – дракон повернулся к акуле. Он, как обычно, мог слышать, да и слушал каждую мысль, – нет, это не вода.

– А что же?

– Ну если вам о чем-то это скажет, то я отвечу, – Артак хитро улыбнулся, – это метамизол натрия.

– Как вы сказали?

– Метамизол натрия, а говоря другими словами – простой и самый обыкновенный анальгин, который вы так мастерски вкололи ему, – он показал куда-то вверх, – прямо перед тем как он потерял сознание, – дракон весело рассмеялся, – всего лишь анальгин. И, как видите, он сработал.

Агафья Тихоновна некоторое время молча смотрела на кровавый поток, но по всему было видно что мысли её витают в очень далеком месте.

Немного спустя она произнесла:

– Как хорошо что мы живем в цветном и ярком мире!

– Чем хорошо? – Артак в недоумении приподнял одну бровь.

– Краски дают нам возможность отличить одно от другого, не так ли?

– Краски? – Артак усмехнулся, – все краски существуют лишь в вашей голове. Наукой давно доказано, что цвет любого материала – миф. Атомы, из которых состоит то или другое вещество колеблются с различной частотой, и как следствие, отражают волны света разной длины, предварительно поглощая все остальные волны. Вот эти отраженные волны впоследствии и воспринимаются глазом как цвет. Так что цвет чего бы то ни было – это электромагнитное излучение именно той длины волны, которое это «что бы то ни было» отторгает, а никак не принимает, и, значит, цвет который мы видим – это как раз единственная окраска, совершенно не присущая наблюдаемому предмету. Я же говорил вам, что люди живут в мире иллюзий, а не реальностей, – дракон рассмехался, – но и реальность доступна их пониманию. Правда, только тому, кто начинает думать и размышлять. Ничто не сокрыто ни в одном из миров, и путь к любым знаниям – простая внимательность.

– То есть, красный цвет на самом деле какой угодно, но не красный? – Агафья Тихоновна вытаращила глаза.

– Да, – подтвердил Артак, – то, что люди видят красным на самом деле обладает всеми поглощёнными им цветами, кроме этого самого красного, – он опять засмеялся, – для каждой длины волны человеческий мозг выбрал определенный цвет, который характеризует лишь наполненность луча энергией, и с радостью демонстрирует его каждый раз своему хозяину, когда он видит эти отражённые волны. Конечно, освещение должно быть достаточным, – дракон опять усмехнулся, – да это и так ясно, ибо отражается свет и ничто другое. С тем же успехом люди могли бы различать радиоволны и микроволновое излучение, да и любое другое, если бы природа посчитала необходимым предоставить им определенные органы чувств.

– Я знаю, знаю, – Агафья Тихоновна улыбнулась, – таким образом мудрая природа наделила людей дополнительной способностью познавать мир. Она дала людям цвет и многие из них даже превратили его в искусство – они смогли прикоснуться к вечному, смогли познать сам свет. Ведь посредством восприятия цвета, многие люди притронулись к истине, не так ли?

– Так, так, – дракон усмехнулся и добавил, – но многие из людей, даже находясь в мире двух цветов, даже в черно-белом мире, не смогли бы отличить один цвет от другого, не смогли бы отличить чёрное от белого, уж вы мне поверьте.

– Не смогли бы или не захотели бы смочь?

Артак внимательно посмотрел на Агафью Тихоновну.

– Скажем так – они были бы не прочь. Но...

– И в чем тогда дело? – акула нетерпеливо перебила дракона.

– В лени. Для того чтобы научиться видеть ясно и без искажений – без искажений даже от этой самой пыли, – дракон кивнул на разбросанные то тут, то там мешки, – необходимо вложить в себя очень много труда. А люди, в большинстве своём, совсем не любят трудиться. Люди предпочитают работать.

– А в чем разница?

– Разница в смысле. Трудиться – от слова «труд», а работать – от слова «раб».

– Откуда вы это знаете?

– Я смотрел и, следовательно, я видел. Причем видел своими собственными глазами и работу и труд.

– Наверное, вы много повидали, – Агафья Тихоновна задумчиво разглядывала Артака.

– Много.

– Вам было трудно?

– Нет, что вы, – Артак покачал головой из стороны в сторону, – мне было легко.

– Почему?

– Я смотрел, видел, познавал, учился, находил новое, и каждый раз прощался с этим новым, предвидя ещё более но-

вое. И каждый раз прощал. Это всегда придавало мне силы.

– Как же это? Я что-то не пойму. Прощался и прощал – это какая-то игра слов? – Агафья Тихоновна на мгновение зажмурилась, как будто это помогало ей думать.

– Человеческий язык, а можно сказать – это вы сами и есть, – дракон рассмеялся, – единственный неподкупный свидетель.

Артак говорил медленно и внятно, словно давая понять, что повторять не будет.

– И если историю можно переписать хоть тысячу раз в угоду одному или другому событию, человеку или правительству, то язык... – он щёлкнул пальцами когтистой лапы, словно подбирая необходимое слово, – язык всегда развивался, развивается и будет развиваться в строгом соответствии с самим человечеством. Он формировался и формируется созвучно и сообразно реальному течению событий. И, именно поэтому, изучая процесс формирования новых слов – как песчинок одного большого и целого организма под именем «речь», мы всегда и с колоссальной, с потрясающей точностью можем определить то, что было в той или иной эпохе. Да мне ли вам рассказывать? – Артак явно намекал на прямую причастность самой Агафьи Тихоновны к человеческой речи, – вы, столь искусно владея этим инструментом, сами по себе являетесь безукоризненным и безупречным, бесхитростным и безгрешным, честным и благородным и самым что ни на есть порядочным, правдивым и прямо-

душным учебником по всей человеческой истории.

Агафья Тихоновна молча и внимательно слушала.

– Да разве вы сами не замечали, что люди, когда прощаются и говорят «прощайте», тем самым, словно дают совет – прощайте, прощайте, обязательно прощайте. Прощайте всех без разбора. Прощайте быстро. Прощайте искренне. Прощайте честно, неподдельно, без затей и церемоний. Прощайте, прощайте и ещё раз прощайте. Особенно, – дракон оглянулся, словно их мог кто-то подслушивать, – особенно, когда прощаетесь.

– Прощаетесь с кем?

– С кем угодно и с чем угодно.

– И как все это связано со светом? Ну или с цветом?

– Свет всегда двигается только вперед, без сожаления оставляя позади себя всё прошедшее. Свет, будучи энергией в чистом виде, если бы обладал интеллектом, сродни человеческому, обязательно бы прощал всех и за всё, иначе трудно бы ему пришлось путешествовать, не так ли? – Артак подмигнул Агафье Тихоновне, – ведь ему пришлось бы таскать с собой такую тяжесть.

– Что ему пришлось бы таскать с собой? – акула окончательно запуталась.

Казалось, на её лице живыми остались только глаза, которыми она автоматически и совершенно бездумно следила за бушующим потоком кровяных частиц.

– Что? – Артак удивленно приподнял брови, – конечно

же, непрощённое.

– Непрощённое? И что бы тогда было?

– Что бы было – я не знаю, но нашей Вселенной бы точно не было, ибо она вся и целиком построена на одном общем принципе – на способности света преодолевать огромные расстояния, принося с собой необходимую энергию, которая и позволяет всему существу... – дракон внезапно замолчал и пристально посмотрел на акулу.

– Которая позволяет всему существу... – Агафья Тихоновна повторила заключительные слова Артака, словно подталкивая его мысли и замолчала, позволяя самому дракону закончить свою же фразу.

– ... позволяет всему существу быть. Существовать. Присутствовать. Происходить. Случаться. Одним словом – просто быть.

– Вы хотите сказать что мы существуем только потому что свет в состоянии забыть всё то, что он видит и простить всех за всё происходящее?

– «Простить» – совсем не значит «забыть», – Артак рассмехался, – даже совсем наоборот. Свет никогда и ничего не забывает. Он несёт картинки, изображения, несёт любую доступную человеку информацию сквозь всё существующее пространство и время, несёт, ничего не привирая и не приукрашая, даже на самую малую йоту, и уж поверьте мне – свет точно никогда и ничего не забывает. Но он, как бы это сказать, – дракон схватил луч верхнего света и притянул к

себе, – как бы это сказать, – он отпустил его и свет тут же, вальяжно и неторопливо продолжил своё путешествие вниз, к зеркальному полу, – как бы это сказать, – повторял дракон снова и снова, любуясь своим отражением в зеркале между своих лап, – свет не забывает. Никогда и ничего. Он просто не участвует, не участвует даже в том что помнит и знает точно. Он как такси, которое с одинаковой легкостью может везти и убийцу и мудреца, понимаете? Но он никогда не нагружает себя тем, что несёт, будь то хорошее или плохое, будь то необходимое или нет. Он всегда отдельно от всего.

– Но как же тогда «прощайте и прощайтесь»? Вы только что говорили что свету трудно было бы путешествовать, если бы он всё это таскал с собой, или я что-то не так поняла?

– Всё так, всё именно так. Но вы пропустили одну важную вещь, – дракон усмехнулся, – я сказал, что это было бы так, если бы свет обладал человеческим интеллектом. А человеческий интеллект, как правило, очень и очень искажает суть любой вещи, любого понятия. Кровь, по понятиям людей, можно смыть только кровью, хотя никому в здравом уме не придёт в голову смывать, например, чернильное пятно такими же точно чернилами. Правда, ведь? Чернильные пятна легче отмываются водой – чистой, прозрачной водой. Так что только ключевая, незамутнённая вода отмоеет человечество! Только яркий и неискажённый свет!

– Ах вот оно что! Человеческий интеллект!

– Да, да! Если бы свет обладал мышлением человека – то-

гда бы он радовался, неся людям тепло, и огорчался, когда это тепло превращалось бы в нестерпимый жар. Или совсем наоборот. И в том, и в обратном случае часть, если не вся существующая энергия уходила бы на поддержание эмоций, и свету было бы достаточно сложно, если не сказать – совершенно невозможно – выполнить свою основную функцию – беспристрастно переносить энергию в нужном, в необходимом на данный момент направлении по пространству и времени.

– Вы, наверное, хотели сказать «в пространстве и во времени»? – Агафья Тихоновна трепетно относилась к любому искажению языка, ибо это искажало её собственную суть.

– Нет, нет, – Артак засмеялся, – именно по пространству и по времени.

– Но это выражение немного неверно лингвистически, не так ли?

– Если представить что пространство – это туго натянутый холст, к которому всё существующее приколото какими-то специальными булавками, удерживающими все предметы на этом холсте, то фраза «по пространству» уже не кажется неверной, правда?

– Хм, – акула на мгновение задумалась, – да, в таком случае, конечно... – она покачала головой, как бы сомневаясь, – в таком случае, всё верно. А пространство действительно похоже на холст?

– Можно и так сказать. Пространство – это и есть холст,

только трехмерный. Холст, имеющий три измерения – длину, высоту и ширину. И именно поэтому – пусто и пустота – совершенно разные вещи. Помните, мы говорили об этом?

– Да, я, конечно, помню, – Агафья Тихоновна судорожно вспоминала недавний разговор, – пусто – это когда ничего нет, а пустота – это уже наполнение, да?

– Именно, – Артак утвердительно кивнул, – пусто – это когда ничего нет, пусто – это когда нет даже самого холста, – и он счастливо засмеялся.

– А пустота?

– А пустота, соответственно, когда холст есть! Но на нём ничего нет. Понимаете разницу?

– Теперь понимаю. Но постойте, – акула резко обернулась к дракону, – но постойте, – а люди это понимают?

– Почти, – Артак равнодушно кивнул, – почти понимают, – он презрительно фыркнул – судьба человечества, судя по всему, его мало волновала.

– И что для них является холстом? Как они его называют?

– Они называют его, – Артак прищурился, словно сдерживая внутри себя жёлтый свет, струящийся из его глаз, – они называют его – ни много, ни мало – тёмная материя, конечно, совсем не понимая при этом сути самого пространства. То есть, не понимая сути и концепции холста, на котором вырисовывается сама картина.

– Вот это да! – Агафья Тихоновна от удивления привстала, – вот это номер! Тёмная материя!

– Тёмная – не потому что страшная, потусторонняя или злая, – дракон с улыбкой наблюдал за медленно движущимся светом, – а потому что невидимая, неразличимая для органов чувств человека. Но со временем люди поймут что пространство – это не пустота в чемодане, в которую помещается все существующее на свете, да и сами люди тоже, пространство – это сам чемодан и есть, а точнее – чемодан-матрешка, чемодан в чемодане, и так до бесконечности. И в структуру этих чемоданов вплетено всё сущее, понимаете?

– Кажется, да, – Агафья Тихоновна кивнула, – а почему чемоданов много?

– Ну я бы сказал – сколько чемоданов, столько и пространств, – дракон был невозмутим и безразличен к происходящему, или хотел казаться таковым, – однако, это не будет полностью отражать истину, – достаточно просто понять одно – пространство – точно такая же материя, как мы с вами. Пространство – точно такое же наполнение, как например, вот эта мешковина, – Артак кивнул на мешок, лежащий около его лапы, – оно точно такое же содержание космического вакуума, как и всё остальное.

– А что такое космический вакуум? – Агафья Тихоновна продолжала тарашить глаза, даже не скрывая своего изумления.

– А космический вакуум – это именно то место, где абсолютно пусто... – Артак с интересом поглядывал на Агафью Тихоновну с тем выражением, с каким родители поглядыва-

ют на своих детей, и судя по всему, его забавляла её реакция, – но даже и это не совсем так. Понимаете, я не могу употребить слово «место», так как место появится только с появлением самого пространства. А там, где действительно пусто – нет абсолютно ничего – нет ни пространства, ни места в этом пространстве; нет ни времени, ни изменений во времени. Это трудно объяснить словами...

– Мне кажется, я всё-таки понимаю что вы имеете в виду, – глаза Агафьи Тихоновны приобрели своё обычное неторопливое выражение, и было видно, что жизнь процесса «Понимание» сейчас в самом разгаре, а сам процесс – в самом соку.

Некоторое время акула молчала, а потом, вздрогнула, словно прикоснувшись к чему-то горячему, и произнесла:

– Но если само пространство является материей, то... – она запнулась, словно боясь продолжить.

– То, как и любая материя, конечно же, ходит в паре с энергией, – дракон утвердительно кивнул, – ведь вы именно это хотели сказать, не так ли? – он усмехнулся одними глазами, – и я вам скажу больше, само пространство можно взвесить, то есть оно, как и любая материя имеет вполне реальный физический вес, а значит, обладает неизменным качеством любой из материй – гравитацией.

– Да, да, – акула вновь широко распахнула глаза и посмотрела вдаль, – да, да, именно это. Но что это за энергия такая? Тоже тёмная? – она задумчиво вертела головой, потом

запнулась, словно только сейчас услышала последнюю фразу дракона и повернувшись к нему переспросила:

– Гравитацией?

– Ага, – Артак аппетитно зевнул, – самой простой, и уже немного изученной человечеством гравитацией, обладает ею, можно сказать даже – безраздельно владеет, как и все предметы, видимые человеческому глазу.

– И пространство притягивает всё что в нем есть?

– Ну да, – дракон хихикнул, – пространство само по себе притягивает всё, что обладает любой, даже самой незначительной массой. Вот вы, например, сидите рядом со мной, а не летите куда-то сломя голову.

– Но я думала что меня притягивает Земля...

– И Земля тоже... Хотя мне и непонятно, где вы тут видите Землю, – дракон рассмеялся громко и искренне.

– Внизу, наверное, где же ей быть ещё, – акула растерянно смотрела прямо в зеркальный пол, словно пыталась просмотреть в нём дырку и увидеть планету Земля, во всем её величии и многообразии.

– Я не сильно вас расстрою, если сообщу что нет тут никакой Земли, впрочем как нет и всего остального?

– Эээ... – Агафья Тихоновна только и смогла промычать в ответ.

– Вот тебе и эээ, – Артак наконец-то перестал смеяться и слёзы от смеха выступили из его глаз, – вот такой компот! – он потянулся всем телом и застыл в неподвижности, как это

любят делать рептилии.

Живыми оставались лишь его глаза и мысли. Они были выразительными и ясными. Исключительными и уникальными. Простыми и сложными. Разными. Непохожими. Но они были его – его собственностью, которой он мог делиться или нет.

Акула, глубоко вздохнув, спросила:

– Но что за энергия сопровождает тёмную, невидимую глазу материю? Тоже тёмная?

– От того что мы её назовем тёмной или светлой, суть вопроса не изменится. А вы действительно ещё не догадываетесь?

– Пока что нет, – Агафья Тихоновна медленно покачала головой из стороны в сторону, – пока что нет, – она повторила это ещё раз и вновь крепко задумалась.

Дракон внимательно посмотрел на акулу и отвернулся, выдержав необходимую, для того чтобы Агафья Тихоновна спокойно подумала паузу, и несмотря на то что вокруг не было никого, кто мог бы их услышать, тихонько прошептал:

– Тёмная энергия – это самое что ни на есть обыкновенное, самое что ни на есть простое и заурядное, самое что ни на есть рядовое, типичное, всем привычное, стандартное и традиционное, неизученное и ...

Он не успел закончить, так как Агафья Тихоновна закрыла ему пасть одним из своих плавников и, глядя на дракона широко открытыми глазами, так же тихонько прошептала:

– Время...

Он улыбнулся одними зрачками, и жёлтый цвет драконьего глаза на какое-то мгновение напомнил акуле Солнце.

– Да. Тысячу раз да. Время. Оно! Вот так просто.

– Сколько пространств – столько и чемоданов? Следовательно, и времён бесчисленное множество?

– Вполне может быть. Кстати, рассуждая таким образом, в конце концов, вы непременно выйдете на основной вопрос, занимающий человечество, – Артак рассмеялся, – а что было раньше? Яйцо или курица? Пространство или время?

– И что же?

– Мне приятнее считать неделимым и то и другое. Наличие одного автоматически подразумевает и наличие второго. И там где есть пространство – всегда будет время, так как само понятие пространства предполагает его физическую протяженность, не так ли? А познать, – дракон выразительно глянул на акулу, – да что там познать, хотя бы окинуть взглядом, увидеть нечто, имеющее, возможно, бесконечные размеры, не получится в одно мгновение – целиком и сразу, ибо размеры того кто познает, конечны. И время тут же выскакивает, оно возникает само собой, оно пробуждается и предстает перед нами как инструмент познания, как карандаш в руках у инженера, задумчиво склонившего голову над чистым листом белого ватмана.

– И само пространство – это белый лист?

– Ну или инженер, это уж, как вам будет угодно! – Артак

откинулся на спину и захохотал.

Агафья Тихоновна опять застыла, и опять основным процессом, накрывшем её в этом мире действий, поступков и чувств было изумление, по своей интенсивности граничащее с ошеломлённостью, и даже со смятением. Немного переварив только что полученную информацию и, видимо, что-то придумав мгновение спустя, она хитро прищурилась и решив зайти с другой стороны произнесла:

– Вы хотите сказать также и то, что если где-то возник карандаш, то белый лист, на котором можно что-то начертить, да и сам инженер-чертежник также неизбежно появятся сами собой?

– А как же иначе? Для этого карандаш и нужен, – дракон опять засмеялся, – само понятие времени кричит нам об этом со всех сторон. Ведь что такое время? – он замолчал лишь на одно лишь мгновение, необходимое для того чтобы взглянуть ей прямо в глаза, не дал времени подумать и быстро закончил:

– Время – это её величество возможность. А возможности рано или поздно превращаются в реальность. И, если запас времени бесконечен...

– Тогда что-то в любом случае произойдёт! – Агафья Тихоновна весело подхватила нить беседы и размотала её на свой лад, – что-то обязательно произойдёт, иначе само существование времени, как такового, абсурдно.

– Совершенно верно! Для природы было бы бессмыслен-

но создать необходимый инструмент, не создав при этом то место, где можно было бы этот инструмент использовать, не так ли? Я вам скажу больше, – Артак продолжал смеяться, – абсурдной была бы и ситуация, когда есть и место и инструмент, но нет того, кто может использовать этот инструмент в этом месте, а именно – нет самого инженера.

– Так значит инженер – это всё-таки человек, а не пространство?

– Не знаю, не знаю... Мы пришли к тому с чего начали, – Артак уже в который раз за сегодня с хитрецей глянул на свою собеседницу, – а именно – всё едино и неразрывно, и ещё неизвестно, человек ли исследует пространство с помощью времени, или совсем наоборот – пространство с помощью человека исследует само себя.

– Но время присутствует и в том и в другом случае?

– Конечно! Время – это энергия. А энергия – мать всего сущего. По крайней мере, в этом мире! И что немаловажно – энергия – это кормящая мать, мать питающая!

Агафья Тихоновна замолчала, закрыла глаза и постаралась представить то, о чём они говорили, а может быть и что-то совершенно другое, известное только ей одной.

Однако, мысли сворачивались, как молоко и перед её глазами то и дело возникали глаза Артака – жёлтые, как само Солнце, с вертикальным зрачком, пульсирующим как сама жизнь.

– Однако, мы отвлеклись, – дракон с улыбкой наблюдал за искренними попытками Агафьи Тихоновны схватить понимание за хвост, – и наш разговор, хоть и увлекательный, но привёл нас совсем в другую сторону, – он обнял акулу и притянув к своей пасти её ушное отверстие, расположенное, как и у любой акулы немного позади глаз, тихонько прошептал:

– А остановились мы на том, что свет, как транспорт для любых видов энергии, выполняет всего лишь роль такси, не вмешиваясь в содержание того, что он переносит. Он беспристрастен и объективен, он честен, прям и исполнительен. И никогда, – Артак немного повысил голос, – никогда и нигде свет не смешивает свою высшую природу с содержимым любого из этих мешков, – дракон показал взглядом вниз, туда, где лежали все существующие действия и поступки, где лежали все человеческие деяния.

В беспорядке они были разбросаны по зеркальному полу и прикрывали своими тканевыми телами, сотканными из прочной мешковины, часть отражающей поверхности.

– Только сам человек в состоянии исказить изображение, сделать его тяжёлым или даже совсем неподъемным, скажем, пропустив тот же самый свет через вот этот мешок с жадностью. Или через тот, со страхом. Или вот ещё лучше – через мешок со страстями. Правда, свет в состоянии легко вернуть

себе невесомость, пройдя сквозь всего лишь одну пылинку, упавшую с мешка с любовью. Да что там пылинку, – Артак улыбнулся, обнажив белые, ровные, и достаточно крупные зубы, – одного атома вполне будет достаточно для того чтобы вернуть свету его абсолютную суть.

– Всего лишь одного атома? – переспросила Агафья Тихоновна.

– Да, – Артак усмехнулся, – всего лишь одного атома, а если быть до конца откровенным, то хватит даже безатомарной, безотносительной мысли, хватит бестелесной идеи, содержащей в себе истинную, и в этом смысле – святую любовь, – он мечтательно посмотрел вверх и быстро закончил:

– Любовь меняет восприятие сильнее всего.

– Но любовь нас и так окружает, где бы мы ни находились, не правда ли? – Агафья Тихоновна хорошо помнила вывернутый наизнанку мешок с этой самой любовью, который продолжал хранить своё содержимое снаружи себя самого.

– Хранить – в данном случае – оберегать, – Артак, как обычно, с легкостью читал мысли окружающих, – оберегать от того, что внутри, а именно – от содержимого этих мешков, – он опять заулыбался, демонстрируя белоснежно-кипенные зубы, и немного отодвинул куль с трусостью от себя, – тут, как обычно, всё просто. А просто – это практически всегда с точностью до наоборот.

– Не понимаю, – Агафья Тихоновна часто и мелко заморгала, пытаясь сосредоточиться.

– И понимать нечего. Всё, что здесь есть – находится внутри мешков, тогда как любовь – снаружи. И мешковина надёжно сохраняет одно от другого, как если бы было совсем наоборот – если бы любовь пряталась за прочной тканью от выпущенных наружу кипящих вулканов, которые, несомненно содержат многие из этих мешков. Выпущенные и неконтролируемые, прежде всего они бы начали пожирать всё, что их окружает. Заливать всё существующее своей горячей и неконтролируемой лавой. Сжигать, испепелять, кремировать. И начали бы они именно с человеческого восприятия действительности. Изменили бы её до неузнаваемости и, в конце концов, пожрали бы всё то, что так ревностно пытаются сберечь эта простая и прочная мешковина.

– Но почему?

– Потому что восприятие, состоящее из любви – это одно. А восприятие, созданное, например, из трусости и жадности – совсем другое. Может быть, даже прямо противоположное. И это необходимо четко понимать. И только понимая – различать.

– Я совсем запуталась, – Агафья Тихоновна растеряно смотрела на своего собеседника, не зная что сказать.

– Всё просто, – повторил Артак и усмехнулся, – свет никогда бы не принес достаточно энергии туда, где она необходима, если бы ему пришлось носить с собой ещё обиды и огорчения. Впрочем, не только обиды и огорчения, но и всё остальное. Носить свою собственную тяжесть всё-таки

прерогатива самого человека. А подхватив всё это, – дракон опять окинул взглядом до отказа забитое мешками помещение, – подхватив всё это, свет перестал бы быть светом и приобрёл бы массу, которая мешала бы ему перемещаться, которая тормозила бы его, тянула назад, сдерживала. А знаете ли вы, сколько весит, например, жадность или трусость? – спросил дракон, но не дожидаясь ответа, – миллиарды миллиардов тонн. Поймав такую тяжесть, свет перестал бы быть невесомым и уже, как следствие, его скорость бы резко упала. Резко, вплоть до полной остановки, понимаете? Если обязать свет всегда брать с собой трусость и жадность, горечь и разочарования, которые тоже, безусловно, весят, ибо пригибают людей к земле, он тратил бы свой запас энергии на их перемещение и, в конце концов, израсходовался бы, не смог бы принести ровным счетом ничего и никуда, – Артак прокашлялся, – ведь чем больше нести свету – тем больше он тратит на это энергии, то есть, расходует себя самого – и, соответственно, тем меньшее расстояние он может пройти. Именно поэтому свет поступает совершенно по-другому – он никогда и ничего не берет с собой в дорогу. Как буддисты, всегда путешествующие налегке.

– Буддисты? – акула удивленно подняла глаза, – а при чем здесь они?

– Буддизм – единственная религия на Земле, из-за которой не началась ни одна из войн. И её последователи не берут с собой в путь даже столь необходимую им еду, твёрдо

зная, что дорога даст им все необходимое.

– Но любая религия – это всё равно лишь средство, не так ли? Средство, направленное на подчинение человеческой воли и разума, на ограничение свободы его мышления, на преследование его действий, наконец, на унижение его достоинства.

– Да, вы правы, – Артак с уважением посмотрел на Агафью Тихоновну, – это совершенно очевидно, поскольку любая религия насаждает человеку слепую и абсолютно безосновательную веру в силы, которые, якобы и заведомо, выше и сильнее, нежели сам человек. Однако, буддизм – это скорее философия, а не религия, – дракон немного виновато улыбнулся, – прошу меня великодушно извинить за употребление этого слова, – он склонил голову перед акулой, – зная ваше трепетное отношение к языку, я должен был быть внимательнее.

– Ах, оставьте, сейчас это совсем неважно, – Агафья Тихоновна, казалось немного смущенной, ибо впервые Мысль извинялась перед Словом, – но почему буддизм является философией?

Артак с благодарностью кивнул и сказал:

– Как и большинство философских учений, буддизм пытается особым образом объяснить всю сложность человеческой жизни, указывая, что в основе её лежит некий вселенский порядок. Так, например, в “Четырех благородных истинах” Будда кратко объясняет положение человека в мире: вот

есть страдание, а вот и причина этого страдания; вот прекращение страданий, а вот путь, ведущий к прекращению страданий. Учение о карме представляет собой полное и непротиворечивое объяснение природы причины и следствия. И даже буддийская космология на первый взгляд кажущаяся далёкой от реальной действительности, всего лишь является логическим продолжением закона кармы. Вот и получается, что в соответствии с учением Будды, в устройстве мира имеется глубокая и непоколебимая логика. Тогда как само понятие религии полностью отрицает наличие логики.

Агафья Тихоновна внимательно выслушала Артака, но продолжала молчать даже после того как тот кончил говорить. И дракон, откашлявшись, продолжил:

– Существенным отличием буддизма от всех остальных мировых религий является то, что в нём не фигурирует ни всевышний создатель или какое-либо высшее существо, ни святой дух, ни всеведущий любящий господь, к которому люди должны взывать о спасении. Вместо этого, буддизм призывает человека обрести мудрость собственными усилиями, то есть развить в самом человеке способность различать какие качества или процессы внутри него вредны, а какие – хороши и полезны. И даже сам Будда не может привести к достижению этой цели никого из людей – они сами, и только сами, должны сделать всё необходимое, чтобы пройти этот путь до конца.

Артак перевел дух и закончил:

– Именно поэтому я еще раз приношу свои извинения за то что поставил буддизм в один ряд с другими человеческими религиями.

– Перестаньте, – акула хитро улыбнулась, – прощение можно просить только первый и последний, он же – единственный раз. Позвольте и мне поблагодарить вас за столь подробный анализ, – Агафья Тихоновна старалась не отставать в любезности от Артака.

Дракон улыбнулся и, склонив голову набок, произнес:

– Но мы опять отошли от темы. Впрочем, как же нам ещё скоротать время, как не за интересной беседой. Ведь всё, что мы сейчас можем сделать – это ждать. Только ждать. Но, тем не менее, говорили мы о том, что свет никогда и ничего не берет с собой в дорогу.

– Я помню, – Агафья Тихоновна сосредоточено кивнула, – и, кажется, я теперь понимаю то, о чём вы говорите мне уже битый час.

– Это просто великолепно! Тогда я продолжу. С людьми тоже самое. Сколько бы энергии у тебя не было, какой силой бы ты не обладал – ты всё равно рискуешь потратить её впустую, если будешь таскать за собой обиды и разочарования. И именно это я и имел в виду говоря «прощайте и прощайтесь». Прощайте всё без разбора, не вникая даже в суть, будьте подобны свету. По крайней мере, старайтесь быть.

– А сам свет не весит ровным счетом ничего?

– Свет невесом и вот где настоящее чудо, мимо которого

люди каждый день проходят мимо! Свет невесом абсолютно и именно благодаря этому уникальному свойству, перемещаясь в пространстве, он не тратит ни капли той энергии, которую он несёт на своих волнах объектам материальным – объектам, обладающим массой. И всё, в человеческом понимании нематериальное питает видимую материю точно так же, как мысль кормит тело. А это значит, ни много ни мало, что всё на свете создано из ничего, всё то, что люди привыкли считать важным и целесообразным на самом деле ничего не значит, ибо создано оно – ничем и из ничего. А свет – всего лишь мостик между реальностью, создавшей человеческий мир и иллюзией, которую люди считают реальностью. Свет – двигатель всего происходящего. В этом и есть тайна существования нашей Вселенной.

– Он совсем-совсем невесом?

– Абсолютно, – дракон утвердительно кивнул, – абсолютно невесом. И знаете, что?

– Что?

– Любая невесомая субстанция в этом мире тут же начнёт двигаться рядом со светом, с такой же скоростью и мощностью.

Агафья Тихоновна округлила глаза.

– Вы уверены?

– Конечно!

– А что для этого необходимо сделать? Чтобы стать невесомой?

– Избавиться от груза, конечно, – Артак засмеялся, – из-

бавиться от всего того, что связывает вас и угнетает. Избавиться от всего, что имеет массу.

– И от тела? – она немного скривилась.

– От тела в первую очередь. Но избавившись от тела вы должны быть точно уверены, что ничто более не удерживает вас от полёта. Точнее, вы должны быть уверены в том, что от полёта вас удерживало только само тело и ничто больше.

– Но как?

– Очень просто, – дракон глубоко вздохнул, – надо быть очень чистым. Конечно же, я имею в виду – внутренне чистым. И внимательно следить за тем, чтоб ни одна пылинка, – он кивнул на грязный зеркальный пол с разбросанными то тут, то там мешками, – ни одна пылинка не прицепилась к вашей сути. Надо стать светом. Невесомым, как само отражение.

– А как им стать?

– Чтобы им стать, надо просто им быть. Это много проще, чем кажется с первого взгляда.

– Но как?

– В сущности, постигшей истинное познание все жизненные волнения отражаются как образ в кристально чистой воде, несколько не волнуя саму воду.

– А вода?...

– Сама сущность. Реальная и настоящая.

Агафья Тихоновна задумалась на какое-то время, и вдруг

поняла что имел в виду Артак.

– Вы сказали что люди не хотят трудиться?

– Люди путают тот созидательный труд, который всегда направлен внутрь себя самого, который направлен внутрь своей собственной сути с трудом, который они привыкли принимать за труд. Они думают что таскать тяжести, строить дома, производить автомобили – это труд.

– А это не так?

– Конечно, нет! Это работа. Впрочем, для них это не имеет никакой разницы, ибо работать они тоже не любят, – дракон рассмеялся, – но работать их заставляют их собственные желания, на которые им нужны деньги, понимаете? А трудиться можно только над собой, и только бесплатно. Знаете, в чём парадокс?

– В чём же?

– Труд способен принести человеку абсолютно всё – всё без исключений. Тогда как работа – лишь то, что можно купить за заработанные деньги.

– А в чем же парадокс?

– Работая ради денег – тяжело, упорно и зачастую без удовольствия – никто и никогда не сможет получить их в достаточном количестве, тогда как трудясь для души, и получая от этого внутреннее удовлетворение, всё остальное – необходимое и желанное, и деньги в том числе, поторопятся занять свое место рядом с человеком, отказавшимся от них ради труда. Вот вам и парадокс.

– Я понимаю, – освещённая лучами света акула внимательно слушала дракона, – точнее, только теперь я начинаю понимать, – она сама поправила себя.

– И труд, в отличие от работы, совсем не утомляет. Но понимаешь это только тогда, когда без труда уже не можешь существовать. На первых порах трудиться много сложнее чем работать. Только потом всё меняется с точностью до наоборот. И на это нужно время, на это необходима энергия. Время необходимо чтобы понять неотвратимость необходимости развиваться. Время необходимо, чтобы разбить устои. Любые устои, навязанные извне – религиозные ли, социальные или ещё какие-то. Время необходимо, чтобы исключить проникновение снаружи и научиться слушать своё сердце, свой внутренний голос.

– А при чем же здесь прощать? Если вернуться к вашим словам – прощайте и прощайтесь?

– Прощение – это большой труд.

– А прощайтесь?

– Простив – необходимо забыть и проститься с тем, что вы уже и так простили. Это ещё более трудно. Трудно – от слова «труд», – дракон усмехнулся одними губами.

– А работа – от слова «раб», – эхом произнесла акула.

Агафья Тихоновна закрыла глаза, но как ни странно – продолжала видеть.

Точнее, она обрела зрение.

Она поняла.

– Благодарю тебя, Артак.

– И я тебя благодарю, Агафья Тихоновна...

Внезапно для самих себя, они перешли на ты, и это было вовремя, как и всё, что происходит в мире, содержащем хоть один джоуль этой непонятной для человека, и названной им темной – энергии – а именно – Его Величества Времени.

Кровь двигалась мощно, не останавливаясь ни на мгновение.

– Скажите, Артак, – Агафья Тихоновна приоткрыла один глаз, – а почему анальгин появился в крови только сейчас? Ведь я его вколола уже очень давно.

– Время, само по себе, очень относительно, – дракон зевнул, – здесь проходят столетия, а там, – Артак усмехнулся, кивнув головой вверх, – а там даже миг не успел, и не то что пройти, но даже начаться. Однако, – он кивнул головой на кровавые шарики, – кровоток ускоряется всё больше и больше, а значит – время начинает идти быстрее, а если быть ещё точнее – оно возвращается к привычному ему и нам размеренному бегу – время возвращается к своей человеческой шкале.

7

– Смотрите, смотрите, – Агафья Тихоновна резко схвати-

ла Артака за лапу и сжала её что было сил.

При этом, она подняла голову вверх, щурясь и высматривая там что-то пока ещё невидимое.

В самом верху, среди яркого, жёлтого, оттенком напоминающего глаза дракона света, появилось интенсивная и насыщенная, ослепительно-белая, слепящая точка.

Она не увеличивалась, но и не уменьшалась; она не разгоралась и не затухала; она не уплотнялась и не рассеивалась. Небольшая пульсация внутри белого шара как бы подсказывала, намекала на то, что где-то в глубине этого отчётливо-живого, палящего сияния происходят какие-то действия, что там течёт полноводная и неиссякаемая река. Даже не река с её пучинами и водоворотами, и не озеро с его тихими и глубокими омутами – но целое море или океан, во всём своём многообразии различных форм и проявлений.

А может и не океан вовсе.

Может – вакуум, может – ничто – да, да, может это было чистое и ничем незамутненное Ничто.

Но что бы ни было внутри белой точки – оно было.

И оно было вечно.

Оно подпитывало и кормило самое себя, оно утилизировало ненужное внутри самого себя, оно рождало новые рисунки, образы, очертания.

Каждое мгновение и каждый проходящий невесомый миг оно пульсировало, жило, существовало.

Понимание этой простой и необычной вещи охватило акулу сразу и целиком.

Понимание не доказывало, не убеждало, не спорило.

Оно не препиралось и не вступало в дискуссию.

Не соперничало и не соревновалось.

Не объясняло и не вразумляло.

Оно просто было.

Оно – понимание – просто констатировало факт – простой факт – этот пронзительный, пронизывающий всё белый свет был вечен. Он не мог родиться или умереть, он не мог возникнуть, он не мог появиться из ниоткуда. Впрочем и появиться откуда-то от тоже не мог. Наоборот, этот свет – эта сверкающая, блистающая, эта сияющая звезда сама была в состоянии породить всё что угодно. И вот теперь она появилась здесь и просто была, присутствовала – робко, но негасимо дополняя жёлтое и тёплое свечение сознания своим белым, алебастрово-молочным излучением.

Дракон поднял голову.

Он заметил это необыкновенное огнище и отпечаток белого пламени коснулся его глаз. Жёлтый зрачок впитывал живое, неподвластное человеческому пониманию свечение, а сам дракон наполнялся какой-то диковинной, не поддающейся никакому человеко-разумному объяснению энергией. Именно благодаря этой диковинности, туманности и непостижимости, жемчужно-белое свечение становилось ещё более желанным, оно ясно демонстрировало свою чудесную

природу, а спустя одно лишь мгновение, сияние белого света стало не только желанным, но и необходимым.

Стало.

Жизненно.

Необходимым.

Как летние каникулы в детстве.

Как вера в чудеса при чтении детских сказок.

Как глоток свежего воздуха при погружении на глубину.

Как родник посреди пустыни.

Как свеча на столе для чтения.

Как этот белый свет.

Единожды глянув и осознав природу пульсирующего и необъяснимого излучения, никто уже не мог устоять перед соблазном зачерпнуть из этого источника ещё и ещё – пусть взглядом, пусть умом, пусть чувствами.

Одно созерцание этого света давало силу. Силу и мощь. Созерцание предоставляло всесилие...

Этот свет не подпитывал – он именно питал. Питал качественно и авторитетно. Питал величественно, солидно и строго. Питал справедливо, добросовестно и свято.

Он не мог подвести. Не мог обмануть. Он был честен всегда, он был честен сейчас и он же – тот же самый свет – будет честен вечно.

Дракон улыбнулся, но промолчал.

– Что это? – акула смотрела наверх и её раздирало любопытство. Она была уверена – дракон точно знает природу этого явления...

Артак смотрел на горящую звезду и не мог оторваться от её созерцания. Спустя какое-то время он кивнул головой, словно сбрасывал с себя оцепенение, и повернувшись к Агафье Тихоновне, просто и внятно произнес всего лишь одно слово.

Одно только слово, которое смогло объяснить сразу и всё.
Целиком и полностью.

Не оставляя недомолвок и слепых пятен.

Одно только слово...

– Жизнь. – Дракон усмехнулся одними глазами и взгляд его приобрел какую-то мягкую отрешенность. – Это и есть жизнь, в её человеческом понимании. Она возвращается в тело. Сейчас он придёт в себя. Будьте готовы!

– Быть готовой к чему?

– Быть готовой вернуться в подъезд многоэтажки, – Артак засмеялся, окончательно теряя оцепенение – будьте готовы вернуться и помочь нашему хозяину справиться с его состоянием.

Чисто-белый и от этого – необычный, снежный, меловой рассвет возвращающейся жизни занимался над головами пораженных наблюдателей.

«Ничто» никогда не менялось, «Ничто» просто дало команду вернуться туда, откуда недавно, всего лишь на одно мгновение, оно выпрыгнуло, прячась от боли, сковывающей сломанную конечность.

Сама жизнь возвращалась в один из физических, материальных объектов, а если быть точным – жизнь возвращалась в самое обыкновенное человеческое тело со сломанной нижней конечностью.

– Это жизнь? – акула заморожено смотрела на пульсирующую точку.

– Да. Это и есть жизнь, – спокойно и уверенно подтвердил дракон.

– Она будет увеличиваться? Будет поглощать?

– Нет. Ей это незачем. Она и так везде.

– Но почему мы видим лишь одну светящуюся точку, почему она не наполняет собой всё остальное пространство?

– Наполняет, – Артак ухмыльнулся, – ещё как наполняет. – Просто для того чтобы оживить горстку молекул и частичку всеобщего разума нет необходимости занимать всё существующее место.

– Она может прийти и уйти?

– Конечно, может. И более того, она обязательно это делает. И уйдёт и придёт. Как дыхание. Как вдох и выдох.

– И тогда человек умрёт?

– Ну что вы, это совсем необязательно. Ведь любое проявление сознания, и человек в том числе – вечно и постоянно. Тело может рождаться и умирать, но сам человек бессмертен. Конечно, если он смог стать человеком, – Артак улыбался одними глазами и их теплая, бархатная желтизна, уже смешанная со светящейся белой пульсирующей точкой, окатила Агафью Тихоновну какой-то целебной, живительной энергией, – ведь родиться человеком недостаточно для того чтобы им быть. Родиться и сразу быть можно камнем, растением, в конце концов, животным – но человеком – нет! Человеком необходимо становиться каждое прожитое мгновение и этот процесс, возможно, даже более болезненный, чем сами роды, – Артак рассмеялся, – кстати, а вы не задумывались, что роды болезненны не только для матери, но и для ребенка? – дракон, пошевелив ноздрями, медленно втянул в себя воздух и так же медленно выдохнул.

Немного помолчав, он продолжил рассуждения:

– От того, что кто-то вдохнул и переработал какое-то количество кислорода, этот кто-то не пропадает в небытие, а остается, не так ли? Конечно, мы сейчас говорим не о теле. И этот кто-то вполне в состоянии вдохнуть и выдохнуть не только воздух – впуская в себя питающий кислород и выпуская губительный для человеческого тела углекислый газ; но и вдыхая силы – чередуя в себе, тем самым, моменты бесконечной мощи и полного бессилия; и мысли – перемежая

мозговые шторма с полным отсутствием самой способности мыслить. И точно таким же образом, как физическое тело вдыхает самый что ни на есть обыкновенный воздух – какое-то другое, невидимое человеческому глазу, но от этого не менее реальное тело, может вдохнуть и выдохнуть саму жизнь. И этот кто-то, то есть тот, кто обладает этими телами, не перестанет существовать от того что он её когда-нибудь выдохнет. Ведь жизнь не является чем-то постоянно пребывающем в человеке. Она входит и выходит подобно дыханию. Она не находится в нем постоянно. Но он, он – Человек! Человек – а не его тело! Он остаётся! И вот это уже навечно.

– Вы сказали – какое-то другое, невидимое человеческому глазу тело? – Агафья Тихоновна смотрела прямо на Артака, и по всему было видно что эта тема для нее крайне интересна, – невидимое человеческому глазу, ведь так? Но, если сам человек не в состоянии узреть свои многочисленные тела, то может кто-то другой смог бы их увидеть?

– Кто-то другой, возможно, и смог бы, – Артак склонил голову набок, словно прикидывая в уме, говорить или нет, – но зачем? Достаточно просто знать что они, эти другие, – дракон голосом акцентировал внимание на этом слове, – эти другие, неосязаемые для органов чувств человека тела, есть. И они не просто есть – они такие же живые и трепетные, как тело видимое, но они живут и трепещут в немного другой реальности. Может быть, в совсем другой реальности. Человеку не дано, да и нет необходимости этого знать. А

вот прочувствовать свою бесконечность, познать её природу человек вполне в состоянии, но для этого необходимо очень хорошо потрудиться. Потрудиться, чтобы понять самому, ибо прочесть или просто услышать об этом малоэффективно. Ведь эти другие, метафизические по отношению к единственной осязаемой и наблюдаемой человеком реальности тела трудно описать словами, для этого не предназначенными.

– Почему не предназначенными? Разве словами возможно описать не всё вокруг? Как видимое, так и невидимое?

– Потому что любой человеческий язык формировался, формируется и будет формироваться под воздействием того, что сам человек мог, может или только будет в состоянии видеть, слышать или осязать каким-то другим образом. Нюхать в конце концов, или чувствовать вкус, ощупывать, понимаете? – дракон опять глубоко вдохнул, – вот, например, если я могу, если я в состоянии, прямо сейчас услышать запах гари, и если это будет нечто новое для меня, ещё не испытанное, ещё не названное, то слово «гарь» совершенно неизбежно, когда-нибудь, да появится в моём собственном языке, а потом и во всех языках всех народов человеческого мира, понимаете? Если я вижу свет, то и слово «свет» обретет своё собственное место в орфографическом словаре, и оно всегда будет описывать именно то, что его породило. В данном случае слово «свет» появилось только потому что человек, благодаря природе, его породившей, в состоянии видеть своими

собственными глазами электромагнитное излучение определенной длины волны. Так, например, если бы кроты или летучие мыши создали свой язык, сходный с человеческим по своей функциональности, то в нём бы не было такого понятия как «свет», это слово бы никогда не родилось, потому что слепым животным видимый свет попросту не нужен и они даже не догадываются о его существовании.

– Но человек тоже, как и кроты или летучие мыши, не в состоянии увидеть многое. Например – ультрафиолет или радиацию, он не в состоянии их осязать никакими другими органами своих чувств, однако эти слова существуют, – Агафья Тихоновна, точно так же, как речь иногда забегают вперёд и обгоняет породившую её мысль, немного бесцеремонно перебила и обогнала Артака.

– Конечно, – дракон кивнул, – но кроме всех своих органов чувств, данных человеку самой природой, упомянутый вами биологический вид является обладателем самого важного и достаточно мощного органа всех чувств сразу – а именно – неплохо сконструированного полуторакилограммового мозга. И как следствие – ему, человеку, дана способность к мышлению, к развитию своего интеллекта, и эта способность, рано или поздно, но совершенно неизбежно выведет его к каким-то открытиям или озарениям, приведёт к каким-то новым, доселе неизведанным способностям – одна из которых – проникать в недоступные человеческим органам чувств участки природы. И ультрафиолет, и инфракрас-

ный свет, гамма или микроволновое излучение, радиоволны – именно такие участки мира, неотъемлемые от целого, но неосязаемые людьми в прошлом, до совершения определенных открытий.

– То есть, человек придумал прибор, позволяющий ему каким-то образом видеть или фиксировать нечто, ранее недоступное, – Агафья Тихоновна подытожила сказанное Артаком, – и как только это нечто стало доступным к осязанию...

– Этому нечто необходимо было дать имя... – дракон закончил фразу вместо акулы, – и присвоенное ему имя становится новым, только что рождённым словом, со своей смысловой нагрузкой и со своим образом, возникающим в голове у каждого, кто его услышит. Да, да, процесс рождения слов именно такой. Люди находят что-то, невиданное ранее, и называют его каким-то определённым, новым, ранее не существующим словом, – и Артак повторил ещё раз, – именно так и рождаются слова.

– И никак иначе?

– Есть, конечно же, есть и другой путь, – дракон утвердительно кивнул головой, – иногда люди, как правило, это писатели-фантасты, придумывают в своих мыслях что-нибудь этакое, ещё не существующее в физической, материальной реальности, называют это каким-то выдуманном словом, и используют это слово в своих произведениях, тем самым давая этому самую что ни на есть настоящую жизнь. Потом

уже, много позже, то что они придумали и назвали – воплощается в материальном мире – воплощается обязательно, ведь у Вселенной нет другого пути, кроме как материализовать фантазии людей – тогда этому чему-то дают уже готовое имя, придуманное ранее писателем-фантастом. Называют материальное воплощение самого слова им же – словом, придуманным много раньше. Так было, например, со словом «робот», которое придумал чешский писатель Карел Чапек и его брат Йозеф. Слово «робот» впервые использовано в 1920 году в пьесе Чапека «Р.У.Р.». Название этого произведения, эта аббревиатура – «Р.У.Р.» – расшифровывалась как «Россумские Универсальные Роботы», – Артак внимательно посмотрел на Агафью Тихоновну, незаметно улыбнулся и продолжил:

– Но если копнуть немного глубже, то мы увидим что даже самый гениальный писатель не может выдумать того, чего нет на самом деле, – Артак ещё раз посмотрел на Агафью Тихоновну, теперь уже с хитрецей, – ведь слово «робот» образовано от чешского слова «robota», которое в этом языке имеет вполне определенное значение, и значение это – «подневольный труд».

– Так работа и в русском языке обозначает тоже самое, и в украинском, и я уверена – в множестве других языков тоже, – акула утвердительно кивнула, соглашаясь.

– Да, – дракон опять улыбнулся, – но это лишь подтверждает уже сказанное, – более того, это еще одно доказатель-

ство того, что никакая работа не сможет сделать человека счастливым, так как сама работа – это труд поневоле. Подневольный, вынужденный, несвободный, принудительный, рабский, слепой труд. Вот что такое работа и это ясно видно из самого слова. Ведь счастливый – прежде всего значит свободный, мы об этом говорили, когда путешествовали к черной дыре в Мире Японского Зонта, а подневольный труд – это совсем другая дорога, и к счастью она не имеет никакого отношения.

– Да, да, – Агафья Тихоновна кивнула головой, – я помню этот разговор, мы действительно говорили об этом, и очень подробно, – акула опять кивнула головой, полностью соглашаясь с драконом.

– Но, как правило, процесс рождения слов, все-таки обратный, – дракон усмехнулся, – сначала человек начинает что-то видеть, или слышать, или чувствовать, и лишь потом называет то, что он смог узреть, каким-то новым, доселе неиспользованным словом. И это слово обретает жизнь. Самую настоящую, не выдуманную, не иллюзорную жизнь – жизнь фактическую, научную – жизнь вечную. Такова процедура рождения слова. И такова процедура формирования языка.

– Я понимаю, – Агафья Тихоновна ещё раз кивнула, – теперь я понимаю почему точно описать словами другие, невидимые человеческие тела, не представляется возможным. Все очень просто – ни в одном языке мира просто-на-

просто нет таких слов, так как ни один существующий народ не обладает возможностью увидеть эти другие, – теперь уже акула сделала акцент на слове «другие», – другие тела, и как следствие, таких слов, которые бы смогли объективно их описать просто не существует, правильно?

– Да, совершенно так, – Артак усмехнулся одними губами, – но мы с вами все-таки попробуем.

– Попробуем что? Описать то, что еще никому не удавалось описать словами?

– Описать? Возможно... Возможно, что и описать, – Артак задумался, – возможно, – повторил он задумчиво, – но скорее всего – почувствовать. Ведь каждое из слов воспринимается отдельно взятым человеком совершенно индивидуально, в полном соответствии со своим, полученным в течение всей своей жизни, опытом. И оттенков у восприятия очень много, если не сказать – невероятно много. Сколько людей – столько и восприятий, а значит, столько и разных, уже воплощенных в реальность самой природой, действительностей. Понимаете? Сколько людей – столько и индивидуальных миров. Столько и различных по своей сути Вселенных.

– Да, понимаю. Но как нам это поможет описать то, о чём мы сами не имеем никакого чёткого представления?

Артак кивнул в знак понимания и согласия, потом взял Агафью Тихоновну за плавник и продолжил, глядя прямо в её черные глаза-бусинки:

– Слово может подсказать, направить, натолкнуть человека, слово может указать на какие-то нестыковки, или наоборот, на совпадения того, о чём оно говорит – то есть, на совпадения своего собственного смысла со своим же собственным опытом, но уже определённого, отдельно взятого человека. А этот собственный опыт, эти личные переживания, это содержание уже прожитой и осмысленной жизни воспринимается каждым, без исключения, человеком как непрерываемая, неопровержимая, бесспорная и очевидная истина. Понимаете? Если наши слова, которые мы будем использовать в описании того, что мы никогда и не видели – не видели, но твёрдо знаем о его существовании; если наши слова затронут какую-то часть собственного и всезнающего чувственного мира определенного человека – тогда и только тогда эти слова смогут стать для него тем основным, чем каждый может стать для кого-то другого – а именно – светящимся маяком.

Дракон сделал небольшую паузу, перевел дыхание и продолжил:

– Ведь маяки не бегают по суше, отыскивая какой бы корабль спасти. Они просто стоят и светят, указывая верную дорогу. И уже сам человек, опираясь на источник этого света, в задумчивости бредёт дальше. И если он действительно человек, если он смог им стать, а не просто родился в человеческом теле – он начнет углубляться, вдумываться, вникать, и даже вязнуть в новом знании; он начнёт врезаться в него,

как нож в масло, и кто знает, может ему самому, этому человеку, удастся прикоснуться к своим же, невидимым глазу телам каким-то новым, только что сформированным из наших слов, органов чувств...

– Вы сказали – только что сформированным? – Агафья Тихоновна в недоумении округлила глаза.

– Да, именно так я и сказал, – Артак твердо и уверенно кивнул головой, – только что сформированным.

– Но из чего природа может сделать новый орган восприятия каких-то неизведанных и пока ещё непонятных чувств и ощущений?

– Из того, что есть у неё под рукой, – дракон громко и раскатисто рассмеялся, – только из того что есть в реальности, – он немного успокоился и всё ещё смеясь, закончил:

– А в данном случае у природы есть только человеческая уверенность в существовании чего-то невидимого, и эта уверенность, заметьте, сформирована не на пустом месте! Она сформирована на совпадении своего собственного, уже пережитого опыта с чем-то сказанным кем-то на словах, или прочитанным где-то на бумаге, или увиденным собственными глазами. Понимаете? В этой уверенности есть частичка собственного опыта человека. Частичка собственного опыта и уверенность другого человека, – Артак усмехнулся, – ведь ничто не способно так заразить, как чужая уверенность, – он отпустил акулий плавник и посмотрел вдаль, – в таких случаях говорят – я знаю что это именно так, но не могу по-

нять где родилась моя уверенность, чем она питается, как выживает и почему растёт. А на самом деле всё очень просто – растёт внутреннее. Растут мысли. И питаются они своим собственным опытом. Питаются уже пережитым. Даже если до конца непонятым, но пережитым. Другим словом – питаются временем – этой необъяснимой для людей энергией из которой, собственно, и сделано всё сущее.

Артак задумался и на мгновение замолчал.

– Ведь, по сути своей, любое материальное сделано из одного и того же – и это что-то – время.

Агафья Тихоновна кивнула, но не сказала ни слова. Впрочем, дракон и не ждал никакого ответа. Он продолжал:

– И здесь уже любые слова бессильны, они были всего лишь внешним маяком, но переродившись, стали внутренним чувством. Они были ничем, но стали осязаемы телом – они стали чувством. Они были идеей, они были пальцем, указывающим на звезду, но стали самой звездой. Всё и всегда рождается из ничего, понимаете? И мы только что это ещё раз осознали, – дракон рассмеялся, – ну а природа... Природа лишь пользуется тем, что уже создано, и создано лично вами. Она мастерски выполняет ваш же заказ – изготавливает новый, совершенно неизвестный, ещё никем неиспробованный и неиспытанный, ваш собственный орган чувств, способный дотронуться до вашего же собственного, вашего внутреннего Я. Орган, способный прикоснуться к множеству ещё неизведанных тел и энергий. Орган, который

в конце концов, сможет прикоснуться к матери всех энергий – прикоснуться к самому времени. Природа позволяет ощутить любую энергию, слышать её, изведать и наконец-то испытать. Испытать до самого дна, ибо по-другому уже не может и быть.

– Вы так думаете?

– Конечно. Мыслью всё было создано, мыслью может и измениться.

– Хм, – Агафья Тихоновна достала блокнот и записала слова, показавшиеся ей важными, – «Мыслью всё было создано, мыслью может и измениться». И что же дальше?

– Дальше? – Артак ухмыльнулся, – а дальше просто. Дальше, тому, кто получил в своё распоряжение доселе неведомый человечеству орган чувств, тому кто научился им пользоваться, и пользоваться во благо, дальше такому человеку захочется поделиться новыми ощущениями с остальными, захочется доверить только что полученное знание всему миру, захочется верить свои новые качества каждому алчущему, но ещё не достигшему, каждому, кто испытывает жажду, и жажду уже не тела, но жажду души...

– И что тогда? – Агафья Тихоновна слушала, затаив дыхание.

– Тогда он с прискорбием обнаруживает что ему не хватает слов, – Артак весело подмигнул Агафье Тихоновне, – не хватает слов, ибо сам язык не предназначен для того чтобы выражать то, чего смогли достигнуть единицы. Челове-

ческий язык – орудие массовости, повальности и многочисленности. Язык – как пушка – оружие большинства. А большинство всегда ошибается.

– Но почему?

– Потому что свобода – удел избранных. Избранных не кем-то. Избранных самими собой. Само понятие свободы противоречит наличию какого-либо окружения, каких-либо границ, какой-либо толпы. Свобода отрицает любую возможность пребывания в стаде, – дракон помолчал одно лишь мгновение, – а стадо – это всегда большинство. Большинство одинаково мыслящих,двигающихся в одном направлении животных, ибо людьми их назвать было бы преждевременно.

– Но ведь каждый начинает жизнь в стаде?

– Да, – дракон поджал губы и кивнул головой, – начало у всех одинаковое. Исходные данные равновелики. Кто-то начинает бунтовать раньше, кто-то позже, а кто-то предпочитает оставить всё на своих местах, и, следовательно, сам остаться там же – на своём старом месте. Этим он высказывает свои предпочтения – и природа, внимательно прислушиваясь к ним, ограничивает развитие такого человека забором выбранного им загона, она вершит его судьбу исходя из его личного выбора – быть членом стада, быть большинством. И, в этом случае, единственный процесс, которому такой человек может быть интересен и даже полезен – это статистический учёт. Столько-то погибло и столько-то

выжило. И ничего более. Среднестатистический человек по своей сути – мёртвый и недвижимый камень, всего лишь один из... Один из груды таких же точно камней. Один из большинства. Среднее между экстремумами. Белый, размытый чёрным. Серый. Неприметный. Шаблонный. Статистический, одним словом. Среднестатистический...

Агафья Тихоновна внимательно слушала, подперев голову плавником.

– Но можно же и остаться в стае?

– Стая – гордое слово, – Артак усмехнулся, – стая подракумеваает полёт.

– Тогда в стаде?

– Да, можно. Это всего лишь вопрос личного выбора человека – стать избранным или остаться усреднённым.

– Я поняла, – акула склонила голову, – достигнуть свободы можно только выйдя за пределы стада. Только покинув серую массу, только расправившись со своим желанием быть как все.

– Выйдя? Ахаха! Вырвавшись, вырвавшись! – Артак немного повысил голос, тем самым указывая на важность данного уточнения, – только вырвавшись, только прорвавшись сквозь миллион запретов, только пробившись через миллиард соблазнов, только проломив стену своей головой, только наступив на горло своему страху! Именно вырвавшись, но никак не выйдя. Выйти – не выпустят. Для тех, кто хочет выйти существует дверь. Но она заперта на ключ. И

этот ключ у тюремщика. А тюремщик с другой стороны двери.

– Но кто же он? Кто этот тюремщик?

– В большинстве случаев – вы сами, человек сам держит себя в тюрьме, но чтобы это понять необходимо покинуть камеру и найти свою дорогу. Надо пройти в прошибленный собственной головой пролом стены и увидеть дверь с другой стороны. Надо перетерпеть боль от синяков и ушибов. Иногда надо даже пережить смерть. Надо... Да много чего надо. И прежде всего – надо понимать неотвратимую НЕОБХОДИМОСТЬ этих изменений. Миром правят необходимости, а никак не желания. Докажи миру что тебе это необходимо – и пользуйся на здоровье. Получи и распишись. Ограничений тут нет никаких, да и быть не может.

– А можно сначала найти свою дорогу и не спеша идти по ней, собирая знания?

– Конечно, можно, – дракон кивнул головой, – бывает и такая последовательность. Редко, но бывает. Сначала определить свой путь, а потом выйти из стада. Но вскрыть в себе свой путь, выведать его у природы, находясь внутри стада, достаточно трудно, ибо у стада дорога одна. Одна на всех. И совсем не факт что она окажется именно ваша.

– Но все-таки это возможно?

– Возможно. Редко, но возможно. Тогда можете считать что вы нашли ключ от той самой двери. Нашли ключ и победили своего тюремщика.

– И, в этом случае, можно спокойно выйти?

– Да, в этом случае, да. Но обычно всё происходит с точностью до наоборот – сначала вы вырываетесь на свободу, и только потом с интересом и ужасом обнаруживаете, что кроме одной, стадной дороги большинства, существуют ещё миллионы миллиардов дорог. Только тогда вам станет это видно ясно. Только тогда глаза начинают видеть то, чего они не могли узреть внутри загона с забором выше человеческого роста.

– Я понимаю... – Агафья Тихоновна склонила голову в задумчивости. Её глаза подёрнулись красноватой поволокой.

– Свобода прекрасна, но она же и мучительна, ибо заставляет человека ставить собственные цели. Собственные, и никем до конца не разделяемые, но цели. Впрочем, они и не должны их разделять.

– Они? Кто это – они?

– Все остальные, – рассмеялся дракон, – стадо.

– Я понимаю, – повторила акула, – но этот процесс может занять достаточно длительное время?

– Ах, не все ли равно, – дракон искренне рассмеялся и из его глаз выскользнуло немного желтизны и тепла, – не все ли равно сколько времени это займет, если всего лишь один вдох и выдох одного из невидимых глазу человеческих тел составляет всю жизнь видимого глазу физического тела человека? Время пройдёт в любом случае.

Агафья Тихоновна в изумлении подняла голову и произ-

несла:

– А я уже и забыла с чего начался этот разговор...

– Я с удовольствием вам напомню, – дракон, словно в наидание, поднял когтистую лапу, – жизнь не является чем-то постоянно пребывающим в человеке. Она входит и выходит из него подобно дыханию. Собственно, она и есть дыхание одного из его тел, – лапа опустилась, словно сама собой, – вдох, выдох. Ещё вдох, ещё выдох. Жизнь не находится в нём постоянно, – немного грустно повторил дракон, – но он – человек – остаётся! Всегда. Постоянно. Безвременно. Навеки. Если, конечно, он – человек, а не член стада. В противном случае – остаётся лишь стадо, а человек умирает.

– Получается, что...

– Получается что время здесь, собственно, и ни при чем. У каждого его достаточно. Ровно столько, сколько нужно чтобы вырваться на свободу. Ну или выйти с гордо поднятой головой, победив своего собственного, внутреннего тюремщика, выйти, найдя свой собственный ключ от тюремной камеры, и увидев свою собственную дорогу.

– Каждый сможет?

– Рано или поздно, но каждый.

– И что произойдёт тогда?

– Если каждый покинет стадо, то стадо просто-напросто перестанет существовать, не так ли?

– Ах, точно! – Агафья Тихоновна изумленно, и с восхищением посмотрела прямо в глаза Артака, – как это точно

подмечено!

– Но это еще не всё, – дракон снисходительно улыбнулся, – когда перестанет существовать стадо – перестанет существовать и тот, кто им управляет, не так ли? – он рассмеялся в голос, – ибо управлять будет нечем. И нечем. Каждый нашел себя и каждый точно знает что ему необходимо делать. И уж в чём у этого новорождённого каждого нет никакой необходимости – так это в том, чтобы кто-то им управлял.

– Вы, наверное, правы... Но кто это? Кто? Кто управляет стадом? Кто этот человек?

– Человек? – дракон фыркнул, – вы сказали – человек? Помилуйте! Человеком управляют, прежде всего, его собственные, вскормленные самими людьми, человеческие иллюзии. Боги, например. Религии и верования. Все без исключения религии. И все, без исключения, верования. Суеверия. Предвззсудки. Различные теории и учения – о необходимости церкви или государства, например. Человеком управляют общественные мнения и их мнимая важность. Этот список можно продолжать до бесконечности.

– Но тогда...

– Да, да, – дракон опять захохотал, – тогда исчезнут и страны, и национальности, а с их исчезновением – исчезнут и войны между этими странами и населяющими их народами. Исчезнут границы. Как внешние – территориальные, так и внутренние – раздирающие самого человека.

– И?

– Человек станет поистине свободным, а значит, человек станет счастливым. И только в этом смысл его бытия, только в этом его соль. Свобода – это отсутствие всяческих границ. А счастье – это умение собрать себя из осколков, на которые человек разделён этими границами. Счастье – это способность собрать себя из частей, счастье – это со-частье. Это прежде всего желание, и приходящее с этим желанием – умение. Счастье – это умение стать целым. Вот так и получается что счастье и свобода – это слова синонимы... Это слова, обозначающие одно и то же. Слова-близнецы...

8

Чисто-белый, снежный, меловой рассвет возвращающейся жизни залил своим светом всё существующие пространство. На какое-то время всё сущее в нём замерло в каком-то едином, неделимом и монолитном мгновении. Весь мир словно остановился, застыл, как недвижимо застывает в апогее Солнце в самый жаркий июльский полдень...

И спустя один лишь неуловимый миг, залитое светом пространство свернулось в одну точку, поглотив внутри себя всё, что было вокруг – и зеркальный пол, и безбрежный, уходящий в бесконечность – несуществующий в реальности, мифический, мерещащийся человеческому уму и выдуманый им же потолок; поглотив всю ткань из которой были

сшиты мешки, разбросанные то тут, то там; поглотив в себе так же и всё их наполнение; поглотив все мысли и действия, весь существующий свет, всю энергию этого необыкновенного места; поглотив всё без остатка – тотально, всеобъемлюще и до конца.

И в этом одном, нераздельном мгновении – наконец-то поглотив саму себя – мерцающую и внезапно замершую в неподвижности перехода в новое состояние, такую яркую и пульсирующую – жизнь.

Необыкновенный мир чувств и поступков, мир действий, мир сказуемых и глаголов исчез точно также, как и появился – в одночасье, внезапно, вдруг, неожиданно и неожиданно.

Неожиданно, но предсказуемо.

Предсказуемо, ибо он – человек – приходил в сознание.

И если тогда, всего лишь одно мгновение, а может быть, целую жизнь назад, Артак и Агафья Тихоновна, покинув подъезд многоэтажки оказались в глухой, непроглядной, беспросветной темноте ещё нового для них мира действий, то сейчас они вернулись в то самое – обыкновенное и ничем не примечательное парадное одной из новостроек на окраине города.

И первым, кого они увидели, был хорошо знакомый им человек.

Человек, сломавший ногу и лежащий на бетонном полу, упёршись головой в такие же, как и пол, прохладные бетонные ступеньки, которые своей прохладой остужали донельзя

распухшую, красно-синюю, горячую конечность.

– Фух, – выдохнула с облегчением акула, – вернулись...

Мы вернулись...

– Мы? – дракон поддел острым как бритва ногтем нижнюю часть брючины лежащего человека, разорвав её и, тем самым, расслабив натяжение ткани для того, чтобы пустить кровь к сломанному суставу, – мы с вами никуда и не уходили, а вот он, – Артак кивнул на пол и лежащего там человека, – он вернулся. Хотя, вполне может оказаться, что всё, как обычно, с точностью до наоборот, и он никуда и не уходил, а вот мы с вами... – Артак явно что-то не договаривал.

Он подмигнул Агафья Тихоновне, и этим миганием предоставил ей право, пусть и мысленно, пусть хоть и на миг, но самостоятельно закончить свою фразу.

Послышавшись откуда-то издалека, потом всё ближе и ближе, сначала неразличимый гул голосов моих животных постепенно превращался в отдельные, понятные слова, и придя в сознание, расслышав их, разобрал их смысл, я с любопытством приоткрыл глаза.

Мне сразу бросился в глаза циферблат часов на моей, немного вывернутой руке, которую падая я придавил своим телом.

Высвободив её я посмотрел на часы. Они послушно отсчитывали секунды, и точно также, как и мгновение назад, то есть, ровно перед тем, как я потерял сознание, показыва-

ли 10 утра.

– А мне показалось что я какое-то время был без сознания, – несмотря на своё жалкое положение, улыбка не сходила с моего лица, ибо я уже знал, и знал точно – всё происходит так как надо, всё идет по какому-то плану – плану разработанному, утверждённому, подписанному и одобренному в самых «высоких» инстанциях.

Я был спокоен, ибо обладал уверенностью в том, что в самом конце, в конце всех существующих концов, после выполнения всех написанных и одобренных планов – всё неясное прояснится, несказанное – скажется, недодуманное – осмыслится, непонятное – станет очевидным, а невыполненное – сделанным.

Так стоит ли торопиться или переживать?

То, что случилось – уже произошло, а то что произойдёт – обязательно случится.

Моя твёрдая уверенность в том что во Вселенной ничто не случайно не покидала меня ни на мгновение и каждый раз очень помогала моему существованию. Ведь всё происходящее ни в коем случае не могло быть наказанием, впрочем, как не могло быть и наградой – в этом случае следовало бы принять как данность способность мира отслеживать действия каждого из людей.

Да что там отслеживать! Не только отслеживать, но и на-

блюдать, контролировать, оценивать эти действия, вершить суд и выносить свой приговор. И этот приговор, конечно же, должен быть абсолютно справедлив. Должен быть безусловно, безапелляционно справедлив.

Справедлив, как первый глоток воздуха, посланный новорождённому ребёнку.

Справедлив как Солнце, согревающее всё вокруг.

Справедлив как ночь, следующая за днём. И как восходящий вслед за ночью день, опоясывающий своим светом всё скрытое непроглядной тьмой.

А для того чтобы судить именно так, конечно же, необходимо иметь какой-то свод законов и правил, необходимо обладать списком того что правильно и неправильно, необходимо владеть перечнем разрешённого и запрещённого, необходимо знать меру – меру эталонного добра и зла. И многое, многое другое.

Однако, не секрет, что в мире не существует никакого эталона, тем более, эталона добра и зла – ведь просто-напросто не может существовать такой жёстко выверенной и точной меры. Ибо то, что одному добро – зло другому, и на общую, безграничную картину мира влияния не имеет, так как одно всегда компенсирует другое – совсем как сода с уксусом, после соединения которых они превращаются в чистую, незамутнённую воду.

Конечно, кроме воды остаётся ещё ацетат натрия и углекислый газ, но ни одно, ни другое не видимо простому чело-

веческому глазу.

Всё существующее во Вселенной уникально, и как нет двух одинаковых камней или деревьев, так же точно нет двух одинаковых животных и нет двух одинаковых людей. Сам мир, в котором мы живем, скорее всего тоже уникален среди других миров, возможно, похожих между собой и не очень, но обязательно – других.

И в этом – в нашем, в единственно доступном человеческим органам чувств мире существует лишь равновесие всего со всем, равновесие не только внешнее, видимое человеческому глазу, но и равновесие внутреннее – равновесие животное, подкожное.

Совсем как невидимый глазу ацетат натрия и углекислый газ, держащий в равновесии химическую систему «уксус-сода».

Существует даже баланс, который уравнивает чувство утоленного голода хищника с муками его жертвы.

Плюс и минус в результате всегда дают ноль.

И мир всегда уравнивает сам себя.

Это чистый, это абсолютный баланс.

Это нулевое сальдо.

Поэтому, логичнее всего было бы предположить что мерой, единственной реальной мерой человеческих деяний является та оценка, которую им даёт сам человек.

И оценивать он должен не поверхностно, пытаясь убедить сам себя в том, что плохое на самом деле хорошее, а тёмное – светлее, чем есть на самом деле, он должен оценивать глубинно, искренне, положив руку на своё бьющееся, живое сердце.

Ведь каждый из людей совершенно точно определяет то время, когда он поступает по совести, и то – когда нет. Только эта мера безукоризненна, только она бездонна и безгранична.

Только этой мерой меряется, и этой же мерой воздаётся. Мерой абсолютной, мерой фундаментальной, мерой честной, потому как меряет свои деяния и воздает себе же за них – сам человек.

Воздаёт достаточно часто неосознанно, но уж всегда и точно – неотвратимо.

Таким образом, всё происходящее вокруг нас вполне может оказаться всего лишь языком, на котором Вселенная шепчет нам подсказки, всего лишь способом и инструментом самого мира привлечь наше, человеческое внимание.

Весь мир пытается научить, вдолбить, втемяшить в человеческую голову то необходимое знание, те необходимые привычки и навыки, которые приведут человека к конечному, полному и безусловному счастью.

Которые приведут его к счастью и к пониманию природы вещей и действий.

И мерой этого счастья – абсолютной, совершенной мерой

– выступает сам человек – а если быть точным – то его глубинное сознание, которое он сам не в состоянии ни обмануть, ни исказить.

Именно поэтому моя сломанная конечность совершенно не огорчала меня, она даже радовала – ведь чтобы урок когда-нибудь закончился – он прежде всего должен начаться, не так ли? И поврежденная нога, прозвенев в моей голове звонком на этот урок, не будучи в состоянии меня опечалить, всё-таки заставляла крепко задуматься.

Что хочет мне сказать мой мир?

Эти размышления вихрем пронеслись в моей тяжелой голове, и мысленно поблагодарив Вселенную за начало занятий, я в восхищении и в предвкушении новых приключений повернулся к своим спутникам и повторил:

– Наверное, мне всего лишь казалось что я был без сознания.

– А вы и были. В смысле, были без сознания, – Агафья Тихоновна с улыбкой выкинула за спину уже использованный шприц с анальгином, – ах, если бы вы знали сколько всего интересного с нами произошло пока вы отсутствовали, – она сделала глаза большими и круглыми, – сколько всего случилось – и не перечесть.

– Вам показалось, – Артак невозмутимо перебил свою спутницу и выразительно посмотрел на неё, как бы намекая – не надо, не стоит ни о чем говорить – ещё не время, ещё

не сейчас. Потерпите со своей речью.

Агафья Тихоновна запнулась на полуслове, поймала взглядом многозначительную гримасу Артака, и вдруг, совершенно неожиданно для себя самой произнесла:

– Показалось? Ну что ж, вполне возможно, – она присела на ступеньку и обхватила плавниками свою большую, серую голову.

Акула уткнулась в плавники своим кожаны́м носом, как уставшая лошадь утыкается в тёплые человеческие ладони с овсом, – может быть и показалось, – вполне миролюбиво добавила она и одновременно подмигнула одним глазом дракону, а вторым – мне.

– Конечно, показалось, – Артак, по прежнему, был невозмутим – он подмигнул акуле в ответ, повернулся ко мне, и немного приподняв мою руку, одними глазами показывал глазами на циферблат наручных часов:

– 10 утра. Ровно. В точности тоже самое время когда вам делали укол. Если вы и отключились, то всего лишь на миг, на совершенно ничего не значащий, незаметный и никем неосязаемый миг.

Акула внимательно посмотрела на дракона, словно ждала каких-то объяснений, но промолчала.

Она ему доверяла, доверяла полностью и без оглядки, доверяла как новорождённый доверяет своей матери, доверяла как собака доверяет своему хозяину, как семечко доверяет земле – доверяла так, как только речь может доверять мыс-

ли, её породившей.

Артак, видимо, почувствовал её взгляд и обернулся:

– 10 утра, – повторил он свои же слова, – а это значит что всё что происходило, если что-то и происходило – это не более чем сон. Ведь только во сне время может показывать такие фокусы.

– Какие фокусы? – мы с Агафьей Тихоновной повернулись к Артаку, и осознав, что произнесли одну и ту же фразу одновременно, беззаботно рассмеялись. И напряжение, витавшее между нами, рассеялось, как тает утренний туман под лучами восходящего Солнца.

– Превращать миг в вечность и, конечно же, наоборот, какие же ещё могут быть фокусы у времени, – дракон сверху вниз, снисходительно посматривал на нас.

Так, наверное, воспитательницы смотрят на детей в детском садике. Ну, или в начальной школе – только в самой начальной из всех начальных школ.

– Но что произошло за это мгновение? О чём спор?

Если отвлечься от внешнего вида моей конечности, я чувствовал себя вполне прилично. Конечно, у меня бы не получилось бежать марафон, да и просто твёрдо встать на собственные ноги тоже скорее всего бы не вышло, но на моей способности мыслить это никак не сказывалось.

– Ничего особенного, – Артак улыбнулся мне одними глазами, – просто мы с Агафьей Тихоновной видели сон.

И этот сон показался нам достаточно долгим, хотя и длит-

ся он не более секунды, если, конечно же, верить вашим часам.

– Сон? – переспросил я, – и что в этом удивительного?

– Удивительно в этом то, что мы видели одинаковый сон, – засмеялся Артак, – абсолютно одинаковый сон!

– Но для того чтобы увидеть полноценный, пусть даже одинаковый сон, совсем не обязательно спать всю ночь, не так ли? Достаточно одного мгновения, не так ли? – я поддерживал разговор автоматически, попутно размышляя что делать дальше.

Что будет с моей ногой? Как мне попасть в больницу?

К слову сказать, меня совсем не смущал тот факт, что я мог появиться в приёмном покое в компании говорящих дракона и акулы. Об этом как-то не думалось.

– Так ли, так ли, – кивнул дракон, – и хорошо что вы это понимаете.

Агафья Тихоновна не вмешивалась в нашу беседу и дракон – мой любимый дракон Артак, слушая меня изнутри и будучи полностью в курсе всех моих переживаний, произнёс:

– Вам необязательно ехать в больницу. А с вашей ногой мы вполне в состоянии справиться сами. Вы как думаете, Агафья Тихоновна?

– Я уже и не знаю что думать, – акула осторожно попробовала слово «знаю» на вкус – откусила от него кусочек, разжевала, проглотила и, видимо, чтобы не сказать ничего лишнего зажала рот плавниками.

– Я думаю, мы справимся собственными силами, даже если бы для этого нам пришлось бы повернуть время вспять, – Артак не терял невозмутимость и хладнокровие, присущее, наверное, всем рептилиям.

Да, дракон умел владеть собой. И уже это его самообладание, вкупе с любовью к театральным эффектам, мысленно повторило его заключительные слова:

– Даже если нам придется повернуть время вспять...

Агафья Тихоновна в изумлении распахнула глаза, а сразу после этого – убрала плавники от пасти и слова посыпались из неё как горох на мостовую.

– Повернём время вспять? Но зачем? Как? Когда? Куда?

– Куда? В абсолютно любое существующее мгновение, – дракон был доволен произведенным эффектом, – так что любой ваш вопрос, относящийся ко времени, а именно – «когда», совсем теряет свой изначальный смысл.

Я не успевал за ним, я не успевал за своей мыслью, я был в состоянии только молча следить за своим внутренним диалогом.

– Но зачем? – Агафья Тихоновна вопросительно посмотрела на Артака.

– Ну надо же что-то делать с этой ногой, ведь не оставим же мы его лежать тут без помощи?

– Если я правильно вас поняла – вы хотите вернуться в то время, когда нога ещё была цела? – её глаза почти вылезли

из орбит.

– Ну можно сказать и так, – Артак усмехнулся, – вас это пугает? Почему вас это пугает? – он продолжал улыбаться, – разве вы знаете что такое время? Вы когда-нибудь задумывались об этом?

Я продолжал молча следить за их разговором, будучи не в силах вымолвить ни единого слова, настолько интересным мне казалось обсуждаемая тема. Обуздав свою речь, вслед за нею мне удалось обуздать и мои действия. И больная нога меня совершенно перестала волновать.

– Конечно, задумывалась. Более того, и сейчас об этом думаю. Но ответа как не было, так и нет. Так что же такое время? – Агафья Тихоновна на мгновение замолкла, подумала, и немного неуверенно закончила:

– Это мера изменений? – она опять замолчала и не услышав ответа на свой вопрос, произнесла куда-то в сторону, не глядя на дракона:

– Да и думать – скорее ваша забота, но всё же, я бы сказала что без гипса здесь не обойтись, – она кивнула на распухшую конечность.

– А мы всё-таки попробуем, – Артак негромко засмеялся, всем своим видом демонстрируя несерьезность нашей общей проблемы, – перелом – это, конечно, не очень хорошо, – он подул на ногу и смахнул немного возвращающейся боли своим прохладным, щекочущим дыханием, – но всё-таки, что-то мне подсказывает что на этот раз нам удастся обойтись

без врачей, – с этими словами дракон откуда-то достал грубую, холощёную, скрученную нить непонятного, грязноватого цвета и обмотал вокруг моей ноги, – а время – хочу напомнить – это всего лишь энергия, – Артак выразительно посмотрел на Агафью Тихоновну, и перевел взгляд на меня, – всего лишь энергия, – удовлетворенно повторил он, многозначительно улыбаясь.

– Энергия? – акула вскочила на хвост и тут же опять села на ступеньку, – энергия, точно, энергия, – словно вспомнила она и обращаясь ко мне, подтвердила:

– Да, люди, будучи пока не в состоянии определить что такое время, называют его тёмной энергией. Тёмной – не в смысле плохой или злобной, а всего лишь – непонятной и спрятанной от человеческого взора.

– Ну и что из этого? Энергия или не энергия, – я ещё не понимал к чему клонит дракон, и судя по виду Агафьи Тихоновны, она тоже не совсем различала тот тернистый путь, на который нас вывел дракон.

– А то, – Артак подошел ближе и обнял нас своими огромными лапами, – раз время – всего лишь энергия, то, как и любая энергия – время имеет свою меру, и эта мера уж никак не искусственные секунды и столетия, – дракон рассмеялся, – и даже не настоящие мгновения и вечности, – он наклонился еще ниже и прошептал:

– Эта мера – тепло, как и у любой энергии. Самое обыкновенное тепло. Люди измеряют его в джоулях.

– Не понимаю, – эти два слова мы прошептали одновременно с акулой.

– Здесь всё просто. Что непонятного? Любая энергия может быть выражена теплом. Любая, – дракон многозначительно поднял лапу, – и время в том числе. Время, как совершенно верно сказала Агафья Тихоновна – лишь мера изменений, доступная человеку, но это верно только лишь для самого человека. Во вселенском масштабе ни о каком времени и слыхом не слыхивали. Время в масштабах Вселенной – всего лишь энергия, и не понимая её природы – не понимая что за этой невидимой, скрытой от человека, но всё же энергией, затаилось само время – люди называли эту энергию тёмной. Но она, как и любая другая энергия может быть выражена или, если хотите – проявлена самым обыкновенным теплом, – Артак опять рассмеялся, и попытался объяснить, глядя на наши растерянные физиономии:

– Например, при температуре абсолютного нуля, а это – ни много, ни мало – минус 273,15 градусов Цельсия, энергия теплового движения молекул и атомов любого вещества равна нулю, то есть хаотическое движение частиц полностью прекращается и все они занимают чёткое и абсолютно недвижимое положение в узлах кристаллической решетки. При этой температуре невозможны любые изменения вещества, понимаете? – Артак немного повысил голос, – немыслимы, нереальны, невозможны никакие изменения! А если, как справедливо заметила Агафья Тихоновна, время – это

мера изменения вещества, то...

– Вы хотите заморозить мою ногу и тем самым остановить процесс изменений в тканях? – я первый пришел в себя, думая, что понял к чему клонит дракон.

– Нет, нет, что вы, – Артак рассмеялся, – я лишь хотел показать вам что тепло является точно такой же мерой времени, как и мерой любой другой энергии, – он подчеркнул, – конечно, мы говорим о времени в его человеческом понимании.

– И что нам это даёт?

– А вы еще не догадались? – дракон снисходительно улыбнулся, – если при абсолютном нуле никакие изменения невозможны, для нас это значит что невозможно и существование самого времени, понимаете?

– Понимаю, – я утвердительно кивнул головой, – кажется, понимаю. Но при такой низкой температуре невозможно и существование самой жизни, не так ли?

– Так ли, так ли, – радостно согласился дракон, – никакой жизни, опять-таки, в человеческом понимании жизни – жизни, как череды следующих друг за другом изменений.

– И эта информация каким-то образом поможет нам повернуть время вспять и вернуться в тот момент, в котором моя нога еще была цела?

– Надеюсь, что поможет, – Артак кивнул, – согласитесь что для того чтобы чем-то управлять, пусть даже временем, необходимо всего лишь уметь это «что-то» измерять и хоть

мало-мальски знать его свойства.

– Да, пожалуй, – я неуверенно кивнул головой, – но вернуться во времени – разве это возможно?

– Раз эта мысль посетила вашу голову – значит возможно, ибо мысль, сама по себе, не может существовать отдельно от действий, которые её породили. Они всегда вместе, они неразлучны и неразделимы, как Инь и Ян, как небо и земля – как пространство и время. Однако человеку достаточно трудно это осознать. Ведь люди, если задуматься, даже небо воспринимают как плоскость. Но не будем об этом, – Артак усмехнулся, – просто поверьте что если какая-то мысль закралась в ваше сознание – значит, это уже где-то существует и кто-то этим всюю пользуется. Так почему тогда этот «кто-то» не может быть кем-то из нас?

Акула, после того как дракон произнес эти слова, как-то встрепенулась и произнесла:

– Ну это уж точно не я.

– И не я, – улыбаясь, продолжил Артак. Он выжидающе смотрел на меня, как бы подстегивая, понукая к чему-то.

– Подождите, вы хотите сказать, что среди нас троих есть кто-то, способный управлять временем, и этот «кто-то» не вы, – я посмотрел на Агафью Тихоновну, – и не вы, – я перевел взгляд на Артака.

– Да, именно так, – Артак продолжал смеяться одними глазами. – Именно так, и никак иначе.

– Но, в таком случае, остаюсь только я.

– Да, – дракон ещё раз выжидательно кивнул, – да, остаётесь именно вы.

– Но...

– Не надо отрицать, – дракон мягко, можно сказать ласково, закрыл своей лапой мой рот, – во-первых, человеку подвластно абсолютно всё, если он, конечно же, не ограничивает себя сам, а во-вторых – будьте поосторожнее со словами, не отрицайте ничего, не будучи полностью уверенным в том, что именно вы отрицаете, – он освободил мой рот от своей мягкой, бархатной лапы, – ведь слова и мысли всегда бродят где-то рядом, и отрицая что-то, даже всего лишь на словах, вы самым что ни на есть действенным способом заключаете себя в тюрьму и выстраиваете пределы для своих собственных возможностей – вы ограничиваете, усекаете, урезаете их.

– И поэтому вы закрыли мне рот лапой? – я понял о чем говорит Артак.

– Да, именно поэтому. Поосторожнее со словами. Что бы вы ни говорили и к кому бы ни была обращена ваша речь. Даже если вы говорите сам с собой, – дракон немного поразмышлял и с нажимом добавил:

– Особенно, если вы говорите сами с собой. Будьте честны и прямодушны. Не говорите того, чего не знаете наверняка. И помните, что молчание – всегда было и всегда будет ценнее любых речей.

– Но почему?

– Молчание – золото, слышали небось, – Артак усмехнулся, – эта поговорка имеет очень глубокий философский и физический смысл, и современные исследования это полностью подтверждают.

– Исследования чего? Какие исследования могут подтвердить то, чего не существует? Ведь молчание, по сути, это просто пустота без слов. Если мы говорим о речи, конечно.

– Да! Молчание – это пустота, но пустота, готовая к рождению чего бы то ни было. Из неё, из этой пустоты, может появиться всё, что вам угодно, – дракон взял меня за руку, – всё что вы хотите всей душой, или наоборот – отвергаете всем сердцем. Ведь для природы нет других законов, кроме вашей воли и ваших же ограничений. И ограничения эти человек накладывает на себя исключительно самостоятельно. И накладывает словестно в том числе. Слова, сами по себе, способны создавать или проявлять уже имеющиеся в наличии, и заметьте, абсолютно ничем не ограниченные возможности – они способны окрылять и вдохновлять, способны воспламенять уже существующее и зарождать абсолютно новое; слова в состоянии убеждать и устремлять ввысь – они, совершенно легко и незаметно могут раздвинуть границы или проложить новые русла, а могут убрать границы – и это самое их главное качество – слова могут сделать ваш мир – мир человека – безграничным, бескрайним, неизмеримым и неисчерпаемым, они в состоянии сделать его обширным и даже необъятным. Но точно с таким же успехом слова могут сделать всё

и совсем наоборот – они в состоянии запереть человеческие возможности на ключ, тем самым, отвергнув безвозмездные дары природы. Слова в силах держать под замком даже людские способности и таланты. В конце концов, словам ничего не стоит украсть у человека его неоспоримое никем и ничем – украсть его природное право на вседозволенность. Ведь это право, единожды данное человеку самой природой, отобрать у себя может только сам человек.

– А молчание?

– А молчание – это плацдарм, фундамент, это основание для слов, которые уже сложены в вашей голове как кирпичи на стройке – сложены, но не произнесены. Они лишь готовы родиться. И в этот самый миг, в это самое мгновение, когда слова вот-вот готовы сорваться с вашего языка – ваши возможности поистине безграничны, – Артак утвердительно кивнул головой, – да, да, безграничны. Абсолютно, фундаментально безграничны. И абсолютно всё возможно. Ваша речь, – Артак чопорно поклонился Агафье Тихоновне, – ваша речь, а значит, и существующая реальность ещё не родилась – она ещё не определена, она ещё витает у вас в голове. Но она уже полностью готова к рождению и ждёт только вашего решения. И пока вы молчите, пока вы не произнесли ни слова – возможно абсолютно всё. Всё! Понимаете?

– Понимаю, – я был серьезен, насколько только может быть серьезен человек, лежащий с вывернутой конечностью и пустившийся при этом в философские рассуждения.

Дракон скользнул взглядом по моей ноге и улыбнувшись чему-то, известному ему одному, подул на ногу прохладой и умиротворением. После чего он произнес:

– Нет ничего невозможного для человека, способного хранить целые миры, пусть даже, состоящие из одних слов, в своей голове. Любая дорога доступна для такого человека. Любое дело ему по плечу. Любое задание выполнимо. Любая цель близка и достижима. И нет у этого правила ни границ, ни исключений.

– Но почему так?

– Современная наука называет это принципом квантовой неопределенности, – Артак многозначительно поджал губы, – а принцип квантовой неопределенности говорит о том, что молчание – если мы говорим о речи, или бездействие – если о поступках – это именно те моменты, в которых Вселенная ещё не определилась как поступить в том или ином случае, и она – Вселенная – только и ждёт вашего определяющего шага. Например, слов. Слова ведь тоже могут быть шагом. Или ждёт действий. Неважно. Ведь и сказанные слова, и совершенные поступки в момент своего рождения обретают достаточно энергии чтобы существовать автономно и формировать вашу реальность. И принцип квантовой неопределенности ясно говорит нам – что бы вы ни сказали – может быть воплощено. Ну, или похоронено, если вы отказываете себе, даже на словах, в праве, – дракон немного задумался, – в своем праве на всеильность.

– И как я могу отказать себе в таком праве?

– Просто произнести пару слов.

– Каких же?

– Самых обыкновенных, – дракон потрепал меня по голове, – самых обыкновенных слов.

– Но каких же? – я был настойчив.

– Ну например – у меня не получится. Или – я не смогу. Или – это невозможно. Мало ли каких слов. Любых слов, – Артак вздохнул, – и люди почему-то не хотят этого понимать. Такие простые и очевидные вещи приходится объяснять на пальцах.

– Я понимаю... Спасибо вам, Артак.

– Мне? – он усмехнулся, – мне не за что. Благодарите себя.

– Меня то за что?

– За то, что имея практически неограниченные возможности вы всё-таки выбираете добро. Поверьте, это стоит благодарности, – дракон замолчал и отвернулся. Куда-то в сторону, не поворачиваясь ко мне, он произнес:

– А за ногу не переживайте. Время почти остановлено, так что вам ничего не грозит. Я имею в виду – вам не грозят никакие осложнения. Вы сломали конечность один миг назад.

От удивления я вытаращил глаза.

– Один миг назад?

– Ну или половинку этого мига, – Артак замялся, – понимаете, я не совсем уверен что это мгновение уже закончилось. Возможно, оно ещё длится.

– ???

– А вы взгляните на свои часы...

Часы, и правда, показывали, как и раньше, ровно 10 утра и ни секундой больше. Я снял их с руки, зачем-то потряс и приложил к уху.

– Тик-так, тик-так... – мерно и кропотливо рождались и умирали секунды.

Одна секунда сменяла другую, и, видимо, не было этому ни начала ни конца. Заканчивалась одна иллюзия, но тут же передавала свою эстафетную палочку иллюзии следующей. Однако, секундная стрелка при этом стояла на месте. А значит, и время замерло, словно выжидая в засаде.

– Этого не может быть, – только и смог прошептать я.

– Тссс, – Артак поднял свою лапу, как бы предостерегая от чего-то, – тссс, – повторил он, – осторожнее со словами. Не лишайте себя той силы, которая, возможно, ужё где-то на подходе.

– А что я такого сказал?

– Вы сказали – «не может быть».

– И?

– Знаете, как всё что «не может быть» тоскует и томится в одиночестве? Знаете, как невозможное соскучилось за вами? Знаете, как оно стремится проявиться здесь – в этом нарисованном и раскрашенном вашим сознанием мире? Знаете, как оно пытается достучаться до вас? Да и не только до вас, а до абсолютно всех людей, не верящих в чудеса! Как

это невозможное одиноко и изолированно! В каком безлюдном месте оно живет! Подумайте об этом. Подумайте, и дайте ему шанс. И никогда, слышите, – дракон поджал губы и его пасть вытянулась в одну ровную и тонкую линию, – никогда не говорите так, как вы сказали только что.

– Не говорить что?

– Не говорите – этого не может быть! А еще лучше – выкиньте такую мысль из головы один раз и навсегда. Навечно. Насовсем. Необратимо! – Артак улыбнулся, – ибо может быть абсолютно всё. Всё, что вам угодно. Впрочем, как и совсем наоборот.

9

– Так время может быть выражено теплом? – как только мне удалось отвести глаза от желтизны драконьего взгляда я сразу встрепенулся, словно с меня слетело какое-то наваждение.

Словно кто-то большой и невидимый сорвал с меня тёмное покрывало.

Правду говорят – взгляд рептилии обладает какой-то сверх силой, каким-то необъяснимым притяжением. В нём одновременно соединены два полюса – Инь и Ян, небо и земля, вдох и выдох, соединены созидание и разрушение, в нём соединены даже, казалось бы, несоединимые – бытие с небы-

тием.

Во взгляде дракона, как впрочем, и во взгляде любых других динозавров, включая крокодилов и змей, ящериц и даже черепах – рядом уживаются такие, казалось бы, несовместимые вещи как нападение и защита – мгновенная, молниеносная атака нападающего и сковывающее всё тело, полностью парализующее дух и волю напряжение. Мало кому удастся выстоять перед тяжёлым, гипнотическим, завораживающим и леденящим, связывающим холодком страха, магнетическим взглядом рептилии.

Кажется, даже время склоняет свою голову перед таким взглядом...

– Вы тоже заметили? – Артак доброжелательно улыбнулся.

– Что я заметил?

– Что взгляд дракона способен остановить время...

– Вы, как всегда, слушаете мои мысли...

– Но я не могу по-другому, – Артак немного смутился, и его взгляд тут же утратил свой магнетизм, а вся его гипнотическая составляющая рассыпалась мелкой дробью по холодному бетону, – я же и есть ваша мысль. И когда вы думаете – хочу я этого или нет – но я становлюсь тем, что вы думаете, ведь будучи вашей мыслью, у меня просто нет другого пути. И уж, конечно, я точно знаю все ваши мысли, ибо я и есть они. Мне нет необходимости думать или гадать на ко-

фейной гуще о чём вы размышляете, – дракон рассмеялся, – потому что как только вы начинаете думать – я появляюсь из ниоткуда – как птица Феникс появляется из пепла или из пустоты.

– Но я же не могу совсем не думать...

– На мое счастье, человеческий мозг устроен так, что жить и при этом не думать вы не в состоянии, что лишний раз подтверждает мою, – дракон покрутил головой, как бы ища необходимое слово, – вечность что ли, – он растерянно посмотрел на Агафью Тихоновну, словно прося о поддержке, – не хочется использовать громкие слова, но видимо, это тот случай когда без них не обойтись, – Артак усмехнулся. – Да, физиология человека такова, что его мысли вечны. В отличие от бренного и каждое мгновение рассыпающегося в пыль тела.

– И значит, вы никогда не умрете?

– То что не было рождено – никогда и не сможет умереть, не так ли? А человеческая мысль бесконечна и безмерна, человеческая мысль бессрочна, она незыблема и постоянна. Человеческая мысль нетленна, неувядаема, негасима. Она неисчерпаема. Никем, даже сама собой. Она прочна и стабильна, и уж точно никак мысль не связана с телом, её породившем. Да и породившем ли – тоже вопрос. Скорее наоборот. Ведь именно мысль вечна, а тело – нет.

– И...

– Как вы думаете, способно ли нечто, обладающее такими

характеристиками, остановить время? Или отправить его в путешествие, скажем, в совершенно противоположную привычной нам стороне, выдав ему – времени – обратный билет? – Артак ещё раз усмехнулся, пряча улыбку за своими огромными лапами, – спрошу даже по-другому – способно ли это нечто вообще понять что такое время, если по своему определению оно само вечно и постоянно?

– Ну, если так рассуждать, то нет. Не способно.

– Вот и отлично, вот и хорошо! – мой ответ явно устроил мудрую рептилию, – а раз человеческая мысль не способна понять что такое время, значит мы можем с этим временем делать всё что захотим, не тревожась и не опасаясь последствий, ибо несуществующее на самом деле не сможет нам никак навредить, правильно? – Артак засуетился, поднялся на задние лапы, и только сейчас мы с Агафьей Тихоновной заметили что в лапах передних он держал толстую, холщевую нить.

– То есть, как это?

– Всё, как всегда, очень просто! Если время для мысли является чем-то иллюзорным и несуществующим, то уж наверное, мы можем делать с ним всё что захотим, правда? – дракон подмигнул мне и улыбнулся, – ведь не воспринимая время всерьез, не делая его настоящим, не зная о его существовании и не зная тех качеств, которыми наделил время человек – мы можем выдумать любую реальность, и никакое придуманное время не сможет нам в этом помешать. Потому

как ни вы, ни я, знать не знаем что это такое и с чем его едят. А то чего мы не знаем – не существует. По крайней мере, не существует в той реальности, в которой мы с вами находимся. Так что нам стоит в таком случае повернуть реку времени вспять? Ведь ни вы, ни я, ни Агафья Тихоновна, мы все не в курсе что этого нельзя делать, а значит...

– А значит? – мы смотрели на дракона в ожидании, – а значит...

– А значит всё возможно! – Артак улыбнулся, – я никак не могу втолковать вам эту простую, и от этого – самую что ни на есть замечательную истину – все ограничения существуют только в вашей голове. В моей же, – дракон постучал себя когтем по лбу, – в моей же голове нет никаких границ. Никаких, – повторил он убеждённо, – и это значит – всё что вы считаете фантастикой, абсолютно всё выдуманное и придуманное – возможно.

– Наверное, вы правы, – я немного подумал и согласился. Мой взгляд уперся в грубую желтовато-серую нить, которую Артак обмотал вокруг моей ноги, – но это что? – последние слова мы с Агафьей Тихоновной произнесли практически одновременно и наши голоса покинули терцию и слились в унисон, – что это за нить?

– Это нить из нашего сна, – дракон многозначительно улыбнулся акуле, и в который раз подул мне на ногу. Эту нить я прихватил в том удивительном и сказочном мире, который мы с Агафьей Тихоновной навестили пару мгновений

назад, в аккурат в то самое время, когда вы на одно лишь мгновение закрыли свои глаза и отбросили от себя всяческий контроль реальности.

Дыхание дракона стало заметно теплее, и я вдруг почувствовал что внутри моей ноги, да что там внутри ноги – внутри самой кости – что-то щелкнуло, кляцнуло и переместилось. И судя по тому что опухоль каким-то невероятным образом сразу начала спадать – моя кость прочно стала на место, предназначенное ей природой. Нить, опоясывающая опухоль тут же ослабла и Артак её сразу подтянул, чтобы она, как и прежде, продолжала плотно обхватывать мой голеностоп.

– Но что же это такое? – акулье любопытство было несоизмеренно больше моего, и она уже не могла молчать в ожидании ответа.

Артак повернулся к Агафье Тихоновне и тихонько, не переставая дуть на мою поврежденную (повреждённую ли?) конечность, произнес:

– Это нить от мешка с выздоровлением. И если вы помните, то рядом с ним стоял мешок с чудесами или с тем, что вы, Агафья Тихоновна, – дракон перевёл взгляд на меня и направил своё жёлтое тепло прямо внутрь моего озябшего тела, – или с тем, что вы, – он акцентировал внимание на мне, – с тем, что вы называете невозможным.

– Мешок с чудесами? – мои глаза сами вылезли из орбит и отказывались слушать команду своего хозяина вернуться

в отведённое им природой место, – мешок с чудесами? – повторил я, растерянно переводя взгляд с акулы на дракона.

– Ага, – Артак буднично, повседневно кивнул, – с ними. С чудесами. Ну или с волшебством. Как вам будет угодно. И то что эти мешки стояли рядом – лишь усиливает действие этой чудесной ткани.

– И эта нить от этого мешка? – я прикоснулся к волшебной нитке, почувствовав сквозь неё жар от ноги, – эта нить от волшебного мешка?

– Нет, – дракон был терпелив и пытался объяснить мне как можно понятнее, – нет, эта нить от мешка с выздоровлением. Но концентрация в ней самого выздоровления – именно выздоровления, как процесса – в этой нити зашкаливает. Она вымазана выздоровлением, как была бы вымазана мукой, если бы мешок был наполнен именно ею. А так как рядом стоял мешок с чудесами, приставленный чей-то заботливой рукой, то уж конечно, они немного пропитались друг другом, – Артак засмеялся, – ведь простую и понятную человеческому мозгу диффузию ещё никто не отменял, не так ли? И, таким образом, ваше выздоровление смогло приобрести характеристики чего-то чудесного, – он усмехнулся и ещё раз объяснил, – потому что мешок с чудесами был совсем рядом.

– Да, да, конечно, – я часто закивал, боясь упустить нить разговора, – но нам как раз и необходимо именно чудо, не так ли?

– Нам необходимо вернуться в том самый миг, когда вы, полный радости и счастья, сломя голову и ломая по пути конечность, неслись по этой лестнице, – Артак обвел взглядом парадное, – и когда по какой-то счастливой случайности (случайности ли?), ваша нога вывернулась в сторону, не предназначенную ей природой, а вывернулась в сторону, прямо скажем, совсем противоположную...

– Вы думаете эта случайность была счастливой?

– Конечно, – дракон в недоумении уставился на меня, – конечно счастливой!

– Но почему?

– Потому что все случайности, – он на мгновение запнулся, – ну или то, что вы, люди, привыкли считать случайностями – счастливые.

– Все?

– Абсолютно все, – Артак был совершенно серьёзен.

– Но почему?

– Потому что они – часть пути. Это светофоры на этом пути, это дорожные знаки, это указатели! Случайности всегда на перепутье! Они – часть вашего пути, притом самая важная её часть! Та часть где действительно есть, где реально существует выбор. Та часть, где вы определяете свою будущую дорогу, ну а «другой дороги, кроме как в счастье, у природы не существует», – дракон, улыбаясь повторил мои собственные мысли моим же собственным голосом.

Повторил моим внутренним голосом.

Я запнулся, наконец-то поняв что именно Артак имел в виду.

– По крайней мере, так я сейчас думаю, – дракон пожал плечами, – думаю, но не знаю точно.

– Что вы не знаете точно?

– Какое чудо может произойти, – он многозначительно поджал нижнюю челюсть, – это я думаю, что мы вернемся во времени – ведь это было бы именно чудом, не так ли? Но, вполне может быть, произойдёт что-то совсем другое. Может быть, произойдёт даже противоположное. Нам не дано знать. Но нам дано мыслить. И нам дано – не бояться перемен. Какими бы эти перемены не казались в момент их прохождения. Любую переменную можно правдиво оценить лишь пройдя её до конца... Лишь взглянув на неё своими будущими глазами...

– От чего это зависит? Чудо... Чудо... – я бестолково повторил это замечательное слово, – какое чудо может произойти?

– И не бояться перемен, – повторил Артак, игнорируя мой вопрос, – какое бы чудо не произошло.

– Но вы знаете наверное?

– Что чудо произойдёт? – он громко засмеялся и эхо его голоса многократно отбивалось от стен, пружинило мои барабанные перепонки.

– Да!

– Позвольте, вы ли это? – Артак продолжал смеяться, – вы

не верите в возможность чудес? Вы, сидящий на бетонном полу с говорящей и мыслящей акулой и с не менее говорящим и не менее мыслящим драконом? – его смех упругим мячиком отскакивал от стен и врвался в моё сознание.

– Простите, – пристыженно произнёс я, улыбаясь, – простите меня.

– Не стоит извинений, – Артак придвинул свою пасть к моему уху, – я постараюсь удовлетворить ваше любопытство. То, что произойдёт, зависит только от того, какое конкретно чудо лежало рядом с этой ниткой, – он был совершенно серьёзен, мой дракон, совершенно серьёзен! – Может быть, это будет возврат во времени, может быть – нечто другое. Может произойти всё что угодно. Только одно нам известно совершенно точно – что бы ни произошло – это будет хорошо и правильно.

– Но произойдет именно чудо?

– Да что ж такое! – дракон немного повысил голос и, отчеканивая каждое слово, произнес, – чудес на свете не бывает! – Он сказал, как отрезал. – Настоящих чудес не бывает!

– Но позвольте...

– Не позволю! И не просите! Настоящих чудес не бывает, – повторил Артак уже мягче, – потому что всё на свете развивается и случается согласно определенным законам. Самым обыкновенным и точно определенным законам физики этого или любого другого мира – в данном случае это совершенно не важно. Что такое чудо? Люди называют чу-

десами то, что они не в состоянии объяснить. Но от того что какой-то закон ещё не открыт, или уже открыт, но ещё не понят досконально – а такое случается сплошь и рядом – от этого самый обыкновенный возврат во времени не становится чудом. Это рядовое, самое обыкновенное, и заметьте – совершенно природное событие.

Артак замолчал на мгновение, и видимо, прислушавшись к моим мыслям, добавил:

– Люди, а если использовать другое, более точное слово – то всё человечество – всё человечество, как единый организм, пошло по техногенному пути развития. Это осознанный выбор людей. Верен он или нет, не нам с вами решать. Но именно результат этого выбора и заставляет меня сейчас объяснять вам, казалось бы, простое и очевидное – существуют ли чудеса? – Артак сделал паузу, словно ждал чего-то, но выждав определенный отрезок времени, в течение которого ничего не произошло, продолжил:

– Люди уже знают поверхность Вселенной, люди пытаются познать её глубже, хотят приблизиться к её центру, разгадать её структуру, открыть тайну её (и своего) существования, выяснить причины и следствия всего происходящего. Но они не знают, да и не хотят знать Вселенную как сущность, наполненную чудесами, – Артак говорил медленно и немного грустно, – и, таким образом, человечество пожинает плоды собственного выбора, а мы с вами точно знаем что любой выбор, – дракон постучал своим когтем по моему лбу, – лю-

бой выбор всегда реализуется, и реализуется всегда в полном объеме, ведь у Вселенной просто-напросто нет другого пути. И уж если человечество выбрало мир, который прячет правила своего существования, если оно выбрало мир, развивающийся в строгом соответствии с законами, описывающими это развитие, то в результате оно и получает Вселенную, которую просто необходимо познавать! Но в реальности, – Артак повысил голос и его рык прокатился громким эхом по пустому подъезду, – в реальности ничто не сокрыто! Всё знание, все законы, все правила уже сосредоточены в каждом из людей, все ответы уже помещены мудрой природой в каждую травинку, в каждую капельку воды, в каждое дуновение ветра и в каждый солнечный луч. Более того – даже самая простая радуга, которая как известно, существует лишь в воображении человека – она тоже наполнена полной и всеобъемлющей информацией обо всём на свете. И единственный инструмент, который действительно необходим для познания всего и сразу всегда с вами, и это – открытые глаза и уши, это доброе сердце и восприимчивый мозг, – дракон несколько раз кивнул, – да, да, более ни в чем нет необходимости. Всё сущее – и живое, и неживое, можно познать просто внимательным взглядом на него. И совсем неважно, что именно вы будете прощупывать своим вниманием. Любое углубление внутрь приведет вас к полному и абсолютно-му знанию. Надо только найти в себе силы остановиться на дороге и внимательно осмотреться вокруг.

– На дороге?

– На дороге, – дракон утвердительно кивнул головой, – люди называют эту дорогу жизнью.

– Остановиться? – мне кажется, я понимал о чем говорит дракон.

– Остановиться! – он ещё раз кивнул, – остановиться и внимательно присмотреться к чему-нибудь. Уверяю вас, что бы ни оказалось у вас перед глазами – оно будет прекрасно. Прекрасно, чудесно и занимательно.

– Я понимаю, – теперь пришла моя очередь пустить в свою речь немного грусти, которая всегда сопровождает знание, – я понимаю...

– Но это ещё далеко не всё. – Артак не собирался останавливаться, – люди думают, они даже полностью уверены в том, что они сами, шаг за шагом, открывают законы, которые прячет от них природа. – Артак засмеялся. – Однако никому и в голову не приходит, что они их не открывают – они их пишут. И, как творцы, они не оставляют Вселенной выбора, кроме как следовать новым, самими людьми придуманным и написанным законам.

– Но это значит что чудеса все-таки существуют?

– Нет, – дракон отрицательно покачал головой, – чудес не существует. Они случаются. Ведь в мире, где правят законы, не остается места чудесному. Поймите эту простую вещь. В мире, где всё строго определено – а человек сам решил что этот мир именно такой – так вот, в мире, где всё зара-

нее можно просчитать и предсказать, – Артак прищурился и покачал головой, теперь уже отрицательно, – в таком мире нет места волшебству. Всё свободное пространство занято законами и правилами. И именно поэтому происходить или случаться чудеса, конечно же, могут, а существовать – нет, никак нет! – Артак засмеялся, – но всё же чудеса, – он мечтательно посмотрел вверх, – они такие – чудеса вершатся, творятся, проистекают...

– Проистекают? Откуда проистекают?

– Проистекают из вашей веры в чудесное. Они сделаны из вашей уверенности в их существовании.

– И где взять эту уверенность? У кого научиться? У кого узнать? У кого спросить?

– Вселенная может быть заполнена чудесами точно так же, как сейчас она заполнена законами и исключениями из них, – дракон удовлетворенно хмыкнул, – а вот у кого научиться – вопрос хороший, – он внимательно посмотрел на меня и тихонько добавил:

– Дети знают, любящие знают. Иногда знают увлеченные. Иногда поэты и сумасшедшие. Иногда гении. Но, совершенно точно знают одни лишь дети – знают и вовсю пользуются этим знанием. И пользуясь, помогают всем нам, помогают всему миру, всей Вселенной. Ведь она, как никто другой нуждается в чудесах, она задыхается без них, без них она может даже умереть...

– Умереть? Вселенная?

– Конечно. Она ведь ещё более жива, чем всё что её заполняет... Она жива всеми жизнями сразу. Она жива и неделима, она живёт цельно и многолико. Но, одновременно с этим – она живёт едино.

– И дети и сумасшедшие...

– Да, дети и сумасшедшие, а также гении, любящие... Они спасают этот мир каждое мгновение. Если вы будете достаточно внимательны, то заметите, что у всех этих категорий людей есть одна общая черта.

– Какая же?

– Честность. Дети честны до тех пор пока взрослые своим примером не научат их лгать, сумасшедшие честны по определению, ибо только они совершенно не скрывают свой внутренний мир, как бы большинство не оценивало их собственную Вселенную, – Артак говорил не спеша, точно зная что торопиться некуда, – ну а чтобы доказать честность гения, я призову в союзники Пушкина, – дракон улыбнулся и процитировал:

– «Он же гений, как ты да я, а гений и злодейство – две вещи несовместные».

– Вы хотите сказать что честность формирует свою собственную, отдельную от лжи, Вселенную?

– Конечно. И я вам скажу ещё больше – если бы количество правды на планете превышало количество излучаемой людьми лжи, если бы детей было больше, чем закостеневших в своей серьезности и “дипломатии” взрослых, если бы

любовь до краёв наполняла сердца людей, – дракон неопределенно развел лапы в стороны, – тогда этот мир потихоньку начал бы наполняться чудесами, которые бы именно проистекали, – Артак смаковал это слово, – именно проистекали бы из детской непосредственности и чистосердечности, из детской уверенности в существовании чудес, – дракон потрепал меня по голове, – чудеса бы исходили из чистоты человеческих сердец, из прямоты характера, из твердости духа. Одним словом, из честности.

– А пока...

– А пока человечество живет в мире законов и правил. Законов, им же и написанных. Написанных, а потом открытых, – Артак рассмеялся, – но, надо отдать ему должное – оно само выбрало этот путь.

– А можно было выбрать и другой?

– Да. Всегда есть варианты.

– А нужно было выбрать другой путь? – я сделал акцент на слове «нужно».

– Не знаю, – Артак покачал головой в раздумьях, – а какая разница? В конце концов, каждый человек когда-нибудь был ребенком и, точно так же, как и любой ребенок – верил в чудеса. А становясь взрослым – каждый в отдельности человек всего лишь делает выбор и из всего многообразия вселенных он выбирает свой собственный мир, и – или сохраняет в нём детскую честность и непосредственность, тем самым сохраняя способность чудес случаться, или с головой окунается

в мир лицемерия и лжи, отвергая таким образом любую попытку Вселенной сформировать хоть какое-то, мало-мальски стоящее чудо. Каждый человек живёт в своем собственном, им же созданном мире, и каждый человек, без исключения формирует свой мир в соответствии со своими желаниями и предпочтениями.

– И?

– Любой выбор всегда реализуется, – дракон в один момент стал серьёзным, – любой и всегда, – он повторил ещё раз, – любой и всегда. Ибо такова функция ума – заставлять вещи случаться. Вселенная не умеет трудиться по другому. Она способна лишь точно отобразить ваше внутреннее, сделав его внешним и видимым глазу. Вот так просто. Никакой сложности, – Артак широко зевнул и, словно спохватившись, занялся моей ногой.

– Кстати, на ваших часах до сих пор 10 утра, так что мы не потратили ни одной секунды вашего человеческого времени попусту, – дракон посмотрел на меня хитро, явно не договаривая что-то важное, – ни одной секунды, вы заметили? Но сколько всего мы успели обсудить – и не перечсть.

– Но как же так получается? – я был совершенно сбит с толку.

– Секунда имеет такое же отношение ко времени, как я к архиепископу, – дракон подмигнул мне глазом цвета Солнца, – секунда – выдуманный человеком интервал, секунда – нереальная, вымышленная, эфемерная величина. А уж раз

это так, то нам не составит никакого труда растянуть её, как мы можем растянуть любое придуманное нечто.

– Как это?

– Ну, если мы сами это придумали, то согласитесь, что нам ничего не стоит изменить условия выдумки в соответствии с нашими новыми желаниями и потребностями, не так ли? Что мы и сделали, превратив одну человеческую секунду в целую вечность в вашем, в человеческом понимании. Мы просто придумали новую секунду, причем, заметьте, не нарушив ничего в реальном и действительном мире... И в нашей новой, вымышленной секунде, стало просто больше времени, стало больше энергии, чем в секунде старой. И мы с вами, беседуя, эту энергию беззаботно тратим. Для окружающего мира это не имеет никакого значения. Реальность может поставить вас на место только тогда, когда вы затронули нечто настоящее, – дракон хмыкнул, – а с выдумками делайте что хотите – на то они и выдумки.

– А что же тогда настоящее?

– Настоящим во времени есть только миг. Миг, мгновение – вот что не поддается корректировке, ибо мгновение всегда мимолетно и неуловимо... Настоящим есть только тот импульс, который вы ощущаете в каждом отдельном миге своего существования.

– Но это же...

– Вы хотите сказать чудо? – Артак еще раз засмеялся, – что ж, может быть и так.

– Получается что я...

– Любящий, сумасшедший или гений, – дракон утвердительно кивнул и самодовольно ухмыльнулся, – ибо ребенком вас уже трудно назвать. Впрочем что одно, что второе, что третье – одно и то же.

– Но всё же...

– Вы – честный, – дракон как бы невзначай скользнул по мне взглядом и я понял что именно сейчас он сказал что-то очень важное...

Или скажет...

Так бывает когда ты пытаешься схватить свою мысль за хвост, а она, как бабочка на лугу – порхает и не поддается, ускользая от твоего сачка. Но ты точно знаешь что бабочка есть, что её можно поймать, что вот же она – совсем рядом, ты её видишь, любишь её, предвкушаешь её, но никак не можешь схватить.

– Вы – честный, – повторил дракон, – и вашему личному миру не остается ничего другого, как быть честным с вами. Вы не оставили ему выбора, когда отказались от любой, даже самой мелкой лжи. Как только вы это сделали, ваш мир повернулся к вам тем боком, где на все вопросы уже существует только один ответ, – Артак глубоко вдохнул, – и этот ответ – истинный – это честный и правдивый ответ. Поймите же, ваш мир – лишь зеркало. Он – отражение вашего есте-

ства. И если вы хотите что-то изменить вокруг, – Артак обвел взглядом пространство, явно имея в виду не только ту лестницу, где мы сейчас находились, – начинать всегда надо изнутри. Ведь глупо менять лишь отражение, оставив сам оригинал в покое, не так ли? Оно, отражение, изменится само собой, у него нет другого пути, как полностью соответствовать оригиналу. И если говорить о вашем случае, то вы не оставили отражению ни единого шанса, – он усмехнулся, – став честным с вашей собственной вселенной, вы – лично вы, и никто другой, тем самым активизировали очень важный и очень мощный механизм. Вселенная стала отвечать вам только правдой. Повторюсь, она – лишь ваше отражение, и у неё нет другого пути... Она говорит с вами так, как вы сами говорите с ней, как вы говорите с другими. То есть, она говорит вам правду.

Я посмотрел на циферблат своих, застывших в одной секунде часов, и эхом повторил последнее слово моего дракона:

– Правда. Чистая правда.

Артак, время от времени, продолжал дуть на мою ногу и мне казалось что его дыхание теплело с каждым вдохом и выдохом, с каждым новым дуновением, а спустя некоторый, совсем небольшой отрезок времени, я почувствовал (или мне показалось?) что моя кость начала плавиться.

Она плавилась как металл при сварке, она топилась как

сливочное масло под горячим ножом, и сама нога, вследствие этого плавления, а может быть и несмотря на него, потихоньку меняла свои внешние очертания – исчезал отек, испарялась сине-красная припухлость с разорванными реками капилляров, и даже сама кость – расплавленная, мягкая и податливая – медленно, не торопясь, занимала своё, отведенное ей природой место. И место это было точно там, где оно должно было быть, то есть там, где мой сломанный и теперь сплавленный сустав был до повреждения.

Вот ведь точно – в любом из существующих временных миров – миров, где присутствует и проявляется время – всё происходящее может именно происходить, и происходить со временем.

И делать это исключительно вовремя.

Как и в любом мире, содержащем в себе пространство – всё и всегда находится там где должно, даже если это сломанная кость, стремящаяся разорвать кожу и вырваться из человеческого, впрочем, как и из любого другого тела.

Если есть пространство – всё и всегда на своих местах. Если есть время – всё и всегда вовремя. Только такой вариант. Других не дано. Других просто не бывает.

– Ничего, ничего, – дракон поглаживал меня свободной лапой, – связки целы, и первое время они смогут удержать кость на своём месте. Как на растяжках, понимаете? Ей про-

сто некуда будет деться, – он улыбался, а я, словно находясь под гипнозом, не чувствовал никакой боли.

Гипноз или анальгин – не всё ли равно. Главное, что боль отсутствовала.

Странно (или чудесно) было только одно – за всё это время в подъезд не зашел ни один человек.

Хотя, почему странно?

Закономерно.

Ведь прошло не более одной земной секунды.

И эта секунда продолжала длиться и сейчас, и неизвестно было сколько ещё времени займёт её дление, сколько дополнительных моментов она принесёт своему хозяину.

10

– Вы говорили что мерой времени является тепло? – я продолжал лежать на полу, так как Артак жестом попросил меня пока ещё не вставать.

По крайней мере, я понял его жест именно так.

Наверное, для того чтобы не нагружать только что сплавленный сустав, чтобы предоставить ему больше времени для застывания. Непонятно было одно – сустав застывал по своим собственным, природным часам, или по моим наручным, которые практически стояли на одном месте, хотя и исправно отсчитывали секунды?

– Как и любой энергии, – дракон утвердительно кивнул и хитро посмотрел на меня.

– И чем больше температура...

– Тем больше времени сконцентрировано в данной материи или на данном участке пустоты.

– Ага. И если нам известно, что температура человеческого тела немногим менее 37-ми градусов, то этой информации хватит для расчетов? Я имею в виду, достаточно ли знать только температуру объекта, чтобы определить количество времени, сконцентрированного, например, во мне?

– Достаточно. – Артак кивнул головой, – только не надо рассматривать человеческое тело как единый и неделимый организм, не забывайте, что он – всего лишь мысль, выраженная в форме, доступной глазу. И именно мысль определяет количество времени, отпущенной на неё, – дракон замолчал на мгновение, давая мне время обдумать сказанное, – вот вы, например, можете определить температуру вашего мышления?

Он замолчал, а я, чувствуя себя молодым и нетерпеливым, глянув ещё раз на свои наручные часы, которые уже целую вечность показывали одно и то же время – я не хотел терять даже остановленную каким-то пока ещё невероятным для меня способом секунду, я не мог более ждать:

– Не могу, – растерянно пробормотал я, – а есть какая-то формула для вычисления?

– Формула, – дракон засмеялся, и его смех эхом прокатил-

ся под бетонными сводами парадного, – формула! – повторил он, – вы видите, как влияет на вас общество! Вы, один из самых продвинутых людей на планете, уже познавший достаточно для того, чтобы навечно откинуть глупые предрассудки о математической определенности, если хотите – о предсказуемости мира! Вы, который уже знает, что человечество само выбрало путь законов и формул, а Вселенная лишь слепо скопировала и реализовала человеческий выбор! Вы, который сохранил детскую непосредственность и возвел честность в общении с людьми в ранг религии! Вы, который смог изменить свой внутренний мир и, тем самым, заставил всю остальную Вселенную отвечать на все без исключения ваши вопросы и запросы к ней исключительно прямодушно – отвечать прямолинейно и начистоту. Вы, верящий в чудеса, и уж наверное знающий что они есть! Ведь всё это вы! И вы спрашиваете меня о формуле? – дракон продолжал смеяться, но не насмешливо, а как-то по отечески, по доброму, не пытаясь обидеть или устыдить. – Конечно же, формула есть! Есть формула, есть! – он перевел дыхание и отдышался, – есть, уже хотя бы потому, что вы о ней спрашиваете. Своим вопросом вы уже создали эту формулу и дали ей жизнь.

Я не мог поверить своим ушам. Оказывается, есть формула, по которой вот так запросто я смог бы вычислить количество времени, сконцентрированного в моём мышлении, а значит, и во мне самом. Количество времени, которое меня наполняло и понемногу расходовалось. Количество времени,

которое составляло всю мою земную человеческую жизнь. Количество времени, отпущенного мне природой.

– Не вам, – Артак показательно зевнул, делая вид что ему не интересны мои мысли, – не вам, – повторил он, усмехнувшись, когда понял что я его раскусил.

– А кому?

– Вашему телу. И прошу вас, не заставляйте меня делать ещё более глупую вещь, чем рассуждать о формуле, связывающей время с температурой.

– Это какую? – я был немного сбит с толку, но подыгрывал дракону, словно полностью его понимал.

– Глупую, – Артак рассмеялся, – очень глупую, – он развязал нитку от мешка с выздоровлением на моей щиколотке, и та с легким шипением растворилась то ли в моем теле, то ли в пространстве, – не заставляйте меня объяснять вам что вы – это не тело, и если время природой и отпущено, то уж точно не вам. Не вам, а ему, – он потыкал когтем в сустав, проверяя его на прочность, – ему, телу. Вашему телу. Вашему транспортному средству, которое перевозит вас в этом мире. Автомобилю, за рулем которого вы сейчас находитесь. И кстати, вы совершенно напрасно сливаетесь с ним воедино. Не надо жить в гараже. Жить надо в доме. И вы – не он, не автомобиль, а он – автомобиль или оно – тело, – не вы.

– Да, да, конечно, – я улыбнулся, как можно доброжелательнее, и даже немного заискивающе, – а куда делась нитка?

– Откуда мне знать? – Артак недоуменно пожал плеча-

ми, – она выполнила свою функцию, совершила чудо, как вы, люди, это называете и исчезла, растворилась в пустоте за ненадобностью. Необходимость в её существовании отпала и нить исчезла – фьюють, и нету.

– Но она меня вылечила? Моя кость цела?

– Она вас вылечила или не она – не знаю. Возможно, она всего лишь отдала вам свою материю – материю выздоровления, а уж тело восстановило себя само. Возможно, что и нет. Но факт остается фактом – ваша кость цела, – дракон щупал мою щиколотку, – цела, но ещё очень нестабильна. И поэтому, нам надо подождать ещё немного времени, пока оно, это время, не восстановит свой привычный бег во всем вашем теле.

– Это как?

– Весь мир – мир в котором живёт человек, и который он видит как мир предметов, который он ощущает как мир материи, как мир вещества – и из которого состоит, в том числе, и ваше тело, – Артак сосредоточено засопел, ощупывая мою, только что сросшуюся кость, – весь этот мир совсем не такой каким вы его видите, и даже не такой, каким вы можете его представить, – он перестал мять мой голеностоп и убрал лапу, – весь этот мир, вся эта Вселенная на самом деле даже отдаленно не напоминает то, что вы привыкли видеть своими глазами. Не напоминает и то, что вы привыкли считать в своих мыслях за реальный мир. Настоящая Вселенная не напоминает также и любую вашу мысль, которую вы можете

думать об этом самом мире и об его устройстве. Но в этом и состоит ваша задача, как впрочем и наша, – он усмехнулся и посмотрел на Агафью Тихоновну, – показать вам действительную реальность. И реальность не физическую, которую можно осязать глазами или какими-то приборами, и не ту, которую можно пощупать руками и даже не ту, которую вы видели, останавливая мгновения по пути к зонтичным солнцам. Мы хотим вам показать совершенно другую, метафизическую реальность – ту реальность, которая формирует все существующие возможности и все возможные вероятности в вашей голове, ту реальность, которая в состоянии ответить на любой ваш вопрос, ту реальность, в которой всё уже существует и, соответственно, абсолютно всё возможно – всё, без каких-либо исключений и ограничений.

– Аааааааа, – я попытался что-то сказать, но так и не смог ничего придумать, настолько захватывающим было предложение дракона.

– Да, – Артак немного приблизился ко мне, – да, да, готовьте ваши вопросы. Ответы уже не за горами, – он опять улыбнулся одними глазами, как это умеют делать только драконы, и жёлтый свет, излучаемый его зрачками ослепил меня на мгновение. – А теперь займемся синхронизацией вашего времени, – он кивнул акуле и та не спеша приблизилась к нам...

Когда моё зрение восстановилось после жёлтой, солнеч-

ной вспышки драконьих глаз, когда я вновь получил возможность видеть сначала очертания, а потом и сами предметы – тогда я смог различить Агафью Тихоновну, которая стояла совсем рядом со мной и держала в руках стакан с какой-то жидкостью, цветом напоминавшей светло-серый асфальт.

– Что это? – сама жидкость, её цвет и консистенция напоминала мне что-то конкретное, мой мозг словно подсказывал мне что где-то я уже это видел.

И вдруг какая-то смутная догадка, какая-то ещё полностью не сформированная мысль пронзила меня насквозь. Но зная уже наверняка правильный ответ, я продолжал нерешительно молчать и ждать неизвестно чего.

– Время, – Агафья Тихоновна улыбнулась тремя рядами ослепительных белых зубов и протянула мне стакан с мутной серой жидкостью, – это всего лишь время. Экстракт. Вытяжка. Эссенция.

– Мне надо его выпить?

– А как же! – она энергично закивала, – конечно, выпить. Артак же объяснил вам, что в вашем теле время сейчас разбито – оно разделено, оно вдребезги расколошмачено. И, конечно же, оно распределено неравномерно. Нам, а точнее – вам, нужно привести его в порядок.

– Ваша щиколотка сейчас старше вас на пару-тройку месяцев, а именно, на отрезок того самого времени, который потребовался бы вашему организму чтобы срослась нога, если бы вы были самым обыкновенным человеком, если бы

вы не верили в чудеса, – дракон вмешался как раз вовремя, чтобы объяснить, – концентрация выздоровления в нитке с мешка была высочайшей, и ваше тело просто не в состоянии воспринять такое количество этого процесса во всё ещё продолжающейся, во всё ещё длящейся, но, всё-таки, в одной-единственной человеческой секунде, – Артак взглядом указал на мои часы, стрелки которых застыли в одном положении, – поэтому мы и должны добавить вам немного концентрированного времени, чтобы оно равномерно распределилось по вашему организму, и тогда баланс между временем в вашей щиколотке и во всем остальном организме будет восстановлен.

– И что с того что моя нога стала старше? Она же от этого не стала умнее или прозорливее всего остального тела?

– Нет, что вы, хотя крупица разумного есть даже в том что вы только что сказали, – дракон ухмыльнулся, – просто ваша нога умрёт раньше ровно на такой же отрезок времени, за который она зажила, хотите вы этого или не хотите, – теперь ужё дракон рассмеялся во весь голос, – и я не думаю что вам будет приятно провести последние месяцы вашей человеческой жизни с ужё умершей и разлагающейся ногой, – он продолжал хохотать, а стены подъезда подрагивали, возвращая нам эхо и волны неистребимой, вечной информации, заключённой сейчас в звуковых вибрациях.

– То есть вы хотите сказать, что если я сейчас выпью это, – я показал глазами на стакан в акульих плавниках, – то время

всего остального организма придет в соответствие со временем в моей ноге?

– Ну да, примерно так, – Артак кивнул, всё ещё продолжая смеяться.

– Не значит ли это, – я немного нахмурился, – что после того как я это выпью, на пару-тройку месяцев ранее назначенного срока умрет не только моя нога, но и всё остальное тело?

Дракон уже перестал смеяться и внимательно посмотрел на меня. Его взгляд внезапно стал серьёзным, улыбка покинула его и он, очень медленно, почти по слогам, произнес:

– Нет, не значит. Хотя, в чём-то вы правы. Время, которое вы сейчас выпьете, действительно сравнивает биологические часы вашей ноги с биологическими часами вашего тела, но...

– Но? – я повторил в нетерпении.

– Но вы не умрете раньше, – он перешел на шепот, – да и как вы можете умереть раньше срока, если то, что мы вам даём и есть время. Очищенное и отфильтрованное, концентрированное время, которое, заполнив вас изнутри только продлит ваше существование. Продлит именно на тот срок, который мгновение назад мы у вас отобрали, когда так мастерски, но скоропалительно вылечили вашу ногу, понимаете?

– Но как же так? Нога прожила уже больше остального меня и даже кость успела срастись, – я размышлял вслух, –

и сейчас моё тело догонит ногу, ведь так?

– Да, – Артак кивнул головой.

– Получается, что за эту не пройдённую секунду, – я бросил взгляд на свои часы, которые застыли на 10 часах утра, – я проживу почти три месяца, и, следовательно, если пользоваться человеческим исчислением времени, умру раньше на точно такой же срок? Другими словами, если моему телу было суждено скончаться в марте, то сейчас время немного сдвинулось и оно, – я кивнул на свое тело, – оно покинет этот мир на три месяца ранее, то есть в январе?

– Нет, – Артак отрицательно помахал головой и прыснул со смеха, – нет, и ещё раз нет. Вы не проживете меньше, потому что в этом стакане и есть ровно три месяца самого что ни на есть отборного времени, которое вы сейчас вольёте в себя и будете тратить по своему усмотрению. Это три, отобранных у вас, и тут же возвращенных месяца, понимаете?

– Но как же так? – я был совершенно сбит с толку, и даже не пытался этого скрыть.

– Ну вот как-то именно так, – дракон смотрел на меня с не проходящей улыбкой, – как-то так. Нет никакой необходимости понимать все те парадоксы, в которые играет с людьми время.

– Хорошо, – я махнул головой, – не понимаю, и пока ещё не хочу понимать, – смех сам собой вырвался из моей грудной клетки, – не понимаю, но верю вам, и этого вполне достаточно, – я протянул руку и с благодарностью принял из

плавника Агафьи Тихоновны стакан, – а где вы его взяли, кстати? Время, я имею в виду. Если не секрет, конечно.

– Да какие секреты, – акула в изумлении всплеснула плавниками, – какие уж тут секреты, – она уже улыбалась, – этого добра везде хватает. Только успевай брать. Да вы пейте, пейте.

– Спасибо, – я поблагодарил акулу за напиток и залпом осушил стакан.

Вкуса не было совершенно. Одно лишь насыщенное, концентрированное тепло, которое сразу же, в одно неделимое мгновение – в один-единственный, в сплошной и цельный миг растворилось в моём теле без следа и следствия.

Хотя, следствие, если верить дракону, всё же было. И это следствие было поистине чудесным – ведь я только что, в одну, всё ещё длящуюся человеческую секунду, лежа на бетонном полу в подъезде собственного дома прожил три долгих, мучительных, невыносимых и заключенных в гипс месяца. Прожил три горьких и тягостных месяца выздоровления и, опять-таки, в эту же одну, до сих пор тянущуюся секунду мне их компенсировали, дав выпить временной экстракт. Это ли не чудо? Ну или, по крайней мере, то что большинство людей могли бы назвать чудом.

– Большинство всегда ошибается, – Артак, как обычно, был в курсе всех моих мыслей.

– Да. Большинство отвратительно! – я улыбнулся своим

мыслям, а значит, моя улыбка достигла и моего дракона, – большинство всегда состоит из самых невежественных, самых трусливых, самых управляемых, самых бессовестных и как следствие – самых бесполезных людей.

– О да! – Артак с радостью подхватил меня, – большинство мерзко, отвратительно и муторно. Потому что когда человек не может или не хочет (ведь для этого надо ой как потрудиться!) найти свою дорогу – он пойдёт по пути большинства, то есть, пойдёт по проторенной дороге – пойдёт по широкому, асфальтированному шоссе, и вот на этом пути, конечно же, он уже не сможет встретить ничего чудесного, ибо вытоптано... – дракон смотрел на меня прищурившись и добавил:

– Хотя, конечно, по асфальту идти намного удобнее, но цветы на нём не растут.

– Вот именно. И ноги не срастаются сами собой.

– А знаете что самое страшное? – Артак приблизился почти вплотную и снова окатил меня жёлтым, тёплым светом своих глаз, окатил как из ведра, – самое страшное, что идя с большинством ты никогда не встретишь своего дракона, – его глаза немного померкли, но продолжали светить, – а не встретил своего дракона – считай что и не жил!

Я молча кивнул. Это была правда.

До встречи с Артаком, до того момента, как я открыл возможность общения со своими мыслями, считай, я и не жил.

Точнее, я жил, но скучно. Моя жизнь была бедна, как церковная мышь.

Я закрыл глаза и всего лишь на одно мгновение задумался.

Если подумать, то получается что за одну эту бесконечную, человеческую секунду, я совершил очень выгодный для обмена – обмен трёх прикованных к кровати месяцев на три месяца полноценного движения, а следовательно, на три месяца настоящей, полноценной, наполненной событиями и делами жизни.

По-моему, это был очень удачный обмен.

Выгодная сделка.

А с кем можно обменяться так удачно, так беспроблемно?

Только с тем, кто тебя искренне любит, только с тем, кто сам искренне заинтересован в твоём бесконечном удовольствии от этого сугубо индивидуального, но не менее общего процесса под именем жизнь.

Только с тем, кто всегда рад предоставить тебе любые, даже самые невероятные возможности и преимущества.

Только с тем, кто радуется, выигрывая вместе с тобой, и грустит, когда тебе кажется что ты в проигрыше.

Только с ним. Только с родным и единственным – с самим собой.

Только со своей Вселенной, лучшей наградой для которой

и будет твоё счастье и процветание.

Это взаимовыгодный обмен.

Возможно, это единственный взаимовыгодный обмен, противоречащий даже закону сохранения энергии. Ведь при таком обмене везде только прибывает, а вовсе не убывает. Нигде не убывает.

И теперь, когда со мной рядом мой единственный, личный дракон, вкупе с моей родной и зубастой акулой, когда рядом со мной я сам, и когда я совершенно внезапно ощутил этого самого себя – когда я так неожиданно осознал, что я и есть не что иное, как целый мир – мой мир, я – целая Вселенная – моя Вселенная, я – единое с ней естество – моё естество.

Тогда, и только тогда, началась моя настоящая жизнь.

Жизнь дракона, уже не человека.

Дракона, охраняющего свой собственный клад.

Дракона разумного и понимающего.

Дракона бессмертного.

Дракона всемогущего, как всемогуща сама мысль – быстрая и невидимая.

– Благодарю тебя, мир! – эти слова я прошептал куда-то в сторону, в пустое пространство, не обращая ни к кому конкретно. А может быть, я просто-напросто произнес эти волшебные слова внутри себя. Однако, как бы ни было, ответ пришел незамедлительно:

– Благодарю, – ответил мир где-то всередине меня, и повторил:

– Благо дарю.

Я вздрогнул от неожиданности и обернулся к дракону.

Артак внимательно смотрел прямо на меня и я заметил что его глаза стали немного влажными.

– Это волшебные слова, – дракон погладил меня лапой по голове, – каждый раз когда ты их произносишь, где-то во Вселенной кто-то перестает плакать, – он усмехнулся и добавил:

– Благодарность – вот где настоящее чудо. Вот где самый что ни на есть настоящий труд. Впрочем, все возможные чудеса, а возможности их проявлений безграничны, так вот, все возможные чудеса могут следовать только лишь за настоящим трудом. И умение быть благодарным за этот труд – возможно, единственная реальная обязанность каждого живущего на планете человека, – дракон глубоко вздохнул, – обязанность, переходящая в право быть благодарным. И это реализованное право – право благодарности перетекает в право быть счастливым. И, конечно же, тоже реализуется. Таков истинный, таков правильный путь людей. И очень хорошо, что ты понял это сам, без подсказки. Это значит что твоё время пришло.

– Моё время?

– Да, – дракон кивнул своей большой головой, – твоё время, – он улыбнулся и потрепал меня за щеку, – оно пришло.

За тобой пришло, кстати, больше не за кем.

– И что это для меня значит?

– Это значит что пришло твоё время стать настоящим человеком. Это значит что пришло время попрощаться с одним видом – Homo Erectus или человек прямоходящий, и вступить в новый для тебя вид – Homo Sapiens. Или человек разумный.

– А я им не был?

– Быть и казаться – разные вещи, – многозначительно произнёс мой дракон, – ты был рождён чтобы стать им. Ты – рождённый в человеческом теле и в отличие от любого живого существа наделённый определёнными свободами, – Артак смотрел на меня улыбаясь, – более того, ты наделён одной из самых важных свобод, которую даёт тебе человеческий разум – свободой от инстинктов тела. Ведь один только человек из всего многообразия животного мира в состоянии поступить разумно – разумно, а другими словами, по-человечески, и достаточно часто эти поступки не инстинктивны – эти поступки – инстинктам вопреки. Таким образом, быть рождённым в человеческом теле, и быть, собственно, человеком разумным – две большие разницы.

– Быть человеком – это научиться быть благодарным?

– И это тоже, – дракон рассмеялся, – но если бы только это, – он смахнул набежавшую уже от смеха, а не от умиления слезу, – любая собака справилась бы с этой задачей много лучше любого из людей! – Артак перестал смеяться и за-

кончил:

– Но умение быть благодарным всё-таки очень важное качество. И если у собак это качество заложено самой природой и по сути собака не может поступить иначе, кроме как следовать программе, вшитой в её ДНК – то человек может. Более того, человек должен! Ведь самое важное отличие человека от животных и состоит в том что человек, получая от своего тела любые инстинктивные сигналы, – Артак задумался, – ну к примеру, дотронулся он до горячего и тут же отдернул руку, или отшатнулся, увидев ядовитую змею, да мало ли что! Так вот, только человек, с его разумом, может совершить поступок, который будет противоречить инстинктам. Он может действовать даже вопреки своему самому сильному инстинкту – инстинкту самосохранения, – дракон смотрел мне прямо в глаза, – и даже самоубийство, каким бы нелепым и ненужным оно не являлось – это акт проявления высшей свободы – свободы от природного инстинктивного рабства. Ни одно животное не вправе и не в состоянии так же просто, как человек, перечеркнуть то, что вложено в него самой природой. Вложено, надо сказать, сугубо для продолжения рода, вложено исключительно для выживания вида. Только в человеческом теле данный ему разум перекрывает всё остальное, и только человек в состоянии принять какое-либо решение более-менее самостоятельно, вне зависимости от того что об этом думает сама природа. И увидев ядовитого гада, Homo Erectus, безусловно, отшатнется

от него, а Homo Sapiens, возможно, наоборот, приблизится чтобы изучить... По крайней мере, у последнего будет выбор, отсутствующий у первого.

– Я понимаю...

Артак кивнул головой и продолжил:

– И только в человеческой жизни наступает момент, когда имея абсолютную свободу поступать так как считаешь нужным, – дракон приблизился вплотную к моему лицу, – когда, казалось бы, можно действовать по-разному, когда можно идти по любой дороге – человек всё же выбирает правильные поступки; поступки, продиктованные ему добром и пониманием природы Вселенной. И только тогда человек прямоходящий, ставший разумным, вдруг с удивлением обнаруживает что выбора-то у него и нет и, собственно, никогда не было; обнаруживает, что свобода, которой он так гордился, и которая ему предоставлена свыше – мнимая; обнаруживает, что дорога на самом деле одна, что все остальные пути иллюзорны и закольцованы, ибо ведут они его – человека, исключительно по замкнутому кругу, – Артак отодвинулся от меня и мечтательно посмотрел вдаль, через небольшое окно подъезда, – и только один лишь путь уходит туда, – он кивнул вперед, – туда, к горизонту, и даже за него. И нет конца этой дороге. Ни конца, ни какого-либо предела.

– Но ведь горизонт – всего лишь воображаемая линия, – я не мог упустить такого случая поддеть своего дракона, – а разве можно уйти дальше своего воображения?

– Конечно, можно, – Артак улыбнулся, – если, конечно, ты веришь в чудеса.

– Нет, я не верю в чудеса, – я отрицательно помахал головой, – не верю. Но я знаю и твёрдо убежден в одном – в этом мире всё возможно. А раз так, то какие же чудеса могут быть? Может быть абсолютно всё, и это – не чудо, это – жизнь.

– Да, да, – Артак кротко и коротко кивнул, – именно поэтому чудеса и не могут быть. Они могут лишь случаться. И уйти за горизонт – одно из таких реальных и действительных чудес, – дракон ещё раз кивнул, словно ставя точку в этом обсуждении, плавно переходящем в область философии древних греков.

– Не самая плохая философия, – вдруг засмеялся Артак, подслушав мою мысль.

Однако основной посыл я уловил. Человек только тогда становится человеком, когда из всех возможных и даже невозможных дорог и тропинок он выбирает ту единственную, ступив на которую, понимает, что любой выбор – это прежде всего иллюзия или ещё похуже того – ложь. Что никакого выбора нет и никогда не было, что правда – всегда одна, а неправд вокруг неё – бесчисленное множество.

Человек тогда становится человеком, когда он осознанно выбирает этот единственный путь – путь без выбора; путь, где свобода растворяется в самой дороге, оставляя идущему

по ней лишь насущную необходимость действовать правильно; путь, где сама жизнь демонстрирует человеку уже пройденный и отработанный им миллион или даже миллиард выборов и вариантов.

И эти принятые в каждом выборе решения, как и отброшенные за ненадобностью варианты и привели человека на эту – исключительно человеческую дорогу – дорогу правды – дорогу, перед вступлением на которую выбор ещё оставался.

Но после первого человеческого шага он испарился, исчез, растворился в твоём знании и второй шаг твердо обозначил ту единственную оставшуюся дорогу, способную довести любого, по ней идущего, до воображаемого им горизонта, и даже дальше него – за горизонт, за пределы человеческого воображения.

Осознанное понимание единства и нераздельности всего сущего всегда и неизбежно приводит к такому же осознанному выбору того, что невозможно ничего выбрать, ибо оно уже выбрано, и выбрано теми, кто действительно выбирает – и это не мы – это уже не люди.

Понимание и принятие единства приводит к выбору этой дороги – дороги без альтернативы и без перекрёстков, приводит к заложенной в отсутствии выбора неизбежности, приводит к осознанной необходимости развиваться и понукать себя самое так, как ездок понукает строптивую лошадь.

Приводит к отыскиванию и использованию в себе качеств уже ездока, но не лошади.

Приводит к дороге тех, кто выбирает, приводит к их, уже нечеловеческой тропе.

И этот последний, этот невозможный, потому что отсутствующий выбор и рождает уже из рождённого тела – самого человека, рождает из множества путей – одну дорогу, рождает из избытка – изобилие, а из мириады возможностей – единственный доступный вариант правды.

И умение быть благодарным – благодарным за всё происходящее, благодарным за всё, без единого исключения – только оно – это умение принять неизбежное и насладиться им, словно испить сократовскую чашу с цикутой, умение выдержать и пережить даже свою собственную смерть, и умение быть благодарным за неё – только оно в состоянии выстелить этот единственно возможный путь благодарного человека цветочными лепестками, по которым так приятно брести к горизонту.

Ведь только на этой дороге человек понимает что благодарность – ни в коем случае не есть безусловное право того, кого благодарят – она есть осмысленный и сознательный долг того, кто благодарит...

Твой долг наделяет других правом. Не Бог ли ты тогда?

– Благодарю тебя, Артак! – Я повернулся к белой акуле, стоявшей всё это время молча и торжественно, – благодарю, Агафья Тихоновна!

Вновь обрётённое знание трансформировалось в чистую, почти стерильную благодарность и она словно подпирала меня изнутри, раздирая на мельчайшие части, но одновременно собирая в единое целое; она расширяла и распространяла меня всё дальше и дальше от себя самого, покрывая мной всё большую часть этого целого и неделимого мира...

Благодарность взмывала со мной к горячим звездам и холодному межзвездному пространству, она возносила меня всё выше, расширяя и закругляя мои горизонты, она поднимала мою возможность видеть вдаль на недосягаемую прежде высоту, – благодарю вас, благодарю!

Что-то в середине, в самом нутре, щёлкнуло и соединилось – ещё один отколотый кусочек меня самого встал на отведённое ему природой место и слился с целым – ещё не познанным, но уже познаваемым. Слился, и тем самым приблизил меня к простому человеческому счастью, ускорив процесс моего соединения, моего со-частия. Подтянул меня к цельности, которой не существует изначально ни в человеческом теле, ни в сознании, но которую необходимо создавать самостоятельно. Добавил опыта к моему умению собирать себя из разделённых, разъединённых осколков, каждый

из которых мы так ошибочно и так безапелляционно принимаем уже за готовую целость.

И, видимо, в этот самый момент, одна из таких частей соединилась и сплавилась с единой и монолитной Вселенной, которой я сам, бесспорно, и являлся. И это незначительное на первый взгляд событие, сделало меня ещё на одну маленькую капельку, а возможно, и на целую большую каплю, но счастливее.

Акула, украдкой смахнула набежавшую слезу и тихонько, одновременно с драконом, произнесла:

– Благодарю и тебя.

– А меня за что? – я удивился, ибо не сразу уловил глубинный смысл благодарности.

А смысл её прост – она всегда взаимна. Не бывает благодарности односторонней, и облагодетельствованный всегда отдает своему благодетелю не меньше и не больше, а ровно столько же, просто в другой валюте.

За верность можно отдать уважение, за помощь – уверенность в своей надобности, за добрые слова – хорошее настроение.

Да мало ли что. Всё едино и равноценно.

– За то что позволил нам жить полной жизнью, – и Агафья Тихоновна, кивнув Артаку, негромко добавила:

– За нашу внутреннюю, ни с чем не сравнимую свободу, – она опять посмотрела на меня, – именно она и привела тебя сюда. А если и не она сама, то острая в ней необходимость. Когда-нибудь ты поймешь, что острая необходимость в чем-бы-то-ни-было уже является этим чем-то, – акула перевела дух, – ты, словно корабль в бурном, беспокойном море – ты всегда стремился к куску безопасной суши – и имя ей – существование, а океан зовется знанием. И точно так же, как суша нужна кораблю лишь изредка – отдохнуть и пополнить запасы продовольствия, подлатать днище и залить бак горючего, – Агафья Тихоновна улыбнулась, – так и спокойное безмятежное существование необходимо человеку лишь иногда, урывками – словно еда, и непостоянно, редко – как больница. И виднеющийся вдали маяк для корабля не что иное как свобода для человека – он манит, заставляет сменить курс, он призывает причалить к берегу, вдохнуть воздух освобождения, добраться до своей воздушной сути. Ведь даже одно небольшое прикосновение к этому освежающему, пьянящему кислороду дарит не что иное, как... – Агафья Тихоновна смаковала слово прежде чем произнести его, – не что иное... Не что иное, как вечность... Не что иное, как свободу от времени, как невычислимую никакими приборами скорость, как абсолютное всевластие и всепонимание, – она закрыла глаза и мечтательно добавила:

– И использовать эту свободу можно только во благо – во благо своего извечного духа, постоянно пребывающего в вас.

Но, как ни странно, необходимо это всё лишь для того, чтобы вновь отправиться в плавание, – акула задумчиво посмотрела в мои глаза, и одновременно с этим её взор выхватывал нечто, ещё мною непонятое, неразгаданное, нечто глубинное, – потому как суша для корабля, как и спокойное существование для человека, равно ржавчине и болезням, равно угасанию и смерти. Но пока в вас есть ещё это чуждая любой лени необходимость в свободе, пока ещё существуют ваши стремления и желания, пока эта тяга к огню не ослабла в вашем сердце – будут гореть и маяки – эти совершенные существа, созданные лично вами... И пока ещё живет в вас, пока ещё осталась где-то внутри уже урывочная, но всё же – необходимость – в берегу, в спокойствии, в причале; пока сохраняется нужда в воде и пище, – акула потрепала меня по затылку, – пока эта необходимость будет присутствовать в вашем естестве, в самой глубине вашего сердца – маяки, земные и неподвижные, не подверженные влиянию времени, подпитываясь от неё, будут зажигаться сами собой, снова и снова, маня и привлекая, заставляя вас вновь отправляться в путь, и позволяя вам вновь обрести зеленую и гибкую, ивовую молодость... И это обретение должно и может быть использовано только лишь для познания каждого горящего на просторах вашей воли столпа – каждого собственноручно зажженного вами огня – каждого маяка, а следовательно – и каждой гавани.

– И огонь, горящий в маяке – вечен, спасение, которое он

несет – бессмертно, познание, приходящее по пути к нему – нетленно и не подвластно ничему скоротечному. Не подвластно никакой, кроме вашей собственной власти, не подвластно даже самому времени. И что немаловажно – отнять это познание, лишить вас того, что добыто таким трудом уже невозможно. Невозможно ни людям, ни богам. Невозможно никому, даже лично вам, ибо это вы и есть, и отнять себя у себя – невозможно...

– А много ли кораблей разбилось о скалы? – моё горло немного спазмировалось, и выходящие из него слова были скомканы и различны.

Как по тональности, так и по манере произношения.

– Достаточно, – Агафья Тихоновна кивнула, – достаточно кораблей разбилось. Достаточно кораблей потонуло, не дойдя до пристани. Да и вы сами разбиваетесь каждое мгновение, вы ежесекундно проходите через самую настоящую смерть, как нитка проходит через игольное ушко. Знаете, – акула засмеялась, – нет ни одного разбитого корабля, который не был бы вами. Каждое мгновение вы разбиваетесь, тонете и погибаете. Или выныриваете и отряхиваете с себя более ненужные вам чешуйки оцарапанной кожи, разрозненных мыслей, потерянных чувств... Но даже разбившись, вы продолжаете путь. Смерть существует только в частях, только в разделах. У целого смерти нет.

– И именно по причине отсутствия смерти как таковой – вы бросаетесь в новую авантюру, снова обдираете кожу,

снова ищите путь – не безопасный, ибо такого пути не существует, а кратчайший – пусть и ведущий к ещё одной смерти, пусть так. Стоит лишь забрезжить перед вашим взором новому свету, новому маяку, стоит ему лишь осветить вам дорогу, как вы, словно по волшебству – возрождаетесь, и вот вы уже опять в пути. Стоит лишь появиться новой цели или новому предупреждению, новой химере или новому колдовству, новому знанию или науке. И маяки эти, вами зажжённые – простое предвестье чего-то такого, что в край необходимо вашему духу и сердцу, и количество их точно отмеряно – отмеряно в строгой пропорциональности вашей собственной смелости.

– Хм... Смелости...

– Да! Смелости! – Акула усмехнулась, – смелости, – повторила она и на мгновение задумалась, – ведь чтобы пройти сквозь бушующую стихию, необходима именно смелость. Смелость, отвага и мужество, но, конечно же, никак не безрассудство, которое приведет лишь к очень скорому крушению. Крушению не только корабля, но и надежд, вызванных близостью суши.

– Так может, есть смысл дождаться спокойной воды?

– Стихия никогда не будет покойна, на то она и стихия! Так что пока вы будете ждать штиль, ваш корабль успеет заржаветь и потонуть от старости. А старость всё же лучше проводить на твёрдом берегу, но то она и дана, – Агафья Тихоновна смотрела куда-то вдаль, поверх меня, и каза-

лось, она видела родное ей море, возможно, она тосковала по нему, томилась в этом непривычном ей воздушном мире.

– И как тогда быть?

– Как быть? – она повторила мой вопрос, – как быть? Это совсем неважно. Гораздо важнее – каким быть. Быть честным и смелым, быть дерзким и рискованным... А уже эти качества подскажут вам как быть, когда быть и где быть!

– Да уж... – только и смог произнести я.

Агафья Тихоновна протянула плавник и взяла меня за руку. Она смотрела мне прямо в глаза и смысл её слов начинал проникать в меня ещё до того, как она их произнесла. И этот смысл был прекрасен и велик.

– Корабли не тонут когда вокруг бушует океан, уж так они устроены. Корабли тонут, когда океанская вода заполняет их внутренности, – она отпустила мою руку и улыбнулась, – и люди, кстати, устроены точно так же. То, что находится вокруг не может ни убить, ни даже просто навредить человеку. Но если морской шторм, если порывистый, сбивающий с ног ветер, пробьют брешь и заполнят человеческое естество; если бурные, неуправляемые, неистовые, сумасшедшие волны проникнут внутрь, – Агафья Тихоновна глубоко вздохнула, – тогда корабль начинает тонуть в бездонном океане человеческих страстей. И так как этот океан не просто преглубокий, а именно бездонный, то и действие это может быть очень долгим и даже бесконечным.

– Бесконечно идти ко дну?

– Ага, – Агафья Тихоновна кивнула и посмотрела на дракона.

– Потому что dna-то никакого нет, – на помощь акуле пришел Артак, – всегда можно найти нечто более мерзкое и отвратительное, что бы мы ни рассматривали как пример. Но, справедливости ради, нужно добавить что и взлетать ввысь можно бесконечно долго, ибо пределов нет ни с какой из сторон.

– Но корабли не летают, – я усмехнулся.

– Обычные корабли – нет. А корабли-люди – да. Летают и в прямом и в переносном смысле.

– И нет никаких пределов?

– Нет, – Артак говорил уверенно и было видно что тема разговора ему близка и знакома, – нет, и быть не может. Ни вверх, ни вниз.

– А вбок? – я невольно рассмеялся.

– И вбок! – Агафья Тихоновна поддержала мой смех, – впрочем вбок – как бы это ни звучало странно – это всегда ходьба на одном месте.

– Да, да, – дракон одобрительно закивал, – точно! На одном месте! И в пространстве и во времени.

– Как это? – я развернулся к Артаку, – объясни.

Дракон кивнул, принимая вопрос.

– Вверх – к высшему, и это движение выпадает из обоймы времени, словно спелый плод покидает растущее дерево. Ведь всё известное тебе время, всё пространство, все умер-

шие и ныне живущие люди, как и все будущие человеческие жизни – все они находятся именно там – на тонкой, как у мыльного пузыря, поверхности. И поверхность эта временна и осознающие присутствие времени тоже. Они им питаются. Но рано или поздно пузырь лопается. Он всегда лопается, на то он и пузырь. Сплошная иллюзия крепости и прочности. Но если тебе, к тому времени, уже удалось вырваться вверх – ты уходишь в бесконечную даль, ты становишься на неиссякаемую дорогу вечности.

– А если не удалось?

– Пузырь-то всё равно лопнет. И тогда, в случае твоей неудачи, твоё знакомство с вечностью будет очень болезненным, – Артак рассмеялся.

Я кивнул головой, понимая о чём говорит мой дракон.

– Покинув пузырь, время становится неважным?

– Неважным и бессмысленным, словно застывший взгляд пьяного. Да и подумай – может ли время содержать в себе нечто бесконечное или, наоборот, содержаться в чём-то бесконечном? – Артак покачал головой из стороны в сторону и сам ответил, – нет. Время – это всегда сколько-то чего-то там, но никак не безбрежное море, плещущееся между двумя зеркалами.

– Ух ты! – я не мог сдержать восхищение, – а если спускаться вниз? Не к высшему, а совсем наоборот.

– Вниз – к животному, вниз – внутрь пузыря... Этот путь тоже вечен, но совсем по другой причине. Он вне времени

и пространства, ибо дух животных пока ещё не сознает движение времени. Им только предстоит познать его суть. Суть радужной оболочки мыльного пузыря – такого временного и недолговечного. Животные пока ещё не в состоянии предсказать, ни даже представить то, что ждёт их впереди. Животные, деревья и камни живут одним мигом, не осмысливая ни прошлого, ни будущего. Но живут внутри пузыря, тогда как человек живёт на его поверхности, и уже в состоянии бросить свой взгляд вверх, поверх зыбкой плёнки.

– То есть по сути – что внизу, что вверху – безвременное пространство?

– По сути – да. Но внизу оно безременно перед познанием времени, а вверху – уже после того как время познано, осознано и отброшено за ненужностью. Но суть одна, ты прав, – дракон засмеялся, – время отсутствует и там и там.

– И разница в том...

– А разница в том, – Артак перебил меня, ухмыляясь, – что находясь вверху, ты уже ясно видишь и понимаешь не только структуру и свойства времени как такового, но и суть людей и животных, копошащихся там – во времени. Разница так же в том, что стать существом вне времени можно лишь по твоему осознанному выбору. И выбор этот ты сможешь осознать лишь после долгого карабка по отвесным скалам, а то и без них, опираясь лишь на кажущийся тебе бестелесным воздух. Выбор спрятан в самом верху скалы по имени Человек. И достать его, воспользоваться им, вкусить

блаженство того состояния, когда ты первый раз в жизни можешь выбирать – можно только забравшись на самый верх себя самого. Ведь будучи внизу ты вряд ли сможешь что-то разглядеть. Твой взор ограничен, хотя бы той же поверхностью мыльного пузыря. А чем выше ты поднимаешься – тем распаханнее и бесконечнее твой горизонт.

– Но через радужную натянутую пленку всё-таки можно что-то разглядеть.

– Можно! – Артак засмеялся, – разглядеть-то можно, но с очень большими искажениями. И иногда эта временно-пространственная пленка может настолько коверкать изображение или уплотняться, что видна будет или абсолютная иллюзия или всего лишь собственное отражение, – дракон помолчал одно лишь мгновение, – впрочем это одно и то же.

– Тогда как сверху...

– Тогда как сверху препятствий, ограничивающих твой взор нет.

– Совсем-совсем нет?

– Ну об этом ещё рано говорить, – Артак посмотрел на Агафью Тихоновну, которая внимательно следила за разговором и добавил:

– Кстати, если вам интересно, то пределов нет не только в одном измерении, но и в двух, и в трех, и в десяти...

– Как это?

Агафья Тихоновна подхватила разговор на лету, давая возможность дракону оставить меня и выглянуть наружу из

парадного, что тот давно собирался сделать, судя по тому как он прислушивался ко всему происходящему снаружи.

Ко всему, что было вне пузыря.

– Да очень просто, – акула провела плавником по ребру ступеньки, – двигаться в одном измерении – это двигаться по прямой – туда и назад, или вверх и вниз, или вправо и влево. Однако, если вы сложите все эти движения, то само движение приобретет объемный характер.

– Не понимаю...

– Да что тут понимать, – Артак вернулся от окна и улыбаясь расставил всё на места несколькими словами, – движение в двух измерениях – это движение плоскости на поверхности воды, это постоянно расширяющийся круг, как от брошенного в пруд камня, а в трех – укрупняющаяся, или наоборот, сфера – словно вы надуваете или ослабляете воздушный шарик. И получается что объемное движение – это не что иное как увеличиваться или уменьшаться. Так понятнее?

Я молча кивнул, но какое-то время молчал, переваривая информацию.

– Обязательно шар?

– Нет, нет, – Артак усмехнулся, – любая трехмерная фигура. Я привел в пример сферу только для наглядности.

– Ага. Постойте, но тогда движение в одном направлении рисует в воображаемом пространстве просто линию, которая постепенно удлиняется, в двух – это уже расширяющаяся вправо и влево плоскость, в трёх – увеличивающаяся фи-

гура, а в четырех...

– Тсссс, – Артак приложил свой коготь к моим губам, – трёх измерений пока что вполне достаточно.

– Да, да, – я поспешил согласиться, ибо мой мозг не смог найти пример движения в четырех измерениях и потихоньку стал пробуксовывать, – достаточно. Так вы говорите – вверх?

– Да, – акула подмигнула мне лакированным глазом, – это правильный путь.

– Но вверх-вниз – это линейное движение? Это ведь линия?

– Это линия, – дракон утвердительно кивнул, – это линия, имеющая только один размер – длину, и не поддающаяся измерению в двух других измерениях. Их просто нет, – он засмеялся чисто, от души, – это воображаемая линия, как вы совершенно правильно заметили, в воображаемом пространстве.

– И эта линия...

– Эта линия, с единственной координатой – временем, и есть ваша личная дорога, ваш жизненный путь – долгий путь от неразумного камня до сверхсознательного существа. Путь, пронизывающий тонкую пленку человеческого бытия, эту едва различимую по толщине мембрану времени и пространства. Путь, уходящий вдаль настолько далеко, насколько вам хватит смелости и желания. Пока что вы личность, и живёте в человеческом обществе, но как только вы осознаете свою сущность – вы переселитесь в само существование,

то есть достигните своего первого берега и потушите свой первый маяк.

– Если я правильно вас понимаю – то эта линия вполне может стать и плоскостью и фигурой?

– Вы понимаете правильно, – дракон кивнул одобрительно, я бы даже сказал – поощрил меня этим кивком, – но вы забегаете вперед. По неизвестной мне причине все люди поступают одинаково. Их мысли опережают действия, или наоборот запаздывают, и реальность, какой бы она ни была, ускользает от них. Как прошлая реальность, потому что тогда они были где-то в другом месте, так и настоящая, потому что и сейчас они не здесь, и, соответственно, будущая – потому что само будущее создается из уже утерянных в прошлом и настоящем мыслей. Это будущее формируется каждое мгновение лично вами – вашими размышлениями и вашими же действиями. И какое оно может быть? – Артак вскинул передние лапы, словно призывая в свидетели это самое настоящее, – скажите, какое оно может быть, это ваше будущее, если создаете вы его из разных, не подходящих друг другу частей?

– Но...

– Никаких но... Мысли должны соответствовать словам, слова – действиям, а действия – опять-таки, мыслям. Тогда ваше будущее вне опасности. Тогда и только тогда верхушка выстроенного вами здания в состоянии пробить пленку и пройти сквозь мембрану осознаваемого течения време-

ни, предварительно осознав человеческую суть. Только тогда ваш корабль сможет выскользнуть из межзеркального пространства и уплыть вдаль, а мачты на вашем судне смогут даже царапнуть небо... Но только тогда, не раньше...

– И как укрепить остов своего корабля? Как избежать разрушения?

– Никак, – Агафья Тихоновна развела плавники в стороны, – в этом нет необходимости. Дело в том, что этот бушующий океан, каким бы страшным и грозным он не казался, всегда будет за бортом, а если и сможет попасть внутрь, то лишь с позволения, а то и по приглашению самого человека. Впрочем, вышвырнуть его наружу каждый человек может в любое мгновение, – Агафья Тихоновна свела плавники вместе и неподвижно сложила на своем бело-сером теле, отчего они стали похожи на двух спящих сестер в треугольных козынках, – и именно потому что каждое мгновение времени может принести в вашу жизнь освобождение от чего бы то ни было – никогда не бывает поздно. Всегда, даже за мгновение до смерти вашего физического тела, можно, да и нужно, просто-напросто необходимо взлетать до самого Солнца!

– Но а если не просто потонуть, набрав в трюм воды, а разбиться о прибрежные скалы? Если налететь на риф?

– А вот для этого и существуют ваши личные, ни с кем не делимые маяки, – она засмеялась, – и одно я могу вам сказать абсолютно точно – разбиться, да так чтоб вдребезги, так чтоб в мелкую, не поддающуюся восстановлению пыль –

невозможно. Наверное, это единственная невозможная вещь на свете.

– Какая?

– Стать полностью мёртвым... – взгляд Агафьи Тихоновны на мгновение стал серьезным и вдумчивым, – увы и ах, но это совершенно невозможно.

– Вы действительно так думаете? Или знаете точно?

– А вы считаете что в этом мире, – сестры-плавники описали большой круг над головой у акулы, – да что там – в мире, – взлетевшие на мгновение сестрички вновь приземлились на кожаном, нежно-белом животе хищницы, – даже в этом подъезде, зачем далеко ходить, – вы действительно считаете что возможно знать что-либо точно?

– Конечно! Пол бетонный, окно – стеклянное, перила сделаны из дерева, – я бегло перечислял то, что попадалось на глаза.

– Тут вы, конечно, правы, – Агафья Тихоновна улыбалась так, как могла улыбаться только она, и именно перед тем, как произнесет что-то важное, – но всё, имеющее точный и однозначный ответ, как правило, лишено самого главного, того, ради чего стоит жить – интереса. И этот самый интерес может оживить, может дать глоток кислорода, а его отсутствие всё и всегда приводит к смерти. Вы не находите?

Я запнулся, словно налетел на эту самую бетонную ступеньку:

– Действительно, – в моем голосе звучала признатель-

ность, – я как-то не подумал об этом.

– А иначе – зачем это всё? – акула провела плавником по бурлящим, клокочущим морям моего воображения, – зачем это всё? Кому оно нужно? Где хранится? Зачем создано? Вы никогда не задумывались? Почему всё именно так, а не с точностью до наоборот?

Было не совсем понятно какую из Вселенных она имеет в виду.

Этот ли, неопиcуемый и постоянно, моментально изменяемый мир моих мыслей, где перемещения происходят мгновенными скачками – от одного интереса к другому и от одной мысли к прямо противоположной? Ведь нет у человека, не создан им самим и не разработан эволюцией такой орган, который был бы в состоянии фиксировать эти перемещения или хотя бы смог дать четкий и ясный ответ на главный вопрос – а всё-таки, где эти перемещения происходят?

Где это место?

В каком море плещутся наши мысли, задевая своими бело-сахарными гребнями человеческое сознание, задевая разум?

В какой среде они живут? Где плавают? И что это за море такое?

Или, возможно, Агафья Тихоновна имела в виду привычную человеку Вселенную барионной материи с её извечно стабильными координатами, с её прочной и нерушимой

стальной сеткой времени и пространства – сеткой, к которой намертво прикреплено всё сущее, и выпасть из этой сетки, покинуть её – может обозначать только одно – смерть – тотальную и всепроникающую! Ну или смерть всего лишь одного тела – никому доподлинно неизвестно.

Неизвестно ни одному из уже умерших, неизвестно ни одному из ныне живущих, неизвестно ни одному из ещё не рождённых.

И именно поэтому этот вопрос был равно интересен любому из перечисленных категорий – живущему ли сейчас, уже умершему, или только готовящемуся появиться на свет.

Интерес был – он присутствовал, жил собственной жизнью, он придавал вопросам, которые смог задеть, немного неразрешимой горечи, но не только её – интерес сыпал на округлость вопросительного знака сладко-сахарную пудру надежды, которая сглаживала, питала, придавала терпкие нотки общему вкусовому звучанию и, смешиваясь с горечью стабилизировала общий вкус... Которая, если была бы в гордом одиночестве – сделала бы вопрос приторным и лишила бы вкушающего желания продолжать поиски. Но эта мнимая горечь неразрешимости, посещающая время от времени каждого – как точка под круглой, натруженной спиной вопросительного знака, эта сладкая горечь понимания того, что ответа нет, да и не может быть в принципе – горечь-точка, горечь-приговор, горечь-претензия удерживала интерес почище любого замка, получше любой бронированной двери –

удерживала тем сильнее, чем неразрешимее была задача.

И чем неразрешимее была задача – тем сильнее был напор пера, тем мощнее и жирнее стояла точка под вопросительным знаком.

Я понял что имела в виду Агафья Тихоновна когда благодарила меня.

Освободить мысли, освободить речь, дать словам вольную – это огромный подарок человека не только этим самым словам и мыслям в их метафизическом, недоступном для человеческого мозга мире, но прежде всего – это подарок самому себе, это – инвестиция, это – золотой клад, это – бесценный дар.

И ценность этого сокровища ты сам-то и оценить пока ещё не в состоянии, ибо нет ещё в тебе того понимания, которое принесет с собой эта свобода.

Такой клад оценить сможет лишь тот будущий ты, который уже вышел и идёт навстречу тебе настоящему по необъятным просторам времени; идёт, ориентируясь лишь на зажжённые маяки твоих собственных мыслей – зажжённые и оставленные тобой прошлым прямо здесь – в настоящем; идёт, уверенный что встретит тебя – живого и подвижного, молодого, сильного, тебя дерзкого и ловкого; ибо идёт этот будущий ты из конца времени в его начало, и шагаете вы – определено и бесспорно разные люди – по одному миру

– миру времени, а вот встретитесь ли – неизвестно, потому как в мысленном, как и в любом другом мире много различных путей, и разминуться не увидевшись – разминуться, как встречные поезда на станции метро, очень даже возможно.

Дорог много, но мыслей-маяков ещё больше и каждое мгновение ты настоящий оставляешь их здесь, в единственно доступном тебе месте времени – в «сейчас», оставляешь их бездумно, безвольно и что самое главное – безвозвратно.

Убрать их, уничтожить, свалить с дороги ты уже не в состоянии, ибо оставил их именно там – в том «сейчас», которое тебе уже недоступно.

Мысли-маяки для будущего тебя, существуя вне времени и пространства, могут лишь светить и притягивать. Но пропасть, умереть, рассыпаться – никогда, ибо они бессмертны по своей сути и неподвластны никакому тлению, ибо они безвременны и неуничтожимы. Никем неуничтожимы – неуничтожимы даже своим создателем.

И светить тебе будущему они будут вечно, может быть, сбивая с пути, а может быть – направляя на верную дорогу. И чем больше огней зажжено тобой настоящим, чем больше посылов и мыслей ты оставишь тут – в этом «сейчас», чем более они будут скученные, чем теснее будут стоять – тем яснее и ярче будет освещена твоя дорога, тем привлекательней она будет для тебя будущего и тем большая вероятность вашей встречи, когда ты будущий, протягивая руку для при-

ветствия, произнесешь:

– Благодарю за свет! Я знал куда идти.

– Я зажигал огни лишь на тех дорогах по которым хотел бы пройти, – ответишь ты настоящий, даже не заметив, что вы слились воедино, в одно цельное существо, которое уже способно оценить тот дар, оставленный тобой давным-давно в одном из прошлых, но в целом – вечных временных мгновений.

И дар этот и имя его – свобода...

Ведь свобода, вопреки мнению многих – это не множество дорог.

Свобода – это один, но личный, только твой собственный путь – путь на котором в каждом наступившем мгновении ты прошлый встречаешься с тобой же, но уже будущим.

И встречи эти возможны, и происходят они только около вневременных мыслей-маяков, оставленных тобой настоящим в этом мире стальных и жёстких, иногда жестоких, но тем не менее – мнимых, придуманных, изобретенных человеческим восприятием координат – в мире пространства и времени...

Когда, спустя одно лишь мгновение, акульки глаза вновь приобрели глянцевый, пуговичный блеск, не оставив ни малейшего следа от влаги, плескавшейся в них ещё миг назад, не сохранив ни капли того бушующего моря, которое я на-

блюдал, погружаясь в него с головой – тогда я просто кивнул, принимая её благодарность, но не как безусловную данность, а как свершившееся чудо.

– А если эти мысли, мысли-маяки зажжены не лично тобой? – хорошо зная что Агафья Тихоновна в курсе всего того, о чём я думал и думаю и, вполне вероятно, в курсе всего того, о чём я только собираюсь подумать, я не утруждал себя подробным объяснением.

– Тогда вы разминетесь в бесконечности и ты будущий будешь блуждать по просторам времени, так никогда и не встретив себя настоящего, – акула лишний раз подтвердила свою осведомлённость, – тогда ты будущий, когда-нибудь, годам к восьмидесяти или девяноста, а может быть и к ста, проснувшись как-то ранним утром, вдруг обнаружишь что всё что тебя окружает; всё, что ты нажил; всё, что скопил – и в жизни и в душе – всё это и еще множество других вещей и мыслей – всё это принадлежит совсем не тебе, а принадлежит кому-то другому – обнаружишь что ты вор, что это его и только его собственность; и для тебя это значит только одно – сам ты так ничего и не понял, сам ты ничем не владеешь, Агафья Тихоновна говорила медленно, тщательно подбирая и проговаривая слова, – и всё что у тебя есть сейчас принадлежит тому, по чьим маякам перемещался тот радостный и одухотворённый, тот будущий ты; принадлежит тому, кто тебя направлял, не обращая внимания на твои интересы и склонности; тому, кто владел тобой всю, уже про-

шедшую для тебя жизнь твоего человеческого тела. И тогда, когда тобой управляли, поезд жизни тебя настоящего, жалобно скрипнув мгновенно пробежавшими по железнодорожной стрелке колесами вагона пошёл совсем не так, как хотелось бы тебе прошлому. И это, как это ни грустно, это будет твоей мезтью.

– Моей мезтью? Кому?

– Тому, кто смог украсть у тебя твою сущность и заменить её своей. Тому, кто смог прожить свою, возможно неудавшуюся, но всё-таки жизнь, и прожить её в твоём теле. Тому, кто направил тебя по своим маякам. Или тому счастливцу, который прожив и растратив свою человеческую сущность, израсходовав отмерянную ему энергию жизни, покончив с тем куском времени и пространства, который принадлежал лично ему, смог повторить себя, исполнить себя на бис, однако, используя для этого уже твои куски плоти – и человеческой – твоего тела, и этой необъяснимой, нечеловеческой, но тоже плоти – куски и отрезки времени и пространства.

– Но каким образом моё путешествие по чужим меткам может стать моей мезтью?

Агафья Тихоновна мельком взглянула на дракона и просто сказала:

– А как ещё можно назвать этот процесс? Процесс, в конце которого ты становишься обладателем чего-то такого, что не принадлежало бы тебе по праву, чего-то такого, что являлось бы собственностью совсем другого человека, такого,

что должен был собрать он сам, следуя за своими мыслями и находя свои маяки, встречаясь с собой же – довольным и счастливым, целым, цельным, радостным. И радость его была бы абсолютна, ибо она правдива!... Но метки были собраны тобой, и что это тогда как не месть?

– Может, воровство? – я неуверенно посмотрел на акулу.

– Может быть и воровство, – подтвердила она, – но наворованное можно отдать и, тем самым, искупить свою вину. А прожитое отдать нельзя, и значит – это не воровство, это месть, ибо только месть совершается безвозвратно. И, прежде всего, это месть себе самому, так как использовать нажитое другим ты будешь не в состоянии.

– Но...

– Следуя за чужими огнями можно получить только чужое, тебе не принадлежащее, – перебила меня Агафья Тихоновна, – и этот, чуждый тебе приз, не сможет тебя долго радовать. Не сможет он радовать тебя так, как должен – предельно, правдиво, вечно. Он не твой. Он чей-то. Он не на своём месте, а следовательно, он не может выполнить свои обязанности и свой первейший долг – привести тебя к счастью, – акула глубоко вздохнула и продолжила:

– Вот почему это, прежде всего, месть самому себе, вот почему это – самоуничтожение, – акула помолчала всего лишь одно мгновение и, внезапно подмигнув мне глянцевым глазом, подвела итог, – теперь ты знаешь что может произойти если ты пойдешь не своим путем, если не сумеешь отыс-

кать свою дорогу. Должна отметить что это и есть то – самое страшное; то, чего следует бояться. То, действительно ужасное что может произойти в человеческой жизни. Ибо если дорога не твоя – она чья-то чужая. Ничьих путей не существует. И если в конце своего пути ты будешь обладать тем конечным и окончательным, тем завершающим всё результатом – плодом всей своей жизни, если этот плод окажется не твоим... Пойми, ты не будешь иметь возможность вернуть его хозяину – тому, кто его вырастил, тому, по чьим меткам ты шел. И это страшно. Это – месть. Никак иначе не выходит.

– Я понимаю, – повторил я про себя, склонив голову.

Акула потрепала меня по волосам и добавила:

– Ибо человеческие мысли, эти сугубо индивидуальные жизненные метки, эти мысли-маяки – они всегда настоящие, они всегда правдивые, они лишены стеснения и раздора, на самом деле – они – и есть ты – тот цельный будущий ты, к которому так стремишься ты настоящий. И если ты будущий хочешь встретиться с собой настоящим, если есть такое в твоих далеко идущих планах, тогда и следовать необходимо только своим собственным знакам. Только в этом случае, в конце твоего пути твоя награда будет именно твоей. И вымерена она будет с аптекарской точностью, и будет этого лекарства ровно столько, сколько тебе необходимо принять – ни больше и ни меньше. Это будет твоя панацея от старости. Старости тела, но не души, ибо душа не стареет, душа вечна и неприступна для временных изменений, – Агафья Ти-

хоновна приблизилась вплотную ко мне, так что я ощущал её дыхание, – и это лекарство – лично твоё лекарство, только оно сможет тебе помочь, только оно вылечит, только оно не подведёт – ведь прописал ты его себе сам, а во всем мире не сыскать лучшего доктора для человека и не отыскать более действенного лекарства. Лекарства уже не ОТ старости, но ДЛЯ неё – для достойной, способной удовлетворить тебя, для благодарной старости. Лекарство это будет наградой, будет призом, будет несметным сокровищем, оно будет именно тем единственным, что тебе так необходимо. И действенность его ты сможешь верно оценить лишь сам, а оценив – принять. Принять, как щедрую плату за всё твое существование – за человеческое тело, которое тебе придется покинуть, за расставание со всем привычным и принадлежащим этому миру, – Агафья Тихоновна обвела подъезд глазами, немного задержав взгляд на окне, – за невозможность остаться, за страшашую тебя неизвестность, за сомнения, за смех и слезы, за страх или его отсутствие, за всё-всё-всё. Эта плата будет твоим эликсиром, но не эликсиром молодости, ибо молодость глупа и ветрена, и не зрелости, ибо не понятно когда зрелость начинается и когда она переходит в старость, и конечно же, не старости, ибо старость опытна, мудра, но боязлива – эта щедрая и солидная плата за жизнь будет твоим кладом, будет твоим эликсиром вечности, в которую ты будущий сможешь безбоязненно шагнуть...

– А если всю свою жизнь я занимался не тем чем мне хо-

телось бы...

– А если ты занимался не тем, чем тебе бы хотелось, ты никогда не придешь туда, где хотел бы оказаться. И уходя из этого мира ты неизбежно будешь сильно сожалеть и уже никакая существующая плата не сможет компенсировать тебе этот уход, никакая награда не сможет удовлетворить тебя. Ничто из того, чем ты будешь обладать не будет тебя радовать, ничто из того что ты мог бы взять с собой в свой последний, заключительный путь – путь уже не человеческого тела, но путь из него – не заменит тебе простого и привычного людям счастья обладания глазами и чувствами, счастья обладания телом. Тогда расставание с телом будет болезненным. Тогда расставание станет практически невозможным. Тогда ты неминуемо, неотвратимо будешь страдать и наверняка бояться и тогда, почти точно – оставив свое дряхлое, немощное тело, ты впрыгнешь в другое и начнешь свою партию заново. И повторяться это будет сколько угодно раз. До тех пор, пока ты не пройдешь свой собственный, тобой же найденный путь, пока не закончишь свой уровень, пока не перейдешь на следующий виток, пока не начнешь новый этап. Ведь у каждого в этом мире есть строго своё, точно определённое место – оно ждёт, оно манит, оно ярко горит и трепещет в ожидании. Но этот огонь не так заметен глазу, как виден интуиции – этот свет способно разглядеть лишь человеческое сердце – лишь сердце полнящееся, изменчивое, сердце неустойчивое и непостоянное. Лишь пере-

полненное, избыточное человеческое сердце способно найти и потушить этот костёр. И ошибиться тут никак нельзя, ведь оказавшись где-то не там, не около своего костра, ты почти наверняка займешь чье-то место, то бишь сделаешь несчастным не только себя, но и кого-то другого – кого-то, кто может быть и смог бы, ели бы не ты...

Агафья Тихоновна говорила всё медленнее, словно подкрадывалась на цыпочках к какому-то месту в моей душе, к какой-то недвижимой точке в моем сердце, словно подбираясь к одному из моих, ярко горящих маяков, которые уже были хорошо заметны для её зрения, но оставались невидимы моему, пока ещё узкому взору.

Она подбиралась к точке, которую было должно разрушить. Как Карфаген. Уничтожить её оболочку, растворить мембрану, покрывающую эту точку – точку моего зрения – мою теперешнюю истинную суть. Рассеять её туманную пелену, показать свет от уже горящего костра и вывернуть эту точку наоборот, на изворот, наизнанку – вывернуть шиворот навыворот. И превратив эту одну-единственную, пока ещё лично мою точку – точку моего зрения – в широкий кругозор; распластав, размазав эту точку по горизонту, по бесконечности – спокойно отдышаться. Ведь горизонт, как известно – линия воображаемая, линия бесконечная, линия не существующая в этой реальности, но вполне может быть что существующая в реальности той – человеческому телу пока

ещё недоступной.

Воображение – великая сила.

Оно наделяет человека способностью мыслить абстрактно.

Оно разделяет неразлучное и соединяет, казалось бы, несоединимое – право и лево, верх и низ – соединяет их на линии горизонта.

Оно соединяет хорошее с плохим, терпимое и не очень – в трепещущих человеческих сердцах.

Я лишь глубоко вздохнул. Сколько же в пути у каждого из нас тех ложных, оставленных другими маяков, оставленных теми, кого мы сами пустили на свою дорогу, теми, кто всю нашу жизнь всегда и всё знал вместо нас – и как нам казалось – знал лучше, знал глубже, пронзительнее.

Теми, кому мы верили, кого благодарили, чьи мысли принимали за свои.

Теми, чьи дни мы весело, особо не задумываясь, проживали, да что там дни... Недели, месяца, иногда годы, а иногда и целые жизни. И чужая жизнь оказывалась нашей, а наша?...

Нашу нам только предстоит отыскать. Отыскать среди запутанных дорожных развязок, отыскать опираясь на тонкий, но требовательный голос собственного сердца, отыскать оставаясь глухим к внешнему, но широко воспринимающим своё собственное естество.

И даже так, чтоб шире широкого, шире даже горизонта, чтоб несмотря ни на что, чтоб вопреки и благодаря всему. Чтоб право соединилось с левым, а верх смешался с низом. Чтоб успеть вдохнуть эту смесь, успеть вдохнуть своё собственное, родное, проистекающее из тебя самого. И пусть не сразу, пусть хоть и на возрастном излёте, но добраться, наконец-то, до себя внутреннего, до себя настоящего и искреннего. Добраться до своего сердца, одним словом...

Ведь только на своей собственной дороге человек сможет стать тем, кем он должен стать. Стать, пусть не гладким лицом, но морщинистым; стать, пусть кривым, извилистым и бугристым, как пройденная человеком дорога; пусть даже стать иногда скомканным, как старая и никому не нужная газета; стать прерывистым и разорванным, как пунктир на контурных картах, пусть даже мёртвым – но собой! Стать своим, не чужим трупом!

Ведь за всеми этими буграми, за всеми неровностями, за каждым поворотом своего пути скрывается нечто настоящее и это настоящее формирует уникальный рисунок своего собственного пазла – и только этот пазл, такой, какой он есть, без изменений – идеально зайдет в свою собственную нишу одной общей картины-мозаики под названием жизнь. Зайдёт и укрепит её своим скелетом, поддержит её, скрывая пустоту, дополнит смысл уже собранного.

И эта позиция будет крепка – она будет прочна, она станет нерушима.

Нерушима ничем и никем.

Нерушима нигде и никогда.

Нерушима и безупречна, безукоризненна, бездонна, основательна, мертва и невозмутима.

Ведь что тогда есть смерть? Да ничего, собственно...

Ничего особенного.

11

На зеркальном, немного припыленном полу, рядом, прислонившись друг к другу, стояло несколько мешков – с Интересом и с Вниманием, всегда сопровождающем интерес, с Движением, с Действием, со Знанием, с Умением и с Навыками, с Уверенностью, с Лению, с Беспokoйством, с Раздражением...

Они стояли неподвижно и были немного больше других, в беспорядке набросанных тут же – мешков и мешочков с различными, возможно, не менее важными вещами.

Мешок с Интересом был открыт полностью и из него, время от времени, вырывалось какое-то легкое, почти неуловимое дуновение – ветра ли, света ли – не было понятно ни глазу, ни чувству, ни размышлению.

Мешок с Вниманием был приоткрыт лишь немного, и щель в мешковине, ведущая вглубь мешка, чем-то напоминала прищуренный глаз, взиравший наружу с насмешливой иронией – подсматривающий, контролирующий, творящий,

внимательный глаз – глаз наблюдателя!

Мешок с Движением – с физическими, так знакомыми каждому человеку действиями был крепко закручен на узел. Наверное, невидимому, но знакомому каждому из нас архитектору этого мира одного узла показалось мало, и будучи полновластным хозяином всего что тут находилось, он с каким-то мученическим наслаждением, граничащим с опаской, туго повязал прямо поверх и без того крепкого узла прочную веревку, концы которой плавно покачивались в такт дуновениям из мешка с интересом. Впрочем внимательному наблюдателю было предельно ясно что и сама веревка, стягивающая горло действиям, заключенным в мешке, и узел на этом горле – все они были завязаны одним из тех волшебных узлов-узелков, которые распутываются сами, стоит только потянуть за болтающийся время от времени кончик этой самой веревки. Или тронуть саму мешковину – скрученный из неё узел, выглядевший для неясного взора запутанно-неприступным. И хоть для неясного, беглого взгляда вся конструкция выглядела надежно и основательно – достаточно сильное дуновение ветра ли, света ли – неважно – вполне могло бы придать системе необходимое ускорение и силу, и одним махом, целиком и сразу – сбросить оковы узлов, освободить горло, вдохнуть живительный кислород, пустить его к мышцам, сообщая им необходимую для движения энергию.

Движениям необходимы мышцы, а мышцам – движение,

одно без другого неизбежно чахнет, хиреет и, в конце концов, погибает.

Имя этому ускорению, имя этой силе – Начало.

Неважно чего или чему.

Неважно когда или где.

Ничто неважно, если Начало положено.

Ведь стоит только начать и казавшиеся ранее неразрешимыми вопросы и дела внезапно, вдруг, как по мановению волшебной палочки, теряют свою мутно-молочную, скрывающую решения туманность – они становятся прозрачнее и яснее, вблизи они оказываются чёткими и разборчивыми.

Решения стают живописными, колоритными. И уже ясный взгляд, способный проникнуть вглубь, в состоянии различить нечто следующее, нечто находящееся чуть поодаль – за этим пространством с действиями, за непостижимыми бело-матовыми, как изморозь на окне, рисунками времени.

За всеми существующими здесь мешками.

В состоянии различить нечто выразительное и желанное, и имя этому вожделенному нечто – Результат.

Положенное в своё время Начало и полученный спустя своё собственное время Результат неразрывно связаны и, кто знает, возможно, связаны той самой веревкой, которая стягивала горло мешку с движениями и его брату – точно такому же мешку с выверенными и обдумантыми действиями.

А учитывая то, что никакой другой веревки поблизости

не было, и принести её сюда не было никакой возможности, можно было сделать простой, но от этого не менее важный вывод – хочешь намертво привязать результат к началу – освободи мешок с движением.

В этом мире, в мире без времени, все начала каких-либо процессов мирно сосуществовали с уже готовыми их результатами, которые болтались тут же, неподалеку. Некоторые результаты были намертво привязаны к своему истоку, а некоторые – были свободны и могли менять свое положение как им заблагорассудится.

Крепящая их веревка – целый моток – свободно болталась на мешке с движением, редко и, как правило, недостаточно сильно обдуваемая ветром из мешка с вниманием. Конечно, можно было встретить искомый результат совершенно случайно, бесцельно бродя между мешками, однако вероятность этого была столь ничтожно мала, что рассчитывать на неё всерьез не приходилось.

Все неисчислимо присутствующие тут начала и результаты разделяла почти неприступная насыпь – основное, но преодолимое для любого разума препятствие – огромный приземлённый мешок – мешок с ленью, горой возвышающийся сразу за пасмурным, влажным, скользким полем с высаженными началами, но перед солнечной полянкой с земляникой и уже готовыми, выращенными результатами.

Этот мешок с ленью – не той активной ленью, которая двигает прогресс, а совсем наоборот – с ленью пассивной – с

той самой ленью, которая поглощает все человеческие начинания, проглатывает все созидательные порывы – той самой ленью, которая заглушает любой интерес, которая отвлекает внимание и запрещает движение.

Так вот – для Интереса, для Внимания, для Движения этот огромный горообразный мешок представлял собой неприступный замок, похоронивший перед своими стенами множество армий и отразивший неисчислимое количество атак.

Этот мешок, покрытый пылью, как ржавый несмазанный замок на давно не открываемой двери, всем своим видом демонстрировал внимательному наблюдателю свою давнюю, а может быть даже вечную неподвижность. Неподвижность настолько древнюю, что его мешковина была покрыта множеством слоёв ничем не тронутой, не задетой даже временем с его непрерывным движением паутиной.

Внимательный наблюдатель сразу бы отметил, что паутина эта была создана не природным способом – не была сплетена каким-либо пауком, ибо в этом случае она являла бы собой произведение чистого, не замутненного ничьим личным восприятием, даже личным восприятием паука, искусства. Эта паутина росла сама по себе – росла как пыль в давно не убираемой и наглухо закрытой комнате, росла даже тогда, когда расти было не из чего, росла из самой что ни на есть окончательной неподвижности самого мешка – паутина была его мешковиной, была его органом и его частью, она

была его детищем, его порождением, его ребенком и результатом.

И когда наблюдатель уверился в этой вымышленной, дивной природе самой паутины; когда он, черпая из стоящих тут же мешков с различными навыками и знаниями был готов подтвердить её мнимость, мифичность её существования; тогда, немного сконцентрировав свой ясный взор на боковом переплетении паутинок – тогда и только тогда внимательный наблюдатель замечал как небольшой, размером с монету паук, с тонкими, как у насекомых, с упругими, но одновременно мягкими как ткань ножками ждал свою жертву. Судя по нетерпеливым движениям его восьми лапок, паук был голоден, однако же он и не думал покидать свое насиженное место, так как точно знал – получить свой обед с большей вероятностью и меньшими энергозатратами можно только сидя в засаде и будучи абсолютно неподвижным.

Не зря паук выбрал своим домом мешок с ленью – мешок, который никто и никогда не перемещал – мешок большой, объемный, избыточно полный.

Этот мешок завораживал.

Он приковывал взгляд наблюдателя, видимо обладая какими-то непонятными разуму магическими свойствами – он был неподвижен, этот мешок, неподвижен в пространстве и, судя по всему, неподвижен во времени, но он был жив! Жив!!!

Только лишь присмотревшись повнимательнее, лишь

углубившись в структуру мешка ещё дальше, лишь рассмотрев переплетение его тонких паутинчатых нитей из которых была соткана мешковина – только тогда взгляду наблюдателя открывался удивительный, неживой мир лени – и это был сам паук, сидящий верхом на мешке и плетущий там свою паутину. И соткан он был в точности из тех же самых нитей, что и мешок, и значить это могло только одно – паук являлся такой же частью мешка, как и любая другая нитка из которой была сплетена сама мешковина. Ну или совсем наоборот – мешок был лишь производением, результатом труда самого паука – мешок был его складом, его пристанищем, его жизнью. Мешок и был самим пауком.

Откуда-то издалека, где-то в мыслях, послышался голос Артака:

– Необыкновенный мешок, не так ли?

Я молча кивнул собственным мыслям, не утруждая себя речью.

Агафья Тихоновна, хоть её и не было видно, тоже прислушивалась. Это чувствовалось так же ясно, как ясно слышались слова Артака в моей голове.

Дракон, тем временем, продолжал:

– Мешок с ленью действительно очень необычен. Он наполняется не так как все остальные мешки. Этот мешок – паразит, и для того чтобы выжить ему необходимо не своя собственная пища, не лень – его устроит всё что угодно. Он питается абсолютно всем, без никакого исключения. Если дру-

гим мешкам для того чтобы расти требуется именно то, что на них написано – так для мешка с интересом прежде всего необходим сам интерес – и чем он живее и непосредственнее – тем лучше, а для мешка с вниманием нужно именно внимание – и чем оно острее – тем быстрее растёт сам мешок, то для мешка с ленью подойдет всё что угодно. Без разбора. Этот мешок поедает всё без исключения – и интерес, и внимание, но самая любимая его пища – поступки и действия, от них он жиреет быстрее всего. Не совершённые поступки и не выполненные действия – любимая его пища – его блюдо дня, его мясо и сало – энергия его жизни...

Агафья Тихоновна, внимательно разглядывая паука своим зорким акульным глазом и, видимо, заметив нечто укрывшееся от меня самого, тихонько прошептала:

– Только в этом его необычность?

– Нет, что вы, нет, – Артак усмехнулся, – самое необычное в этом мешке то, что наполняется он не изнутри, а снаружи.

– Как это? – наши голоса слились в одном вскрике.

– Да очень просто. Всё что находится в этом мире питается внутренними качествами человека, питается и растёт так, словно в каждый из мешков докладывают что-то одноименное – так в мешок с порядочностью можно положить только безупречные, безукоризненные, кристально чистые поступки, а в мешок с принципиальностью – исключительно вещи, связанные с твердостью характера и с его честностью. Мешки раздуваются от своего наполнения и тем самым растут,

понимаете? Растут изнутри. Но ни один мешок в этом мире не примет внутрь себя ничего из того чего там быть не должно. Невозможно накормить враньем мешочек с правдой, как невозможно в мешок с ложью добавить хоть горсть истины, – дракон внезапно перешёл на шепот, – но мешок с ленью растёт иначе. Не зря этот мешок в процессе своей эволюции отрастил себе дополнительный орган. Паук – это, можно сказать, его внешний желудок и его глубинный смысл, – Артак грустно вздохнул и тенью от своей лапы указал на сплетенного и замершего в ожидании насекомое...

И действительно, паук являлся частью мешка точно также, как и сам мешок был частью паука. Они были неразрывно едины.

И так как паук казался живым и подвижным, то вполне можно было предположить что и сам мешок обладал какой-то скрытой для понимания человека – скрытой, но живой плотью. А живая плоть всегда подразумевает под собой наличие спрятанного или явного, инстинктивного или уже проявленного внешнему миру интеллекта; живая плоть предполагает наличие какого-либо, пусть даже самого примитивного, но разума; она обнаруживает присутствие понимания природы окружающих вещей и событий, и конечно же, обладает, пусть минимальными, но существенными знаниями и навыками, позволяющими выжить и проявить себя...

Итак, мешок был жив и паук был его частью, он был органом его огромного тела, как заметил Артак, он просто был его желудком.

– Паук плетет свою, невидимую глазу паутину, он пытается покрыть ею всё, до чего могут дотянуться его лапы и так как он всеяден – ему абсолютно безразлично что попадет в его сети – интерес ли, внимание, честность или принципиальность, радость или восторг, любознательность или дотошность, счастье или знание, уверенность или даже, – дракон кивнул на солнечную полянку, – Его Величество Результат.

– И...

– Он поглощает абсолютно всё, – дракон повысил голос, – а поглощая – перерабатывает, выплетая своими конечностями мешковину из которой и состоит сам мешок с ленью.

– Но тогда получается что мешок с ленью не имеет внутренних, не имеет никакого наполнения?

– Именно так, – Артак был доволен, и это слышалось по его голосу, – это и есть его главное отличие от всех остальных мешков – он, можно сказать, пуст, но одновременно полон, он сделан исключительно из мешковины – точно так же, как комок земли состоит только из одной земли. В него нельзя ничего положить, но тем не менее он растёт, покрываясь новым и новым слоем ткани, которую паук неустанно выплетает поверх уже существующей.

– Растёт, поглощая другие субстанции?

– Конечно, ведь ему неоткуда более брать пищу. На самом деле никакой лени в природе не существует – в неё превращаются все остальные желания и чувства и именно в ней вязнут все поступки и действия. В ней может раствориться всё что угодно. Как самое благое, так и самое мерзкое.

– И глупость? И ненависть? И злость?

– Этих вещей в природе тоже нет, – Артак усмехнулся одним голосом, так как мы не видели лиц друг друга, – ведь глупость – всего лишь отсутствие знания, а злость – недостаток добра.

– Но если в мире есть знание, то значит есть и глупость?

– Нет, нет, что вы, – голос Агафьи Тихоновны вклинился в беседу, – знание в мире, конечно, есть и оно, как ни странно, существует абсолютно везде – в каждой клеточке вашего тела, в каждой капле росы, в каждой горсти земли или в клубе пыли, оно пребывает в любой песчинке или даже в миниатюрном, не видимом глазу атоме. Атом не виден, не различим, но Знание можно рассмотреть, оно присутствует и что очень важно – присутствует, как мы уже говорили, не только везде, но и в полном своём объеме. Знание неразрывно и едино. Оно абсолютно и вечно. А глупостью человечество называет лишь неумение прочесть это знание. Так что самой глупости в природе нет, но она есть в избытке в человеческом восприятии этой самой природы.

– Понимаю... – я кивнул головой, продолжая наблюдать за шевелящимся пауком.

– Вы совершенно правы, Агафья Тихоновна, – голос Артака отвлек меня от столь захватывающего занятия, – вы совершенно правы. Лень питается реально существующими вещами, она не способна поглотить ни выдумку, ни иллюзию существования чего либо, и именно поэтому она всегда вредна. Всегда! Без исключений!

– И этот мир...

– А этот мир, – дракон обвел взглядом всё что здесь было, – этот мир характеризует любого человека точнее самой что ни на есть его точной и правдивой характеристики, ибо здесь нет времени в его человеческом понимании и, следовательно, этот мир невозможно обмануть. И храниться всё это будет столько сколько нужно, и ничего не испортится и ничего не пропадает. Этот мир – абсолютно точное отражение человеческого существования. Это его безупречная копия. Здесь всё что было, всё что есть и даже всё что будет.

Я кивнул и вопросительно взглянул в ту сторону, откуда раздавался голос Артака, будучи уверенным что он меня видит и точно знает то, что я хотел спросить.

– Да, да, – ответ пришел незамедлительно, – и то что тебе только предстоит пройти здесь тоже уже есть. Ибо этот набор, присутствующий в разных мешках, – дракон прокашлялся, – этот набор чувств и желаний, набор действий, поступков, решений – это именно то, что дано тебе от рождения, и ты волен перекладывать из одного мешка в другой, но предварительно видоизменив то, что перекладываешь... В

этом уникальная роль самого человека – творить, изменять, присутствовать! Видоизменить так, чтобы то, что ты достал из одного из мешков стало соответствовать тому мешку, куда ты собираешься это положить, – Артак усмехнулся, – ибо, как мы уже говорили, нельзя поместить в мешок с правдой даже капельку лжи.

– Но ложь – это всего лишь отсутствие правды, не так ли? Как глупость – отсутствие знания?

– Да, именно так.

– Но где тогда я смогу достать ложь в этом мире?

– Да где угодно, – дракон рассмеялся, – из любого мешка.

И всё потому что любой мешок наполнен в точности тем же самым, чем наполнена любая человеческая голова.

– Но чем же? Что тогда внутри всех мешков?

– А ты ещё не догадался? – Артак прошелестел в моем мозгу всего лишь одним словом, – внутри мешков – время. В любом из этих мешков находится простое человеческое время или энергия, которую человек тратит на то или иное действие или на какое-либо чувство, или даже на невесомую мысль. Сколько времени на что потратишь, какой кусок человеческой жизни от себя отстегнешь – тем и будешь. Таков самый древний человеческий закон.

– Ничего себе! – я резко дернулся, и боль в ноге дала о себе знать, возвращая меня в реальность, – но где мы? Что это за видения такие?

– Не надо волноваться, – Артак был тут как тут, – волне-

ние не поможет ни в одной из возможных жизненных ситуаций, ни в одной... Ты просто выпил концентрированное время, получил дополнительную энергию и она всё ещё бродит по твоим внутренностям, иногда задевая мозг и вызывая такие галлюцинации, – он усмехнулся одним лишь голосом, – да и галлюцинации ли это, тоже вопрос.

– Но ты здесь уже был? А Агафья Тихоновна? Она тоже была?

– Конечно. Здесь, в этом мире, я бываю достаточно часто. Однако, ты сам этого не замечаешь. Да и Агафья Тихоновна тоже наведывается сюда время от времени, правда немного реже.

– Почему вы не берете меня с собой? – я опять дернулся, но акулий плавник ласково поддержал меня за локоть, а драконий хвост обвился вокруг моего тела, – почему вы скрываете от меня существование этого мира?

– Мы не скрываем, – Агафья Тихоновна горячо зашептала мне на ухо, – мы не скрываем, ибо мы не в состоянии что-либо скрыть от тебя. Ты сам и только сам способен закрыть глаза на то что происходит вокруг. И на этот мир тоже. А мы всегда рядом и именно там, где находишься ты сам...

– Но где тогда я, когда вы здесь? Чем занят? Почему не с вами?

– Мы здесь только тогда, когда ты ослабляешь хватку и немного отпускаешь своё сознание.

– И когда это?

– Ну например, когда ты его теряешь, – эти слова прошептал мне на другое ухо уже дракон.

– Кого теряю?

– Сознание, кого же еще? – судя по всему, Артака забавляло мое непонимание, – от боли или, например, во сне...

– Ааааааа, – единственный протяжный звук «а» вырвался из моего горла, сразу расставив всё на свои места, – понимаю. Ну, конечно же, во сне! Я сплю, а вы гуляете, – в моем голосе звучало удовлетворение от того что я наконец-то понял! – Повезло же вам.

– Ну я бы так не сказала, – Агафья Тихоновна захихикала мне в ухо, – обычно я сплю вместе с тобой. Артак гуляет в одиночестве.

– Но почему?

– Потому что, как правило, во сне ты спишь, – и акула немного отодвинулась, чтобы лучше рассмотреть мешки, – а когда человек спит – он молчит...

– Ах, да, я и забыл... И правда. Но когда мы отсюда уйдем? Можно ли здесь задержаться?

– На самом деле ты постоянно присутствуешь здесь, но незримо, так сказать, бестелесно. На самом деле это, – тень от драконьей лапы указала вниз, на мешки, – это и есть ты сам. Только без прикрас, так сказать.

– Да уж, – пробормотал я, взирая на гору мешка с ленью, – да уж... Впрочем, это очень похоже на правду.

Я немного помолчал, обдумывая ситуацию и лихорадочно

вспоминая о чём мы говорили раньше.

– Ты интересовался где в этом мире можно достать ложь, – услужливо подсказал дракон.

– Точно! И где же? Ты говорил что где угодно, но я не вижу ни одного мешка с надписью «ложь».

– Достань знание и передай его другому, но передай неверно или передай, скрыв часть чего-то, – вклинилась акула, – вот тебе и ложь. Достань принципиальность и честность и пожертвуй ей во имя чего бы то ни было – вот тебе и ложь...

– Даже во имя правды?

– Во имя правды? – интонация Артака сменилась на изумленную, – пожертвовать чем-то во имя правды невозможно. На этот святой алтарь можно кинуть лишь заблуждения и самообман.

– И всё, что здесь сложено – моё? Ни больше и ни меньше?

– Да. Ровно столько сколько ты видишь, – невидимый Артак, судя по всему кивнул головой, – но повторюсь, ты легко можешь менять часть чего бы то ни было из одного мешка на равное количество чего-то из другого.

– Но как?

– Достоешь из мешка то что ты хочешь обменять, добавляешь часть самого себя и получаешь то, что хочешь получить. Всё очень просто. Так, например, иногда поступившись принципиальностью ты с легкостью добавишь столько же вещества в мешок с достатком и изобилием, как и наобо-

рот, отказавшись от чего-то незаслуженного и материально-го, ты в состоянии добавить вес в мешок с порядочностью, – дракон замолчал на мгновение, – и так будет постоянно. Любое чувство и любой поступок, присутствующий здесь, пропустив через себя самого и этим изменив его, ты в состоянии превратить в любое необходимое тебе наполнение.

– А если мне будет мало того, что тут сложено? Могу я получить больше?

– Ты можешь получить всё что угодно и в любом количестве, – Артак усмехнулся, – ограничений нет и быть не может. Но для этого...

– Для этого, – вступила Агафья Тихоновна, – для этого тебе необходимо будет распустить мешок с ленью и используя освободившийся материал соткать из него всё что угодно.

– Добавив себя?

– Да, – акула согласилась, – это обязательное условие.

– Но где я возьму себя самого?

– Вот это действительно важно. Добавить себя можно лишь в том случае, когда ты знаешь где ты и кто ты. Надо искать. Искать и никогда не останавливаться в своих поисках. Ведь по сути, в каждом мешке уже есть что-то от тебя самого. И таким образом, перебирая их содержимое, возможно, когда-нибудь ты сможешь ответить на кажущийся простым вопрос – кто ты есть на самом деле!

– Но как???

– Найди то одинаковое, что есть в каждом из мешков.

Найти то, что их объединяет. Найди их единство. Это и будешь ты...

Какими же неведомыми человечеству путями шла эволюция этого мира, какими запутанными тропами развивалась жизнь в этой Вселенной – Вселенной поступков, действий и чувств?

Какими необычными качествами и свойствами обладал этот мир, какие меры изменений присутствовали тут?

Как можно познать его – этот единственный для человека реальный мир – мир мыслей и чувств, мир действий?...

Ведь физические тела, по своей сути, ни на что не способны. То, что видят ваши глаза и то, что ощущает ваше тело – это физический мир, а сами тела – его эффект, созданный по причине.

Данная причина – это мысль.

Тело не может создавать. Оно может только ощущать и быть ощущаемым. В этом и состоит его уникальная функция. Мысль же, наоборот, не способна на ощущения, мысль не подвержена влиянию времени, мысль – может только выдумывать и объяснять, создавая.

И ей очень необходим наш общий, воспринимаемый как реальность мир относительности, мир физики твёрдых тел, и всё для того чтобы ощущать саму себя.

Мысль.

Тело не имеет власти создавать, хотя и дарит такую иллюзию.

Тело – лишь случайный, необходимый самому миру, но всё же – результат, тело – следствие мысли, не более того.

И все эти бесчисленные мешки с поступками, с действиями и делами, с чувствами и мыслями – тоже всего лишь иллюзорный, созданный по необходимости человеческим мозгом мир, где необходимость – это способность понимать и осознавать.

И мешки – только аллегория, понятная человеческому сознанию – та аллегория, которая делает возможным объяснение и понимание того как всё происходит на самом деле, то есть, в реально существующих причинах всего физического – в мыслях.

Круг замкнулся. А если быть точным – круг всегда был замкнут.

Мыслью все рождено, мыслью будет изменено и похоронено.

Есть ли в этом смысл? Есть, конечно же, есть.

Смысл как в песне, которую поешь с удовольствием, как в нотах, которые складываются в приятный звук.

Одна нота, сама по себе, мало что значит. Один куплет – без припева, без второго куплета – тоже не очень существе-

нен. И, конечно же, петь песню хочется, петь песню необходимо, но не для того чтобы чисто, без фальши пропеть последнюю ноту. Последняя нота ничего не сможет изменить. Последняя нота, даже спетая чисто и безупречно, не помещает расстановку веса в этих мешках. Ну разве что самую малость. Она, последняя нота, сама по себе не так уж и важна, ибо может быть спета внезапно, и совсем не по воле самого человека.

Но важна вся песня целиком, и спеть её хочется чисто, хрустально – спеть звеняще, спеть от начала до конца, спеть, пройдя и низкое звучание тромбона, и высокое – пения птиц...

Это и есть смысл. Мелодия. Целиком. Во всем объёме.

Каким интеллектом должен обладать человек, отнюдь не случайно узревший и пытающийся понять устройство этого мира?

Какой внутренний свет, питающий человеческий разум должен присутствовать в нём для того чтобы рассмотреть и разгадать это – бесконечное и зеркальное, невидимое глазу, но слышное сердцу?

Какая проницательность должна быть заключена в человеке, постигшем это безмерно сложное и запутанное, но цельное и взаимное содержимое этих мешков, составляющих собой не что иное как внутренний мир самого человека?

Кем должен быть этот наблюдатель, пытающийся понять

самого себя, а значит и понять целую, непонятую доселе Вселенную, в которой уже сосредоточены ответы на все существующие вопросы?

Наша Вселенная уже рождена и она конечна, она смертна, как и любой возникший в ней вопрос, но одновременно с этим она – бесконечна, как и любой, найденный в ней ответ. Бесконечность, ограниченная контурами чего-то – вот её суть, бесконечность в контурах тела – человек, в контурах пространства – весь мир, Вселенная, а бесконечность в контурах одного мгновения – ... Об этом позже.

Но принципиальной разницы никакой...

Каким же совершенным инструментом познания является человеческий мозг, который смог, который каким-то непостижимым образом нашёл дверь в этот мир, приоткрыл её, глянул, ахнул от удивления и тут же сформировал в своем видении более-менее привычный человеческому взгляду порядок – порядок и временной и пространственный – ведь другого порядка человек не знает и не может знать, ибо он сам его часть.

И поэтому в картине, которую увидели мои глаза и которую совершенно по-своему интерпретировало мое сознание, мешки были разложены в пространстве, они изменялись во времени, а может быть и бесследно проходили в нём. Но на самом деле не было здесь ни времени, ни пространства, ибо

действия и поступки, человеческие чувства и размышления не подвластны им и не зависят от них, они постоянны с течением одного и не меняются в перемещениях другого. И пространство этого мира, и время, произвольно текущее в нём – всё это было почти гениальным произведением, всё это было созданием одного единственного – главного органа восприятия человека – его мозга.

Именно этот орган, приоткрыв сюда дверь и удивленно распахнув человеческие глаза, сразу же, тут же, не отходя от двери начал формировать привычный ему мир, начал рисовать привычную глазам картину, и делать это с одной единственной целью – понять. А понять он может только то, из чего создан сам – только изменяющуюся во времени и занимающую определенный объем в пространстве материю. Ту материю, из которой он сделан.

И мой человеческий мозг тут же сформировал из действительной реальности нечто на неё очень похожее и понятное ему самому, однако, не теряющее своей собственной реальной сути и не жертвующее своим смыслом; сформировал трехмерный пространственный мир действий и чувств, по образу и подобию того мира, в котором сам мозг, а следовательно, и сам человек, существует.

Но одного он не мог изменить!

Мир действий и поступков продолжал питаться тем же, чем и питался до своей трансформации в понятную мозгу концепцию – он питался воображением самого человека.

Питался точно также, как привычная человеку трехмерная Вселенная питается временем и пространством, а когда, по тем или иным причинам еда заканчивается – этот нежный, как цветок мир разрушается и погибает...

Мешковина, из которой был соткан мешок с ленью, да и сам паук, царственно восседающий на нём, выполняли одну общую задачу – все они, как солнечный парус – ловили свет. Не только тот общий свет, который ниспадал с несуществующего потолка этого мира, но и то, едва уловимое свечение, исходящее из приоткрытого мешка с вниманием или из распахнутого мешка с интересом. Даже полностью завязанный мешок с движением, прямо через свою мешковину, испускал нечто неосязаемое, невидимое, но явно оседающее на паутине лени.

Немного поодаль притаился мешок с забвением – этот был даже покрупнее мешка с ленью.

Такой себе отстойник. Последняя инстанция. Именно туда стекало всё, что удалось поймать лени. Всё, что паук смог схватить своими мешковинчатыми лапами. Всё, что ему удалось удержать до того – самого последнего момента, когда любое начинание, покинувшее мешок с интересом и уже немного подпитавшись вниманием с другого мешка, отвоевав часть запутавшегося в паутине действия затрепыхается в паутине забвения, задыхаясь и умирая.

Да, этот мир был велик. Не огромен, а именно велик – велик по своему наполнению, велик как правда, ибо она – одна, и она достаточно редкий – а значит, и ценный гость. А вот лжи вокруг может быть сколько угодно, но и ценится ложь в полном соответствии со своей распространённостью.

Этот мир справедливо выставлял свои собственные оценки человеческому существованию. Эти оценки были верны и правдивы, ведь зависели они не от взяток и договоров, а лишь от того, чиста или запятнана была совесть у обладателя этого мира. Совесть не только в привычном человечестве смысле – этот поступок хорош, а этот – совсем наоборот, а со-весть – совместное ведание того что есть; совесть, как внутренний бог; совесть, которая оценивает не только поступки, не только то, что ты сделал по отношению к себе или к другим, но и то, что не сделал, то что отложил на потом, то о чём забыл – то, что ты с любовью отправил в мешок с забвением. Оценивает даже тех, чьё время прошло и никогда не вернется, ибо оно потрачено и невосполнимо.

Эти пустоты несделанного и забытого и составляли основу наполнения мешка с забвением. Возможно, он был пуст, и казался полным лишь визуально, ведь забытое и вовсе не может существовать. Ни в мыслях, ни в какой другой из всех существующих реальностей.

И раздувался этот мешок с забвением на солнечном ветре всего лишь от своей собственной значимости – словно человек-пустышка, важно надувающий щеки, но по сути своей

ничего не значащий.

Ноль.

Чистый вакуум.

Бессмысленность. Бесплодность и, следовательно, полная бесполезность.

12

– Я не буду возражать ни против твоих мыслей, ибо я не могу возражать против самого себя; ни против твоего сна, ибо он уже закончился, а возражать прошлому по меньшей мере глупо, – Артак счастливо засмеялся, – насколько я могу судить, твой сон был полезен не только твоему духу, но и телу, а значит – он был необходим, – дракон провёл своей лапой по моему лицу снизу вверх, словно задира в театре кулису для того чтобы получше рассмотреть сцену и действующих на ней персонажей.

Он приподнимал дымную завесу моих полупрозрачных век и ласковым движением сдувал пелену этого волшебного, всё ещё длящегося перед моими глазами наваждения.

– Я прав или нет? – вопрос был риторический и Артак продолжал смеяться, но уже одними глазами, а их солнечный, жёлтый свет омывал моё лицо почище любого природного родника.

Окончательно очнувшись я приподнял больную ногу и покрутил в воздухе своим голеностопным суставом. Вправо –

влево, вверх – вниз. Немного по кругу в обе стороны. Не почувствовав никакого дискомфорта, я вежливо обратился к дракону:

– Вы считаете что прошло достаточно времени для стабилизации моих внутренних часов?

– Откуда мне знать? – Артак украдкой глянул на мои часы и я тут же сделал тоже самое.

Часы, как и прежде, показывали ровно 10 часов утра и ни одной секундой больше.

– Но до тех пор, пока ваши часы не начали ходить в привычном темпе, я бы ещё подождал, – дракон хитро улыбнулся и по его морде пробежала какая-то чувственная, пронзительная, но одновременно коварная волна, – впрочем, думаю, что момент стабилизации ваших внутренних часов мы ни в коем случае не пропустим.

– Ход часов напрямую связан с моими внутренними процессами?

– Конечно, а как же иначе... Они же на вашей руке. Да и внешние проявления всегда были, есть и обязательно будут всего лишь отражением процессов внутренних. И если ваши часы стоят на одном месте, то и время внутри вас ещё не перестало буксовать своими колесами, оно ещё продолжает прокручивать их на одном и том же месте. А может быть и в нескольких местах одновременно.

– И когда оно наладит свой бег его можно будет наконец-то измерить, полагаясь на мою температуру? – мне не

давало покоя утверждение дракона что мерой времени, как и мерой любой энергии может являться самое обыкновенное тепло.

– Можно, – Артак кивнул головой, – конечно, можно, в этом, как и в любом другом мире возможно абсолютно всё, но ответьте мне – зачем? Человеческое тело способно выжить в таком бесконечно малом температурном диапазоне, что измерить само время – эту мать всех существующих энергий, измерить его простым теплом всё же достаточно проблематично, – дракон усмехнулся, – вот если бы речь шла о звёздах или даже галактиках! Если бы речь шла о крупных, массивных объектах, то всеми остальными проявлениями времени можно было бы просто-напросто пренебречь, настолько они были бы незначительны. Тогда можно было бы мерять его – отпущенное им время, одной лишь температурой, почему бы и нет? Ведь в сердце звезды, даже если брать не самую горячую, но самую близкую к Земле звезду – ваше привычное, человеческое Солнце, – Артак кивнул головой в сторону небольшого подъездного окна, за которым проглядывался солнечный диск (он висел как-то низко, позимнему, несмотря на то что сегодня было 8 июля и лето в самом разгаре, а времени, как известно, было уже 10 утра), – так вот в сердце звезды, похожей на Солнце температура может достигать 15 миллионов градусов, тогда как на её поверхности всего лишь 5-6 тысяч. Разброс температур, а значит и разброс энергий, при которых живет Солнце, состав-

ляет миллионы градусов, и тут мы легко сможем подсчитать количество времени, хранящегося в самом Солнце, то есть количество той энергии, которая дает Солнцу возможность жить, – Артак опять ухмыльнулся, – а что уже говорить о галактиках... В центре галактик температура может достигать и миллиарда градусов, тогда как сама галактика вполне может находиться в близкой к абсолютному нулю температуре. Вот это диапазон! – Артак в восхищении поднял лапы, – вот это пространство для измерений! Вот это размах! Амплитуда! Масштаб! А что там мерять в одном человеческом теле? Не смешите меня, – он фыркнул, продолжая внимательно рассматривать солнечный диск за окном парадного, – человеческое тело не способно выжить при изменении температуры даже на сотню-другую градусов, причем в любом из направлений – что в минус, что в плюс, – дракон ещё раз усмехнулся, – и если предположить для удобства, что человек живёт целых сто лет – это количество времени столь ничтожно во вселенском масштабе, что при любых измерениях им легко можно пренебречь, понимаете? И тем не менее... – Артак задумался и начал шептать себе под нос, – однако... Вполне возможно... Имея достаточно чувствительную аппаратуру... – дракон начал что-то прикидывать в уме и замолчал.

В подъезд потянуло холодом. Это было достаточно странно, учитывая что на дворе стояло красное, жаркое лето – са-

мая пекучая его пора. Стояло точно также как и секундная стрелка на моих часах – недвижимо и вертикально.

Лето было строго вверху, как секундная стрелка, замершая на цифре двенадцать.

Какая-то, показавшаяся мне сначала важной мысль мелькнула в моей голове, но не задержавшись более чем на один всего миг, продолжила свой бег. Видимо, остановившееся физическое время всё же было не властно над миром мыслей. Они скакали как бешеные, не останавливаясь и не замирая ни на мгновение.

– Ну хорошо, не надо мерять время внутри меня, но внутри звезды, внутри галактики, внутри Вселенной? Это реально? – я ждал ответа с лёгким замиранием сердца, ибо не было на свете ничего более захватывающего чем постичь одну из тайн времени, и ничто я не хотел бы познать с такой же увлечённостью и с таким же интересом.

– Да. Но есть одно но... – дракон поддел мой подбородок когтем, – пространство и время внутри таких массивных объектов постоянно смешивается друг с другом, они тасуются как колода карт, уравнивая друг друга – и всегда будет существовать какая-то погрешность, какая-то, пусть минимальная, но неточность, ибо избрав своим общим вселенским мериллом энергии температуру, и измеряя её с точностью до градуса, мы никогда не сможем уверенно сказать что мы собственно меряем – пространство или время.

– Но как же так получается?

– Пространство и время, а если сказать проще – материя и энергия, что собственно одно и то же, находятся в постоянно перекрученном, спутанном, исключительно совместном состоянии. И каким-либо образом меряя энергию, то есть время – мы всегда будем захватывать в своих измерениях и какой-то участок пространства, то есть материи. Ведь при тех колоссальных температурах часть самого пространства постоянно перетекает во время, как, собственно, и наоборот. Или, говоря другими словами – материя безостановочно превращается в энергию, а энергия порождает всё новые и новые материальные объекты. Они текут как два рукава одной и той же реки, соединяясь в один огромный, раскалённый поток, и уже этот единый поток – взрывами колоссальной силы – выбрасывает из себя иногда расплавленную материю, которая, теряя по дороге тепло стабилизируется и превращается в то неизменное, через что люди смотрят и в чём живут – в то пустое, но от этого не менее значимое пространство – живая материя превращается в ту самую, не менее живую и уже готовую к использованию пустоту, к которой прищиплены сами планеты. А иногда – превращается в само время, которое, остывая по мере удаления от центра событий, становится тем, чем вы с успехом пользуетесь – время становится стабильным и мертвым, – дракон кивнул на мою руку, на запястье которой болтались часы, – вот точно таким, как на твоих наручных часах.

– Оно мертво?

– Оно охлаждено, оно стабильно, оно недвижимо. А недвижимо – всегда мертво. Время, которое используют люди в своих расчетах – искусственное, и оно становится таким ровно в тот самый момент, когда человек возомнил себя возможным измерить его и придумал эту несуразную шкалу – секунды, минуты, часы. Нет их в природе и никогда не было.

– А если нагреть? – я понимал что говорю чушь, однако дракону так не казалось. Он кивнул своей большой головой и усмехнулся.

– Нагреть что? Ваши часы?

– Ну... Я не знаю...

– А не знаете, так не говорите. Вы этим утомляете Агафью Тихоновну, – Артак кивнул на устало сидевшую на ступеньках акулу, – ей не хватит всей своей акульей жизни чтобы сказать даже то, что она знает точно, а тут ещё вы со своими предположениями, – он рассмеялся, а акула, повернувшись ко мне произнесла:

– Нет, нет, что вы, я совсем не устала, – Агафья Тихоновна застегнула свой плащ, видимо и она ощутила тот уличный холод, который медленно тянулся снаружи, – я не устала, но думаю, нам было бы неплохо пройтись и размять, так сказать, конечности.

– Мне уже можно встать?

– Ещё немного терпения, – Артак остановил мой порыв, – ещё немного. У нас есть время закончить разговор, а там

глядишь, и вернется ваша способность безболезненно двигаться. Я чувствую, что это уже вот-вот произойдет, – он потянул носом влажный, немного терпкий, холодный подъездный воздух и кивнул головой, – вот-вот. Имейте, в конце концов, терпение.

– Ну хорошо, – я посмотрел на Агафью Тихоновну, словно извиняясь за свою несостоятельность и повернулся к Артаку, – ну хорошо, – повторил я и понизив голос до шепота повторил свой вопрос, – а если нагреть?

– Что нагреть?

– Ну звезду или галактику...

– Если температуру объекта поднять, или наоборот, понизить, одним словом – изменить, ещё на сотню-другую миллионов градусов, это изменит количество перетеканий из одного в другое. И наоборот. Представьте себе кипящий бульон, которому вы сообщили дополнительную энергию – что с ним будет? – Артак не ждал моего ответа, – он начнет кипеть еще интенсивнее, – дракон перешёл на шепот, словно сообщал мне какую-то тайну, – и кстати, понизите вы или повысите температуру – тоже нет никакой разницы.

– Ничего себе! – я присвистнул от удивления, – но если мы нагреем бульон ещё сильнее, то есть сообщим ему дополнительную энергию – и он выкипит быстрее, а как такое возможно, если мы дали бульону дополнительное время в виде энергии, и вдруг, ни с того ни с сего, того же времени стало меньше? Он выкипел за секунду и всё? Куда же делось само

время?

– Не забывайте что время – энергия отрицательная, – Артак засмеялся, – тёмная, как называют её люди, а тёмная – значит неизвестная. Поэтому и получается всё с точностью до наоборот. Но оно, время, никуда не денется, равновесие системы будет сохранено, время просто перейдёт в другие, уже положительные формы энергии – оно испарится, сжимая в своих объятиях пар, оно растворится в окружающем пространстве... Да мало ли что с ним произойдёт. Одно точно – существующее равновесие нарушить невозможно. Ни при каких обстоятельствах. Любая попытка нарушить равновесие тут же включит определённые механизмы которые это равновесие восстановят, и сделают это сразу, в то же самое мгновение.

– Хм...

– Можете себе представить, – дракон наконец убрал свой коготь с моего подбородка, – что в ядре того же Солнца, при реакциях ядерного синтеза, а ядерный синтез – это процесс слияния ядер определённых веществ для появления новых элементов, так вот, при реакции синтеза внутри Солнца – в энергию превращается всего лишь 0,7 % задействованной в этом процессе материи, и именно эта мизерная часть энергии позволяет жить всей солнечной системе, представляете? Этот минимум даёт человечеству весь необходимый свет, всё необходимое время, даёт всю необходимую энергию.

– Неужели так мало?

– В центре галактик, вблизи черных дыр, в энергию пре-
вращается уже около 10% вращающейся там материи, – дра-
кон тоже ощутил холод, тянувшийся с улицы, и как любое
холоднокровное животное, немного передвинулся в сторону
Солнца, а значит, и в сторону тепла.

– А в материю? Энергия точно также легко может стать
материей, как и наоборот?

– Вы наверное хотите спросить, в состоянии ли время син-
тезировать пространство? – Артак сузил свои яркие, солнеч-
ные глаза и сделал небольшую паузу в разговоре, – да, ко-
нечно, – выждав небольшую толику застывшего и неподвиж-
но стоящего, абсолютно недвижимого времени, сказал он, –
да, в состоянии. Время точно так же может извлекать из сво-
ей, пока еще непонятной человечеству сути куски простран-
ства, как и пространство вполне в состоянии, при возник-
шей необходимости, вычленив из себя пару-тройку столет-
тий или миллениумов, – Артак говорил и поёживался, каза-
лось даже, он становился меньше от той, ничем необъясни-
мой, осенней прохлады, сочившейся прямиком с улицы.

– Вы хотите сказать...

– Я хочу сказать что точно так же, как уже известная че-
ловечеству трехмерная материя и изученные виды энергии,
так и пространство со временем – практически ничем не от-
личаются друг от друга, разве что плотностью. Ведь мате-
рия – это всего лишь плотно сжатая и аккуратно, кирпичик
к кирпичику, сложенная энергия. И только внешние усло-

вия, например – температура, давление, скорость, да мало ли что, провоцируют перетекание материи в энергию и наоборот. Попытка замкнутой системы «пространство-время» сохранить своё равновесие во что бы то ни стало является причиной всего происходящего, всех внешних условий и проявлений, видимых человеческому глазу. Я бы даже сказал, – дракон опять перешел на шёпот, видимо чтобы его лучше было слышно, – я бы даже сказал не «внешних условий», ибо они вторичны и само время их и формирует, я бы сказал так – только внешние надобности, внешние необходимости, только насущные потребности в чём-то конкретном и определяют именно то что появится в данный момент – кусок времени или кусок пространства. Кусок или отрезок. Отрезок – как часть бесконечной прямой.

– Внешние надобности? В чём?

– В равновесии, конечно! Всё и всегда определяет равновесие системы. И если оно смещается в ту или иную сторону – система сама восстанавливает его всеми доступными ей способами. И создать или уничтожить кусок пространства или отрезок времени – самое простое и эффективное из того, что можно сделать.

– Отрезок?

– И про время и про пространство можно сказать – кусок или отрезок. Кусок времени или отрезок времени. Кусок пространства или отрезок пространства.

– Часть бесконечной прямой?

– Нет, что вы! – Артак присвистнул, – то, что вы говорите – всего лишь определение отрезка из школьного курса геометрии. Кстати, а вы знаете, что во всём многообразии природной фауны – лишь люди способны нарисовать прямую линию?

– И вы сказали – появится в данный момент? – я проигнорировал вопрос своего дракона, хотя он был довольно интересен, – значит ли это, что время первично? Впрочем, время, наверное, и должно быть первично, ведь оно – сама энергия, которая и формирует всё остальное!

– Я сказал – появится в данный момент, – дракон, глядя на меня, безразлично пожал плечами, – но с тем же успехом я мог сказать – появится в данном месте. От того что я поменяю местами пространство и время суть сказанного не изменится, не так ли? – Артак прищурился и его глаза наполнились смехом.

Он явно хитрил и что-то не договаривал.

– Да, вы правы, но ведь энергия сама по себе первична, не так ли?

– Если принять за аксиому то что вся материя образовалась в результате Большого Взрыва – то да. Тогда энергия первична. Тогда энергия породила всё что вы можете видеть, и даже то, что вы видеть не в состоянии. Но только в одном случае – если принять теорию Большого Взрыва как единственно возможную и абсолютно верную.

– А как было на самом деле? – я упорно настаивал на сво-

ем праве получить столь интересующий меня ответ.

Тогда мне казалось что получив ответ на один из фундаментальных вопросов человечества – что было раньше, и с чего всё началось – я сразу смогу понять если не всё, то очень и очень многое.

– А какая разница? Какая разница что было раньше? – Артак громко, в голос рассмеялся, – хватит уже играть в эти людские забавы – что было сначала? Что стало потом? Что будет дальше? Поймите, даже узнав верный ответ, если таковой и существует в природе – это не принесет никаких изменений ни лично для вас, ни для всего остального человечества. Да и было ли это «сначала» и будет ли это «потом»? Чем вас не устраивает настоящий момент? Ведь и «сначала» и «потом» сразу же ставят человеческую концепцию времени во главу угла. А она ошибочна, ибо всё, везде и всегда существует одновременно.

– Вы сказали – ответ, если такой и существует в природе?

– Я так сказал? – Артак театрально оглянулся и наткнулся взглядом на утвердительный кивок Агафьи Тихоновны, – я так сказал? – повторил он, всё ещё смеясь, – да, я так сказал! И что тут такого?

– Как это что? Как что? – я задыхался от переполнявших меня чувств, – неужели есть нечто такое, на что сама природа не знает ответа?

– Нет. Такого нету. Природа знает всё, – дракон усмехнулся, – но вы – пока ещё не природа, вам только предстоит

ею стать. И вам это всё пока что просто-напросто не нужно! Природа же, по своей сути, гораздо многообразнее любого её варианта, который вы в состоянии представить. Природа гораздо многообразнее всего того, что вы представить даже не в состоянии. И заметьте, природа не требует у меня ответа с такой настойчивостью! Хотя и имеет на это право. Не требует ответа именно потому что она его прекрасно знает.

– Но я хотел лишь сказать...

– Я знаю что вы хотели сказать, – Артак ещё раз мельком пробежал глазами по Агафье Тихоновне, – вы хотели убедиться что ответ всё-таки есть.

– Да.

– Ответ есть. Но вы его получите сами, в своё время, которое ещё не пришло.

– Но почему?

– Потому что вы мыслите категориями такого человека, который пока ещё не в состоянии понять и принять то, что природа может ему сказать.

– Но почему? – я был настойчив.

– Потому что природа не может, она просто не в состоянии ответить на неверно сформулированный вопрос. На такие вопросы не существует правдивых ответов, а других у природы нет. На такие вопросы вы можете лишь придумать свой собственный, не имеющий ничего общего с реальностью ответ.

– Вы считаете что вопрос о том что было в самом начале

– неверно сформулированный?

– Конечно, – Артак развел лапы в стороны, – ну конечно. Вы хотите заставить окружающий вас мир встать в очередь и ждать своего часа.

– Как это?

– Вы хотите чтобы что-то происходило вначале, а что-то в конце. Это и есть принцип очереди, придуманной человеком. Сначала кто-то, потом другой. Сначала весна, а потом лето. Сначала ночь, а потом утро. В космосе нет ни времён года, ни смен дня и ночи, понимаете? В природе нет понятия очереди и именно это я имел в виду, когда сказал что мышление ваше всё ещё человеческое. И, в этом случае, ваши вопросы вполне могут быть неверными изначально, а ошибочные вопросы могут стоять рядом только с такими же ошибочными, а значит, и нереальными, ну или недалёкими ответами, – дракон немного повысил голос, – ответьте мне тогда, зачем вы хотите заставить природу лгать и изворачиваться? Вправе ли вы?

– Природу лгать? – я невольно повторил слова Артака, но тут же сообразил как нужно ответить, – а разве природа умеет лгать? Разве она умеет изворачиваться?

– Тут вы правы, – дракон усмехнулся, словно ждал этот вопрос, – природа не умеет лгать, а вот вы – умеете, ведь вы учились этому всю свою человеческую жизнь, – Артак набрал полные легкие воздуха и мощно выдохнул, – сначала в школе, потом в институте, и каждый день – в жизни. И пока

вы есть часть природы, можно сказать, что она умеет лгать, а если быть точным – то учится лгать у вас, ибо это не её врожденное свойство. Учится, используя вас самих, учится нехотя, учится нерадиво, но одновременно прилежно, ибо люди сами заставляют её это делать.

Я смотрел на дракона широко открытыми глазами, не в силах вымолвить ни слова. А он продолжал:

– Природа осознаёт сколько вранья, сколько лжи скопилось в ней самой, но и избавиться, сбросить с себя это вечное, как человечество, покрывало неправды, она не в состоянии. Единственное что она может сделать в таком случае – это спрятать от взора всех лживых людей самое ценное что у неё есть, спрятать то настоящее, чему они смогли бы навредить своей ложью – и это настоящее – любовь. Лживые люди никогда не смогут даже прикоснуться к этой природной святой святых. Они обделены заранее. Лживый человек всегда нищ духом, по-другому не бывает. Никогда не бывает.

– Но как ей удастся скрыть любовь?

– Не забывают, – Артак величественно положил мне свою тяжелую лапу на голову, – не забывают главного – природа, вселенная, общее сознание, абсолют, бог, называйте как хотите, так вот, они сами познают себя же посредством данного вам человеческого интеллекта и согласитесь, это познание было бы неполным, если бы их порождение – человек – не обладал бы хотя бы капелькой свободной воли. И когда он – человек – используя эту свободу, начинает врать и из-

ворачиваться в своих же отношениях между себе подобными, или в своём отношении к самому себе – природа познаёт и эту часть себя и тут же, зеркально, начинает врать человеку, скрыв, возможно из боязни разрушения, возможно по каким-то другим причинам кирпичики своего настоящего мироздания – и имя этим кирпичикам – любовь. Любовь – самая настоящая, всеобъемлющая, тотальная, безграничная, безъобятная, одинокая любовь.

– Одинокая?

– Конечно, ибо она одна.

– Но кому-то из людей она всё же доступна?

– Да, безусловно, – дракон улыбался и жёлтый свет струился у него из глаз, – кому-то доступна. Но их крайне мало, – он смотрел на меня внимательно, – за всю историю человечества я мог бы назвать лишь несколько имен...

– Так кто же это?

– Будда Гаутама Сиддхартха или, например, Иисус Христос, да мало ли кто. Любой, постигший главную тайну природы, любой, кому удалось прикоснуться к любви становится Буддой... Или Христом. А в человеческом понимании – становится Богом. И нет у этого правила ни исключений, ни дополнений, – Артак мягко улыбнулся, – нет, да и не может быть. Каждый человек может, каждый человек в состоянии, каждый должен найти заветную дверь в освобождение... Если захочет, конечно. И тогда его перестанут тревожить вопросы что было раньше, а что – потом...

– Ах, вот оно что...

– И вы всё ещё хотите поставить природу в очередь, вы ещё настаиваете на том, чтобы она ответила вам на вопрос – что было первым? Это вопрос не к ней. Это вопрос к миллионам тех ученых, которые вместо того чтобы просто внимательней присмотреться к правде – изучают, а точнее – пытаются изучить то неверное, лживое отражение природного зеркала, которое они называют человеческим видением жизни... И не догадываются эти серьезные мужи, что изучают они своё собственное отражение, ведь как ни крути, природа всегда остаётся на шаг впереди. Невозможно добраться до истины изучая кривое зеркало. Ведь истина заключена не в зеркале, истина заключена в них самих. Заключена – значит – в тюрьме. И задача каждого – выпустить её, освободить, познать. Каждого человека и каждого поступка этого человека, каждой его мысли и каждого действия. Соответственно, если вы что-нибудь хотите выяснить – займитесь собой. Правдиво займитесь. Честно займитесь. Займитесь захлёб, в край, в горизонт. Увлечённо и неторопливо. И точка. Больше ничего вам не потребуется. Ничего и никогда.

– Неверное отражение зеркала? Но постоит, как отражение может быть неверным? Это же просто отражение!

– Как в кривом зеркале, – сказал Артак, как отрезал, – человек наполненный враньем всегда будет отражаться лживо.

– А если в нем нет лжи?

– Тогда он ясно видит всё и так, – дракон погладил меня

по голове, – и никакие законы и правила ему не писаны, а если и писаны, то не нужны. Он – сам себе закон. Человек, узревший правду, хоть и остаётся всего лишь отражением, но зато отражением ровным и честным. Только тогда он становится равным самой природе, только тогда он становится её неотделимой частью, только тогда он вправе требовать у неё каких-то ответов, – Артак грустно усмехнулся, – вот вы, попробуйте ответить самому себе – только ответить честно – вправе ли вы указывать природе что и когда ей делать? Заслужили ли вы уже это право? Стали ли вы частью самой природы? Можете ли вы, положа руку на сердце сказать что правда – это ваш единственный путь?

Я растеряно смотрел на своего родного, любимого Артака и не знал что сказать. Конечно же, нет. Конечно, я был не в праве. Конечно, стоило подождать. Конечно же, не нужно смешить мироздание, как и нет никакой необходимости безостановочно и бездумно лезть вперед, через непроходимую чащу, обдирая колени и локти в поисках какого-либо ответа. Ведь существует другая дорога – шире, вольготнее, и она же – прямее и короче. На ней свободно дышится, и кожа, защищающая тело, остается цела и невредима.

Дорога правды всегда одна, тогда как рядом с ней, в одном лишь миллиметре, может проходить тысячи других, запутанных и лживых дорог. И для того, чтобы отыскать эту единственную дорогу правды стоит научиться хотя бы одно-

му – а именно – формулировать правильные, прямые, правдивые вопросы. Являть миру выполнимые задания. Высказывать и выражать разумные, честные вещи. Конечно, только в том случае, если ваша цель – получать от мира точно такие же честные и безапелляционные ответы.

– Не вправе, – только и смог произнести я, – совсем не вправе. Но что я такого спросил?

– Вы захотели ограничить природу временными рамками. Вы изъявили желание узнать что было раньше, тем самым поставив выше всех существующих сомнений тот факт, что что-то могло быть раньше, а что-то позже. Вы захотели ограничить природу временем, зашить её в кожу человеческого тела и пустить сквозь непролазный кустарник в поисках нужного вам ответа, который, как вы теперь поняли, изначально не мог быть верным, ибо основная ошибка – ошибка фундаментальная, всё меняющая ошибка закралась в самом вопросе. А вопрос – это всегда готовая половина ответа.

– Что вы хотите сказать? Что природе незнакомы временные изменения?

– Не знаю, – Артак пожал плечами, – а вы как сами думаете? Если всё существующее время находится внутри вас, ощущаете ли вы его бег?

– Не знаю...

– Ощущаете ли вы свой кровоток, будучи цельным? Можете ли вы утверждать что кровь, находящаяся в вашем сердце была там раньше, чем само сердце? Или то, что сердце

породило кровь? Представьте, что движение вашей крови по сосудам – как движение времени в мире. Ощущаете ли вы его? Чувствуете ли? – дракон говорил медленно и внятно, – нет, не ощущаете. Вся существующая кровь внутри вас, как и все существующее время – внутри природы. И ощущать свою кровь вы будете только в том случае, если поранитесь и потеряете цельность. Но и тогда, ваш организм, используя все существующие в его распоряжении резервы постарается восстановить ваше собственное, достаточно зыбкое равновесие и устранил течь. Или погибнет. И точно таким же образом поступает природа – всё и всегда она возвращает в состояние равновесия, даже пространство со временем. И пространство – как ваша плоть, а время – как струящаяся по ней кровь... Понимаете?

– Не знаю, не знаю, я совсем ничего не знаю...

– Но теперь вы понимаете? – Артак возвышался надо мной как гора, – гораздо разумнее было бы принять за аксиому то что в этом мире всё, абсолютно всё, двойственно – как Инь и Ян, как небо и земля, как свет и тьма, как жара и холод... И в этой двойственности и заключено единство. А существование пространства без времени с этой точки зрения вообще абсурдно. Ведь если существует ваше сердце, а само существование сердца равносильно его нормальному функционированию, иначе это будет уже не сердце, а просто кусок гниющего мяса – то сразу должна существовать и кровь, наполняющая и питающая его. И наоборот – если

есть кровь, которая, в свою очередь, является кровью только в случае выполнения ею своих прямых функций, возложенных на неё природой, иначе это будут просто растворенные в воде элементы – то должно быть и то, что эта кровь питает и чьё существование поддерживает – живое сердце и живая плоть. И сердце, в свою очередь, будет сокращаться и проталкивать через себя эту кровь, неся с ее потоком, возможно, саму жизнь. Ведь существование одного без другого нивелирует сам смысл этого существования, понимаете? Сердце становится куском мяса, а кровь в нем – сырьем для кровяной колбасы, не более. Теряется смысл, а следовательно, теряется и необходимость в самом процессе.

– В процессе?

– Жизнь – это процесс, наполненный смыслом. Иначе это нельзя назвать жизнью.

– Я понимаю. Точнее, мне кажется, что я вот-вот пойму всё до конца...

Артак молча кивнул, не комментируя, но соглашаясь.

– Подумайте сами – если существуют расстояния, то должно быть и время, чтобы их можно было покрыть неспешным шагом. А если существует время, то должно быть и что-то, что могло бы в этом времени изменяться, ведь так? И пространство и время – едины в самой сути своего существования – они едины своим общим смыслом – как кровь и сердце, как воздух и легкие, как кожа и тело. Пространство и время – как холод и жара – противоположные по своей су-

ти, но находящиеся на единой температурной шкале сущности. Они служат одной общей цели – поддерживают существование того, что вы называете миром. И если уж вам так необходимо определить первоисточник, просто вспомните о том что всё – едино. Как два полюса магнита, заключенного в одном бруске, – Артак засмеялся, но резко оборвал свой смех и добавил:

– Даже в вашей, горячо любимой математике, числа делятся на четные и нечетные, на положительные и отрицательные, а числовые ряды могут сходиться и расходиться. Такова философия данного мира – и её изюминка – двойственность. Не стоит пытаться определить что было первым, – дракон глубоко вздохнул, словно эта особенность человечества – пытаться познать первичное, исходное, основное, его очень сильно огорчала, – мир существует не только как вдох, но и как выдох, он простирается не только направо, но и налево. И вдох и выдох – цельное действие, называемое дыханием, и справа и слева, как и сверху и снизу – цельное пространство, которое соединяет в своей линии только вымышленный горизонт. Вселенная равнозначна и сверху и снизу, она совершенно одинакова как впереди от вас, так и позади, – дракон ласково прикоснулся к моему лицу, – теперь вы понимаете?

Я упорно молчал, но в моей голове происходили странные вещи. Мысли, лихорадочно сменяли одна другую, и в боль-

шинстве своем они были противоречивы, каждая следующая мысль с легкостью могла опровергать, да и не только могла, но и с радостью это делала – она отрицала, топтала предыдущую.

Но что было действительно странно – каждая из этих мыслей, если бы она была высказана отдельно от потока, если бы потеряла свою противоречивость со своей предыдущей или следующей за ней соседкой – была бы абсолютно верна и несокрушима, несмотря на то, что они – мысли, часто находились в абсолютном противоречии друг с другом.

И именно поэтому всё, что бы ни пришло в человеческую голову – в глобальном масштабе – в масштабе Вселенной, было верным и правильным, и сама эта двойственность природы была и не двойственностью вовсе, а всего лишь изюминкой восприятия её человеческим мозгом. Не человеком даже, а его мозгом, ибо человек в состоянии познать и высшие материи. Правда, органы восприятия для этого придётся отрастить новые.

Отрастить ли? Возможно, просто заметить их и начать пользоваться? И одно осознание изюминки природной двойственности подтверждало, казалось бы, парадоксальную идею – всё что существует – существует по своему праву, в своём праве и благодаря этому праву.

И всё что существует – верно и правильно.

Потому что сама природа разбросала все свои возможности и вероятности, заключила их между двумя, отрицающими-

ми друг друга противоречиями, оставила их между небом и землей, совершив этим своим действием, казалось бы, невозможное – природа сделала возможным и верным абсолютно всё существующее. И что бы вам ни пришло в голову – знайте – это верно. Что бы вы не решили сделать, помните – это правильно.

Артак смотрел на меня с улыбкой. Конечно, он не мог не знать, не мог не попробовать, не прочувствовать, он не мог не вкусить ту кашу, которая варилась в моём мозгу. Не мог мой любимый дракон не участвовать в самом процессе готовки, ибо сам Артак и был одновременно, единолично – и кашей и поваром.

Он был един в своей собственной двойственности.

Он помешивал мои мысли большой ложкой действительности, он и был этими самими мыслями; дракон испытывал мои логические и часто несмешиваемые противоречия, находящиеся, если говорить языком математики – от минус бесконечности до неё же, но в плюсе; Артак был горизонтом, охватывающим и соединяющим всё сущее слева направо и снизу вверх.

Он был разделён и он был тем, кто разделяет, но он был цельный.

Цельный как ненадкусанное яблоко.

Цельный, как взгляд, способный одновременно охватить весь мир...

Какая же скорость должна быть у этого взгляда? Конечно ли она? Измерима ли?

Самим своим существованием Артак каждый раз демонстрировал одно и то же – всё противоположное по своей глубинной, видной только внутреннему зрению сути на самом деле является абсолютно одинаковым.

И чем дальше противоположности находятся друг от друга по воображаемой линии горизонта – тем более они схожи; схожи, как два надетых на человека сапога, шагающего из начала мира в его конец; и шаг такого человека длиной в весь мир, а отличие надетых на разные ноги сапог, разнесенных в противоположные части Вселенной – всего лишь зеркальное, отражающее.

Это утверждение верно как для привычного человеку физического мира – ведь зеркало точно копирует то, что ему покажет свет, так и для непривычного ему, но не менее реального – мира мыслей, мира поступков и действий.

И отрицание – всего лишь зеркальный отблеск признания, а согласие – это блестящее отражение противоречия.

Вероятность, через один только шаг нашего огромного, мифического человека становится абсолютной достоверностью; рафинированная и показушная человечность кого бы то ни было всегда отражает и утаивает в себе голую и неприимую жестокость; безразличие и равнодушие под левым сапогом сменяется искренней заинтересованностью под пра-

ВЫМ.

И разница всего лишь в один шаг, разница в один вдох, в одно мгновение.

Так может разницы-то никакой и нет?

Ведь невозможно измерить мгновение, как невозможно не вдохнуть, когда пришло нужное время – время вдоха.

И весь мир, а точнее – все миры, все существующие Вселенные, можно легко описать самым простым, и в простоте своей – сияющим великолепием и захватывающим дух, будоражащим сознание, но всё таки самым обыкновенным математическим графиком самой что ни на есть заурядной параболы – $y=x^2$ – линии, соединяющей в единственно возможной точке реального существования – точке с координатами ноль-ноль – два своих зеркальных, полностью копирующих друг друга птичьих вскинутых крыла.

И точка эта – ноль-ноль – точка, объединяющая эти распахнутые в бесконечность графические крылья в единое тело.

И в этой точке, в точке ноль, уравнивающей две существующих бесконечности – из минуса в плюс; в этой точке, являющейся полным и цельным воплощением всего мира и каждого его жителя – в этой точке истина, только в ней настоящая жизнь.

И в сумме своей, что сама Вселенная, что её обитатели, всегда равны нулю – цифре, которая при всей своей математической несостоятельности всё же не является пустотой,

ибо с легкостью превращает числовые единицы в десятки и даже в сотни и в тысячи...

Вселенная всегда соединена в настоящем моменте – в волшебной точке ноль – точке равновесия всего со всем – как правого с левым, так и верхнего с нижним; в точке ноль – в точке где встречаются вдох с выдохом, а действие с бездействием; в точке, которая есть воплощение самой жизни – её концепции, её смысла, её конечной и заключительной трактовки. В точке, где внутреннее выворачивается и меняет свою суть на прямо противоположную, где самое глубинное, спрятанное, превращается в изуродовано выпяченное внешнее, как впрочем и наоборот; в точке, где внешний мир перетекает во внутренний, и скользят они – два одинаковых мира, две одинаковых, зеркально отраженных друг от друга Вселенных, скользят друг в друга и друг из друга.

И происходит это каждое мгновение и длится это мгновение всё отведенное человеку природой время.

И само время, в конце всех концов, становится равным тому же нулю – абсолютной и совершенной, ничего не выражающей, но очень мощной цифре, но происходит это только тогда, когда время начала сливается с временем конца. Когда оно сливается в единую вечную суть, сердце которой лежит в этой замечательной, волшебной, сказочной и неповторимой цифре, в цифре-воплощении, в цифре-равновесии, в цифре-совершенстве. В цифре ноль, таящей внутри себя и

одновременно открыто несущей снаружи единственный великий закон – закон мирового равновесия, закон иллюзорности кажущихся различий и закон единства всего со всем.

Закон единства и цельности даже нуля с бесконечностью. Нет, не даже. Именно. Именно нуля и бесконечности...

И о чем бы не говорили люди – всё они говорят об одном и том же, ибо природа мира такова, что говорить о разном не только не получается, но и невозможно в принципе, и обсуждение приятия с неприятием или отстаивание какой-то одной, определенной точки зрения бессмысленно и абсурдно, а где-то даже и анекдотично.

Приятие и неприятие – едины, и пересекаются они в точке коромысла, и непрерывно соединены этим же коромыслом, и составляют и с ним и друг с другом одну сущность.

Баланс и пропорцию. Эквilibр. Нулевое сальдо.

Точку, где всё сошлось в едином и нерушимом, в понятном каждому узоре...

Люди хотят мира, но стремятся к войне, люди хотят света, но прозябают в неведении – они делают это осознанно и желанно, они ставят это за цель, за маяк. Они проповедуют свет, который он излучает, но ленятся подняться даже на одну ступеньку к огню, испускаемому с высоты этого маяка.

Люди проповедуют добро, но так ли уж нужно было бы оно, если бы они не совершали зла?

Человеческий мозг разделен в своем восприятии, и разделен он именно своим восприятием, и достаточно часто, если не всегда – стремясь к одному, человек, удивляясь, получает прямо противоположное другое.

И не понимает человек, что полученное им другое и есть то самое, есть то единственное «одно», к чему он всю жизнь и всеми силами стремился. То «одно», что выражает его самую потаенную суть, что выражает самые скрытые, может быть скрытые и от него самого, но тем не менее – его собственные, его истинные желания.

Природа не умеет лгать, она не имеет искажающих реальность глаз, она лишь слепо копирует и воспроизводит, она искусно отражает ваши самые тайные помыслы и идеи. А вот они-то и противоречат друг другу, они отрицают друг друга, и происходит это всегда, если только сам человек не нашел в себе силы объединить всё своё внутреннее в одно целое и неделимое нечто, которое и есть его «Я» – если только он не решил стать горизонтом, объединяющим небо и землю и связывающим право и лево.

Если только, уже в зрелом возрасте, человек не смог стать именно Человеком, не смог стать волной, которая накрывает все возможные вероятности его темной, невидимой, незримой и неизведанной судьбы, волной, накатывающей на эти вероятности одновременно и сразу, волной, омывающей его бесконечный песчаный берег возможностей и воплощений, волной, омывающей берег всего того, что могло случиться,

что случилось и что обязательно случится в будущем.

Тогда, когда оно – будущее, станет настоящим. Станет реальным и действительным. Тогда оно станет живым.

И если даже такой человек найдётся – Человек, собранный воедино, если он уже нашел своё «Я», определил его, совместил, сплюсовал в себе все противоположности, если он смог осознать его, смог понять и принять, то и тогда такому человеку предстоит сделать ещё самое сложное что только может быть в жизни – ему предстоит совершить кажущийся на первый взгляд бессмысленным и жестоким, но Поступок – ему предстоит разрушить своё «Я» – разрушить до основания, уничтожить его раз и навсегда, покончить с ним, ибо и это «Я» – тоже всего лишь одна из вех на его пути, и осознать её необходимо было именно для этой единственной и великой цели – для его полного и тотального разрушения.

Ибо осознание своего истинного «Я» – венец творения для природы человеческой, а разрушение его – начало природы божественной. Разрушение того, что было собрано из осколков с такой необъятной любовью и есть начало превращения человека в бога – в самом лучшем понимании этого слова.

И бог этот будет не мифичен, не религиозен, он не будет ни добрым отцом, посылающим награду, не будет он также и строгим родителем, карающим за непослушание.

Этот бог этот будет самым что ни на есть реальным богом – он будет и наградой и карой, он будет единой субстанцией,

охватывающей все мироздание, он будет той великой душой, которая вмещает в себя все возможные награды и наказания, все возможные противоположности, все существующие различия – все тона, весь свет, весь мир.

И душа его будет великой, ведь великодушие – это качество исключительно Богов...

13

Артак подождал пока шквал мыслей в моей голове немного уляжется, но даже когда мозговая волна, переходящая в шторм, спала, даже когда ветер от моих крыльев-мыслей немного утих, когда этот мысленный тайфун подошел к своему логическому завершению и стал напоминать скорее лёгкий, весенний ветерок – дракон продолжал молчать.

Видимо, он предоставлял мне ещё одну возможность обдумать всё сказанное и несказанное, всё понятое и не очень, всё материальное и духовное, даже всё то, что человеческий мозг ошибочно считает нереальным, впрочем, как и всё остальное – действительно нереальное – материальное.

Молчал и я, не торопясь разбирая внутри своей головы завалы классического знания, которое питало собой эволюцию всего человечества, иногда органично дополняя уже существующие постулаты любви и милосердия, иногда вопреки им, а иногда, и вопреки всему существующему здравому смыслу. Мы молчали, погруженные каждый в себя, я –

в свои мысли, а они – он – в меня; молчали, погруженные друг в друга, молчали, намертво сцепившись в мысленном пространстве и в иллюзорном времени, молчали, пока это молчание не стало тягостным и неприемлемым для обоих.

Молчали, пока молчалось.

Дракон нарушил беззвучный паритет первым:

– Ваш мир, вся ваша Вселенная подобна дню и ночи, и если с одной её стороны приходит день с его светом, то с другой – наступает ночь и покрывает мир тьмой. И знаешь, – дракон усмехнулся, – ночью так легко заметен свет и светлые люди! Ночью отличить свет от тьмы много легче чем днём, – Артак многозначительно усмехнулся, словно точно знал то, о чём говорит, – это закон человеческой жизни. В тёмные времена светлые люди так легко различимы на фоне общей и беспросветной тьмы. Этим людям негде спрятаться. Их внутренний свет всегда укажет на то место, где они находятся.

– А так уж необходимо прятаться? Ведь ничего плохого они не сделали...

– Да, но в тёмное время суток сам свет считается злом, – Артак тяжело вздохнул.

– Я понимаю...

– Если отвлечься от восприятия человеческих глаз, если приблизиться к восприятию души человеческой – тогда и день и ночь распространяют столь похожее, столь неразличимо разное сияние, что путаница вполне может происходить.

Да она, собственно, и происходит. Всё, что может произойти – обязательно происходит. Вероятность определяется возможностью. И если эта возможность сливается с причиной чего бы то ни было – всё что может случиться – случается! Вот и с временем и пространством почти тоже самое, – Артак повел плечами, словно сбросив невидимый груз, – время, при необходимости, может перетекать в материю, то есть в само пространство, в точности так же, как и день, в свой час, плавно сменяется ночью. Пространство, в свою очередь, кропотливо, без усталости и перерыва на обед, превращается в самое обыкновенное время, которое тут же расходуется на воплощение необходимых вероятностей. Но если есть нужные причины, если есть такая необходимость – время может остаться и самим собой – хоть и непонятной человеку субстанцией, но чистой, стерильной, незамутненной энергией. Ведь только благодаря ему, благодаря времени, это самое пространство и можно постичь. Или хотя бы приблизиться к его постижению. Иногда пространство само превращается во время – в энергию, которая позволяет человеку выжить в этом самом пространстве. И количество этой энергии, то есть количество отпущенного человеку времени строго регламентировано и предопределено. Предопределено причинами возникновения всего сущего.

– Как вы сказали?

– Я сказал что пространство, как заботливая мать, всегда готово отрезать от себя кусок и сотворить из него необходи-

мое количество времени, которое оно с радостью предоставит в ваше полное и безвозвратное распоряжение.

– Ого!

– А как вы думали! – дракон рассмеялся, – ночь всегда сменяется днём, а день неотвратно уступает место ночи. Так и с любой материей, находящейся в этом пространстве, которую человек в состоянии увидеть, так и с самим пространством, которое он увидеть не в состоянии, – Артак перестал смеяться, – так и со временем, которое он не может не только увидеть, но и ощутить. Подумайте сами, – Артак погладил меня по голове, – где-то внутри вас, где-то внутри каждого, внутри любого человека находится что-то неуловимое, что-то необъяснимое и вечное, находится что-то безвременное, и даже больше того – вневременное. И это что-то не в состоянии измениться в течение всей жизни человеческого тела, скажу более, оно не в состоянии измениться вообще – оно недвижимо, а раз недвижимо, то – мертво, если хотите. Но нет ничего живее этого чего-то и это неуловимое нечто каждый человек способен ощутить в себе самом.

– Каждый?

– Каждый без исключения. Спросите любого, – Артак вздохнул, но не тяжело, а скорее томительно и немного скорбь, словно жалея о нежелании людей проникнуть в смысл, насладиться причиной существования самого себя.

Вздохнул так что стало понятно что он и сам с нетерпением ждал этого проникновения или хотя бы стремления к

нему.

– И кого бы вы ни спросили – ответ будет один. В любом человеке, даже в человеке преклонных лет, всё также живет играющий ребенок, и никуда он не делся, да и деться он никуда не может – ибо некуда и негде спрятаться от самого себя. И будет этот ребёнок с любым из людей до самого их последнего часа. И состояние этого ребенка незыблемо и неизменно, в него невозможно проникнуть, его невозможно нарушить, и никак нельзя изменить. По крайней мере, нельзя нарушить оттуда, где, в своем большинстве, находятся люди. Оно, это вечное состояние, существует, а если быть точным, то только оно и существует в реальности. Только оно! Только оно действительно! Оно существует без всяких причин и следствий, оно существует без напоминаний. И, соответственно – только оно и может быть важным.

– Вы правы, – я просто согласился с драконом, не найдя в себе ни сил, ни желания, а главное – ни единого аргумента возразить.

И мой собственный, вечный и незыблемый человеческий детёныш, сидящий где-то в глубине моей сути, также как и я, с радостью кивнул уже своей головой, выражая, тем самым, свое полное согласие со мной внешним. Так оно и витало в пространстве – это невидимое согласие – моё с драконом, и моей сути со мной. И не было во всём мире ни лучше, ни честнее этого чувства.

– Всё связано со всем, всё состоит из всего, и я не уста-

ну повторять, что нет у этого правила исключений – нет даже самого маленького исключения. Конечно же, человек, находящийся только в самом начале пути, не всегда в состоянии рассмотреть эту связь. Но от этого она не перестает быть. Быть всегда. Быть постоянно. Быть вечно. И даже основа всех основ – Его Величество Энергия – само время – оно может храниться и ждать миллиарды человеческих лет, оно может ждать своего часа для того чтобы в единственно верный, в нужный, в необходимый момент превратиться в то, что вам требуется именно сейчас – то ли в дополнительный кусок пространства, то ли во что-нибудь ещё. Во всё что угодно ещё, – добавил Артак, – во что угодно. Во всё что угодно, на что вы захотите поменять единственную реальную для человека валюту – отмерянное вам время.

– Во что угодно? – я немного нахмурил брови.

– Во что угодно, – Артак кивнул, – время может превратиться во что угодно. И физически и энергетически.

– Это как?

– Физические изменения доступны глазу, – дракон подмигнул мне, – и вы, если оглянетесь вокруг, сможете заметить их самостоятельно – тут нет ничего сложного. Ну а если вам необходимы доказательства, то любой человеческий язык – как молчаливый и единственный правдивый свидетель – сможет это подтвердить.

– Язык? – я высунул свой изо рта и засмеялся, но так как смеяться с высунутым языком было не совсем удобно, то

спрятав его на свое место, я немного виновато замолчал.

– Язык, язык, – Артак немного насмешливо кивнул головой, – только язык – не как часть вашего тела, не как материальная, физическая субстанция, а язык – как речь, как молва, как сказания.

– Язык – как процесс, как зеркало эволюции человека, язык – как буквы, язык – как алфавит, из которого человечество на протяжении всей своей более-менее сознательной истории складывает все свои слова и предложения.

– Язык – как отражение всех нужд и желаний, всех чаяний и упований, всех размышлений и рассуждений.

– Язык – как единственный правдивый свидетель эволюции природного процесса под названием «человечество».

– Язык, который никто из ныне живущих правителей не в силах изменить или переписать с той же легкостью, как переписываются учебники по истории в угоду существующему строю.

– Язык – как реальное, до стеклянной скрипоты прямое и чистое зеркало.

– Язык, как единственная правдивая вещь в мире вещей, созданных людьми.

... Где-то в другом, не поддающемся контролю моего разума мире, а может быть и в мире, существующем только тогда, когда разум теряет свою мощь и ослабляет постоянный контроль; где-то там, где заключена вся правда обо мне са-

мом; где-то там, где не существует никаких вывесок и названий, скрывающих мою собственную, правдивую суть; там, где перед приходом гостей не убирают, ибо это бесполезно, и не скроет грязь, как закрытый шкаф может скрыть разбросанную одежду; там, где нет понятия «поверхностно», и возможно только «вглубь»; где-то там – так далеко и близко одновременно; там ...

Мешок с вниманием затрясло – его словно залихорадило, как это бывает при высокой температуре, но тут же отпустило, покинуло, оставило в неподвижности.

С негромким шелестом веревка, стягивающая этот мешок за горло и перекрывающая ему живительный кислород, даже не дождавшись своего светового луча ослабла и с легким шелестом соскочила вниз, упав на зеркальный, всё отражающий пол. Мешок глубоко вдохнул и раскрылся. Внимание, покинув свою тюрьму, сначала неспешно оглянулось по сторонам и лишь затем, сломя голову бросилось на поиски других мешков и заключенных, на поиски других тюрем и узников.

Один за одним, мешки с Восприятием, с Усвоением, с Пониманием, мешки с Догадками и Намерениями, с Воображением и Искусством раскрывались, освобождая своих арестантов. И ни один из освобожденных не мог – он не был в состоянии в силу своей бестелесности заслонить собой свет, струящийся с потолка, наоборот, все они усиливали это свечение, и словно прозрачные линзы направляли его к зеркаль-

ному полу, который в свою очередь, возвращал его вверх – в бесконечность.

Освобожденные действия, эти вольноотпущенные процессы, заполнив собой эту часть пространства и нагулявшись на воле, вовсе не собирались возвращаться в места своего заключения, наоборот, незаметно глазу, они ринулись к мешку с опытом и добавили в него самое себя, проникли внутрь, не завязывая за собой мешковину, дабы каждый желающий мог черпать из него столько, сколько был в состоянии унести.

А может и не унести вовсе, а сесть, устроившись поудобнее на зеркальном полу, скрестив ноги, и прочесть содержимое, неспешно перелистывая страницы, не отвлекаясь и ни на мгновение не забывая о том, что твое отражение, оттолкнувшись от зеркального пола, навсегда сохранит все твои поступки и деяния, усилит твои позы и отношения, сохранит и сделает доступным каждому всё то, что ты сам-то, возможно, и хотел бы скрыть.

И любое из этих отражений уходит из под твоего начальства, улетает вдаль, ибо властен над ним ты только в момент его образования, в тот единственный, в тот настоящий и неуловимый момент, который, начав свое существование ещё невесомым намерением, тут же становится опытом, а жить возможно в точности между ними – и нет для жизни ни другого времени, ни другого места...

– И как он может это подтвердить? Он – в смысле, язык?

– Да очень просто! – дракон подмигнул мне жёлтым глазом, – слова – эта неотъемлемая часть любого языка. Слова из которых складываются словосочетания и предложения точно так же, как здание строится из кирпичей, формируются в точном, зеркальном отражении протекающей мимо людей жизни, и более того – эти слова рождаются именно из людских потребностей и причин их существования. Испокон веков слова складывались из неопределенных, доисторических, однобуквенных восклицаний и вскриков пока ещё не разумного, но уже на пути к разуму, человека; слова, которые со временем становились всё сложнее и выразительнее, становились влиятельнее, нужнее; слова, которые как ничто другое, правдиво и ясно выражали и продолжают выражают тот уклад человеческой жизни, те события, те мысли и желания, те чаяния, надежды и мечты, которые не подвластны контролю времени и пространства.

Дракон замолчал на мгновение.

– Слова несли и всегда несут в себе свет неискаженной истины. Истины, пусть не абсолютной, где все миры переплетены и связаны своими точками и местами – но истины относительной, истины субъективной, и, тем не менее, истины верной и правдивой.

Артак усмехнулся и бросил один из своих хитрых взглядов прямо мне в глаза.

– Более того, в любом существующем языке есть устоявшиеся словосочетания, произнося которые, человек почти

не замечает их скрытого смысла! Смысла, который, как правило, лежит на самой поверхности! «Дать по шапке», «водить за нос», «как курица лапой»... Ведь каждое такое сочетание слов было образовано абсолютно логично и в полном соответствии с какими-то надобностями человечества, с какими-то людскими понятиями, возможно даже – с идеями и представлениями. Смысл каждого слова в таких словосочетаниях может не совпадать с общим смыслом самого словосочетания. Что такое «водить» каждому ясно, и что такое «за нос» – тоже не секрет, но эти слова, стоящие рядом могут обозначать что-то третье, не связанное с «водить» и «нос», и в данном случае это – обманывать, – дракон прокашлялся, – вот ещё одно из таких словосочетаний – «тратить время», – Артак опять запнулся, но всего лишь на одно мгновение, – «тратить время», – повторил он, – вроде ничего непонятного и слова правильные и складываются верно и сохраняют свой собственный смысл, но фишка в том, – дракон довольно ухмыльнулся, – что «тратить время» и «не тратить время» – это одно и то же, ведь сам человек не в силах, не в состоянии прекратить тратить время, понимаете? Время тратит само себя в любом случае, а человек лишь присутствует при этом и нет у него выбора там, где соединяются два простых слова – «тратить» и «время». Время справляется со своими тратами само, без посторонней помощи!

– Но почему оно тратится само собой?

– Оно же идёт! – Артак даже вскрикнул, – идёт, понима-

ете? А для того чтобы идти необходима энергия. Времени негде её взять, кроме как черпать из самого себя или из окружающего пространства. Вот оно и тратится автоматически, и когда люди советуют друг другу не тратить время зря или потратить его на что-то конкретное – этот совет не стоит и ломанного гроша, ибо время само собой, совершенно неподконтрольно человеку, тратится каждое мгновение. И зря или не зря – становится совсем неважно.

– Ого! – я присвистнул, – а ведь и правда!

– Но один выбор у человека всё-таки есть, – было видно что дракону понравилась моя реакция, – когда дело касается траты времени, конечно.

– Какой же?

– Терять время или не терять, – Артак замолчал на мгновение, – тратиться оно будет совершенно без участия вашей свободной воли, и заметьте – тратиться оно будет беспрерывно, безостановочно, даже тогда когда вы спите или задержали дыхание – время всё равно растрачивается, проходит – оно постепенно кончается. И происходит это независимо от вашего желания, независимо от вашего стремления или от ваших действий. А вот теряется оно впустую при этом или нет – целиком и полностью зависит только от вас – от вас, как от человека со свободной волей! И только ваш личный выбор – потерять потраченное время или нет – определяет его судьбу – быть потерянным или быть полезным. Ведь само время – как энергия, дающая человеку возможность про-

живать свою жизнь именно в таком виде – в человеческом обличье, и проживать её из начала в конец – от рождения тела к его смерти; само время, очищенное и отфильтрованное, оно годится для обмена на всё что вы хотите, на всё о чем грезите, на всё, что способны себе вообразить и представить, и даже на чуточку больше этого. Время – универсальный обменный фонд, к которому имеет доступ только человек!

– Только человек? А животные? Деревья? Планеты и их спутники? Звёзды, галактики, Вселенные?

– Животные никогда не теряют времени, ибо не владеют основным что позволяет его терять, – Артак прищурился и жёлтый тёплый свет заструился из его глаз лёгкими невесомыми линиями, соединившими нас на одно мгновение.

– Что же это? – я вскинул брови от недоумения, – что позволяет человеку терять время?

– Знание, – тихонько прошептал дракон, – знание, которым обладает только один биологический вид на планете Земля.

– Знание? – мои брови продолжали выражать крайнее недоумение, уже смешанное с недоверием, – но какое?

– Именно знание, – повторил Артак, – знание о том, что время можно потерять. Именно это отличие человека от животного – осознание времени как такового – именно оно делает человека очень уязвимым и одновременно безгранично великим. Животные, не обладая этим знанием не в состоянии предсказать или предугадать возможное развитие собы-

тий. Животные, даже осознавая голод, который яркой путеводной звездой освещает им охотничьи тропы, – Артак запылулся на мгновение, – так вот, животные, даже осознавая голод, не в состоянии понять что будет, если вдруг охота не удастся. Они не мыслят временными категориями – завтра или вчера. Их мозг не в состоянии сгенерировать мысль – вот завтра я умру, если сегодня не поем. Более того, они даже не в состоянии познать смерть, ибо не ведают о её существовании. И вперед их гонит только их собственный инстинктивный, реликтовый мозг, и процессы, происходящие в нём. Животные начисто лишены разочарований и депрессий. Животные и деревья не знают что такое «не получается». И если их охота в какой-то из дней не удалась – не ждите от них истерики, а ждите методичного продолжения поиска пищи. Ни один из существующих биологических видов на планете, кроме человека, конечно, не сможет сесть вечером у камина и вспомнить – как же хорошо я вчера поел, как было вкусно и питательно. Все животные живут только здесь и только сейчас, и нет для них ни другого места, ни другого времени. Понимаете?

Я молча кивнул, соглашаясь, но не перебивая Артака. А он продолжал:

– И, соответственно – ни животные, ни растения не в состоянии познать страдание или истинно человеческое наслаждение. Их чувства завязаны вместе с инстинктами, и управлять своими чувствами и следующими за ними действиями

они не в состоянии. Их гонит генетическая память и генетический, общий для всего вида, мозг. Если, конечно, так можно выразиться. Этот мозг точно знает что может произойти в том случае, если охота не увенчается успехом, этот общий, один на весь вид, на всю планету мозг знает – он регулирует и указывает.

Артак прищурился.

– Животные – всего лишь спокойные, лишённые человеческих эмоций Будды. Животные – созерцатели. Они созерцают – они участвуют, как неотъемлемая часть целого, и при этом целое становится ими, то есть, целое становится своей частью. Осознавать происходящее в таком случае совсем не обязательно. Они все и являются этим происходящим и проходящим. И это как раз есть то, к чему неосознанно, но очень мощно стремится человек – слиться с природой воедино, стать с ней одним целым, познать общность и единство целого. И именно это стремление познавать – стремление человека, обладающего интеллектом, позволяющим ему понять и исследовать как природу пространства в котором он живёт, так и природу времени, к которому он приколот, как к чистому листу бумаги – это стремление понимать движет человечеством стратегически, общно, цельно. Стремление вернуться к своим истокам, но вернуться, обладая уже определенным знанием – именно это стремление человека делает его сверхчеловеком, делает его мудрецом, делает его святым, превращает его в Будду. Человек есть прежде всего

мост над бездной – мост от животного к божественному – и эта архитектурная постройка – самое прекрасное что может быть в нём – в человеке! Человек – мост, а не цель. Человек – переходный этап, ступенька. Человек – проба пера природы, а человеческое тело – это природный тест, проверка на развитость, проверка на человечность. Природа как бы задаёт себе вопрос – а сможет ли достаточно развитый для вмешательства в тихую и сбалансированную природную суть биологический вид справиться с вожделением, справиться со своими, ничем не подкрепленными, подчас дикими желаниями, и оставить дары природы, оставить мир в первозданной чистоте и в абсолютном равновесии? Сможет ли человек, которому дана свобода воли и которому природа уже открыла некоторые знания, сможет ли он принять своё собственное, осознанное решение быть именно человеком? Ведь осознанное решение – это когда уже есть выбор. И когда, находясь в выборе, выбираешь осознанно. Если выбора нет, то решение, скорее, инстинктивно, как у животных. За них всё решает сама природа и именно поэтому любое животное в тысячу раз святее и неприкосновеннее человека. И только человек, сделавший правильный выбор – выбор в сторону человечности, добра и правды – становится над человеком и над человечеством, становится сверх всего существующего.

– И что тогда?

– Тогда? – Артак сначала усмехнулся, но спустя одно лишь мгновение засмеялся громко и заливисто, – тогда тест

пройден, и когда экзамен сдан – природа с радостью поделится с ним знанием, но знанием уже высшего для обычного человека порядка – знанием, позволяющим ему с лёгкостью рождать и уничтожать целые миры, знанием, если не абсолютным, то очень близким к нему. Но для всего этого природа должна быть уверена в том, что сам человек, имея свободный выбор когда и как поступить, будет в состоянии принять правильное решение, и что решение это всегда будет защищать правду, то есть, защищать саму природу, что это решение всегда будет на стороне мира, добра и процветания всего живого, что оно будет на стороне даже того, что человек, из-за своего скудоумия считает мёртвым.

– Знания даются только вместе с выбором?

– Знания – это и есть выбор. Более того, знания – всегда выбор. Не имеющий выбора просто не обладает знанием.

– На стороне мира и добра, – задумчиво проговорил я...

– Нет, – внезапно произнёс Артак, – даже не так... Человек должен возвыситься даже над понятиями добра и зла. И только оттуда, сверху, он сможет разглядеть их единую суть. Вот кто такой сверхчеловек!

Я тихонько вскрикнул, словно пораженный ударом молнии, которая только что ударила внутри моей головы и своим светом озарила скрытый, спрятанный ранее смысл.

– Аааааа, – дракон, для которого мой вскрик не прошел незамеченным, погладил меня по голове, – вы поняли!

– Да, – только и смог выдать из себя я, – да, я понял.

– Ну и отлично. Уверяю вас, что мы ещё не один раз столкнемся с этой темой. А сейчас вернемся к языку. «Тратить время», – как бы про себя, задумчиво проговорил дракон, – это хорошая фраза. Она многое определяет в человеческой психологии, – Артак продолжал смотреть на меня выжидающе, словно ждал каких-то слов, – то есть, в психологии того биологического вида, который ввел эту фразу в обиход. Заметьте, это выражение есть практически в каждом языке и именно это позволяет мне утверждать что фраза «тратить время» принадлежит всему человечеству, а не какому-то одному его представителю или народу.

– Это замечательное выражение, – я решил подыграть Артаку, хотя не совсем понимал зачем я это делаю, – оно как бы возвеличивает человека в своем собственном представлении, делает его могущественнее того, кем он есть на самом деле. Эта фраза предоставляет ему право, пусть даже только в его языке, но право обладать, именно обладать тем, чем он, в сущности не обладает и обладать не может. Контролировать то, что он контролировать не в состоянии. Распоряжаться тем, что мудрая природа пожелала оставить скрытым. Ведь «тратить» можно только то, чем владеешь, – я изобразил на лице подобие уже отвеченного вопроса, – и человек, осознанно или нет, но взял и поставил в своём языке время в пассивную роль, словно он может потратить его столько, сколько захочет, словно он может достать его из кошелька,

как денежную купюру, и независимо от её номинала – сто, двести, тысяча или миллион лет – швырнуть на общий стол пространства и времени.

– Вот именно! – Артак ждал именно этих слов, – вот именно! Человечество, в своих языках обращается со временем как с деньгами, как с подчиненной или придуманной им самим энергией, как с чем-то таким над чем он имеет власть, и что, по своему желанию, он может вынуть из кармана и просто выкинуть, ну, или отдать кому-нибудь. Человек возомнил что он может спрятать и хранить столько времени, сколько он сам пожелает, ибо если человек дал себе это право – право тратить время по собственной воле, пусть даже только в своем языке, то уж не тратить его он тоже должен быть в состоянии.

– А на самом деле?

– На самом деле? – драконий смех эхом прокатился по подъезду, – на самом деле человек сам состоит из времени и, действительно, тратит его каждое мгновение, тратит обязательно, тратит безысходно и безостановочно, тратит КО-НЕЧНО! Язык не умеет врать. – Артак усмехнулся и замолчал, словно раздумывая говорить дальше или нет, – человеческий язык – безукоризненный, идеальный, добросовестный, объективный и справедливый очевидец. Возможно, единственный очевидец, способный поведать людям правдивую историю. Очевидец – мечта! И если язык утверждает что человек может тратить время – то именно так оно и есть, да-

же не сомневайтесь!

– А потом? – мои мысли крутились вокруг глагола «тратить», – а потом, что будет потом?

– Потом? – дракон усмехнулся, – потом – всё! Время вышло! Растрчено! И человеческое тело, потеряв этот единственный реальный источник энергии умирает.

– Но можно его как-то поймать?

– Можно. Как и любую энергию. Можно и поймать, можно и сохранить, – дракон смотрел на меня внимательно, – причем хранить время можно, простите за каламбур, сколько угодно времени. Время, как бы это странно ни звучало, не портится со временем!

– Но как?

– Достаточно просто, – он ещё раз погладил меня по голове, – даже очень просто, но и безмерно тяжело. Пока с этой задачей справлялись только чёрные дыры и огромные, массой с миллионы солнц, звёзды.

– А человек сможет?

– Сможет, – Артак кивнул, – а точнее – уже может. Но не каждый.

– Но как? – я повторил свой вопрос пронзительнее, на тон выше.

– Для того чтобы научиться хранить время, человеку, а точнее – человечеству необходимо просто немного изменить свой путь, нужно немного отклониться от выбранной дороги.

– ???

– Познать энергию, из которой ты состоишь, можно лишь познав самого себя. Лишь познав то, из чего ты сделан. Лишь познав то, что даёт жизнь твоему телу. И для этого совсем нет необходимости куда-то идти и что-то делать. Всё и всегда находится у человека под рукой и это всё – он сам.

– То есть, как это?

– Очень просто. Для того, чтобы получить ответы на любые интересующие вас вопросы необходимо обратиться внутрь себя, внутрь того, кто эти вопросы задаёт, – дракон показал на меня прочным и острым, немного искривленным внутрь когтем, – ведь вопросы могут существовать только рядом с ответами, и если уж, по каким-то причинам, что-то необъяснимое и непонятое всплыло в вашей голове, то можете быть уверены, ответ точно так же всплывет сам, он проявится в своё время, он откроется вам в точности в том же самом месте, где родился тревожащий вас вопрос, – он похлопал меня по затылку, – в точно том же самом месте, и нет других мест для этого во всей Вселенной – нет, да и не может быть.

Я лишь задумчиво и созерцательно отдавался на волю той энергии, которая несла меня сквозь мою жизнь, несла сквозь моё время, несла точно так же, как река несет свои воды от устья и до самого своего последнего истока. Несёт, продолжая быть цельной и полноводной в каждой своей точке,

несёт, продолжая сохранять свою суть независимо от места своего пребывания – при рождении ли, в детстве ли, в юности или в середине пути; и даже в самом конце – уже умирая и истекая, уже потихоньку превращаясь в море, эта непостижимая людям река умудряется сбересть себя самое в каждой временной точке своего пребывания. Она вытекает из своего устья, каждое мгновение начинаясь снова и снова; она – капля за каплей, рождает новые воды, которые продолжают её дело, которые продолжают называться рекой.

Продолжают называться рекой даже тогда, когда та старая река, собственно, уже утекла, уступив своё русло новым каплям и новым течениям.

Река, всем своим видом, всеми своими действиями, всей своей жизнью и даже своей смертью, всей своей сутью демонстрирует людям независимость от времени, ведь существует она одновременно и в своем рождении и при своей жизни, она присутствует даже в своей смерти, которая мгновенна, но длится вечно – ибо смерть её – не что иное, как изливание, выплескивание в синее, глубокое море – в море, способное превратиться и в океан, и в планету, и в целый, бескрайний мир, в целую Вселенную...

- Каждая река станет морем?
- Каждая.
- Когда?
- Рано или поздно.

– И что тогда будет?

– Всё. Море объемно. Море огромно. Море нескончаемо.

– И человек станет морем?

– И человек.

– А куда денется ил? Куда денется грязь, которую несёт с собой река?

– Растворится и осядет. Ведь море может растворить всё что угодно и сколько угодно всего. Море безмерно. Море колоссально. Оно гораздо больше чем река. И нигде в мире, да и во всех мирах нет столько грязи и ила, нет столько горя и лжи, сколько море не смогло бы растворить.

– И человек – это море?

– Да. То исполинское море, что плещется внутри каждого человеческого тела.

– Неограниченное море может плескаться внутри ограниченного тела?

– Да. Если его границы добровольны.

– Как это?

– Безбрежное море добровольно ограничило себя контурами человеческого тела. Оно ждёт. Оно выжидает.

– Чего оно ждет?

– Твоего пробуждения. Оно ждёт когда человек откроет глаза и разрушит эти границы. Море иногда даже плачет в ожидании.

– Поэтому оно солёное?

– Да. Но это не его слёзы, а человеческие. Эта соль уже

не может обжечь. Она не вредит, но лечит. Она выполнила свою роль в человеке, когда тот был рекой и мог плакать.

– А море? Море не плачет?

– Море не плачет. Море колышется. Море впитывает. Море растворяет.

– Но она – соль – она есть?

– Конечно. Она есть. И без неё море перестало бы быть морем.

– Чем бы оно было? Озером?

– Возможно.

– Разница только в размере и в солёности?

– Нет. Озеро никогда не сможет стать океаном. А море – сможет. И обязательно станет. Более того – море уже есть часть океана, как и река – всегда часть моря. Значит и человек – часть океана, огромного как сама планета.

– А что есть планета?

– Часть мира.

– А мир?

– Мир – это тоже человек. Некоторые люди способны вместить в себя не только моря, но и Солнце и звезды...

– Но человек – это же река?

– Один человек – река, другой – море, третий – океан. Кто-то – планета. Кто-то – Вселенная. Человек – не капля в море. Человек – океан в капле. Но всё же это не люди...

– А что это?

– Дороги. Пути. Мосты. Провалы. Пещеры и скалы. Вер-

шины, царапающие небо.

– Провалы окружены горами?

– Да.

– И горы – это?..

– Знания.

– Как это?

– Чем они дальше друг от друга, чем большую площадь покрывают – тем обширнее путь.

– А если горы неприступны? Если они настолько высоки, что не забраться?

– Человек ломает ноги не о сами горы – слишком крупны они для ног человеческих – человек ломает ноги о кочки на тропинках его пути.

– И любая тропинка ведёт вверх?

– Да. Ведёт в горы. Иногда вниз. В самую глубину. Это неважно. Важно идти.

– Объясни.

– Человек-река течёт только вперед, человек-море – колышется вперед-назад и вправо-влево. А человек-океан способен нырнуть в самую глубину.

– А человек-гора?

– Океан способен покрыть любую гору.

– Человек-океан ныряет вглубь, а выныривает на вершине?

– Можно и так сказать...

– Но сам океан тогда...

– Ступенька, но не человек.

– А планеты, галактики?

– Этапы.

– Вселенная?

– Наполнение.

– Но что же тогда человек? Кто он?

– Человек – это сосуд, и стены его ограничены лишь его воображением.

– Но они есть?

– Стены?

– Да.

– Есть. Если его воображение ограничено.

– И нет, если оно безгранично?

– Да.

– Сосуд без границ и без стен?

– Да.

– Но тогда он больше самой Вселенной?

– Много больше.

– Он бесконечен?

– Да.

– А с чего всё начинается?

– С неведения.

– А чем заканчивается?

– Ничем.

– Ничем?

– Да.

– Но что это?

– Всё.

– Так Ничто и Всё одинаково?

– Абсолютно одинаково.

– А люди?

– Люди одинаковы относительно.

– Где я могу начать?

– В любой точке своего пути.

– Прямо здесь?

– Да. В этой единственно доступной тебе точке пространства-времени – здесь и сейчас...

Что-то сдвинулось, переместилось в моей голове и в образовавшийся просвет я увидел огромный и пыльный мешок с Неведением – мешок вмещавший в себя всё моё будущее – все реки, моря и океаны, все звезды и планеты, все галактики и Вселенные, всё-всё-всё, ибо неведение – это всегда начало.

– Начало.

– Да.

– Есть выбор?

– Нет.

– Но почему?

– Выбор дает знание.

– А здесь?

– Здесь лишь неведение. Поэтому выбора нет.

– Но он есть?

– Да.

– Где?

– Внутри этого мешка.

– В середине неведения?

– Да.

– И когда появится выбор?

– Когда ты овладеешь знанием.

– И когда он исчезнет?

– В тот же самый момент.

– В чем разница?

– Сейчас нет выбора, ибо ты его не видишь за густой пеленой неведения, погрузившись же в него с головой, достигнув его глубин, познав неведение, тем самым, ты уничтожишь его, найдешь знание и тогда получишь выбор, ибо ничто тебе более не будет мешать видеть ясно и далеко. Получишь выбор, но лишь для того чтобы тут же его потерять.

– Тут же?

– В тот же миг.

– Но почему?

– Потому что для обладателя знаний – остается видна только одна дорога. Единственная дорога правды.

– Но остальные пути тоже остаются?

– Да, но они становятся непроходимы, как густая чаща.

– Значит сейчас выбора нет и потом его не будет?

– Да. Сейчас нет выбора – течь или не течь – как у реки.

Потом не будет выбора – быть или не быть, как у Вселенной.

– Это разное отсутствие выбора.

– Да.

– Человек-река не может не течь, а Человек-Вселенная?

– Может и не течь, но он содержит в себе множество течений. Человек-Вселенная не может не быть.

– Значит выбор есть?

– Нет. Но у каждого нет именно своего выбора.

– Я понял.

– Я знаю.

И именно этим своим перетеканием из формы в форму – из одного стабильного состояния в другое – время и формирует все эти пресловутые и доступные человеку внешние проявления – такие как температура, давление, плотность, гибкость, вязкость, текучесть и так далее, – Артак на мгновение задумался, – но формирует их только как побочные эффекты своего превращения. Ведь сами по себе эти процессы или характеристики не являются первичными, и достаточно глупо пытаться понять суть чего бы то ни было, опираясь лишь на вторичную, уже чем-то обусловленную сущность.

– Вы можете привести пример?

– Конечно, – дракон кивнул, – ветер, перемещающий облака и стабилизирующий общее планетарное давление даже образуя ураган, может одновременно трепать ваши волосы, как...

– Пойдите, – я жестом остановил Артака, – вы имеете в

виду...

– Я имею в виду что сам ветер является вынужденной, необходимой мерой, к которой прибегает природа, дабы сохранить свое внутреннее равновесие. Ветер – не самостоятельная величина. Ветер – всего лишь название. Ветер – это имя, данное человеком процессу перемещения слоёв воздуха. Но ветра нет на самом деле. Есть равновесие всего со всем – коромысло всего существующего, и если где-то чего-то по каким-то причинам стало много – оно переходит туда, где его мало. А человек, наблюдая эти перемещения уже даёт им имя. В случае с воздухом – это имя – ветер. Но самого-то ветра нет. Есть лишь названный, вынужденный необходимостью процесс, имеющий свою причину. Ветер – только следствие. А краеугольный камень, источник всего, основание, предлог, мотив, начало, побуждение и повод – назовите как хотите – вот истинная причина действия или процесса.

– Да, я понимаю, – я кивнул, боясь упустить мысль, – вы хотите сказать, что человек, наблюдая ветер, пытается выстроить какие-то физические законы с помощью которых он сможет познавать мир глубже?

– Можно сказать и так. Процессы, сопровождающие что-то основное, что-то такое, на что и необходимо обращать внимание, что-то действительно существующее и можно даже сказать – важное – эти процессы уже достаточно хорошо изучены человеком. Но они вторичны, но человечество именно на их основании пытается выстроить и обнаружить

законы самого перетекания, то есть процесса, имеющего в своем основании Его Величество Первопричину...

– А на самом деле...

– На самом деле, чтобы понять суть чего-то, чтобы разобраться в каком-то действии или поступке – необходимо изучать не следствия – необходимо изучать причины. Внешние проявления – это уже следствия, это уже вторично, это уже «потому что». А наблюдать нужно «из-за того что», которое потихоньку становится тем, что уже «потому»... – дракон повёл носом, словно учуял какой-то запах, но ничего не сказал, – вот как вы думаете, можно ли по внешнему виду автомобиля определить точно откуда он приехал? – Артак рассмеялся наблюдая за моими мыслями, и ответил сам, – нет, нельзя. Конечно, возникает обратный вопрос – а можно ли догадаться как будет выглядеть этот самый автомобиль когда он приедет в пункт назначения, зная лишь его исходное положение?

– Это легче, – я улыбнулся.

– И что для этого необходимо?

– Знать исходное положение авто и пункт назначения.

– Именно. А кто определяет пункт назначения? – Артак опять хитро прищурился.

– Наверное, водитель, – я говорил неуверенно, чувствуя подвох.

– Конечно, водитель, – дракон кивнул, соглашаясь, – но мне кажется что водитель тоже руководствуется какими-то

правилами или необходимостями, и уже в соответствии с ними и выбирает дорогу, не так ли?

– Да, именно так.

– И это значит только одно, – Артак потрепал меня за волосы, – направление движения вашего авто диктует необходимость. Насущная необходимость. И точно так же и во всей Вселенной, – он поёжился, – что более необходимо в тот или иной момент – кусок пространства или отрезок времени – то и появится в обозримой человечеством, материальной Вселенной. Появится реально, по-настоящему, но само останется невидимым, и всё по той же причине.

– По какой?

– Увидев нечто новое – единственное что может прийти человеку в голову, и я вам скажу, что обязательно придёт, – Артак снисходительно потрепал меня по голове, – это уничтожить это новое, даже если оно никак ему не вредит ему, и не угрожает его существованию. А как природа может спрятать от человека то из чего она собственно и состоит? Только сделав невидимым и, соответственно, ему недоступным. Не только человеческому глазу, но и многочисленным приборам, которые человек в состоянии произвести. Поэтому-то все настоящие вещи и недоступны людям, не достигшим определенного уровня развития. Не достигшим такого уровня, при котором само слово – уничтожить – перестает существовать. Только тогда природа приоткрывает свою завесу и идёт навстречу человеку с открытым забралом. Идёт,

будучи уверена в своей безопасности, идёт, неся с собой самые настоящие знания, а не тот суррогат, над которым бьются учёные.

– И это значит что законы, которые открыло человечество...

– Никаких законов нет и быть не может, – дракон отрицательно покачал головой, – ну подумайте сами, разве можно по молекуле пара, вылетевшего из электрического чайника определить марку этого самого чайника? А вот имея чайник в руках, – он кивнул подбородком вниз, – имея сам чайник в своих руках, мы совершенно точно можем сказать что он способен превратить воду в пар, не так ли? И кстати, нам совсем нет никакой нужды знать его марку. Достаточно просто знать что это чайник и что он кипятит воду, – Артак посмотрел на меня с неммым вопросом.

– Я понял! Понял! Всё точно так как вы сказали! – я наконец-то уразумел о чём мне пытался втолковать Артак уже битый час, и поэтому говорил громко и уверенно.

Слова упруго отталкивались от моего нёба и обретали свободу.

– Ну и хорошо, – дракон кивнул Агафье Тихоновне, словно ища у неё поддержку, – но если быть немного точнее – то закон всё-таки есть, и он – один. Единственный.

Я затаил дыхание.

– Всё что существует, всё что будет существовать, всё что уже существовало – всё это определяется лишь необходимо-

стью. Необходимо пространство – да берите сколько угодно, – Артак рассмеялся, – если верить человеческой теории образования Вселенной, каждую секунду пространство само собой расширяется примерно на 300 тысяч километров! Оно захватывает по 300 тысяч километров пустоты за секунду! Причем заметьте – сразу во всех направлениях! – Артак развел лапы так широко в стороны, как только мог, словно пытаясь охватить весь мир, – А если есть необходимость в дополнительном времени – то и его вполне достаточно, ведь согласно той же теории о Большом Взрыве на каждые линейные 300 тысяч километров приходится одна человеческая секунда, которая при известных обстоятельствах, может быть получена и из этого куска пустого пространства!

Мои глаза округлились сами собой, как только я попытался выяснить сколько секунд, а следовательно и сколько пространства находилось в том стакане со временем, который я выпил мгновение назад. Выпил одним залпом, одним глотком.

– Сколько же я километров выпил?

– Ах, оставьте, – дракона явно забавлял мой изумленный вид, – оставьте, а то вы всё перепутаете и заблудитесь в непроходимом лесу из аксиом и теорий. Выпили вы ровно столько, сколько выпили – ровно один стакан. Можете считать, что это было сильно сжатое пространство, если вам так удобнее.

– Но позвольте...

– А вот и не позволю! Вы привыкли считать правдой то, что видите своими глазами – но это не совсем так. Пространство, если верить в то, что Большой Взрыв все-таки был, расширяется во всех, – Артак постучал мне когтем по лбу, – во всех направлениях! А сколько таких направлений?

– Я... Я не знаю...

– Да сколько угодно! Миллион, миллиард, гугол в конце концов! Бесконечность! И если мы возьмем от каждого из бесконечного числа направлений по одной, самой маленькой, можно даже сказать, – Артак поднял лапу, – бесконечно малой толике пространства, то и получим сколько угодно времени. – Дракон перевел дух, – но главное тут всё же другое...

– Что же? – мне показалось что я упустил суть.

– Главное – необходимость. Она первична. Она определяет количество и качество того что вас окружает. И если она, необходимость, появилась или была изначально – природа тут же сформирует столько пространства или столько времени сколько ей, этой необходимости, простите за тавтологию, необходимо. Природа жонглирует невидимыми человеческому глазу шарами под названием пространство и время, и ей, в отличие от вас, очень надобна эта двойственность.

– Но зачем?

– Для равновесия. Просто представьте себе коромысло. Нужно ещё объяснять?

Я тут же представил статную женщину, несущую коро-

мысло с водой. Вода плескалась в такт движению и часть её выплескивалась наружу – падала на землю и уходила вглубь.

– Не нужно объяснять, – я улыбнулся, – не нужно. Но неужели так необходимо именно два ведра?

– А как вы сможете сохранить равновесие с одной посуды? – Артак рассмеялся и обращаясь к Агафье Тихоновне добавил:

– Он никак не хочет понять что для поддержания равновесия необходимо как минимум два чего-то. А то и три, и может быть больше, много больше!

Акула сосредоточено кивнула. Я смутился и задал вопрос, который меня интересовал изначально, ровно с того момента, как было произнесено слово «необходимость»:

– А кто определяет эту необходимость?

– Вы ещё не догадались? – дракон опять посмотрел на Агафью Тихоновну, словно обращаясь и к ней тоже, – ну подумайте, подумайте хорошенько.

– Не догадались, – Агафья Тихоновна по моему лицу поняла что я ещё достаточно далек от разгадки, и, поэтому, ответила за нас двоих, – мы ещё не догадались.

В этот момент дверь в парадное распахнулась, и порыв холодного, скорее осеннего чем летнего ветра, окутал нас троих, немного сковав и наши мысли и движения.

– Постойте, – я смотрел прямо в глаза Артака и видел в них свое жёлтое и солнечное отражение, – постойте, – какая-то мысль опять пришла мне в голову и на этот раз оста-

лась там надолго, – я догадался!

Дракон фыркнул, словно в недоверии, но продолжал смотреть на меня с интересом, а в его глазах продолжало сверкать Солнце.

Конечно, он знал ответ. Конечно, он знал ту мысль, которая посетила меня только что, ибо он сам и был моей мыслью. Он смотрел на меня и ждал одного только слова. Агафья Тихоновна, видимо, почувствовав важность момента, застыла в таком же немом ожидании.

– Человек! – я произнес громко и по слогам:

– ЧЕ – ЛО – ВЕК! Все насущные необходимости определяет сам человек! И в этом и заключена его свобода.

Свобода без выбора!

Свобода без альтернативы!

Свобода без вариантов!

Стрелка на моих часах внезапно пошевелилась таким образом, что я ощутил это движение, потом подпрыгнула и завертелась с огромной, если не сказать – бесконечной скоростью. Ещё бы – за одно лишь мгновение ей надо было отсчитать 7 миллионов 776 тысяч человеческих секунд. Ну или 129 600 оборотов вокруг своей оси.

Одновременно с порывом холодного ветра моё время синхронизировалось и всё встало на свои места.

Согласно природному расписанию.

Согласно насущной необходимости.

Согласно, а не вопреки.

– Но почему так холодно? – я обратился к сияющему счастьем дракону, – время что, забирает температуру, когда синхронизируется?

– Ахаха, – Артак искренне рассмеялся, – нет, нет, что вы... Просто осень на дворе, вот и прохладно.

– То есть как?

– Вот так. Вы же выздоровели. А на это нужно время. Вот оно и прошло, – дракон сделал непонятный жест лапами, – исчезло, испарилось, фьюююю...

В открытую дверь подъезда, словно подтверждая слова Артака, не спеша залетел грязно-жёлтый, мокрый и мятый осенний лист. Следом за ним ветер занёс еще несколько разных – красочно-ярких, несколько таких особенных и неповторимых, всё ещё живых, но уже умирающих, безнадежно оторванных этим же ветром от дерева листьев. Они обречённо и хмуро легли к моим ногам, неся с собой то неуловимое очарование старости и смерти, с которым каждому из нас придется познакомиться. Каждому в своё время.

И никому из ныне живущих не избежать этого.

Листья были яркими, насыщенными теми теплыми, осенними красками, которые способны украсить собой любое

увядание, любое одряхление, любое замирание и рассеивание того мощного потока, которое человечество называет жизнью – человеческой ли, древесной – не важно, даже не подозревая о том, что сама жизнь много шире и разнообразнее.

И рассеянный её поток, покинув лежащий передо мной осенний лист или покинув меня самого, не может и никогда не сможет остановиться ни на одно мгновение, он будет бурлить, охватывая собой всё большие и большие куски пространства, расходуя всё больше времени, и поглощая или выдавая на гора новые, ещё не известные человечеству формы.

Не известные, но угадываемые проницательным умом.

Угадываемые любым умом – но лишь умом, склонным к созерцанию и рассуждению.

Ибо Ничто не сокрыто от внимательного, пытливого взора.

Ничто не сокрыто.

– Можно ещё один вопрос? – я неуверенно посмотрел на моих собеседников, которые уже собирались покинуть парадное, – всего лишь один. Перед тем, как мы пойдём.

– Да сколько угодно, – Артак и Агафья Тихоновна повернулись ко мне как по команде и застыли в ожидании вопроса.

– Что такое гугол?

Дракон моргнул, но остался недвижим, потом внезапно, словно отмерев, оттаяв, многозначительно глянул на акулу и

засмеялся громко, по-драконьи протяжно.

Его смех наполнил не только всё пространство, но и меня самого, и Агафью Тихоновну. Он ещё долго звучал, отталкиваясь от жёлтых, солнечных, непроходимых стен, вибрируя внутри мокрой и мягкой осенней листвы.

– Гугол – это единица со ста нулями, – произнес Артак многозначительно, и повернувшись к Агафье Тихоновне негромко добавил:

– Внимание к мелочам – вот основа любого успеха.

Она молча кивнула в ответ.

14

Не желая более терять ни одного из отпущенных мне мгновений, я вскочил на ноги и убедился что они крепко удерживали моё тело в вертикальном положении. Сломанная одним часом или несколькими месяцами ранее нога внешне ничем не отличалась от своей зеркальной сестры-близняшки – она надёжно поддерживала моё немного уставшее за мгновенно промелькнувшее лето, но и одновременно отдохнувшее за быстро уходящую осень тело в рабочем и отвесном, как грузило на стройке, положении, не причиняя мне ни малейшего неудобства. Пару раз топнув для верности ещё недавно больной ногой, и не почувствовав ничего такого, что могло бы меня насторожить, я обратился к Артаку:

– В путь?

Дракон лишь молча кивнул.

– Туда?

Ещё один кивок.

Агафья Тихоновна тоже оглянулась и посмотрела на дракона в ожидании ответа.

– В путь. Туда, – он показал взглядом на приоткрытую дверь.

– Выбора нет?

Ещё один кивок, на сей раз в горизонтальной, а не в вертикальной плоскости.

– Нет. И никогда не было.

– Мы пойдём вместе? – перед выходом на улицу более всего меня интересовал только один вопрос, а именно – как люди отреагируют на появление во дворе говорящей акулы и не менее говорящего, хотя и более молчаливого дракона.

– Вы думаете, мы идём на улицу? – Артак засмеялся и быстро, одним движением лапы распахнул входную дверь.

За ней простирался длинный и белый, узкий, вытянутый в бесконечность коридор с множеством дверей по бокам.

Каждая следующая дверь была похожа на предыдущую словно две капли воды. И было этих дверей столько, сколько хватало глаз и остроты зрения.

Коридор был ограничен стенами, но безграничен в длину и вечен во времени.

Это чувствовалось чем-то внутренним, каким-то, ещё не открытым – сердечным, чутким – именно тем органом, ко-

торый за мгновение до чего-то такого, что должно было произойти, начинал ныть под ложечкой или выкручивать желудок.

А, может быть, мне это просто казалось. В любом случае, удивляться уже не приходилось, что бы не происходило. Реальность была стёрта, смешана с чем-то другим, возможно, не менее реальным, но менее видимым – и потому непривычным, странным и удивительным. Волшебным, если хотите. Да, да, именно волшебным.

Это правильное слово.

Я замер в нерешительности, не зная как поступить дальше.

Шагнуть в неизвестность, сделать шаг в этот казавшийся бесконечным коридор, находившийся сразу за дверью на улицу, и замещавший её всю самим собой?

Шагнуть в коридор, внешний вид которого не имел ничего общего с тем, что я ожидал увидеть за этой дверью – значит принять правила игры, значит окунуться с головой в тот омут, в который с лёгким принуждением толкали меня Артак с Агафьей Тихоновной.

Шагнуть – это значило одно – начать.

И неизвестно было – удастся ли мне остановиться, удастся ли вынырнуть оттуда живым и невредимым, удастся ли сохранить ту единственно верную для меня философию – философию лично мою – оригинальную и неповторимую философию жизни, которую каждый из нас создаёт с самого сво-

его рождения и с которой так болезненно расстается, когда приходит его время. Или, точнее, когда оно уходит. Это уже неважно, да и по сути – одно и то же.

Время всегда приходит, уходя. И уходит, присутствуя. По-другому не бывает.

Однако, доверие к моим спутникам было настолько велико и безгранично, что откинув всякие сомнения, пристально посмотрев в честные и солнечные глаза Артака, мельком скользнул взглядом по Агафье Тихоновне, стоявшей всё это уходящее и приходящее время молча – я сделал первый шаг в сторону бесконечного белого коридора.

Со всех сторон раздалось шипение, словно тысячи злых и голодных змей покидали своё разворошённое кем-то гнездо, однако, мои глаза не видели никого и ничего, испускающего такие звуки.

Подталкиваемый тёплыми, жёлтыми глазами своего дракона я зажмурил свои человеческие глаза и полностью отдалшись на волю мысленного драконьего зрения – сделал шаг.

Шагнул в неизвестность.

Мешок с Неведением был один. Не было больше ничего – ни мешка с Лению и плетущим свою паутину пауком, ни мешка с Честностью и Принципиальностью, не было даже мешков с Правдой и Ложью. Не было мешков с Вниманием и Милосердием, не было мешка с Любовью. Отсутстествова-

ли Жадность и Скупость, пропала Бережливость и Расточительность. Куда-то запропастилась Дружба и Привязанность, сами собой исчезли Пунктуальность, Вежливость и Скромность. Пропали Мудрость, Благодарность и Забывчивость.

Посредине сияющей пустоты стоял один мешок.

НЕВЕДЕНИЕ – крупными буквами было написано на нем.

И мелкими, в скобках, словно объясняя – «невежество, глупость».

Мешок был распахнут, раскрыт. Из него во все стороны лезли змеи. Их было не счесть. Наверное, столько же, сколько дверей в белом, и казавшемся мне сейчас очень далеким, коридоре.

Змеи.

Разные.

Знакомые мне и нет.

Известные и не очень.

Тут были и черные небольшие гадюки, выпадающие из мешка одним большим клубком и расползающиеся в стороны быстро, как глянцевые, сверкающие молнии; были и гремучие змеи с трещотками на хвосте, которые внимательно рассматривали нас троих, выстукивая хвостом свою песнь смерти; были удавы и анаконды, медленно перемещавшие свои грузные, большие тела. Были кобры – как морские, так и королевские. Семейство аспидов было представлено великолепной австралийской медноголовой змеей – небольшой

и крайне ядовитой, и даже аспид египетский или змея Клеопатры, также известная под именем Гая, была тут. Этой змее поклонялись в древнем Египте, свято веря что кусает она только злых и нехороших людей. Именно она, злобно шипя, ползла в сторону Артака, расправив свой капюшон.

– Артак! – я встревоженно вскричал, желая его предупредить о грозящей ему опасности, – Артак!

Агафья Тихоновна молча наблюдала за происходящим и в её натянутом, как струна, теле чувствовалось огромное напряжение. Она не пошевелилась, когда один из представителей аспидов – а именно – Жестокая змея, являющаяся одной из самых ядовитых в мире, в паре с гадюкой Жарарак-пинтада начали двигаться в её сторону. Не шелохнулась она также и тогда, когда они с веселым шипением растворились в пустоте, окружающей мешок с Неведением – огромный мешок со змеями.

Змеи – символ мудрости, покидали мешок с Неведением. Не было в нём места ни для единого мудрого гада.

Артак продолжал смотреть на меня, совершенно не обращая внимание на кобру Гая, находящуюся уже совсем близко от него. Смерть от укуса этой змеи наступает через 15 минут и надо добавить, что змея Клеопатры никогда не отступает от своих намерений. Единожды решив укусить – она всегда доводит дело до конца. Противоядие, конечно, существует, но, как правило, врачи не успевают приехать к укушенному.

– Артак! – ещё раз закричал я, вложив в свой крик мощь

своего голоса и весь напор своих легких.

Он лишь засмеялся, и схватив палку, брошенную ему Агафьей Тихоновной, протянул её в сторону ползущей змеи. Известная своим злобным нравом, та кинулась на палку, вонзив в неё свои острые, как бритва зубы – и в тот же момент дракон дернул.

Резко дёрнул – дёрнул от плеча, всей силой своих драконьих лап.

Ядовитые зубы, застрявшие в палке, дёрнулись одновременно с палкой, вырываясь вместе с корнями и мясом, тогда как змея, сохраняя инерцию своего немаленького тела, осталась на месте. Беззубая, будучи не в состоянии укусить, но всё ещё способная плевать ядом, змея продолжала ползти в сторону дракона, явно намереваясь его атаковать.

Артак стоял, освещённый светом своих глаз, и смеялся, продолжая глядеть прямо на меня.

– Артак! Змея! – слабо повторил я свое предупреждение, но замолчал, так как успел понять что есть в этом представлении какой-то глубокий, ещё недоступный мне, но доступный дракону и акуле смысл.

– Где вы видели чтобы дракон умирал от яда змеи? – прокричал мне Артак, – где вы такое видели? – он хохотал, одновременно шерудя своей палкой в мешке с Неведением, несколько не беспокоясь о том безумном количестве змей, которые окружали нас со всех сторон.

– Но что происходит?

– Ничего особенного! – Агафья Тихоновна хмыкнула в ответ.

– Что это за змеи?

– Ах, эти? – она усмехнулась, оставаясь неподвижной, – это ваши дети.

– Мои дети?!

– Да, да, – Артак присоединился к нашему разговору, – это ваши дети. А если точнее – мысли. Мысли, сбегаящие из мешка с глупостью.

– Мои дети! – вскричал я, – мои дети! Мои дети, мои потомки! Это то что останется после меня?

– Нет, нет, – дракон немного успокоился когда змей стало заметно меньше, – нет, нет. В вечности не бывает потомства. В вечности бывают только современники.

– Но я боюсь.

– Бойся!

– Но я очень боюсь!

– Бойся так, как умеешь! – Артак вырвал ещё парочку ядовитых зубов у ещё одной змеи и расхохотался.

– Но я могу убить от страха!

– Убивай! Для познающего все побуждения священны! И Никто и Ничто не вправе отказать пытливому уму! Даже в убийстве!

Шипение стихло само собой и очищенный от клубка змей, мешок с Неведением предстал перед нами во всей своей красе.

Единственное что осталось сделать – это войти внутрь.
И мы поступили именно так, как должны были поступить.
Шагнули.

В темноте невежества, взявшись за руки и крепко держась друг за друга, стоял я и мои звери – честные, открытые, готовые к погружению. Некоторое время мы молчали.

– Если ты хочешь когда-нибудь стать звездой, – тихо проговорил Артак и замолчал...

– Ты должен светить не смотря ни на что, – продолжила Агафья Тихоновна.

И не успел я подумать как мне следовало бы поступить, как из темноты, из глубокой, черной темноты выступили огненные буквы, ранее спрятанные за несметным количеством змей.

СТРЕМЛЕНИЕ – гласили огненные письма...

15

Ничего особенного не произошло.

Моё тело ворвалось в белый, длинный коридор, оставив позади то единственное, чем оно обладало, не обладая этим в реальности – оставив позади моё сомнение.

Я словно отряхнул его с плеч и вошёл.

Артак и Агафья Тихоновна медленно, и я бы сказал – послушно, зашли вслед за мной. Дверь за нами захлопнулась,

словно она была оборудована мощной пружиной. Что-то металлически щелкнуло, зафиксировалось и в уходящем гуле эха щелчка дверного замка я услышал Её.

Она была звонкая, как правильно взятая высокая нота, и прозрачная, как пустота в которой эта нота звучала.

Она была неощутимо прикреплена к моим мыслям – прикрепена спокойствием, как прищепкой, и как только покойное состояние пропадало, улетучивалось, исчезало из моего восприятия – пропадала и она, растворяясь в звуках и действиях, растекаясь по суете, пропадая в ничтожности и обращаясь в тлен.

Она была настолько абсолютной и пустой, что мои телесные, человеческие органы чувств, будучи лишены возможности прикоснуться к ней лично, воспринимали её как могли – они воспринимали её не как осязаемую реальность, окутавшую меня со всех сторон, а наоборот – как отсутствие таковой реальности.

И именно это было главным и безошибочным указанием на то, что она есть и что именно она – реальность. Самая что ни на есть реальная и действительная, подлинная и чистая, незамутнённая реальность.

Так, мои уши воспринимали её отсутствием звука, переходящим в однотонный и монотонный гул, глаза – прозрачностью, а тело – пустотой.

Мозг реагировал на неё расслаблением, ибо он, мозг – этот король чувственного восприятия и человеческой интер-

претации Вселенной, уже не единолично владел ситуацией. Вполне возможно, он сам вкладывал в органы чувств то, чего там не было и в помине – звон – в уши, галлюцинации – в глаза, ощущения – в пальцы...

Её Величество Тишина накрыла мои чувства плотной меховой шапкой, лишив их рассудка.

И именно это лишение – это воровство, отрезание, отсечение, отобрание, этот отрыв чувственного от разумного и давал им – чувствам ту единственную возможность прикоснуться, пусть и на миг, но к чему-то доселе неизвестному – а если неизвестному, то следовательно – очень и очень познавательному.

Ведь познавательным и увлекательным может быть только то к чему прикасаешься впервые, не так ли?

Как и то, к чему рассудок и рассудочное мышление не имеет никакого отношения.

Ибо всё то, что понимает и охотно принимает человеческий мозг – априори банально и иногда даже вульгарно.

В данном контексте слово вульгарно имеет свой изначальный – латинский смысл, ибо *vulgaris* – не что иное, как обычный, обыкновенный или общедоступный, а *vulgus* – это народ, толпа, человеческая масса...

Да, это была она.

Тишина...

Внешняя и внутренняя.

Чувственная и мозговая.

Полная и абсолютная.

Реальная, настоящая, действительно существующая.

Тишина была здесь, она присутствовала в каждой точке и в каждом мгновении.

Тишина – не как отсутствие звука, но тишина – как присутствие, как правильное начало всех существующих возможностей.

Насколько же это было удивительно – все органы чувств, данные человеку природой не могли (да и нужно ли это?), не хотели, отказывались воспринимать то, что есть, а именно – отказывались воспринимать тишину, как нечто действительно осязаемое.

Они могли лишь констатировать один факт – тишина – это отсутствие звука.

А была ли тишина присутствием чего-то? И если да – то чего? Что это такое, в конце концов?

Что есть тишина в Абсолюте?

Не та тишина, к которой человек привык, ибо такая тишина всегда относительна – эта тишина человеческая – она всегда воспринимается только на фоне каких-то улавливаем-

МЫХ человеческим ухом звуков.

А та Тишина, которая абсолютна? Тишина Артака, драконья Тишина?

Тишина, которая может тихо звучать внутри человека даже в относительно шумном месте?

Что она есть такое?

Человеческий мозг анализировал чувства и ощущения, поступающие к нему по нервным каналам – он хотел работать с ними, он искал их и не находил.

И так как все его усилия были тщетны, мозг в раздумчивой отрешенности добавлял к отсутствию звука ещё одну характеристику тишины – отсутствие самого объекта.

По сути, мозг соглашался что ничего нет, или признавал наличие одного Ничто – оно существует, а если быть точным – то только оно и есть, ведь Ничто может производить всего лишь один звук – и этот звук – тишина.

– Ничто – это пустота? – я мысленно, дабы не нарушать тихое равновесие, обратился к Артаку, и получил такой же мысленный ответ:

– Возможно.

– Как Пустота звучит? Как себя проявляет?

– Ты слышишь её именно сейчас, – ответ не замедлил себя ждать.

– Но я ничего не слышу. И ничего не вижу.

– Ты слышишь достаточно чтобы понять.

– Пустота звучит тишиной?

– Это лишь одно из её проявлений.

– А что ещё?

– Она не только звучит тишиной, но и выглядит прозрачностью.

– Что это значит?

– Что через нее всё ясно видно.

– Значит я не ошибусь?

– Нет. Если ты окутан тишиной – нет.

– И пустотой?

– Это не обязательно.

– Почему?

– Твоё тело может закрыть глаза, но не может заткнуть уши.

– Да, действительно, – прошептал я в собственных мыслях и закрыл глаза.

Огненные буквы некоторое время висели в воздухе, пока огонь не потерял свою силу и не растворился в той тёмной, но прозрачной пустоте, которая окутывала всех нас.

Сначала исчезли первые и конечные буквы, оставив горячей лишь середину слова, и ещё достаточно долго перед нами мерцали ...ЕМЛЕ... , а потомМЛ.... , и наконец-то, две последних буквы слились в один, какой-то непонятный мне символ, который немного повисел перед глазами – побыл в существовании всего один миг и пройдя его, израсхо-

довав своё собственное мгновение – растаял, оставив лишь приятное и тёплое воспоминание.

– Из чего состояли эти буквы?

– Из времени, конечно, – Артак шептал мне на ухо, – из времени, из чего же ещё? Всё, что существует состоит исключительно из времени. Другого материала у природы просто нет, его не существует.

Агафья Тихоновна молчала, но я слышал как её согласие витало в воздухе. Вероятно, был в её молчании какой-то скрытый от меня смысл, ибо молчание её было торжественным и немного почтительным. Зачем? К чему? Непонятно.

– Из времени, – эхом повторил я и вздохнул, погружившись в недоумение.

– Эти буквы, как и любые буквы, которые мы встретим по дороге, состоят из вашей собственной жизни или из времени, отпущенной на неё, что, впрочем, всегда одно и то же, – Артак говорил медленно и тихо.

– Из моей жизни? – я удивленно вскинул брови, хоть этого и не было заметно в густой и непроглядной темноте.

Чистая и потому искренняя, что не рассчитанная на то что её кто-нибудь заметит, оценит и осознает – прозрачная эмоция удивления вспыхнула яркой искрой и тут же растворилась в пространстве, оставив после себя лишь слабое свечение.

Оно мерцало над нами пока удивление, вместе с затраченным на него временем не прошло, забрав с собой и одно и

другое.

– Удивлен?

– Немного...

Артак помолчал всего лишь одно мгновение, показавшееся мне вечным и неторопливо произнес:

– Из жизни или из времени – не всё ли равно? Это суть одно и то же.

– А почему горящее слово СТРЕМЛЕНИЕ растаяло от краев до центра? Почему не наоборот?

– Именно поэтому. Потому что оно, само слово, и состоит из вашей жизни, из вашего времени и из вашего пути.

– Объясните.

– Начало слова – как рождение тела, его конец – как телесная смерть, а середина – именно то самое место, где вы сейчас. И оно – это место – исчезает последним. Всегда.

– Даже в момент моего конца?

– Конечно. То место, где ты сейчас всегда есть и всегда будет только лишь серединой твоего пути.

– Даже когда я умру?

– Конечно.

– Даже когда меня совсем-совсем не станет?

– Конечно!

– Даже в самом конечном конце? Даже в конце всех концов?

– Да. Если ты находишься в конце всех концов – он всё

равно будет твоей серединой.

– А где же тогда конец может существовать в реальности?

– Там же где и начало.

– Это где?

– В твоих мыслях.

– И то, где я сейчас...

– Всегда ровно середина твоего пути.

– Значит это движение по кругу?

– Нет, – Артак рассмеялся, – это просто движение в другой геометрии, – хотя можно и так сказать, – он нарисовал в пустоте круг, – можно сказать – движение по кругу.

– Но это значит что и начало и конец и то, где я сейчас, существуют вместе?

– Именно так. Вместе. Более того, только когда они вместе – появляется смысл.

– Как это?

–ЛЕНИЕ или СТРЕМ..... бессмысленный набор букв, не так ли?

– Да.

– Тогда как СТРЕМЛЕНИЕ – осмысленное, а значит, и живое слово.

– Но...

– И только в их единстве познается суть, – Артак перебил меня и закашлялся, – запомни это.

– Благодарю, – произнес я и повторил на всякий случай:

– И только в единстве познается суть.

– Отлично.

– Но что за непонятный символ остался и растворился последним? – Агафья Тихоновна нарушила молчание и вступила в разговор.

– Ах, это... – Артак неопределённо пожал плечами, – это был настоящий момент. Он всегда уходит последним.

– И я?

– Да. Если ты в нём. Или если он в тебе. Только тогда ты растворишься в последнюю очередь.

– А если я не в нём? Если мне удалось каким-то образом уклониться от настоящего момента? – я хитро прищурился в ожидании ответа.

– Тогда тебя нет.

– Но я могу быть в прошлых или в будущих моментах?

– Да, – дракон кивнул головой, – я об этом и говорю. Тогда тебя просто нет. Это одно и то же.

– И прошлое и будущее...

– Лишь смесь, дающая настоящее.

– Надо смешать?

– Соединить. В единстве познается суть.

– Но она так сложна.

– Она едина. А это значит – правильна. И значит – доступна пониманию.

– С чего начать?

– С себя.

– В настоящем моменте?

– Есть ли у тебя что-то другое? Даже спрошу по-другому
– может ли у тебя быть что-то другое?

– Нет.

– Тогда ты сам ответил на свой вопрос.

– Но он был так запутан и непонятен.

– Настоящий момент или ты сам?

– Нет, нет. Сам символ. Тот символ настоящего момента, который растаял последним.

– Это и был ты, – Артак грустно улыбнулся, – как видишь, ты сам непонятен себе, и это значит что себя необходимо познавать. Познавать, чтобы понять, – и дракон замолчал, теперь уже надолго...

Агафья Тихоновна пропустила через себя драконье молчание, прочувствовала его нутром и вдруг произнесла:

– Найди свои истоки, прими данность своей смерти, и тогда смысл появится сам собой. В соединении начала и конца. Как в слове.

– Да, – тут же прореагировал Артак, – да.

– Стремление должно пройти сквозь всю мою жизнь? От начала до конца?

– Да.

– Как слово или как дело?

– Смысл в единстве слов и дел. Тогда это одно и то же.

– Найти свои истоки? Это значит определить рождение?

– Да. Именно так.

– Но я же уже родился.

– Ты родился как человеческое тело, теперь ты должен родиться как Человек.

– Но я же человек!

– Ты просто выглядишь как человек. Но выглядеть человеком и быть Человеком – две разные вещи.

– Почему?

– Потому что это два разных слова. И две разных жизни. Жизнь выглядящего как человек и жизнь Человека – различны. Даже в словах, – Артак начертал в воздухе горящие слова «выглядеть» и «быть», – даже в словах, – повторил он, – одинаковые только две последние буквы – «ть», – он указал на мерцающие пламенем последние буквы слов, – сами же слова различны от рождения и до...

– До «ть»?

– Да.

– И что обозначает «ть»?

– Смерть тела. Смерть тела выглядящего как человек и смерть тела Человека одинакова. Как «ть» в конце слова.

– И нет никакой разницы?

– Есть. Для первого смерть является смертью, а для второго – нет. Для Человека смерть – всего лишь дверь. Дверь, как множество других дверей. Дверь, которая вполне может стать рождением.

– Повтори.

– Для выглядящего как человек, но не являющегося че-

ловеком по сути, смерть – всего лишь смерть, одинакова как тысячи других смертей. Но для Человека с большой буквы – смерть – всего лишь этап – это ступенька, а может быть и рождение – разное, как миллионы других рождений.

– Но «ть» одинаково.

– В каждом слове заключен дух и плоть. «ТЬ» одинакова как плоть. Смерть тела выглядящего как человек и смерть тела Человека выглядит одинаково.

– А дух?

– Дух заключен в единстве.

– Объясни.

– Совокупность всех букв определяет смысл слова. При чем букв, поставленных в правильном порядке, иначе получится полная ерунда. Значит, единство определяет и дух слова. Точно таким же образом единство жизненных этапов человека, поставленных в правильном порядке диктует человеческую суть, то есть диктует дух жизни человека. И хоть смерть тела у всех одинакова – точно также, как одинаково заканчиваются рассмотренные нами слова, описывающие саму жизнь, но смысл каждой жизни, смысл, определяющий саму необходимость существования – различен. И этот смысл в единстве всех жизненных этапов. Всех букв от начала до конца. Именно от начала и до конца, а не наоборот. В этом мире всё связано со всем. У всего есть начало и у всего есть конец. За этим зорко следит время. Его не обманешь. И буквы в слове, где каждая следующая вытекает из

предыдущей, как причины и следствия – бесчисленны в своем многообразии. В этой Вселенной, когда изменяется всего лишь одна только вещь – меняется абсолютно всё. Точно также как замена всего лишь одной буквы в слове может полностью поменять его смысл, вплоть до противоположного. И именно в этом великая сила человека менять Вселенную.

– ???

– Меняя себя – единственное, что возможно изменить, ты тем самым меняешь и всё остальное. Это правило без исключений.

– Как день и тень?

– Что ты имеешь в виду?

– Разница в одну букву изменила смысл слова почти на противоположный.

– Ах, это, – Артак улыбнулся, – ну можно сказать и так. Однако, тень не есть противоположность дню. Более того, тень может возникнуть только на свету и она абсолютно невозможна ночью. Так что противоположными, скорее будут слова Тень и Ночь, – дракон ещё раз улыбнулся и добавил непонятно к чему:

– У старых грехов длинные тени. Но видны они лишь на свету. И особенно в момент заката.

– Почему?

– Потому что Солнце погружается за горизонт, удлинняя своим погружением тени всего существующего на Земле. Удлинняя тени и укорачивая срок.

– Почему укорачивая?

– Потому что день близится к концу, потому что наступает ночь. Ночь, со своими правилами игры. Ночь, когда ничто не в состоянии отбросить тень. Ночь, когда тени уходят на другую сторону Земли.

– Это довольно сложно.

– Ты всё поймешь. В своё время.

– Когда?

– Когда родишься.

– Но чтобы родиться мне надо умереть?

– Надо чтоб в тебе умерло всё прежнее. Тогда умрёт и он.

– Кто?

– Тот, кто всего лишь выглядит как человек.

– И кто родится?

– Родится существующий человек, – Артак поднял лапу, – или одним словом – родится Человек!

– Это и есть рождение?

– Существующий живет вечно. Он рождается каждое мгновение. И каждое мгновение умирает. Существующий рождается в теле человека, но он может забыть в нём свою суть, он может прожить на Земле телом, но не духом. Тогда его тело просто умрёт, как тело выглядящего человеком. Тогда нет у него другого пути. Просто умрёт ещё один выглядящий как человек, но Человеком не являющийся. И нет в этом никакой трагедии, как собственно, трагедии нет ни в чём. Но если выглядящий как человек захочет, если в нём

пробудится его владелец, его хозяин, повелитель этого человеческого тела – если в нем проснётся Человек – тогда само тело в состоянии родить внутри себя нового существующего. После чего тело всё равно умирает, но это уже, опять-таки, неважно. Если оно выполнило свою цель, если оно родило нового существующего, то оно и не нужно более. Ведь новая суть уже рождена, а она родит новые тела. И так до бесконечности.

– Родит и всё забудет?

– Таковы правила игры.

– А если тело не родит существующего?

– Тогда оно лишнее. Тогда оно просто обязано умереть.

– Навсегда?

– Тело? – дракон вздохнул, – тело – да. Умрёт навсегда.

– А существующий?

– Для него смерти нет, как нет окончания в слове «быть».

– Но «ть» есть?

– Его «ть» нераздельно с самим словом «быть». Его «ть» – лишь суффикс, но не окончание. Тогда как «ть» в «выглядеть» – окончание. Точка. Смерть.

– А в «быть»?

– В «быть» окончание отсутствует. Его просто не может быть. Слово «быть» бесконечно.

– Как Человек?

– Как Человек.

– Значит ли это что существующий, родив человеческое

тело, незримо остается в нём – остаётся, но не вмещивается?

– Да.

– И когда тело рождает нового существующего, они...

– Они соединяются с тем, кто уже был в теле. Существующий един, и хотя он в состоянии разделиться на множество частей – он никогда не перестает быть целым.

– Разделиться на время?

– Для существующего нет времени.

– Тогда разделиться в пространстве?

– Для существующего нет пространства.

– Тогда как?

– Существующий способен разделиться в неведении единства. И родить в этом же неведении дух, алчущий этого единства. Родить дух, заключенный в тело, но стремящийся к свободе.

– И соединение духа и тела родит нового существующего?

– Да, если победит дух.

– А если победит тело?

– Тогда оно же и умрёт. Его наградой за победу станет смерть.

– И мы сейчас...

– В неведении, как ты помнишь. Мы шагнули в мешок с неведением.

– И куда мы движемся?

– Вперёд.

– Зачем?

- Мы ищем твоё стремление. Помнишь что было начертано огнём?
- Моё стремление?
- Да. Стремление твоего духа, но не желания твоего тела.
- Стремление куда?
- Куда-нибудь. Главное, чтоб оно было твоё.
- Но как его найти?...
- Осознать. Другого пути нет.
- Осознать? Но что осознать? Моё стремление?
- Именно. Таков путь.
- Таков именно мой путь?
- Таков любой путь. Другой дороги попросту не существует. Из Неведения вытекает Стремление, которое постепенно превращается в Сознание и окутывается этим Сознанием полностью, с головой, и только потом – то что получилось – получает определенную Форму и Имя.
- Но мы ещё в неведении?
- Нет, если ты уже стремишься с ним покончить.
- Но тогда где?
- В Стремлении, где же ещё.
- И оно...
- Оно неизбежно подключит тебя к сознанию.
- В любом случае? Всегда?
- Всегда, если это истинное стремление духа.
- Моего духа?
- Тебя ещё нет. Ты ещё не родился. Стремление просто

духа. Созидающего и разрушающего духа, что, в принципе, одно и то же.

– Созидание и разрушение?

– Да.

– Одно и то же?

– Да.

– Но это две абсолютно противоположные вещи.

– Нет. Это смысл слов противоположен относительно друг друга, а то что эти слова описывают – абсолютно едино.

– Но как же это может быть?

– Созидание разрушает разрушение и созидает себя самое, а разрушение разрушает созидание и созидает уже себя. Как видишь – это одно и то же. И их различие становится видимым только друг относительно друга.

– Как победившее тело получает в награду смерть?

– Примерно, – Артак довольно усмехнулся, – уж ничего не сделать тут... Таков мир парадоксов.

– Но как же это может быть? – я задумчиво повторил вопрос.

– Никак не может. Просто поверь и прими, что всё противоположное – едино в своей сути и различно в своём выражении. Человек, научившийся видеть суть покидает мир парадоксов, а человек, смотрящий лишь на выражение – остаётся в этом мире и в награду получает смерть, – дракон громко рассмеялся и повторил, – таков мир парадоксов, где противоположное даже более едино чем похожее, чем совсем близ-

кое, рядом стоящее.

– И слова тоже? И мысли?

– Все мудрые мысли противоречат друг другу. И тем не менее – они абсолютно верны. Точнее – они верны в Абсолюте.

– А относительно?

– Относительность – удел нижестоящих. Не стоит возвращаться к тому что пройдено, не стоит разрывать могилы. То что похоронено – должно быть забыто.

– Ну хорошо. Мы в Стремлении. И это стремление подключит меня к сознанию, если это стремление чистого духа?

– Да.

– А если это стремление тела?

– Тогда ты умрешь.

– Но я же ещё не родился. Как я могу умереть?

– Тогда ты умрешь ещё до своего рождения. Умрёшь, не родившись. Прекрасная смерть. Чистая и вечная.

– И она навсегда?

– В вечности только это понятие. Навсегда. Навечно.

– Но как знать точно что это стремление именно духа?

– Перестать врать самому себе. Ведь каждый знает абсолютно точно то, что он должен делать, как и то, чего он делать не должен.

– И я? Абсолютно знаю?

– Ты – лишь часть Единства. Как можешь ты отличаться от целого?

– !!!...

Я глубоко вздохнул и зажмурил глаза.

16

Тишина окутала меня тёплым, уютным пледом.

Я открыл глаза.

Длинный и белый, бесконечный коридор никуда не делся.

Напротив, он вроде как стал ещё длиннее, что было практически невозможно, ибо бесконечность не бывает ни больше и ни меньше.

Бесконечность – это всегда всё. Всё и сразу. Целиком в одной точке. Во все и на все времена.

Бесконечность – это мощное, могучее слово.

Соперничать с бесконечностью может только Его Величество Ноль.

Ибо он также абстрактен и также реален, как и его королева – Её Величество Бесконечность.

По сути, эти две величины всегда замкнуты друг на друге – они всегда ходят парой, и никогда ещё одна величина не была так жёстко отделена от другой, как в этом коридоре. Разделённая королевская пара – Ноль и Бесконечность – весело и игриво взирала на меня со всех сторон – бесконечное количество дверей и нулевая возможность выбора...

Белый коридор объяснял всё и сразу. Всю математику за одно мгновение.

И даже самый недалекий ум здесь начинал осознавать смысл их королевских величеств – начинал осознавать не мозгом, но нутром, ибо всё было видно далеко и ясно.

Объяснение было прозрачным и колыхалось на поверхности пустоты.

– Бесконечный коридор, бесконечное количество дверей, бесконечно белый цвет, – дракон загибал когти на своей лапе, – но почему нулевая возможность выбора? – он, как обычно, продолжал слушать мои мысли.

– Я... Я не знаю, – с трудом выдавил я из себя, – я действительно не знаю, но я чувствую что это именно так.

Чувствую тем чувством, которое меня ещё ни разу не подводило.

– Это какое? – Агафья Тихоновна, до этого тихонько стоявшая в сторонке, вышла на шаг вперед и взяла меня плавником за руку.

– Что какое?

– Чувство какое? – она смотрела прямо в мои глаза, а я тонул в том тонком слое лака, который покрывал её черные бусинки – тонул с головой, как в самом глубоком океане. Насколько же я был мал тогда! Насколько ничтожен!

– Чувство какое? – повторила она, улыбаясь.

– Я не знаю как оно называется. Но я знаю точно что когда под языком чувствуется холодок и дрожь проходит по телу

независимо от моего желания – это всегда правда.

– Ах, это... – акула отпустила мою руку и многозначительно посмотрела на дракона.

Он сосредоточено кивнул.

– Да! Это! – почти вскричал я, – это! И что это?

– Ничего особенного, – пробормотал дракон, – к тебе просто добавилось одно измерение.

– Ко мне? Как это?

– Очень просто, – Артак продолжал стоять с тремя загнутыми когтями, – три существующих физических измерений плюс твоё новое чувство, – он загнул четвертый коготь и улыбнулся, – и плюс нулевой, противоположный бесконечности, то есть отсутствующий выбор твоего трёхмерного тела, – пятый коготь, соединившись с четырьмя другими, сформировал драконий кулак, которым он легонько толкнул меня вперед, – всё говорит о том что твоё трехмерное тело получило новые возможности. А только добавив к себе четвертое, а то и пятое измерение, можно полностью овладеть этими возможностями...

– Хм, – пробормотал я в раздумье...

Происходило нечто невероятное.

Прямо в этот самый, в настоящий, в существующий сейчас момент моё тело, пока ещё в единственном экземпляре, и служившее мне верой и правдой много лет начало делиться.

Сначала надвое, образовав нечто наподобие моих близнецов – абсолютно и относительно живых и здоровых, потом ещё надвое, дав в результате четырех Я, потом эти четыре стали восьмью, восемь – шестнадцатью, шестнадцать превратилось в тридцать два и так без остановки, без выходных и без перерывов на обед.

При этом, сами тела были именно мной, хотя и начинали выглядеть по-разному – где-то я был представлен старушкой, нетвёрдо стоящей на ногах; где-то младенцем, пытающимся только встать на собственные ноги; где-то женщиной; где-то мужчиной; но везде – мной...

И этот единый Я, каждый из них, стоял перед своей собственной белой дверью, стоял перед своим собственным выбором. Стоял и смотрел вперед своей собственной парой глаз и думал своим собственным, сокрытым в разных головах мозгом.

И был этот Я соединен в единую глобально-мозговую, сознательную сеть – «Я» был един и всё существующее и неделимое единство было заключено в моих бесчисленных телах...

Чувство холодка и дрожи не покидало меня, ибо я не мог понять основное – где же было моё настоящее тело. Именно моё, а не его клон, созданный каким-то невиданным и неслыханным мной доселе дополнительным измерением.

Чувство холодка не покидало меня, но и не заботило.

В каждом из тел я ощущал именно себя, и это ощущение окутывало меня чем-то новым, пока ещё неизведанным. Было в этом нечто такое, что кричало и рвалось наружу, было нечто совершенно необъяснимое и одновременно – очень доступное, близкое.

Это было новое ощущение, противоположное обычному чувству – чувству человека. Возможно, это было чувство уже не человека, но Человека; уже не тела, но невесомого духа; ещё не материи, которой я уже являлся, но уже мысли – мысли творящей материю, мысли, формирующей идеи, мысли создателя и творца...

Только сейчас я стал осознавать более-менее точно что моё тело, а теперь – мои тела – это не совсем Я.

А если быть точным, то и совсем не Я.

Я был где-то выше и ниже, где-то между и сбоку, где-то сверху и снизу, где-то справа и слева – поддерживающий и порхающий, невесомый и вечный – тот желтоглазый солнечный Я, который звался мыслью – единой и неразрывной, бесконечной мыслью.

И сколько моих новых тел вырывалось из меня же – похожих на меня и непохожих, мужских и женских, старых и молодых, современных и неандертальцев!

Сколько внутренностей копировалось и воспроизводилось, сколько глаз смотрело, сколько ушей слышало, сколько

носов нюхало – столько и мыслей кипело, бурлило, – было...

И не было в этом белом, бесконечно длинном коридоре никаких разделений – ни пространственных, ни временных – было тут всё и сразу, были тут все и сразу, здесь были даже камни, деревья и животные!

Да, у камней присутствовал свой выбор, была своя каменная белая дверь – дверь тягучая, медленная, тысячелетняя, дверь плотная – да, тысячу раз да, но главное – она была!

И любой камень в отдельности был мной, и все камни вместе – тоже я; животные, птицы, деревья – всё это был я!

Никого кроме меня! Никого! Во всём белом свете не было никого, кроме меня!

Только общее мысленное пространство – пространство безвременное, бесконечное.

Пространство, обладающее тысячами или даже миллионами умелых человеческих рук, тысячами зорких орлиных глаз, тысячами быстрых кошачьих лап и тысячами чутких звериных ушей...

Пространство, обладающее тысячами мощных тигриных мышц.

Пространство с миллиардами деревьев и сформированной ими, раскинувшейся под ними прохладной, приятной тенью.

Пространство, имеющее тысячи вечностей, заключённых

в камнях и глыбах – неповоротливых и массивных.

Достоинство камней было в том, что они были везде. Ведь камни вездесущи... И камни живут много дольше любых двигающихся тел...

Можно ли было спрятаться где-то от всей этой своры смотрящих, слушающих, чувствующих органов самого пространства, одним из которых являлся я сам, в данном мне человеческом теле творца?

Нельзя было спрятаться. Нигде. Ибо не было такого места в природе.

Везде за тобой кто-то подсматривал, везде тебя кто-то подслушивал, везде был твой собственный запах и след – везде был ты сам, собственной персоной, везде ты себя преследовал и везде ты себя догонял.

Только ты сам. И никто более.

И везде была твоя мысль – чистая и невесомая, и каждая мысль открывала свою собственную дверь, каждая вела меня своей дорогой, а иногда даже сама прокладывала её по бездорожью – каждая стояла перед своей собственной дверью и подбирала ключи к надёжно запертому дверному замку... И каждая мысль, подобрав правильный ключ, терпеливо ждала своего часа – ждала сухого щелчка металлической щеколды замка, чтобы войти и осмотреться...

Каждая мысль была мостом, перекинутым внутри меня.

Каждая мысль была мостом, соединяющим меня со мной же.

Соединяющая меня ДО принятия какого-либо решения со мной же, но ПОСЛЕ его принятия...

И щелчок дверного замка должен звучать как хлыст.

Он должен быть похож на выстрел.

Иначе и не щелчок это вовсе или щелчок не настоящего замка.

Иначе дверь была уже приоткрыта или даже распахнута.

Иначе будущее уже с любопытством поглядывало на настоящее в этот зияющий проём двери...

Иначе Его Величество Смысл терялся за придворной и холупской предсказуемостью.

Стартовый пистолет. Отмашка. Выстрел.

А раз всё было именно так, то вот оно – настоящее Начало...

Стремление, родившееся в Неведении и страхе.

Стремление, следующее за Неведением, откинувшем страх.

Стремление, полной волной накрывшее меня.

Теперь я должен дойти до конца!

Неведение. Стремление. Что же дальше?!

– Сознание, – тихо подсказал Артак, – дальше ты неиз-

бежно подключишься к Сознанию, – дракон замолчал и отвернулся, но я мысленно видел драконью улыбку даже на его отвернувшейся морде.

Конечно, ведь я был везде. И перед ним, и за ним, и внутри него...

Дополнительное измерение дало мне бессмертие в его человеческом понимании, оно отобрало у меня страх потерять тело или даже тела, и благодаря ему я очень точно осознал один непреложный закон – если прямо сейчас, вот в этот самый момент, все мои тела исчезнут, испарятся, обратятся в прах – лично для меня уже ничего и не изменится. Точнее, не изменится ни для кого из нас. Ибо дополнительное измерение, в котором я существую, в котором «я» уже существует как «мы» – измерение, незримое для человеческих органов чувств и присутствующее во мне тайно, невидимо – именно то дополнительное измерение которое проявляло себя только нытьем в *regio sublingualis*, то есть в подъязычной области – именно оно дало мне истинную власть – власть, вытекающую из понимания сущего – власть знающих – непобедимую власть будущего и над ним.

А это значит – ответ на самый главный вопрос человечества сейчас мне был доступен.

Ибо настоящая власть всегда изменяет доселе неизменяемое, исправляет считающееся неисправимым и воспринимает своего господина не только великим и единым множе-

ством, но и единством в этом самом множестве.

Дополнительное измерение побеждает любую смерть, ибо оно упраздняет её, признает её несуществующей в тех новых, уже четырех (или пяти?) измерениях всё ещё моего тела или моих тел.

«Я» ещё могло умереть, тогда как «Мы» уже были бессмертны.

«Я» ещё обязательно умрёт, но «Мы» умереть были не в состоянии.

Мы – было вечно, как единое поколение единого организма, растянутое и растянутого на многие миллениумы, и даже много дальше.

Артак и Агафья Тихоновна молча наблюдали как мои новые старые тела занимали свои позиции перед белыми, уходящими вдаль дверьми.

Всё новые и новые тела появлялись из ниоткуда и растворялись в прозрачной дали коридора, становясь ровно напротив двери, и каждое тело – напротив своей собственной двери.

– Что это за двери? – моё тело (я ли это был?), стоявшее ближе всего к Артаку повернулось к нему.

– Это выбор.

– Мой выбор?

– Да.

– Но выбор на то и выбор, чтобы быть одним. Точнее, у одного.

– Это верно только для трех измерений. С добавлением нового измерения все трехмерные выборы реализуются сразу, мгновенно, в едином месте пространства и в едином мгновении времени, и реализуются без исключений.

Агафья Тихоновна молча кивала головой, соглашаясь с Артаком.

– Все-все-все? – немного недоверчиво протянуло ближайшее к дракону тело.

– Да.

– Но в какую дверь я войду?

– Это сложный вопрос, – дракон усмехнулся, – но я рад что ты его задал. Ты войдешь в каждую из дверей.

– Но где я тогда буду?

– А вот это просто – ты будешь именно там, где находятся твои мысли. Ты, кстати, уже находишься там. И из двери навстречу тебе настоящему уже идёшь ты – будущий. Но пройти, встретиться, пожать друг другу руки – вы – он и ты – сможете лишь тогда и лишь в том дверном проёме, дверь которого откроется.

– Что за дверной проём?

– Настоящий момент.

– И он откроется?

– Откроется. Он открывается каждое существующее мгновение.

– Но какой из них? – я устремил взгляд в бесконечность белого и дверного.

– Откроется именно та дверь, которая у тебя в мыслях и, следовательно, около которой ты стоишь. Твои мысли – это никак и ничем не копируемые ключи. Они индивидуальны и неповторимы. Они – и есть Ты.

– И я пройду туда?

– Да. Но не ты, как твоё тело. А Ты настоящий. Ты, который уже Мы – Ты бессмертный и Ты вечный. Ты – единственный ДО, В НЕМ, и даже ПОСЛЕ своего разделения.

– И поэтому у меня нулевой выбор? То есть нет выбора при бесконечном количестве дверей?

– Да. И я был удивлен, когда ты сам это произнес.

– Я это чувствовал, – произнёс я и запнулся, – мы... Мы это чувствовали.

– Я знаю, – Артак погладил одно из моих тел по голове.

– Значит шагнуть или нет в открывшуюся дверь – выбора нет. Точнее, выбор Ноль. Но где-то должна быть спрятана бесконечность, ибо они неразлучны.

– Они? – дракон усмехнулся одними губами.

– Да. Ноль и Бесконечность, – я вскинул брови, глядя на Артака, заметно прибавившего в размерах. Дракон кивнул и произнес:

– Ты прав. Ноль и бесконечность всегда рядом. Они сопровождали тебя одного и не покинут твоё множество. Количество дверей бесконечно. Количество ключей бесконеч-

но. Мысли у «Мы» бесконечны и всеобъемлющи. Ты не можешь выбирать шагнуть или нет, твоё тело это сделает за тебя, независимо от твоих предпочтений – таковы законы трехмерной материи. Но ты всегда можешь выбрать куда шагнуть, и в этом твой выбор бесконечен. Твои мысли, как идеальные ключи, откроют именно то направление, которое и есть Ты. Ибо ты сам – даже не являешься собой. Ты – это твой путь, но не твоё тело. Ты – даже не твоя мысль. Ты – это дорога, а Мы – это тот Ты, кто в пути, – он приобнял Агафью Тихоновну, – и у этого Мы есть и мысли и речь – инструменты на этой дороге.

– Инструменты?

– Если тебе необходимо вырыть яму или набросать гору песка, – Артак любил аллегории, – как минимум, у тебя должна быть лопата. Но Ты – не она. Ты – то из чего состоит яма. Или гора.

– Из чего состоит яма?

– Из пустоты.

– А гора?

– Из камня.

– Значит они разные?

Артак посмотрел на меня очень внимательно, потом переглянулся с Агафьей Тихоновной еще более многозначительно, и с небольшой долей грусти произнес:

– Нет.

– Они одинаковы? Гора и яма?

– Абсолютно – одинаковы. Относительно – различны.

– Я понимаю.

– То дополнительное измерение, которое прочно обосновалось у тебя под языком, – дракон повеселел, – со временем даст тебе ответ на многие вопросы.

– Но на этот вопрос ты уже ответил, не так ли?

– Я? – Артак оглянулся, словно искал себя, или выискивал того, кто ответил за него, – я ответил? Ну что ж, возможно. Если ты принимаешь этот ответ.

– Я его понимаю, – я сосредоточено кивнул головой и добавил, – следовательно, я его принимаю.

– Ну что ж. Пусть будет так. Только помни что в Мире Абсолютных Истин нет ничего постоянного. И гора может стать ямой в один момент. Как и наоборот.

– Одинаковое меняется внутри себя?

– Река течет независимо от ветра и солнца, – добавил Артак, окутав меня жёлтыми глазами.

– Река? При чем здесь она?

Дракон помолчал всего лишь одно мгновение и произнес всего лишь одно слово:

– Волны.

– Волны?

– Волны.

– Но почему река? Не море и не океан? Там волны покрупнее будут.

– Река течет... – Артак, став совсем огромным, кивнул

вдаль коридора.

Мои тела всё так же продолжали делиться и занимать свои места перед закрытыми дверями. Мысленно перемещаясь вдоль бесконечного коридора я мог ясно различить отсутствие в этом коридоре его конца. Двери появлялись сами собой из ниоткуда и не было этому процессу ни конца ни края.

Ни временного, ни пространственного.

Абсолютная, хотя, пока ещё трехмерная бесконечность...

И тут что-то, какая-то неясно угадываемая информация смешалась внутри моей головы.

Или внутри моих голов.

Или смешалось между моими головами.

Казалось, черепные кости не выдержат того колоссально-го давления на них изнутри, которое в одно мгновение заполнило каждую точку моей, всё ещё трехмерной, но уже множественной и вневременной плоти.

– Но что тогда есть моё тело? Чем оно является? Зачем дано? Руки и ноги, туловище, голова?

– Ах, это? – дракон засмеялся так мощно, что несколько моих тел сдуло вглубь коридора, – это, – он поддел своим когтем меня за подбородок, – это ничто. Его нет на самом деле. Иллюзия. Видение. Галлюцинация. Марево. Мечта. Мираж. Причуда. Самообман. Фантазия. Утопия. Блажь, – он замолчал на миг, – я достаточно понятно объяснил?

Я шумно вдохнул и выдохнул.

– Понятно. Но тело чувствует! Значит чувства тоже блажь?

– Настоящее тело ты получаешь не с рождением себя, а со своим осознанием себя самого. И только тогда чувствам этого настоящего тела можно будет доверять. Никак не раньше. А пока – твоё тело – всего лишь хорошо удобренная грядка. Всего лишь пустое поле, по которому гуляет невидимый ветер. Иногда он дует в сторону правды, иногда – лжёт.

– Настоящее тело? – я задумчиво посмотрел на себя, и даже пощупал свою руку, – то есть, сейчас...

– Имя и Форму ты обретешь после знакомства с Сознанием. Сейчас ты лишь стремишься к нему. Ты лишь стремишься, ты в Стремлении, ты ещё в пути.

– Неведение, Стремление, Сознание... Когда? – я задал всего один вопрос.

– Как только... Не надо торопить и торопиться. Дверь распахнется именно в тот момент, когда это будет необходимо. И тебе, и им.

– Нам? – я кивнул на моих клонов.

– Нет.

– А кому тогда – им?

– Дверям, – просто сказал Артак.

– Ага! Но какой из них?

– Не всё ли равно? Ты стоишь перед каждой...

– Ах, да. Но всё же...

– Когда твое Стремление доставит тебя на станцию Со-

знание – ты всё поймешь.

– Сознание за дверью?

– За каждой из них.

– Значит, всё равно куда шагнуть?

– Всё равно. Ноль выбора, – Артак усмехнулся, – и бесконечность вариантов.

– Но сознание за каждой дверью?

– Да. Сознание настолько мощно, что оно охватывает абсолютно всё на свете, – дракон вздохнул и покосился на акулу, – и к нему могут привести – и обязательно приведут самые различные стремления. Даже противоположные друг другу стремления приведут тебя в одно и то же место. Главное чтоб они были. Стремления. И чтоб они были твоими.

– Да, да, я понимаю.

– Артак хочет сказать, – Агафья Тихоновна подплыла к ближайшему к ней мне и приобняла своим плавником, – Артак хочет сказать, что на вершину горы много дорог. И все они различны. Однако все они ведут туда. А вид с горы один. Куда ни посмотри.

– И какая самая короткая?

– Твоя собственная.

– А самая быстрая?

– Тут нет такого понятия, – акула покачала головой, – время существует лишь в узкой и моментальной трехмерной Вселенной. Здесь же, с получением дополнительного измерения, всё становится по-другому. Всё, что происходит в

трехмерном мире в течение долгих лет, здесь может быть сконцентрировано в едином и вечном моменте. И ты сейчас именно в нём, – она кивнула на бесконечное количество моих тел, терпеливо ожидающих открытия двери, – в застывшем, словно бетон, мементе...

– На вершину горы? – переспросил я. – Гора – это я сам?

– Да. Но пока ещё ты лишь ручеек на её поверхности, – вступил в разговор Артак, – правда ручеек, идущий против потока – ручейк, стремящийся вверх; ручеек, готовый стать полноводной горной речкой. И всё в этой реке было бы привычно, если бы не водопады, падающие в небо, если бы не истоки, берущие начало на предгорных равнинах, если бы не устья на вершине горы и если бы не вода, выливающаяся вверх, в небеса.

– То есть, всё с точностью до наоборот?

– Именно поэтому это так тяжело.

– А равнины? Кто они?

– Это совсем неважно, – Агафья Тихоновна усмехнулась, – ведь тот, кто учится двигать горы – неизбежно перестраивает и равнины, их окружающие. Забудь про них. Они подчинятся сами собой. И подстроятся под того, у кого длинные ноги.

– Длинные ноги? – в недоумении повторил я.

– Конечно! Длинные ноги тебе пригодятся чтобы шагать с вершины на вершину. Важны ли тогда равнины?

– И правда...

– Забудь, – повторил Артак и тепло улыбнулся жёлтым.

Я тоже усмехнулся и миллиарды миллиардов моих тел, уходящие в бесконечность, скопировали эту улыбку. Все, как одно. Улыбка озарила все лица – старые и молодые, мужские и женские, красивые и не очень...

И всё вдруг стало тёплым и красивым – всё стало таким, каким оно должно быть – нитки превратились в кружева, а кружевная ткань сложилась в розу.

– Сознание... Вы говорите – сознание... Но как мне распахнуть хоть какую-то дверь? Как мне добраться до сознания?

– Для этого тебе необходимо всего лишь оседлать своё стремление. Нужно подумать чего ты хочешь на самом деле. Найти то, что доставляет тебе истинную, искреннюю радость! То, что наполняет тебя до краев! – Артак говорил быстро, но внятно, – что ты не смог бы расплескать из себя, даже если бы захотел? Что ты можешь дарить, одновременно наполняя себя? Что в тебе есть постоянного и нерушимого? Найди в себе это. И осознай это всеми своими силами. Тогда дверь – именно та дверь, в которую уже прошёл любой из будущих Будд, и неизбежно пройдёт каждый из живущих людей, только тогда эта дверь распахнётся сама собой. Распахнётся именно та дверь, которая скрывает за собой кратчайший путь. Путь от стремления к сознанию. И после этого уже само сознание будет формировать тебя – оно будет

раскладывать твой багаж по полкам, будет прокладывать тебе новые пути – будет асфальтировать, или наоборот – перекапывать твои дороги. Сознание будет учить тебя тому, чему ты должен научиться, а если быть точнее, то именно сознание и сформирует из тебя идеального ученика – ученика, владеющего искусством пройти сквозь – ученика, идеально подходящего для той дороги, которая уготована специально для него. Ты будешь куском мрамора, из которого природа высекает шедевр. И, конечно же, тебе будет больно, но может ли мрамор понять что ему уготовано? Может ли кусок камня осознать что всё что происходит – происходит из-за него, происходит специально для него и для его блага?

– Специально для меня?

– Конечно. Ты и твой путь подходят друг к другу идеально, как две части детской головоломки. Без исключений.

– Всегда?

– Всегда!

– Но если мне тяжело? Если не получается? Если ...

– Значит повернись к своему пути другой своей стороной. Той стороной, которой ты ещё не пробовал повернуться. И пазл обязательно сложится. Он просто не может не сложиться. Ты и твоя дорога сделаны из единого куска мироздания. И разделены они лишь в твоём узком видении этого мира, разделены твоим взглядом в замочную скважину, разделены и сдвинуты – потому и кажутся различными. Ты просто взгляни шире. Используй то, что ещё никогда не пытался ис-

пользовать. Прыгай в стороны, поднимайся вверх, опускайся вниз! Это и будет движение вперёд. Тогда даже движение назад станет движением вперёд, по крайней мере, вперёд во времени. Ведь тот ты, который проходит дважды по одному и тому же месту – уже другой ты, уже отличный от того тебя, который тут уже проходил. И кто знает – может настоящий ты – ты сегодняшний – идеально впишешься в ту самую структуру среди которой ты уже задумчиво бродил, может ты замкнешь собой и небо и землю или соединишь право и лево, может быть ты превратишься в горизонт – в эту линию, соединяющую несоединимое и не существующую в этой реальности. Возможно, ты станешь линией-мечтой, линией-дворцом, линией-пухом – линией, без которой ни один пейзаж не может существовать. Ибо твоя дорога – твой холст и твоя палитра и есть та пресловутая вторая половинка тебя, о которой так любят говорить люди. И которую они так долго и безуспешно ищут, постоянно забывая об одном – половинка всегда рядом, иначе она не была бы ею, а целое всегда с тобой и внутри тебя! И в действительности никто не разделен, а реальность – едина и восхитительна.

– Но...

– Только не будь похожим на тех, кто сучит веревку, – перебил меня Артак, – они простирают свои нити вдаль, но сами при этом всё время пятятся...

Глаза дракона горели жёлтым и отблеск этого света окрашивал весь коридор в золото.

– И сознание – там? – я кивнул в сторону ближайшей ко мне двери и бесконечное количество моих тел повторили движение моего тела.

– Да.

– И сознание всё может?

– Сознание всё знает, следовательно – оно всесильно.

– И...?

– Оно даст тебе твою настоящую Форму и твоё настоящее Имя, оно сделает тебя реально существующим. Оно предоставит тебе всё необходимое для того чтобы воплотить то, к чему ты стремишься...

– За этой дверью всё для меня поменяется? – мой взгляд цепко держался за дверь.

Артак посмотрел на меня, перевёл взгляд на Агафью Тиохонову, после чего обернулся к бесконечному белому коридору и произнёс:

– Да. За этими дверьми всё поменяется.

– И я буду разный за каждой из дверей?

– Да. Ты будешь разный за каждой из дверей.

– Но я перестану осознавать свою многогранность?

– Именно так. Каждый новый «ты» получишь собственное Имя, приобретешь соответствующую имени Форму и начнешь своё путешествие, будучи уверен что ты отдельная и ни с кем не связанная личность. Но эта информация навсегда будет прошита в тебе, и доступ к ней у тебя сохранится навечно.

- Значит ли это, что я могу быть даже не похож сам на себя?
- Конечно, – дракон кивнул и подмигнул акуле, словно делясь с ней моей непонятливостью и нерасторопностью.
- Значит ли это, что сделав один всего лишь шаг я расколуюсь на множество осколков?
- Которые ты всю свою последующую жизнь будешь пытаться собрать воедино, – продолжил за меня Артак.
- И соберу?
- Каждый соберёт. Рано или поздно, но соберет.
- Но каждый – это ведь тоже я?
- Конечно, – дракон легонько подтолкнул меня лапой вперёд, – конечно ты.
- И это всё? – я стоял вплотную к двери, но не решался её толкнуть.
- И всё.
- Конец?
- Начало.
- Но....
- Никаких но... Ноль и Бесконечность неразлучны точно также, как и Начало и Конец.
- Значит они одинаковы?
- Конечно. Там где выход, там и вход.

Дверь не поддавалась. Видимых глазу замков или ручек на ней не было, однако, закрыта она была прочно, умело и качественно – закрыта заподлицо – закрыта так, что торец двери был идеально подогнан к наличникам не оставляя ни малейшей щели. Ни для глаза, ни для рычага.

Я вопросительно взглянул на дракона, потом перевел взгляд на акулу, молча стоящую немного в стороне. Мои животные молчали, и словно выжидали чего-то.

Чего-то этакого...

Мысли... Мысли... Мысли...

Мысли витали где-то сверху и вокруг, пытаюсь найти решение к этой неожиданной головоломке и вдруг одна из них вышла наружу, выскочила на свободу – она вылетела из моей головы, вспыхнула золотом драконьего взгляда и приобрела форму ключа.

Ключ был изготовлен из прозрачного жёлтого света чем-то напоминающего солнечный. Он потратил некоторое время, просто повисев его неподвижно, повисев его прямо в воздухе, а потом резко, без предупреждения, ударился о закрытую дверь, брызгами рассыпавшись на миллионы автономно светящихся жёлтых фотонов и ударной волной распахнул эту дверь настежь.

В точности то же самое происходило по всей длине коридора. Мысли-ключи – разные и по форме и по содержанию, мелкие и крупные, радостные и грустные, яркие и не очень – мысли великие и низменные, созидающие и наоборот, ге-

ниальные и бездарные, все мои мысли без исключения – такие разные и одновременно одинаковые – все эти золотые мысли-ключи открывали каждая свою собственную дверь и сразу же после открытия вихрь воздуха – где небольшой и ласковый, а где, словно тайфун – жестокий и убийственный – затягивал мои ждущие тела внутрь, за белые двери.

Распахнутые настежь двери, в свою очередь, тут же захлопывались и растворялись в пустоте, подтверждая всей своей короткой подневольной жизнью одну непреложную истину – из пустоты всё явлено и туда же всё и уйдёт.

Мыслью всё образовано, мыслью и похоронено будет.

Мысли-ключи...

Единственное, что их объединяло – присутствие смысла, этого наполнителя всех идей и мыслей. В остальном, каждая из них была уникальна.

Каждая мысль являлась в образе единственно подходящего отпирающего ключа для каждой из существующих дверей. Но общий смысл был един и незыблем – мои мысли и являлись этими неподдельными ключами, мысли открывали каждая свою дверь – и каждая была неповторима, уникальна и никоим образом не копируема.

И возле каждой двери существовала идеальная пара – мысль и выложенная этой мыслью дорога.

Да и визуальные образы этих мыслей – золотые ключи,

висящие в пространстве – были совершенно различны – одни старинные, кованные из тяжёлого чугуна, разбавленного невесомым светом; другие – легкие, современные, в виде магнитной карточки с какой-либо замысловатой надписью или совсем без неё; третьи – самые что ни на есть простые, стальные ключи от несложных и дешёвых замковых механизмов; четвертые – ключи посложнее – с множеством бороздок и впадинок, скрупулёзно исполненных искусным мастером; были тут и ключи с лазерной нарезкой – неповторимые в своей уникальности – самые сложные в производстве и в понимании ключи.

Для производства последних требовался концентрированный свет – свет-лазер, свет, которым надо было уметь пользоваться, управлять; свет, который надо было подчинить и направить; свет, который мог бы стать отличным слугой человеку, но только после раскрытия некоторых своих глубоких тайн; свет – единственный из до конца непостижимых и свет – одинокий правдивый спутник всего человечества.

Свет-тайна. Свет-разгадка. Свет-юморист. Свет...

Ключи – разные по форме и содержанию, но одинаковые в своем стремлении открывать. Одинаковые в моём стремлении к сознанию.

А значит – и одинаковые по своей сути.

Ключи, разные по своим возможностям.

Ключи, ведущие к различным дорогам и по разным путям.

Ключи, открывающие дверь за дверью.

Ключи, предоставляющие нулевой выбор.

Ключи, мысли – золотые ключи.

Ключи, которые в самом конце неизбежно приведут меня куда-нибудь, ведь каждая дорога когда-нибудь, чем-нибудь да заканчивается. Приведут туда, куда вела каждая из этих дорог; туда, где мой свет встречается с чужой тенью, а сама жизнь перемежается с одной из своих неотъемлемых частей – со своей смертью, образуя тем самым третье и самое важное состояние материи – состояние единства всего существующего – состояния, которое недалекими в своей простоте людьми зовется жизнью – жизнью неделимой и вечной – жизнью такой, которая вмещает в себя даже саму смерть, отделённую от жизни пониманием человечества.

Жизнью, воплощающую единство правого и левого, высокого и низкого, большого и малого, единство быстрого и не очень, единство хорошего и дурного, радостного и грустного, смешного и печального.

Единство этого мира и всех остальных миров, единство энергии и материи, единства реальности и вымысла. Одним словом – единство всего со всем.

Именно туда веди дороги, простирающиеся за каждой из дверей.

Один путь был длинен и полог, другой крут и короток, третий – проторен, четвёртый – космат и кустист, пятый вообще не существовал до той поры, пока дверь к нему не была безжалостно и безразлично распахнута какой-либо дерзкой и сумасшедшей мыслью-ключом.

Но все дороги, все пути вели в одно место – на вершину самой высокой горы, в снежную белую точку недвижимой вечности, в зеркально-прозрачную стужу прожитых дней, они вели прямо в Солнце – бело-жёлтое или раскалённое до красна – вели в оранжевое, остывающее светило.

Все дороги вели в покой, который одновременно являл собой не что иное, как волнительное и тревожное беспокойство.

И каждый прошедший свой собственный путь, в конце концов, понимал, что начало его – отворяющая дверь мысль, и конец пути – мысль завершающая – едины, но едины не во времени и в пространстве – они едины тем абсолютным единством, которое выше времени и выше даже самого пути, который это время устилает.

И каждому рождённому суждено погибнуть – неизбежно и неминуемо, но погибнуть лишь для того, чтобы возродиться вновь – возродиться так же неотвратимо, как неотвратима сама смерть, прыгающая в начале пути едва различимой тенью и неуклонно следующая за каждым новым рождением.

И эти гибели и рождения будут перетекать из одного в другое, но не вечно, ибо литься они будут из сосуда в сосуд до момента, в котором само перетекание умрёт, в котором оно застынет, отрицая даже время...

До момента, в котором начало сольётся с концом и возрождение крепко-накрепко сплавится со своей смертью.

И сама жизнь – всеобъемлющая, прочная, живая поглотит и то, и другое.

Только тогда их родительское поглощение пробудит ту самую – творящую и созидающую пустоту, и тогда абсолютное звучание этой пустоты признает и подтвердит относительность своих родителей.

Тогда пустота станет холстом, а ты сам – художником у этого холста.

И когда зазвучит у холста твой смех – смех художника – смех смелый, чистый и искренний – тогда вновь признанная тобой относительность перерождений рассыплется на яркие и разноцветные осколки – материал, из которого сделаешь ты необходимые тебе краски.

Только тогда, вместе со своим смехом, сможешь ты писать этими красками – писать радужно, писать мастерски – уникально писать.

Но покинет тебя и твой смех, ибо превратится он в творение на твоём холсте.

Но, может быть, обманываю я тебя, и ты сам станешь его произведением, а он вернётся в свою родную бухту – в верхнее и абсолютное Единство – вернётся в тебя.

Или наоборот – ты вернёшься в него.

И уже это Единство – самим своим существованием – окончательно упразднит всяческие новые рождения. Не только тел, но и полотен с телами.

Упразднит за полной их ненужностью.

И этим вычёркиванием, этим исключением любых возможных рождений из бытия, оно исключит также и любую возможную смерть.

Они растворятся в пустоте, словно их никогда и не было, и растворившись – утвердят собой новую для тебя истину – истину вечного существования, истину абсолютную – истину нигде, никогда и никем не рождённого бессмертия.

С этими мыслями я, стоявший рядом с Артаком и Агафьей Тихоновной, был безжалостно затянут внутрь неизвестно чего, затянут мощным потоком ветра, затянут шквалом подхватившего меня в ладони мироздания.

И был я невесомым пухом на крыльях этого смешного и улыбчивого ветра.

Бесплотным духом был я.

Ветряная буря утихла и тот же порыв воздуха ласково и очень бережно опустил меня на гладкий, зеркальный пол.

Оглянувшись, я с облегчением увидел своего дракона и свою акулу – они были рядом, они смеялись и плакали, они радовались и грустили, одним словом – они были, и были они рядом со мной.

И уже одно это было замечательно.

И неповторимо.

18

– Где мы?

– В пути.

– Куда?

– В вечность.

– А где мы сейчас?

– Эта остановка называется Сознание. Твоё стремление породило его. Породило сознание, которое даст тебе Форму. Форму и Имя.

– Зачем они мне? Разве я – уже не я?

– Ты – ещё не ты.

– А это? – я взглядом показал на свое тело.

– Это – мираж. Его ещё нет.

– Но я его вижу.

– Значит, ты видишь будущее.

– Разве это возможно?

– Возможно.

– Я могу оставить то, что я вижу?

– У тебя нет выбора. Ты получишь именно то, что видишь и то, чем уже обладаешь.

– Как это?

– Сложно и легко.

– Кто мне это даст?

– Сознание.

– Зачем мне это?

– Чтобы воплотить своё Стремление, чтобы дать ему реальную жизнь, чтобы решить свои задачи и выполнить свою миссию.

– Зачем мне это? – я упрямо повторил вопрос.

– Ты так пожелал.

– Когда?

– Когда шагнул в Неведение.

– И что теперь?

– Теперь ты должен его растворить и уничтожить. Теперь ты должен стать морем и палачом. Другого пути нет.

– А если я не успею?

– Тогда ты умрешь побеждённым.

– Умру, но выживу?

– Конечно. Это одно и то же.

– Не понимаю.

– Смерть тела неважна, если ты достиг станции Сознания.

Ведь именно оно дает тебе то, люди называют жизнью.

- А смерть духа?
- Её не существует вовсе.
- И мы в Сознании?
- Мы приближаемся к нему.
- Значит надо идти.
- Возможно.
- Что есть Сознание? Как я узнаю его?
- Его невозможно узнать, но возможно почувствовать.

Когда в тебе берётся что-то словно из ниоткуда – это его подарок.

– Зачем он мне?

– Любой его подарок – инструмент. А любой инструмент для того чтобы им пользоваться. Ты пришел сюда трудиться, не отдыхать. И таково было твоё личное желание!

– И прямо сейчас...

– Сейчас ты получишь Форму. Обретишь Имя. И станешь настоящим.

– А в данный момент я не настоящий?

– Пока ещё нет. Сейчас ты – мост. Натянутый канат. Ты металлический, но хрупкий трос. Чугун.

– Трос между...

– Между ненастоящим и настоящим.

– Что есть мост?

– Ты есть мост. Человек есть мост. Ты – невесомая паутина, соединяющая этапы развития мира.

– Невесомая?

- Да. И очень тонкая.
- Но она прочна?
- Она достаточно прочна для одного человека.
- Но она и есть человек!
- Именно это я и сказал.
- А если два?
- Два человека никогда не выстроят и не соединят одинаковые берега. Ни внутри, ни снаружи.
- Значит у каждого своя паутина?
- Каждый – своя паутина.
- На мешке с ленью?
- Или в мешке со знанием.
- Есть ещё варианты?
- Нет.
- Но я шагнул в Неведение!
- Неведение и Знание – суть одно и то же. Как только первое порождает второе – тут же второе сменяется первым.
- И этот процесс бесконечен?
- Нет.
- Когда он закончится?
- Никогда.
- Значит бесконечен!
- Нет!
- Не понимаю.
- Конечны ли океанские волны?
- Думаю, нет. Они постоянны.

– И тем не менее, каждая из них рано или поздно достигает берега. Или растворяется сама в себе.

– Значит надо достигнуть берега?

– Надо достигнуть своего берега. Или умереть растворившись.

– В себе?

– Нет ничего на свете, что было бы не тобой.

– Мне нужны вёсла.

– Вёсла – это инструмент. Инструменты даёт Сознание.

За этим мы и пришли.

– И мой инструмент?

– Имя и Форма.

Я опять посмотрел на своё тело и на всякий случай вспомнил своё имя.

– Настоящее Имя и настоящая Форма, – поправил мои мысли Артак, – иначе ты не сможешь грести.

– Что сделает их настоящими?

– Осознание их силы. Их сила в сознании.

– А сейчас?

– Сейчас ты просто тело. Кусок инстинктивного мяса. Оно – мясо – хочет выжить, думая, что это и есть жизнь. Мясо не умеет грести, мясо умеет чувствовать. А грести умеет бесчувственный мозг.

– Для чего всё это?

– Чтобы умереть в конце.

– Но если я не хочу умирать?

– Значит ты не хочешь жить.

– Это одно и то же?

– В Абсолюте – да. И только в относительности, где ты пока ещё и находишься, только в мясе – умереть – значит умереть. Для мяса – умереть – значит – протухнуть.

– А мы сейчас где?

– Ты и сейчас, и всегда был в Абсолюте, но это необходимо осознать. Полностью. Каждой клеткой человеческого мяса.

– Но как?

– Тебе поможет твоя же смерть. И она будет относительна.

– Относительна чего?

– Относительна твоей формы, не более того.

– А моей сути?

– Твоя суть осталась за пределами неведения. Ты к ней вернешься в конце пути. Не потеряй с ней связь.

– Какую связь?

– Хотя бы мысленную.

– В неведение шагнуло лишь моё тело?

– Да. Оно должно пройти свой путь, соткать свою паутину. Поймать в неё море-океан или кусок Солнца. Растворить или растопить Неведение или себя самого. Это всё одно и то же.

– Но зачем всё это?

– Таковы правила игры.

– Я получу форму человека?

– Совсем не обязательно.

– Значит мир справедлив?

– Что ты имеешь в виду под древнегреческим словом справедливость? Мир совсем не справедлив, но и не безжалостен – мир безразличен. Безразличен, ибо вечен и неизменен. Человеческий мир мёртв.

– Мир может вернуть человека на нижние ступени развития? Человек может стать животным?

– У паутины много концов. Человек может стать кем угодно. И чем угодно.

– Значит, мир справедлив!

– Если мир справедлив, то справедлив и человек. Мир лишь выполняет решения того, кто решает. И тот кто решает – Человек. Но им надо стать. Не только родиться.

Я вдруг посмотрел на зеркальный пол и увидел свое отражение. Оно было чётким и ясным. С пола на меня смотрел желтоглазый дракон. От неожиданности я вскрикнул:

– Я что, стал драконом?!

– Мне это неизвестно. Но ты в Сознании. Значит – ты стал всемогущим.

– Но почему я тогда вижу дракона?

– Ты сам наделил его этой властью.

– Дракона?

– Да...

Дракон из зеркала продолжал смотреть на меня ярко-жёлтыми глазами и лучи, исходящие из наших глаз встретились

на половине пути друг к другу. Встретившись, они сплелись в яркий солнечный клубок, образовав ослепительное подобие шаровой молнии. Клубок светился ярче всего, ранее мной виденного, кроме пожалуй глаз Артака.

И кроме, пожалуй, теперь уже – моих собственных глаз.

Я поднял голову, оторвав взгляд от пола, но солнечный клубок – этот комок чистой энергии продолжал висеть в пустоте, не опираясь более ни на один из жёлтых исходящих лучей.

– Это Оно?

– Да.

– Уверен?

– Да.

– Значит мы добрались?

– Да.

– И Оно даст мне желаемое?

– Если ты будешь с ним внимателен и осторожен.

– А если не получится?

– Оно покинет тебя.

– Я буду осторожен.

– Я знаю.

– Что сейчас произойдет?

– Большой взрыв.

– Прямо здесь? Сейчас?

– Да.

– Это будет моё рождение?

– Нет.

– Значит ли это, что даже обрета Имя и Форму я ещё не буду рожден?

– Да.

– Когда же это произойдет?

– Когда ты будешь готов к смерти.

– Что для этого необходимо?

– Принять её как данность.

– И всё?

– И всё.

– И что будет тогда?

– Тогда ты получишь опоры. Чувственные опоры.

– Чувства?

– Да.

– Чувства... Я получу боль и страх?

– Нет. Боль и страх у тебя уже есть. Животные тоже испытывают боль и страх. Ты получишь любовь. И она даст тебе всё остальное.

– Объясни.

– Твоя Форма получит пять животных чувств, а Имя – одно высшее.

– Перечисли.

– Зрение и слух, нюх и вкус, и осязание или самоощущение.

– Осязание – это самоощущение?

– Да. Ощущение мира и ощущение себя одинаковы.

– А высшее чувство?

– Любовь.

– У животных её нет?

– Нет. У животных есть верность и преданность. Это – животная тень человеческой любви. Тень Любви. Длинная, как мост от животного к человеку.

– Зачем мне все эти чувства?

– Это твои опоры в материальном мире. Это столбы, на которых ты будешь стоять.

– А потом?

– Потом ты научишься Соприкосновению.

– С чем?

– С миром.

– И он...

– Он разделит тебя. Заберет единственное по настоящему твоё, заберёт единственно существующее, одинокое Единство.

– Как это?

– Чтобы дотронуться до чего-то, ты должен перестать быть этим чем-то.

– Но я могу дотронуться и до себя самого? Прикоснуться к себе?

– Конечно. Но только после твоего рождения. После рождения твоего духа.

– И что произойдет тогда?

– Когда ты родишься – ты вернешься к Единству. Ты пой-

мешь...

– Но Имя и Форма – разве это не рождение?

– Нет. Тело – это всего лишь инструмент. Настоящее рождение происходит позже – уже внутри тела.

– А потом?

– Потом то, что родилось внутри тела рождает новые тела.

– И они...

– Процесс бесконечен, как бесконечно количество белых дверей, как бесконечно количество мыслей, как бесконечно количество ключей...

– И все они...

– Все они приведут тебя к смерти.

– И моя задача?

– Родиться. Твоя задача – родиться по настоящему.

– И это...

– Только это сможет привести тебя к настоящей смерти.

И только после настоящей смерти возможно... Впрочем, об этом позже. Только тогда ты попадаешь в вечность.

– А если я не успею родиться по настоящему?

– Значит ты останешься в игре.

– И?

– И проиграешь.

– И это будет конец?

– Это будет игра сначала. С самого начального начала. Но ты потеряешь весь свой опыт. Это будет трудная и опасная игра.

– Очень опасная?

– Да. Для существа без опыта любая игра опасна. Всё придется пройти заново.

– Зайти в каждую дверь?

– Да.

– Подумать каждую мысль?

– Да.

– Прожить каждую жизнь?

– Именно.

– Я понял...

Дракон, сидящий в моем теле склонил голову к полу и внимательно посмотрел на огненный шар. Тот пульсировал, вибрировал и развивался.

– Спасибо, – произнес я и тут же обрел форму человека, вернув своё привычное отражение, – спасибо, – повторил я ещё раз и зажмурил глаза.

– Благодарю, – ответило зеркало и исчезло, оставив меня одного, с моими мыслями и словами, оставив меня с моими милыми животными – с Артаком и с Агафьей Тихоновной.

Оставив меня дома.

– Что это было? – произнес я, имея в виду мой прыжок в внезапно открывшуюся дверь.

– Это был твой выбор.

– А где остальные я? Те, которые стояли перед своими

дверями?

– Там где и должны быть. Каждый за своей собственной дверью, – дракон неопределенно пожал плечами, – ведь каждая мысль открыла свою личную, свою собственную – уникальную дверь.

– И все они реальны?

– А как ты думаешь?

– Не знаю.

– Реальны, – Артак кивнул головой, как мне показалось, немного обреченно, – реальны, и никуда от этого не деться. Ни от этой реальности, ни от её отсутствия.

– Значит, я действительно проживаю каждый из возможных вариантов?

– Да. Каждый. Каждый из бесконечного числа вариантов. Ни от одного не удастся увильнуть и ни через один не получится перепрыгнуть. Именно эти проживания и дают тебе твой личный – уникальный, бесценный – твой собственный и, одновременно, всеобщий опыт.

– Но чем же он уникален, если каждый человек проживает бесконечное число вариантов? Ведь бесконечное – это всё, что может случиться и даже немного больше. Значит, каждый обладает одним и тем же опытом?

Артак посмотрел на Агафью Тихоновну и тихонько произнес:

– Но ведь каждый из уже умерших, как и каждый из ныне живущих, так и каждый из ещё не родившихся – это и есть

ты, разве ты этого не понял?

– Понял, конечно, понял, – по инерции выкрикнул я, и в тот же момент застыл в изумлении... – Каждый – это я?

– Да, – Агафья Тихоновна плавником смахнула с моего лба внезапно выступивший пот, и еще раз повторила, – да. Каждый. Без всякого исключения. И каждый не только из тех кто «живёт» прямо сейчас, в этом времени. Каждый, в абсолютном понимании этого слова, каждый во все и на все времена, абсолютно каждый – и это – ты. Я думала, ты осознал это ещё в бесконечности белого коридора.

– Я догадался. Но я не понял.

Акула молча кивнула своей большой серой головой, соглашаясь с моей трактовкой понимания.

– Я догадался. Но я не понял, – задумчиво повторил я, – и каждый за своей белой дверью получил своё собственное осознание, может быть, даже совсем непохожее на моё?

– Каждый, – кивнул Артак.

– А может быть и похожее.

– Может быть, – кивнула Агафья Тихоновна, – вариантов-то бесконечность.

– Но ведь это значит что и опыт у нас общий. Это значит – знания одинаковы. Тогда и цели одни, ибо опыт определяет возможности!

– Да, да, да. Знание – оно вообще одно.

– Но я подумал что эти двери – двери выбора поступков, а не целых жизнью.

– И поступков тоже... Если изменить масштаб. Поступки определяют жизнь, а жизнь определяет бессмертие, – Артак сидел на зеркальном полу и с улыбкой смотрел на мою растерянную физиономию, – да, да, схема одна и та же – выбор жизней, выбор поступков в ней, выбор решений каждого поступка, выбор реакций на каждое решение, выбор последствий за каждую реакцию – всё это имеет ровно столько же вариантов, сколько было, есть и будет белых дверей.

– Бесконечность?

– Или ноль!

– Ноль???

– Конечно, – дракон демонстративно зевнул, – когда у тебя бесконечное количество вариантов – что в мыслях, что в действиях, что в жизнях, можешь считать что этих вариантов ноль. Всё, абсолютно всё, придется прожить и испытать. Всё без исключения. Так сколько тогда получается вариантов?

– Один!

– Почему?

– Один вариант – всё и сразу.

– Ну что ж, – Артак склонил набок голову, – ну что ж, может быть и так. Но наличие даже одного варианта – это всегда выбор, ты не находишь?

Я только нахмурился, размышляя, однако, спустя некоторое время, моё лицо разгладилось и посветлело, а мысленные тучи разошлись, и слова – чисто вымытые в летящем грозном облаке шквальных мыслей сами соскочили с язы-

ка:

– Я понял! Без вариантов. Ноль. Большой, жирный, круглый ноль без конца и без края.

– Именно так, – устало подтвердил Артак и лениво подтащил ко мне пустой и вывернутый наизнанку мешок с любовью, – получите. Вы обрели Форму, и если я не ошибаюсь, ваша Форма соответствует человеческому облику. Значит – это именно ваш мешок. И именно вам его и наполнять. Если вы, конечно, хотите этого и что немаловажно – планируете двигаться дальше...

Конечно же, я хотел. И планировал. Собирался. Жаждал. Но, молча придвинув к себе холщовую ткань, я застыл в неподвижности, не зная что с ней делать дальше.

– Ну же, ну... – Агафья Тихоновна, улыбаясь, подсказывала мне, – вы же видите, мешок вывернут, значит надо привести его в правильный вид, – она помогла мне с этой простой задачей и затянула небольшую веревочку на горловине мешка.

– А где я возьму любовь? Чем я его наполню?

– Везде! Она везде! – Артак рассматривал свои когти, но вдруг раскинул лапы широко в стороны, словно демонстрируя ширь самого пространства и глубину пустоты, – она воистину везде! И вам её собирать. Кстати, тара для этого у вас уже есть, – он кивнул на мешок в моих руках.

– Но как? Как собирать любовь?

– И тут нет ничего сложного. Собирайте, как собирали бы ароматную и спелую клубнику под тёплым весенним солнцем. Собирайте неторопливо, наслаждаясь каждым мгновением. Собирайте упруго, мягко, по кошачьи спрятав когти в подушечки. Собирайте с ясными мыслями, собирайте отсюда и до самого горизонта, собирайте дальше него. Только внимательно выбирайте ягоды. Берите исключительно здоровые, яркие и упругие, только полезные плоды. Не гонитесь за количеством, оно никогда и ничего не определяет. Качество – вот ваша цель! Качество! – Артак повысил голос, как бы настаивая на своём видении, – качество – вот залог успеха любого дела, любого предприятия. Впрочем, как и любого человека. Качество! И всегда помните, что даже одна ягодка с гнильцой – даже лёгкий, бывает что и невидимый глазу налёт плесени на ней с потрясающей легкостью и завидной быстротой испортят содержимое всего мешка. И тогда придется вытряхивать и перебирать.

– Но как увидеть невидимое глазу?

– Сердцем, мой друг, только сердцем. Почувствовать, определить, засомневаться, проверить, ещё раз засомневаться и ещё раз почувствовать. И, в конце концов, лучше – выкинуть и забыть, чем принять и испортить – лучше перестраховаться, чем принять и исказить. Гниль тоже должна дать всходы, но пусть это будет не в вашем мешке. Пусть этот перегной питает чьи-то корни, для этого он и необходим, и в этом его предназначение. Но плоды, – Артак наклонился к

моему уху, – плоды должны быть ЧЕСТНЫ, чисты и упруги. Как яркий резиновый мяч из вашего детства! Помните это!

– А что делать с подгнившей любовью? Если не в мешок, то куда?

– Гнилые ягоды оставляйте в земле – только там их перегной сможет дать силу новым всходам. Не тащите их в душу. Не пытайтесь вылечить сами. Предоставьте земле обратить в прах то, что и так уже наполовину им является. Только тогда появится молодая листва. Живая и зеленая. Только тогда появится новая завязь и сможет вырасти новый плод.

– Но ягоду можно и вылечить? Это возможно?

– Это, – Артак склонил голову размышляя, – это возможно, – после небольшой паузы добавил он, – конечно, возможно. В исключительных случаях. Но излеченная гниль, как и отмытая начисто плесень может быть только у мумии, и никак не у человека. И если вы не хотите в неё превратиться – оставьте умирающие ягоды в земле. Тогда следующий, вами же возвращённый урожай, порадует вас новыми и чистыми, ярко-зелеными ростками под ослепительно чистым солнцем...

– Да, да, вы, конечно, правы. Но что для этого нужно?

– Время. Всё что для этого нужно – это время. То бишь – энергия. Только она в состоянии преобразить уходящее.

– И Солнце?

Артак прищурился и внимательно посмотрел на меня.

– И Солнце, – медленно повторил он, словно пробуя слово на вкус, – конечно же, Солнце будет чрезвычайно полез-

ным, – он набрал полные лёгкие воздуха и шумно выдохнул прямо мне в лицо, – и Солнце и Ветер. И чередование.

– Чередование чего?

– Дня и ночи, конечно, чего же ещё. Зимы и лета – если брать более крупно. Рождения и смерти – если копнуть ещё глубже. Ну а если уж совсем глобально – чередование жизненных потребностей, а потом и просто потребностей...

– Чередование потребностей? Значит потребность даже больше чем жизнь?

– Да, Потребность – это причина возникновения жизни. Ведь если вы родились – значит это было необходимо. Ничто не случается просто так. Всему есть...

– Причина! – я выкрикнул, не дождавшись завершения фразы.

– Причина? – Артак округлил глаза и вскинул брови, – да, вы, конечно, правы. Но вы правы относительно, не абсолютно. Ведь саму причину очень легко попутать со следствием. Никто не знает что было раньше, – он хитро усмехнулся, так как умел он один – одними глазами, и их желтизна брызнула на меня золотым дождём, – причина или следствие. В самой вечности, в единстве всех времён нет разделений – рождённый и тот, кто родил – едины. В вечности – вокруг вас одни лишь современники. Нет ни родителей, ни потомства. А вот потребность есть. Она остаётся и именно она определяет цели движения и взаимодействия всего со всем, – он засме-

ялся, – она определяет и направления этих движений. Ну, и конечно же, она и только она определяет спелость клубники, – Артак кивнул на мешок.

– Но как мне найти ягоду? Где это поле?

– Найти хорошую ягоду нелегко, хоть в мире и нет ничего легче и приятнее. Найти её несложно, но многие сломали зубы, пытаясь собрать урожай. Самые плодоносные места на горизонте, – дракон неопределенно махнул головой куда-то вдаль, – но наполнить мешок можно и на пути к нему, – он набрал полные лёгкие тягучего, как расплавленная смола, воздуха и медленно выдохнул поверх моей головы, так что мои волосы затрепетали, – учитесь соприкосновению. Оно откроет вам глаза. Оно научит ваше сердце черпать.

– Соприкосновению чего с чем?

– Соприкосновению вашего тела и ваших чувств со всем, что встретится вам по пути, со всем, что вы увидите в дороге. Для этого вы и получили Чувственные Опоры. Соприкасайтесь с горем и с радостью, с болью и наслаждением, со страхом и смелостью, с отвагой и безрассудством, с ярко освещенными полянами и темным непролазным буреломом, соприкасайтесь с жаждой и желаниями, с привязанностями и обладанием, с удовольствием и удовлетворением, соприкасайтесь с разочарованием, с примирением, с ненавистью, с разрушением, опять с болью, опять с наслаждением, да мало ли с чем! С чем угодно! Во всем есть любовь! Она – основа всего. Она – фундамент. Она – цель, но она же и средство.

Она – и лекарство и яд. Она, только она одна. Везде, всюду, во всём.

– И как мне её собирать? Чем собирают любовь?

– Руки тут бессильны. Для сбора урожая вам надо будет открыть своё сердце. Только оно может черпать любовь. Только оно с лёгкостью вместит в себе всё что угодно. Вместит, не отягощаясь.

– И где черпать?

– Везде, – дракон явно говорил загадками, – на каждом шагу, в каждой мысли, в каждом действии и поступке, в каждом взгляде, в каждом звуке, в каждом запахе и вкусе, в каждом очертании и в каждой тени...

– Но как??? – я растерянно повторял одно и то же слово, – как? Как?

– Постойте, как это – как? Вы получили бесценный подарок – телесные чувства. Запомните, природа никогда и ничего не даёт просто так. Используйте этот подарок как инструмент. Начните же, наконец, чувствовать! Иногда ваши чувства будут дарить вам крылья и возносить в небеса, а иногда – совсем наоборот – швырять оземь с казавшейся вам доступной высоты. Иногда вы будете парить над облаками, а иногда срываться вниз. И находясь высоко над горами, всегда помните – внизу острые скалы, которых не избежать. Никому и никогда не избежать. И их острые пики готовы наколоть вашу плоть и оросить себя вашей же кровью, а их каменные склоны с радостью продолжают начатое дело, размазав

по твёрдому камню ваше израненное и разодранное тело. Но и это будет не конец. Пройдёт время – и пройдёт дождь – он смоет вашу кровь и она уйдёт глубоко в землю, а дождевая вода пробудит спящее зерно, и точно в этом месте вырастет могучее дерево. Вырастет на голом камне, питаясь исключительно вами – вашей плотью и вашей кровью. И на своих крепких ветвях оно поднимет вас, своего хозяина, выше облаков, где вы летали, и даже выше воздуха, где вы дышали, поднимет вас выше даже самых далеких звёзд, где казалось бы, уже и дышать нечем. Но и тогда помните – вы обязательно сорвётесь опять – но сорвётесь лишь для того, чтобы впоследствии подняться ещё выше, и для того, чтобы ваше следующее падение было ещё стремительнее. И чем глубже и дольше будет ваше падение, чем сердитее и злее будут вгрызающиеся в камень скалы корни вашего дерева – тем гуще будет его крона, тем упоительнее прохлада его тени, тем вкуснее и жирнее смола его дерева, – Артак замолчал думая о чём-то своём, а мы с Агафьей Тихоновной застыли в ожидании, – но и тогда не спешите радоваться или огорчаться. Не торопитесь переживать. Не убивайте себя сожалениями. Просто двигайтесь дальше. Ни один взлёт не бывает последним, и, следовательно, ни одно падение не сможет быть смертельным или даже просто невыносимым. Чередование всего со всем будет вашим учителем, и нет на земле мудрее этой злой и колючей истины, – дракон погладил меня по голове, осыпав золотым светом.

– И вот тогда, не раньше и не позже, только тогда все ваши вопросы – как, зачем и почему – отпадут сами собой. Отпадут за ненадобностью, отпадут как спелый плод. Действуйте же! Безостановочно и беспокойно. Действуйте, неумолимо врезаясь в твердый камень! Действуйте, стремительно рассекая телом воздух. Для этого оно вам и дано! Действуйте же! Всё в этом мире боится только одного – и это единственное – действие. Начните действовать и вы сами не заметите как добрая половина ваших вопросов исчезнет, даже не успев сформироваться, а другая половина – будет отвечена и забыта. И полученные в действиях знания, приобретённый в пути опыт уже не будут просто информацией, которую можно записать на бумагу. После того как вы пропустите их через своё сердце – они станут неотъемлемыми качествами вашей личности, которые с лёгкостью смогут изменить даже ваше собственное бытие. И тогда всё остальное уже не будет важно.

– Действовать? – я недоверчиво посмотрел на своего дракона, как бы сомневаясь в его словах.

– Действовать! – Артак кивнул в знак согласия, – именно действовать! Используйте ваш инструмент, используйте ваше тело – оно подскажет как. Оно не подведёт. Оно не может подвести. Оно просто-напросто не обучено этому, оно не умеет. Природа создала тело для помощи человеку, для осознания им своей сути, но никак не желая ему навредить. И в этом его высшее предназначение, – Артак невольно и совсем

не больно уколол меня своим когтем, – только научитесь доверять своему телу. Полностью. Без всяких «но» и «если». Будьте к нему внимательны и снисходительны. Любите его, в конце концов. Слушайте свою энергию – она выведет вас к свету. Собственно, для этого вы её и получили.

– Энергию?

– Да, энергию. Время. Тело, функционирование которого ограничено влитой в него энергией. Это ваш инструмент ученого, наполненный ничем непреодолимой и никем неодолимой силой.

– Чтобы черпать любовь?

– Чтобы обрести бессмертие. Черпать любовь – лишь одна из промежуточных задач игры... Но именно она наполняет смыслом вас и ваше существование, – Артак устало зевнул и опустил на пол, вновь превратившийся в зеркало.

Жестом он пригласил нас с Агафьей Тихоновной сделать тоже самое.

– Что есть бессмертие?

– Бессмертие – лишь место на троне времени. Лужайка на вершине горы. Взгляд, брошенный над облаками. Полет орла над полем сражения.

– Бессмертие – это победа?

– И победа и поражение. Бессмертие – это конец существующего начала и начало его конца. Бессмертие – это всё вместе. Это выделенный из пространства ноль, который ты держишь в своих руках. Держишь, крепко обхватив его дугу

– справа и слева, держишь схватив побелевшими костяшками пальцев, держишь, растягивая и проворачивая в разные стороны – правой рукой к себе, а левой – от себя. Или наоборот.

– Перекрученный ноль?

– Да, – Артак зевнул, – перекрученный ноль. Ну, или знак бесконечности, – он нарисовал в воздухе замкнутую кривую – лежащую на боку восьмерку, знак, известный всем математикам – скрученный вензель – символ и герб для всего разумного человечества.

– Так я и думал... – только и произнес я, склонив голову.

Мы трое опустились на твердую и абсолютно ровную поверхность, зеркальное покрытие которой охотно отразило то, что нами двигало в данный момент, а именно – нашу необходимость в отдыхе. Необходимость диктовала свои правила, она ставила жёсткие условия и нельзя было просто взять и проигнорировать, нельзя было не замечать их.

Природа не позволит – она жестоко мстит за недостаток отдыха и сна.

Природа всё равно вернёт твой поезд на правильные рельсы.

Ведь ты не властен над сетью железных дорог – ты властен лишь над скоростью и глубиной передвижения.

Будущее тем и примечательно, что находит каждого, как бы он ни зажмуривал глаза.

Почему?

Потому что оно уже есть, оно уже существует и существует неотвратно, бросая свою длинную тень на настоящее.

Эта тень прямо сейчас касается вашего подбородка.

Она поднимается к глазам и расширяет ваши зрачки.

Она спасает вас от палящего солнца настоящего и укутывает ваши плечи спокойной прохладой понимания – понимания ваших личных обязанностей, понимания тех дел и действий, которые вы должны совершить, чтобы достичь этой скалы – чтобы достичь своего будущего.

Ведь каждый абсолютно точно знает то, что должно сделать, как и то, чего делать не должно и, конечно же – то, что делать абсолютно противопоказано...

И чем масштабнее ваше предназначение – тем фактурнее отброшенная вашим будущим тень. Но и как любая тень – она темна, незряча и расплывчата. В ней могут только угадываться очертания того массива, который её отбросил.

В ней можно даже спрятаться, но не надолго – спрятаться авансом, ибо время пройдёт в любом случае и солнечное настоящее настигнет вас где бы то ни было.

И нет такого места во всей вечности, где вы смогли бы разминуться с этим массивом.

Нет и никогда не было.

Каким вы его найдёте? Каким вы встретитесь со своим будущим? Каким оно обнаружит вас? Зрячим или слепым? Видящим или ослеплённым? Думающим или праздным? Понимающим или равнодушным? Удовлетворённым или сожалеющим?

Есть безошибочные маяки – это ваши мысли.

Есть свет этих маяков – это ваши действия.

Настоящее – это яркий солнечный день.

Ближайшее будущее – светлый полумрак предвечерья.

Полумрак, приятный как глазам, так и мыслям.

Дальние же ваши свершения сокрыты за завесой ночи.

Но утро наступает всегда. Даже после самой темной ночи.

Каким оно будет?

Решать только вам.

Отдых опустился на наши тела словно невесомый пух.

Его прикосновение было нежным – он дотронулся до наших век, ласково предлагая закрыть глаза и смахивая в сторону нашу усталость.

Так горячий и вязкий летний воздух обнимает людей в безветренную погоду.

Так звенит тишина в абсолютный штиль.

И мы провалились в бездну, провалились в глубокий и здоровый сон – в сон познавательный, в сон, несущий в себе множество открытий – и чудных – как сказал бы классик, и закономерных – как подумал бы математик, и неотвратимых – как диктовала нашему уму та бессмертная бесконечность или то бесконечное бессмертие, в котором и заключена любая суть любого из существований – человека ли, камня ли, дерева – неважно.

Хоть и целого Космоса.

– Существование? – пробормотал про себя Артак, словно во сне, – Существование? – он рассмеялся, – Существование ещё так далеко... Многие думают, что получив Имя и Форму они обрели Существование... Как же они ошибаются. Имя и Форма им может быть и дана, но это совсем не значит что конкретно это Имя и конкретно эта Форма достигнут берегов Существования.

– Но рано или поздно Существования достигнут все? – тихонько прошептал я.

Мои сонные мысли были отрывочны и волшебны.

– Имя и Форму получает каждый. Из тех, кто в пути, – Артак засыпал, но продолжал говорить, – но даны они лишь для материализации ваших чувств, для соприкосновения с игрой, для определения собственных желаний, для утоления жажды этих желаний, для осознания привязанности к ним

и для расправы с полученной привязанностью, да мало ли для чего... – он усмехнулся, – мало ли для чего... Но только после окончательной победы над всеми привязанностями, после принятия своего Я, после обязательного прекращения борьбы – только тогда и наступает оно – ровное и тихое Существование. Вязкое, как болотистое устье реки, дошедшей до своего океана. Опасное, как трясина в сердце болота. Идеальное, как зеркальная поверхность океана в безветренную погоду... Существование. Оно самое. Единственное. Глубокое. Наступает...

– А дальше? – из последних сил – я прошептал уже проваливаясь в тёмную несознательность сна, а если быть точным – то находясь уже практически там.

– А дальше ты родишься, – дракон тихо засмеялся серебряным смехом, – и тогда, когда наступившее Существование действительно наступит – оно прежде всего наступит тебе на горло – и когда ты захочешь вырваться, захочешь вытянуть себя из болота, когда ты захочешь раскрыться и взлететь, когда у твоей реки не будет другого выхода, кроме как раствориться в океане, к которому она так стремилась – только тогда ты родишься. Это и будет твоим настоящим моментом рождения – рождения уже не временного тела, но рождения безвременного духа. Духа, который породило, а может быть, просто освободило данная тебе Форма. Духа, перерождённого твоим Именем. И уже он – дух – будет обладать главным природным качеством – делиться и освобождать себе

подобных...

– А дальше? Дальше?

– Рожденный должен будет умереть. Другого пути нет.

– Но где же бесконечность? Где она? Где бессмертие?

– Не забегай вперёд... – мысли дракона становились всё более отрывочны и неразборчивы, – не забегай вперёд, – повторил он, – наслаждайся тем, что уже есть... Разве этого мало? На каждом этапе у тебя есть всё необходимое чтоб наслаждаться. Так делай же это! Просто делай...

– А что есть?

– Сон... Крепкий и здоровый сон. Но скоро будет утро и твоё тело проснётся... И когда-нибудь, но обязательно, будет и такое утро, когда проснётся твой дух. Этого не избежать никому. И тебе в том числе...

Артак плотно закрыл глаза и замолчал, но спать, однако, совсем не собирался. Он лишь изображал сонливость чтобы усыпить нас с Агафьей Тихоновной. У него были свои дела.

Важные, как рассвет.

И такие же красивые.

Он собирался подготовить нам красочные сны, сны-подсказки.

Да и могли ли спать мысли?

Могли ли?

Мысли...

Я стоял посреди огромного зеркального зала, держа в руках вывернутый наизнанку мешок с казалось бы простой и ясной, абсолютно недвусмысленной и однозначной надписью – Любовь.

Что в человеческой жизни требует меньше всего объяснений и толкований, как не любовь?

Ведь любовь определённо понятна всем без исключения.

Понятна абсолютно всем.

Без исключения.

Любовь понятна и приятна каждому.

Однако, так ли это на самом деле? Так ли она проста и безусловна? Так ли она заведомо ясна? Так ли отчетливо очевиден её смысл? Так ли чеканно одинаково её звучание, так ли безоблачно сияние её кроны?

Возможно, люди не задумывались над глубиной этого родника, возможно людям совсем не понятно, возможно им просто КАЖЕТСЯ.

Кажется, что любовь понятна.

Кажется, что она проста.

Кажется, что она равноправна.

Возможно, большинству людей доступно лишь однобокое видение этой её части, где все счастливы и всё сострадатель-

но и примитивно?

Возможно, люди ищут скорее незыблемое спокойствие, а не любовь?

И это душевное спокойствие, переходящее в духовную лень даёт им, людям, уверенность в их безусловно правильном восприятии и знании? Может быть так?

Табличка с этим словом была внутри мешка, буквы на ней тускло переливались освещая внешнее, теперь заключенное внутрь, пространство ровным, мягким, молочно-белым светом.

Почему внешнее пространство пребывало внутри?

Да потому что мешок был вывернут наизнанку и всё, что ранее было снаружи, само собой, оказалось внутри, а его внутреннее содержимое – соответственно – совершенно наоборот – выплеснулось наружу.

Наверное, если и когда мне захочется придать мешку первоначальную форму и заключить любовь туда, где она и должна быть – внутрь мешка с соответствующей надписью – мир станет немного правильнее, потому что надпись снаружи будет соответствовать содержимому внутри.

Если мне удастся это сделать, конечно.

Ну а пока всё было с точностью до наоборот...

Я стоял посреди зала, рядом с кучей самых разных мешков и мешочков – с чувствами и страстями, с принципами, с

привычками, с поступками – стоял понуриив голову – одинокий человек с одним – самым главным, и почему-то вывернутым наизнанку мешком с надписью «Любовь».

Никого больше не было. Разве что свет окружал меня, но кто это такой или что такое есть свет – я не знаю. Наверное, он и был содержимым этого мешка – свет, отпущенный на волю из темного плена старой и пыльной мешковины – свет-прародитель всего, мудрый и вездесущий свет-отец.

Он лился отовсюду – сверху, снизу, с каждой из сторон; он лился даже изнутри меня.

Зеркальные стены, точно такой же пол и потолок отражали густое и мягкое, бестеневое свечение. Что же было его источником? Что было тем бездонным колодцем из которого свет черпал свою скорость и мощь? И был ли этот источник вообще?

Казалось, сама природа посмеивалась, видя мою бессильную растерянность. Ну или зеркальное отражение этой растерянности, которое можно описать двумя обратными словами, словами-наоборот – растерянное бессилие...

Свет был повсюду. Оглянувшись через плечо и внимательно осмотревшись вокруг, я заметил что в этом зале не было ни одной тени, не было ничего, даже отдаленно напоминающее это обязательное и неотвратимое порождение света в привычном нам, животнo-человеческом мире. Не было тени, и, следовательно, не было и иллюзий, не было све-

товых миражей и химер.

Не было призраков – этих неизбежных, кровных родственников любой тени, любого марева, любого КАЖЕТСЯ.

Интенсивность, густота и выразительность света была одинакова в каждой точке пространства, а его неразрывное, неизменное течение словно усмехаясь, отрицало наличие самого времени. И хотя само помещение было наполнено разным, никому не нужным чердачно-подвальным хламом – свет легко струился, не спотыкаясь ни об одно из препятствий – он обтекал их чистой родниковой водой, пропитывал самой жизнью всё то, что здесь было свалено в одну пыльную, большую кучу. Но даже самые старые – серые, ватные комки мягкой пыли сверкали настоящим волшебством в его ярких лучах, они искрили и лучезарили – они жили в этих лучах, не имеющих ни начала, ни конца, ибо если бы луч где-то начинался, он неизбежно порождал бы КАЖЕТСЯ, порождал бы призрак, порождал бы эту самую пресловутую тень от любого, встретившегося ему на пути препятствия. На его пути из начала в конец.

Но теней не было. Следовательно, не было ни начала, ни конца...

Прошло достаточно много времени, прежде чем я перестал любоваться этим сиянием и понял что источник самого света мог находиться только в одном месте – в месте, недоступном животному, но достигаемом моему человеческому взору – в том единственном месте, которое нельзя увидеть

глазами, но можно почувствовать сердцем, в том волшебном месте, которым можно было даже управлять... Управлять не только возможно, но и необходимо...

Если только ты смог перерасти своё животное, если только ты смог стать Человеком.

Место это – я сам.

И рождение света происходило где-то внутри меня, где-то в моей глубине, в моей утробе, где-то в моих недрах, в моём сердце, в моей самой сокровенной сути и в моём же предназначении.

Именно оно – это место или, скорее, я сам – выполнял возложенную на меня миссию – я трудился – я дарил свет.

Но если это так, то...

Артак появился внезапно, но был невидим полностью – сначала я узнал его жёлтые драконьи глаза, которые с усмешкой смотрели на меня немного свысока.

Свысока, но не снисходительно. Свысока – пространственно. Территориально свысока.

– Если это так, то... – машинально повторил я, глядя в мои любимые, родные, в солнечные, сверкающие золотом глаза.

Более всего они напоминали сам свет, без контуров и без границ – всепроникающий, всезнающий, вечно отдающий свет. Почему же я решил что именно этот свет и был глазами дракона?

Не знаю.

Видимо, такова была моя первая, спонтанная и, значит – бесспорно правдивая мысль, видимо таков был мой Артак – с каждым вдохом набирающий мощь дракон; такова была сила моей мысли – с каждым выдохом освобождающая себя самое от предрассудков – навязанных обществом, религией, государством, самим собой – неважно.

Таков был этот свободный дракон – с каждым исторгающим выдохом рождающий пустоту – ту самую пустоту, которая была готова к принятию истины. Ибо истина может родиться только там, где для неё есть место, там, где оно с любовью подготовлено хозяином этого места – истина рождается только там где убрано, там где чисто.

Истина рождается там где её ждут, и ждут, как самого дорогого гостя.

Могло ли в пустоте родиться что-либо другое? Не думаю. Всё и так истинно, искривлено лишь человеческое восприятие – оно иллюзорно затуманено, оно похоже на рябь на поверхности океана – рябь, сквозь которую никак не удастся проникнуть взглядом. Рябь, скрывающая спокойную, чистую воду.

Раз – и истина скрыта, хоть и вот она – руку протяни, а не рассмотреть.

Но таков природный метод охраны самого главного и самого ценного из того, что у неё есть – скрыть, не пряча.

И только мысленный взор способен проникнуть внутрь,

оставить рябь позади и насладиться спокойствием целого океана.

Сама же пустота – эта прозрачная, кристально чистая живая вода, родившись из отрицания (ведь выдох – не что иное, как отрицание вдоха), как оказалось, уже была насыщена той самой, долгожданной истиной – объясняющей всё без слов и без их материальных воплощений – истиной, которая просто **БЫЛА**.

Была, несмотря на то что её не было. Была в невозможной для осознания человеком пустоте, была в точке ноль, была в бесконечно иллюзорной линии горизонта, была в математической бесконечности Вселенной, была везде где она отсутствовала – была и одновременно отсутствовала в любом месте своего личного, высшего существования.

– ... то источник света в твоём сердце, – медленно закончил за меня дракон, играя светом своих глаз.

– Но почему свет снаружи?

– Почему свет снаружи? – рассмеялся Артак прямо мне в лицо, – почему снаружи мешка? Или почему снаружи тебя? – уточнил он, не переставая смеяться.

– Ну, скажем, снаружи меня... Ведь если его источник в моём сердце...

– Может быть, ты точно так же, как и этот мешок, вывернут наизнанку? – улыбаясь спросил дракон, – может быть,

твоя суть и твой свет заключены именно в понимании взаимоисключающих, но вечно подтверждающих друг друга вещей? Может быть, твой свет стремится наружу, а попадает внутрь, впрочем, как и наоборот? Может быть мешок с любовью существует лишь в руках того, кто эту любовь создает? В руках созидателя? – сыпал вопросами Артак, и вдруг замолчал и добавил, кивая на мешковину, которую я крепко-накрепко держал, – может быть мешок и есть ты, а ты есть мешок? Может быть, твой вечный рождающий сосуд, а именно – твоё сердце – истерзанное своим и твоим восприятием – такое доброе и злое – самое обыкновенное человеческое сердце, может быть, оно и есть мешок, который ты держишь в исколотых своими поисками руках? Может быть такое? – Артак замолк, внимательно глядя прямо мне в глаза.

Я нахмурился пораженный внезапной догадкой...

– Истерзанное своим и моим восприятием?

– Ну конечно, – мой собеседник просто кивнул желтыми сверкающими глазами, – конечно, – ведь ЕГО восприятие и ТВОЕ – различны. Пока ТВОЕ восприятие боролось со своим окружением – оно терзало тебя об скалы, созданные другими созидателями. ЕГО восприятие при этом страдало в ожидании. Пока ТВОЕ восприятие трактовало понятия добра и зла – оно ранило ЕГО восприятие, ибо сие трактование под силу только тому, кто создаёт эти скалы, под силу только ЕМУ – сердцу. И взбираясь на эти скалы ты, тем самым, тренировал и себя и его. И если они созданы не тобой,

но для тебя – тогда не избежать ни боли, ни ран, но тогда они есть благая цель. Ведь никому не избежать даже смерти, но в этом случае – она будет благом, ибо принесет в себе новые возможности и, в конце концов, приведет тебя к единственной существующей истине – СОЗИДАЮЩИЙ прибрежные скалы сам толкует их смысл, сам вырезает их острые углы и сам наполняет их вершины словами и пониманием. И только он, СОЗИДАЮЩИЙ, вправе остаться в этих скалах живым, невредимым, и что немаловажно – счастливым, ибо созданы они или им, или специально для него. И только они могут привести его к настоящему величию человека – к величию его духа, к величию и к щедрости его сердца – к величию милости, которым ОНО, в таком случае, будет обладать...

– Но...

– Не надо «но»... Стань им. Стань созидающим. Стань творцом. Только это даст тебе право жонглировать добром и злом, перебирать их общий смысл и наделять эти понятия божественной силой. И тогда, сталкиваясь с этой силой уже будут идущие вслед за тобой, они будут ранить свои молодые тела, они – КАРАБКАЮЩИЕСЯ на твои скалы люди, они будут говорить друг с другом о смысле понятий добра и зла – будут говорить, пока не поймут что подняться ввысь, подняться на отстроенные тобой скалы, конечно, можно, но должно подниматься лишь на свои собственные скалы – должно преодолевать лишь свои личные препятствия. Ведь только тогда их собственное добро и зло станет абсолютным,

и, следовательно, подлежащим их личной смысловой корректировке.

– Но...

– Только тогда они, КАРАБКАЮЩИЕСЯ, забудут про тебя, и это будет благо – как для тебя – ибо твои скалы опять станут девственно чисты, так и для них – освободившихся от твоих препятствий.

Это и будет высшим благом – благом самой пустоты.

С этими словами Артак, каким-то образом, притушил общее сияние и принял свой привычный облик дракона. Он опустился на зеркальный пол рядом со мной.

Только сейчас я заметил что всё это время в стороне тихонько, переминаясь на одном месте, стояла Агафья Тихоновна. Стояла, словно чего-то ждала, но стеснялась подойти и спросить.

– Что происходит? Почему она, – понизив голос, я кивнул на акулу, – так странно себя ведёт?

– Разве странно? – Артак покачал головой, словно сомневаясь, – и в чем её странность? В том, что она молчит? В том, что она отрицает свою суть? – он засмеялся, – ведь речь сама по себе не может молчать. Речь и есть отрицание молчания, как такового. Это ты имел в виду?

Я лишь недоуменно пожал плечами, ничего не сказав.

– Настоящей любви не нужны слова. Никакие и никогда. А она любит вас. Возможно, она сомневается в том, что необ-

ходима вам сейчас. Возможно, она усомнилась в своем праве присутствовать. Но что бы ни произошло – она не перестала вас любить, и именно поэтому она молчит. Возможно, её молчание и есть самое что ни на есть настоящее красноречие, – дракон потрепал меня по волосам нарушив их порядок и взбаламутив мои мысли.

– Ну что вы! Что вы! – вскричав, я подбежал к Агафье Тихоновне, схватил её за плавник и силой притащил в центр зала, – что вы! – повторил я свои собственные слова, – я никогда не откажусь от вас.

Глаза пожилой белой акулы покрылись влажной пленкой, которая придала им чуть больше глубины, чем слой глянцевого лака.

И она произнесла:

– Спасибо. Я просто не хотела мешать. Ведь всему на этом свете своё время и своё место. Для этого они и существуют, – она усмехнулась, – они, – повторила она, – времена и места. Пространство и время. Они существуют для того чтобы всё и всегда было на своих местах. Другого назначения у них нет, да и быть не может, – с этими словами она улыбнулась и повторила:

– Благодарю вас. Благодарю. От всего своего мощного акульского сердца благодарю.

Слово «Благодарность» выскочило из её пасти языками пламени и засияло огромными золотыми буквами прямо передо мной – оно повисло в воздухе, раскачиваясь в такт мое-

му сердцебиению. От него исходил свет и распространялось тепло.

Продолжая покачиваться, оно ураганом влетело в моё тело, мягко уколов меня тёплой стрелой в самую мою середину – в самое обыкновенное, в живое и пульсирующее человеческое сердце.

– Раз, – произнес дракон, загибая когтистый палец.

– Что – раз? Что это было? – я был растерян, растрепан, но румян и счастлив.

– Ничего особенного, – Артак внимательно смотрел прямо в мою суть.

Казалось, там он читал огненные, никем доселе не виданные письма.

– Просто вы начали собирать любовь, – дракон усмехнулся немного устало и погладил меня по голове, – значит, вы положили начало. Дали старт. Сделали первый шаг. Зачерпнули сердцем, как ковшом. Вы проделали важную работу. И вы уже не остановитесь ни на мгновение, ибо ваше сознание, единожды расширив свои границы, уже никогда не вернется в границы прежние, а ваше сердце, научившееся черпать любовь – уже не остановить. Ибо это и есть его суть, это и есть то, что никому не позволено отнять – ни богу, ни человеку, ни мне, ни вам, ни самой жизни. А если уж даже ваша мысль бессильна, то что уже говорить про любое ваше действие... Следовательно, – Артак глубоко вдохнул, – следовательно, вы в пути, – он шумно выпустил воздух, создав нечто напо-

добие ветра, который слабо пошевелил мешки с поступками и действиями и, затронув мешки с чувствами и ощущениями, прикоснулся к мешкам с мечтами – с мечтами, которые каждое новое мгновение становились реальностью...

Я закрыл глаза и представил пустоту.

Живую и трепетную, благодарную и благодатную, но пустоту. Она сияла, переливалась всеми возможными и даже невозможными красками – она обволакивала, сжимала, отпускала и снова покрывала меня с головой. Она билась в своём собственном, но, одновременно, и в моём сердечном ритме – с каждым новым толчком отстукивая все возможные жизненные вероятности. Она наполняла меня до самых моих человеческих краёв.

Только теперь я окончательно понял и ясно осознал, что пустота – это не там где пусто. Это не там, где ничего нет. Пустота – это самое что ни на есть настоящее и, возможно, единственное реально существующее наполнение.

Единственное реально существующее из всех настоящих наполнений.

Единственное наполнение станции Существования.

Пустота – как пространство между яблоками в доверху наполненной корзине. И если яблоки – уже сформированная и зафиксированная материя, которая ничем не может стать, кроме того, чем она уже является – кроме самих яблок, то пустота между ними – это основа, фундамент, это база. В неё можно всунуть ещё кусочек яблока или положить орех, а

можно засыпать горсть песка, но в само яблоко уже не уместить ничего. Ничего, кроме того яблока, которое уже присутствует там в полном объёме.

Пустота же, в каждый момент готова взорваться любым чувством, любой мыслью, любым воспоминанием, любой мечтой. И уж потом, она – вневременная мысль, и пробуждает видимую человеческому глазу материю – видимую и, к сожалению, воспринимаемую им, человеком, как нечто первородное, нечто незыблемое и нерушимое – ибо появившееся ниоткуда; но она есть всего лишь нечто тленное – ибо исчезающее в никуда.

Но нет, нет, на самом деле всё происходит совсем не так. Всё сущее в физической материи и было рождено в этой самой пустоте, и именно она всегда была незыблемой и нерушимой. Она не появлялась и не исчезала, ибо её нет. И ничего в ней нет, потому как есть именно она.

Только она и есть.

Сама пустота – основа всех основ, она – наш самый древний прародитель, она – первородок, она – Абсолют... Она служит подиумом, ареной, она является сценой для спектакля, разыгрываемого пространством и временем, где они – пространство и время, крепко взявшись за руки, сплетаются в невообразимом для человеческого восприятия танце.

Сплетаются, выбивая чечетку в наших человеческих сердцах; сплетаются, танцуя в своём страшном танце освобождённого страдания – страдания от человеческого непонима-

ния природы их танца; сплетаются, кружась и роняя себя самое на всём своём пути – кружась и разбивая себя на отрезки пути и на мгновения времени, кружась в тайной надежде, что если уж человек и не может охватить своим взором всё и сразу, то, может быть, это удастся ему сделать по маленьким частям – по сантиметрам и метрам, и по минутам, секундам, мгновениям.

Мгновение.

Ещё одно. Ещё. Ещё.

Сердечный стук.

Ещё один. Ещё. Ещё...

Так человеческая жизнь и проживается – в безумном танце непонимания, неделимая на части и вечно присутствующая в одном и том же мгновении настоящего, как бы человек ни пытался перенестись в постоянно отсутствующее мгновение будущего.

Жизнь, рожденная своей матерью – пустотой.

Жизнь, прожитая и отданная туда же.

Отданная в собственное – у каждого своё – в строго назначенное время – в один-единственный, чётко определённый миг.

Мгновение – вот и есть самая точная характеристика человеческой жизни.

Одно-единственное, однажды данное, но, тем не менее, вечное мгновение.

Всего лишь миг. Один. Единственный. Неразрывный.

И надо бы успеть оставить след, надо бы впечатать свое имя на сцене, надо бы выдавить золотом буквы, надо бы остаться в памяти и в мыслях людей, и тогда – кто знает – может быть, когда-нибудь, какой-нибудь случайный взгляд внезапно выхватит из пустоты эти впечатанные золотом буквы и прочтёт их, неспешно перебирая пересохшими губами, и тогда – мысль этого читателя – мысль, возникшая при этом священном акте – акте чтения, перепрыгнув в РЕАКТ – в реакцию понимания написанного, может быть, эта ставшая живой мысль сможет пробудить ещё одну пылинку живой материи – материи, зовущейся человеком.

Может быть, этот божественный акт чтения предоставит исключительную возможность станцевать ещё один раз тому, чьё имя выбито навечно, может быть, она подарит ещё один шанс – и одарит вас универсальной энергией, а значит – пожалует временем и уже как следствие – наградит новым телом.

Ведь время важно лишь для объектов, обладающих телами – оно не властно ни над вечными идеями, ни над выпорхнувшими и улетевшими в неизвестность мыслями, ни над священным танцем, оно – время – властно только над телом того, кто танцует.

Того, кто знает...

Кто знает, может это именно так, кто знает...

– Она такая тёплая... – всё ещё ощущая укол благодарности в своём сердце, пробормотал я, – даже горячая...

– Конечно, – Артак кивнул, – она выдержана самим временем, впрочем, она состоит из него же.

Я вскинул брови, внимательно посмотрев на дракона.

– Вы сказали...

– Я сказал, а если быть последовательным, то не сказал, а повторил, что мерой времени, как и мерилom любой энергии есть тепло, то есть, температура, – дракон прищурился, – и чем больше тепла вы ощущаете – тем более выдержано само вещество. Тем более оно настояно и концентрировано.

– Но ведь это тепло необычное... Оно не изменяет температуру тела. Это сердечное тепло... Тепло души – её температура, если можно так сказать. И что, оно тоже является мерой?

– Конечно – мой собеседник уверенно кивнул, – оно ещё БОЛЕЕ является мерой. Сердечное тепло даёт вам столько энергии, сколько не сможет дать ни одна известная человеку материя и произведенная ею температура. А если такая материя существует и сможет предоставить вам столько тепла, то температура, обладающая таким запасом энергий просто-напросто спалит ваше тело... Но сердце... Сердце готово принять много больше. Сердце готово поглотить в себе всю Вселенную, – Артак кивнул головой, – если вы ему позволите, конечно. Если вы дадите ему команду.

– Вы так считаете?

– Да, – дракон еще раз кивнул головой, – да, мой юный и подвластный изменениям друг, да. И разница между температурой тела и температурой сердца примерно такая же, как разница между тем, кто может выстоять за вас то НАКАЗАНИЕ, которое вы получили вместе с телом, и тем, кто в состоянии принять уже не наказание, ибо оно лишь СЛЕДСТВИЕ поступка, но и саму ВИНУ – вину, которая является ПРИЧИНОЙ наказания.

Я нахмурил брови, пытаюсь понять слова Артака. Дракон, тем временем, продолжил:

– Забрать ВИНУ ведь много благороднее, чем выстоять, пусть и в страданиях, пускай и в телесных муках, но – НАКАЗАНИЕ. Забрать вину – автоматически освободить от всех её последствий. И от наказаний тоже. И сердце может... Сердце в состоянии... – Артак легонько прикоснулся к моей груди, – но надо дать команду. Всего лишь дать команду.

– Но как?

– Да очень просто. Вам надо открыть его дверь, – он продолжал постукивать своим когтем по моей грудной клетке, – и никогда более не закрывать её. Всё остальное оно сделает само. Вам необходимо допустить освобождающий вас парадокс, а именно – впустить туда страдание. Впустить боль. Впустить горе, впустить все существующие муки. Только тогда вам удастся навек избавиться от их последствий. Необходимо впустить даже ВИНУ – вину любого человека – впустить его переживания, впустить всех тех, кто алчет избав-

ленья. Оно готово к этому, и более того, оно для этого и создано.

– Как Иисус?

Артак внезапно рассмеялся.

– Нет, нет, тут вы не правы. Иисус как раз страдал, он был НАКАЗАН. Неважно за кого и как, но это было следствие. Любое наказание – лишь следствие ВИНЫ. Я предлагаю вам избавиться от следствий, убрав причину – убрав саму вину. И это много лучше, это много благородней, это гораздо возвышеннее, чем любое распятие. Выше даже чем крест, – Артак держал свою лапу на моей груди, именно там, где и было моё сердце, – откройте его дверь и вам откроется его суть. Ведь человеческое сердце бессмертно и безмерно.

– Моё сердце?

– Да. Ваше сердце. Единственный человеческий орган, обладающий реальным бессмертием. И когда ваше тело рассыплется в прах, вам будет это всё равно, ибо в вашем сердце будет жить целый мир – мир вечный, мир загадочный, мир цельный.

– Теперь я понимаю, – я запнулся, – то есть, мне кажется, что я понимаю.

Дракон кивнул головой и замолчал, давая мне время еще раз обдумать сказанное.

– Так это сон? – спустя несколько мгновений, всё еще не до конца понимая, но полностью осознавая происходящее

спросил я.

– Сон? Сон – это ваша жизнь, сон – это человек, а это, – он обвел своими солнечными глазами окружающее нас пространство, – это – настоящая жизнь, – Артак отвечал мысленно, – самая обыкновенная настоящая жизнь и единственное её отличие от той жизни, к которой вы привыкли именно в этом – она настоящая! Жизнь стала настоящей! Вы проживаете её размышляя и приходя к выводам. К простым и логичным выводам. В этом её настоящесть. А вот иллюзия, которую называют жизнью недалёкие люди – эту химеру настоящего существования, на поддержание которой и требуется определённое количество универсальной энергии, а попросту – времени – это не жизнь – это лишь её отблеск, её отражение, её невнятная тень. А чем дальше вы от Солнца – тем длиннее ваша тень. Тем гуще сумерки, тем глубже мрак.

– Так вот зачем необходимо время...

– Вы поняли, – Артак довольно кивнул, – да, именно так. Время, как энергия, необходимо для того, чтобы поддерживать то, что искусственно создано, ведь согласитесь – то, что настоящее – живёт и так, само собой, и в никакой дополнительной поддержке извне не нуждается.

– Но...

Артак закрыл мне рот своей огромной лапой.

– Вы тратите своё время и, следовательно, свою энергию на правильные вещи. И вам не стоит беспокоиться. Главное – вам ясно виден путь. Ваш собственный, никем не занятый

путь. И всё что требуется в таком случае – просто продолжать движение.

– Но что есть правильные вещи?

– Это вам решать. Понятие добра и зла – как и правильного и неправильного – неотделимо от созидающего. Станьте созидающим и тогда вы получите право рассуждать об этом.

– Созидающим?

– Да. Созидающим. Ведь только они способны судить. И, надо сказать, судить справедливо.

Я задумчиво посмотрел в глаза дракону и кивнул в знак благодарности.

– Благодарю вас, Артак.

Артак на мгновение замолчал, потом брызнул солнечным светом прямо через чешую на своем теле.

– Два, – произнес дракон и засмеялся, – да, да! Два, – он говорил загадками, – вот видите – вы очень хороший ученик... Очень хороший. Только ученик ли?... – Артак склонил голову, принимая благодарность и так и застыл неподвижно, словно подчеркивая величие момента...

Нетрудно было догадаться что он имел в виду.

Я продолжал копить любовь.

Я продолжал наполнять своё сердце.

Я черпал им направо и налево – я шел, я был в пути.

И мой путь был верен – это только что подтвердил Артак – моя всесильная и вечная, моя вневременная мысль.

Агафья Тихоновна, молчавшая всё это время, подошла немного поближе и произнесла:

– Вот вы и научились соприкосновению. Не правда ли, оно прекрасно?

– Оно восхитительно! Волшебно! Оно замечательно, неповторимо! Она исключительно приятно!

Я улыбнулся акуле и задал, казалось бы, простой вопрос:

– А дальше? Дальше что?

– Соприкасаться – далеко не всё, – старая и мудрая акула держала меня за руку, – теперь надо научиться ощущать. И эта наука – ощущения – неотвратимо вызовет желания. Желания, в свою очередь, породят жажду, а жажда даст вам привязанность, – Агафья Тихоновна посмотрела на дракона и тот еле заметно кивнул, – и уже пропустив через себя привязанность и, кстати, не одну, вы наконец-то обретете то, ради чего вы здесь, вы обретете чистое Существование. Вы окажетесь в той полновесной субстанции, к которой все так неосознанно стремятся. Тогда вы, наконец-то, получите право на рождение, ибо родиться можно лишь там, где ты действительно, на самом деле существуешь. И только тогда, когда существование льётся через твой край, когда твоё тело расширяется до размеров Космоса..

Акула отпустила мою руку и немного отошла в сторону. Она остановилась рядом с драконом и некоторое время мы трое смотрели друг другу в глаза – прямо и честно, без вся-

ких кривотолков, – я сам, мои мысли и моя речь.

В этом момент я и почувствовал что мысли и речь – не совсем я... Не совсем мои... Я, скорее – бессмысленный и немой, я – отделен от всего, но одновременно являюсь этим всем, я – не моя мысль, тем более, я – не мои слова, я – ...

Тонкое звучание наполнило всё окружающее нас пространство. Оно лилось отовсюду, оно заполняло пустотные пазы моего сердца, оно звучало в унисон моим мыслям, и оно находило выражение в моей речи.

Божественная музыка и неземная, нереальная, но действительная красота.

20

Тучи познания сгущались прямо над моею головой.

Почему это были грозовые тучи, а не белые невесомые облака?

Потому что любая туча и особенно грозовая содержит в себе больше воды – этой чудесной и живой колыбели – больше, чем все облака вместе взятые – пусть красивые, но лёгкие и воздушные, невесомые.

Невесомые – простые и беглые, быстрые, пустяковые облака.

Пройдя соприкосновение, получив ощущения, испытав жажду, пережив её переход в привязанность, приняв эту привязанность как зависимость, и тем самым растворив её же в себе самом, я наконец-то получил возможность войти в то настоящее Существование, которое и было самой жизнью.

Именно жизнью, а не театральным и отлично срежиссированным представлением, умно поставленным спектаклем человеческого разума под названием «Жизнь».

Почему жажда чего бы то ни было, почему желание обладать чем-то всегда переходят в привязанность?

Почему они переходят в зависимость от самого предмета, так страстно желаемого человеком?

Почему они становятся сущим рабством личности от самого объекта обладания?

Ведь обладание чем-то – всегда иллюзия и химера, а значит, и любая жажда, любое желание – не что иное как привязанность к призраку, к туману, к галлюцинации.

На самом деле это очень просто.

Утолить возникшую жажду можно всего лишь одним мощным глотком воды – испив из родника желаемого.

Но пропадёт она только на определённое время, на одно лишь мгновение – и в этот момент, наверное, невозможно не привязаться к этому глотку, невозможно не стать с ним единым целым, невозможно не слиться с ним воедино!

Невозможно отказаться от своего родства с этим глотком, невозможно отказать ему во власти над собой, потому что даже небольшой глоток воды освобождает от жажды и делает человека чуть более независимым и свободным – свободным хотя бы от этого чувства – желания пить.

А большая свобода, великое освобождение всегда складывается из суммы свобод маленьких, из сложения незначительных, на первый взгляд, независимостей.

Жаждать, желать можно ведь не только воды, но и всего остального – денег, власти, влияния, славы...

Но всё это временно, только временно – вот в чем подвох! Действие глотка заканчивается, и человек – как наркоман – тянется к бутылке за новой дозой.

Человек сливается с предметом своего желания и ошибочно предполагает, что этот предмет – часть человека. И хоть такое единение туманно и иллюзорно – оно имеет вполне реальные последствия – человек пропадает в привязанности.

Какой тогда выход?

Выход в разделении заранее несовместимого. Вот человек – а вот его деньги, или вот человек – а вот его слава, вот его власть – вот его жажда.

Выход – не комбинировать не комбинируемое, не смешивать

вать то, что не должно быть смешано. Не должно, не может быть смешано, и никогда не смешается в настоящести, но вполне может соединиться в иллюзиях разума.

Настоящее слияние – чистое и вечное – может быть прекрасным и незыблемым только вне времени, только без привязки к любому периоду, к любому промежутку – без привязки даже к любой эпохе.

Слияние может быть прекрасным только тогда, когда потом вам не придется рвать, и рвать по-живому, ибо вы уже соединились – вы стали одним целым, даже если эта целостность живёт только в ваших иллюзиях.

И тогда практически невозможно не испытать то жгучее недовольство, иногда переходящее в злобу, в агрессию, в непримиримость к любому, попытавшемуся лишить вас этого глотка. К любому, кто захочет отобрать ту капельку влаги, которая в ваших мыслях уже и так принадлежит лично вам. К любому, кто в будущем (вот опять – время!) смог бы перекрыть источник этой самой воды.

К любому, даже если этот любой и есть предмет вашей жажды, даже если он – объект вашего желания.

Жажда утоляется слиянием, а слияние вызывает привязанность, которая и приводит к неизбежной боли разрыва – ибо эти глотки, эти «утоления», как правило, очень скоротечны и результат их быстро проходящий. Но если даже вам посчастливится найти такой источник, который бил бы клю-

чом всю человеческую жизнь – он и от этого не перестал бы быть временным.

Только посчастливится ли?

И можно ли назвать это счастьем?

Это скорее проклятие, нежели счастье.

Конечно, жажда может пройти и сама собой, когда прародитель человеческого тела – сознание – погрузит ваше тело в то сладкое, непонятное небытие, из которого оно и вышло – погрузит туда, откуда оно родилось. И было бы вершиной глупости назвать это небытие смертью, однако, так считает сам человек – ведь большинство людей полагают что если они имеют Имя, если обладают Formой – то факт их рождения налицо.

Нет. Факт не налицо. Этот факт ещё не рожден и не существует.

Рождаются лишь избранные – избранные сами собой, а не какими-то мифическими богами. А все остальные – побоявшиеся родиться – так и «живут» – обманывая друг друга, и не могут они по-другому, ибо вся жизнь их – обман, иллюзия, и нет её в реальности – нет и никогда не было! Пшик, а не жизнь!

И любая физическая смерть таких, ещё не родившихся, воспринимается точно такими же, ещё не родившимися, как зло и как великая несправедливость. Более того, они все го-

ворят о своем нежелании умирать.

Они, ещё не рожденные, уже говорят о своем нежелании умирать!!!

Право, это смешно.

Ведь настоящая, истинная смерть – не что иное как сущее и реально существующее благо, но только в свой час, только в своё время. И этот час ещё не пробил, да и никогда не пробьет на этом этапе – на этапе обладания Именем и Формой.

Никакой час, никакое время ещё не настало и никогда не настанет на ступеньке привязанности к Имени, на уровне зависимости от Формы – на этом иллюзорном и временном этапе – этапе, длиной в человеческую жизнь.

Истинно умереть можно лишь истинно родившись, а истинно родиться возможно лишь достигнув следующей за привязанностями станции – станции Существования.

Тогда смерть будет реальной.

Тогда она будет благом.

Тогда смерть будет желанна и только тогда она будет вовремя.

И слово «вовремя» следует читать так – «безвременна», ибо на этапе Существования само понятие времени уходит в небытие.

Родиться телом – ещё не есть рождение – это всего лишь попытка, одна из многих, но всего лишь попытка, а сможет ли эта попытка – определенная, порожденная сознанием те-

лесная попытка – вы – сможет ли данная человеческая Форма достигнуть уровня рождения духа – первого из уровней безвременности – вот это хороший вопрос!

Истинно в этой попытке, в этом броске комка молекул в то, что ещё не рождённый человек нарёк жизнью, только одно – предоставленная этим броском Великая Возможность – возможность родиться, и следующая за ней, возможность ещё более великая – возможность умереть.

Это две святые возможности для тех, кто смог преодолеть тот мост, зовущийся человеком – преодолеть в себе самом, и перейти по нему, перейти по этой временной дороге, перейти из времени в вечность.

Смерть Имени и Формы – смерть человеческого тела сама по себе ничего и не может значить, ибо это бегун, сошедший с дистанции до начала забега – забега, который начинается только в Существовании.

Это карандаш, не написавший ни единой строчки по той простой причине, что он не был никем сделан или заточен.

Это слово, непонятое оттого, что оно не было произнесено и осмысленно.

Да мало ли что это. Нет этого. И оплакивать тут нечего. Несуществующее плачет по несделанному.

Одни иллюзии, одни химеры, один дым от неразведенного костра.

Но чтобы дойти до Существования, чтобы получить саму возможность истинно родиться, вот тут уже необходимо пройти каждый из всех этих этапов – и аренда Имени и Формы, в том числе, читай – аренда человеческого тела.

Аренда, конечно же, на время, ведь в этом и есть смысл аренды – то что арендовано – должно быть возвращено. Вот вам, между делом, и суть самой смерти человека – это простой возврат арендованного и не принадлежащего ему имущества. Аренда – вот что есть сама человеческая жизнь.

Простая аренда тела, но что важно – тела с живыми и уже лично вашими инструментами – с чувствами, с эмоциями, с возможностями действовать и ощущать, с жадой и привязанностями и с неизбежными, в этом случае, разочарованиями. И тут кроется один важный нюанс, одна простая заковыка – корову, конечно, можно арендовать, корову можно взять на время, но молоко, которое она даёт – оно уже лично ваше. Глотайте это молоко, не дайте ему скиснуть, не дайте ему пропасть, ведь только правильное использование ваших личных инструментов арендованного вами тела позволит вам достичь станции Существования – и тогда это будет уже не простая аренда – это будет аренда с правом выкупа.

Выкупа истинной жизни у самого Существования. И плата за такую аренду, хоть и посильна абсолютно каждому, но очень высока. Она и есть ваше время, она и есть ваша жизнь,

она – вся ваша энергия, она – ваше арендованное, используемое и возвращаемое тело.

И тот, кто действительно захочет дойти до реальной, желанной смерти – смерти Будды; смерти, которую не надо будет оплакивать; смерти, которая есть благо – тот должен, просто обязан пройти через всё это.

Пройти через всё без исключений!

И любое схождение с дистанции является не чем иным, как обыкновенной слабостью – самым обыкновенным признанием того очевидного факта, что плата за аренду с выкупом оказалась слишком высока для вас, что вы пока ещё способны только на простое арендование, а значит – не способны ни на что реальное, не способны ни на что настоящее.

Но это не приговор – это этап.

Стремитесь – и станете способны.

Эта дорога тем и прекрасна, что не дойти по ней невозможно. Любой стремящийся, в конце концов, доходит...

Истинная смерть есть не что иное как самоустранение – и это – желаемое упразднение собственных функций за их полной ненужностью.

Это как упразднение гусиных перьев после появления карандаша. И для всего этого необходимо всего лишь истинно родиться, необходимо отточить свой карандаш, необходимо, получив свой арендованный транспорт, доехать на нем до остановки «Существование», и стоя на ней, сказать – Я

ЕСТЬ, Я СУЩЕСТВУЮ, Я РОЖДЕН.

Только в этом случае само время склонится перед вами в почтительном реверансе, и исчезнет навсегда, ибо оно уже не имеет никакой власти над истинно рожденным Человеком...

21

Её Величество Необходимость – этот важный двигатель прогресса – в каждом из существующих этапов – начиная с Неведения и Стремления, продолжая в Сознании, в арендовании Имени и Формы, и вместе с ними – получении в собственность Чувственных опор, в Соприкосновении с этими опорами, в Ощущении их и начале самоощущения, в Желаниях, продиктованных чувствами, в Привязанностях, исходящих уже из Желаний – всё это и определяло моё дальнейшее развитие, развитие моего духа, развитие самого Сознания, которое и предоставило мне эту замечательную Форму – моё человеческое тело – тело, при своём рождении являющееся ничем иным, как неуправляемой и слепой, а точнее, ослепленной формой бытия – формой, которая ещё только должна была родиться, но родиться много позже, родиться уже в Существовании.

И именно оно – Существование – нависло надо мной прямо сейчас в виде грозовой тучи.

Я резко открыл глаза и понял что вокруг меня ничто не поменялось.

Всё тот же зеркальный пол, всё тот же Артак, только делавший вид что спал, и всё та же Агафья Тихоновна, сладко потягивающаяся после сна. Акула наверняка хорошенько выспалась, ибо в моих грёзах (были мои размышления сном или нет – не знаю) я не обращался к своей речи, а обращался только внутрь себя – обращался к своим мыслям, обращался в них самих и приобретал новую для меня форму дракона – таким образом я терял зависимость от человеческого тела, от его временной сути, от его временного несовершенства.

Ах, это сознание – этот невидимый, но вечно присутствующий рядом волшебник, на какие же ещё чудеса ты способен!

Мешок с любовью лежал рядом, он был всё тот же, был всё тем же, но он был другим. Возможно, человеческий взгляд не отличил бы его от него же, но прежнего, однако, обладая уже драконьим зрением, я сразу определил те невидимые моей человеческой форме, но без сомнения, уже наступившие изменения.

Мешок был другим.

Незримо. Неосязаемо. Неуловимо и неопределенно. Тускло, туманно, но другим. Определенно другим.

Неопределённо для человека, но очень даже определённо для дракона.

Я оглянулся.

Артак с любопытством поглядывал на меня, словно ожи-

дал какой-то особенной, необычно-непривычной, возможно, причудливой и специфической, может быть, даже в чём-то сверхъестественной – но определённо самостоятельной, определённо моей личной реакции – реакции человека, достигшего уровня, на котором возможно исполнение, воплощение и осуществление.

Исполнение желаний, воплощение мечты и осуществление намерений.

Артак смотрел на человека, почти достигшего уровня Существования – этого диковинного и странного уровня сознания, на котором возможно абсолютно всё.

Уровня, на котором вода течёт вверх, а камни падают в небо, уровня на котором энергия становится подвластна личности, а сама личность не имеет никакого самостоятельного значения.

Уровня, на котором человек обретает понимание – понимание вечности, понимание бессмертия, уже не личностного – ибо оно попросту невозможно, но бессмертия сущностного, бессмертия того бесконечного и бессрочного, с чем так живо и одновременно намертво соединён каждый живущий человек.

Того, с чем он скрытно соединён, но к чему не подключён автоматически. И подключаться каждому придётся вручную...

Ведь далеко не каждый готов пожертвовать своими иллюзиями, услужливо подсовываемыми ему бытием; далеко не

каждый готов отказаться от галлюцинаций и химер, навешанных бытностью; далеко не каждый готов откинуть завесу марева и расстаться с теми призраками и видениями, принимаемыми им за реальность; далеко не каждый готов пойти на всё это ради всего одной, но волшебной возможности подключиться к чудесному источнику, ради возможности влиться в ту единственную, в ту реальную реку настоящей жизни, которая омывает его с момента появления человеческого тела на свет. Далеко не каждый желает стать одной из волн этой реки, и уж совсем не каждый жаждет стать капелькой в огромном, цельном и неделимом океане мироздания – не каждый, нет, нет! Далеко не каждый!

Не каждый, потому что для этого придется сделать шаг вперед и скинуть с себя мешок с насильно навязанными мнениями; потому что придется осознать незначительность всего того, что кажется окружающим значимым; потому что для этого придется уйти в пустыню и высадить там свои растения, а потом там же, в одиночестве вырастить свой сад и собрать свой первый урожай.

В такую пустыню, где будет править кристально чистая мысль, а действия будут ей подчиняться.

В свою собственную пустыню – в порождение своих собственных мыслей.

И существование такой пустыни, её внутреннее рождение – щедрая награда за смелость.

Как же она приветлива с её создателем, как она галантна и дружелюбна, как нежна и миролюбива, как предупредительна и плодородна, насколько она полна жизни, насколько такая пустыня полна существования!

И в то же время, как она разнится с той безжизненной пустошью, которую на этом месте видят другие люди.

Видят, и даже осмеливаются сочувствовать.

Не рассмотреть им, никак не рассмотреть...

Артак смотрел на меня и улыбался той особенной, неуловимой в деталях, неопикуемой словами улыбкой – улыбкой подвластной лишь зрелой и искренней, честной и смелой мысли, одним словом – улыбкой дракона – улыбкой, которая уже становилась подвластна и мне...

Я вновь посмотрел на мешок.

Мешок с надписью «Любовь» опять был вывернут, не знаю кем или чем, не знаю когда, но вывернут.

Кем-то и когда-то.

Сейчас я наблюдал изнанку его изнанки, а проще говоря – лицевую сторону мешка. Ведь если вывернуть один раз – мешок ли, человека ли – неважно – мы увидим его изнаночную сторону, не так ли? А если вывернуть дважды? Уж наверное, изнанка сменится опять лицом? Бесспорный факт.

Вот и теперь мешок красовался своей первоначальной,

первороденной – лицевой, а совсем не изнаночной стороной, которую я увидел, впервые взяв его в руки.

Тогда я заметил, что сам мешок охватывает своим нутром всё окружающее пространство и то что сама любовь, должно быть, хранится снаружи, а не внутри, как предполагала концепция мешка. Тогда же у меня мелькнула непроизвольная мысль – а что же тогда внутри? Что скрывал этот мешок в своей темной, недоступной взору глубине?

Наверное, в середине него было именно то, чему изначально место определено за пределами – тела ли, мешка ли – неважно...

Что же это могло быть?

Может быть, отпустив на волю или выпустив из своего мешка свои же собственные честность и искренность, достоинство и благородство, своё прямоту и свою добросердечность, свою неподкупность, добросовестность, правдивость и, конечно же, принципиальность – выпустив всё то, что не следует прятать внутри себя, а тем более, не следует там хоронить – выпустив всё то, чье прямое назначение – созидать идеальный мир, возможно, только предоставив этому волю, я смог обрести эту поистине волшебную возможность, смог добыть это мистическое, загадочное, фантастическое свойство – черпать и сохранять саму любовь?

Черпать и сохранять в той магической таре, уже уготованной ей самой природой – в своём бесконечно вместительном человеческом сердце?

Может быть, так?

В таком случае я сам был тем, кто вывернул мешок наизнанку – вывернул, не прикасаясь к нему руками, вывернул силой своей мысли, вывернул навсегда, без временного срока – бесповоротно вывернул. Навечно. Насовсем...

Вывернул и, тем самым, сделал мир чуточку правильнее, чуть аккуратнее и, может быть, даже немного надежнее. И уж точно – сделал мир проворнее и резвее во всех его делах, сделал его стремительнее и строже. Одним словом – сделал его подлиннее.

Может быть так? Что ж, вполне может быть...

Слово «Любовь» тускло поблескивало на потрепанной мешковине, и теперь всё было так, как должно было быть с самого начала. Было именно так, как необходимо.

Мешок стал простой тарой.

Правильной тарой.

Чистой и вместительной, человечески понятной тарой.

И в эту тару можно было собирать всё что угодно.

И, конечно же, в ней можно было хранить и самую любовь.

Возможно, моё сердце – бесконечно вместительное человеческое сердце и было этим живым мешком?

Возможно, именно его я держал сейчас в своих руках?

Возможно, именно оно – ещё недавно вывернутое наизнанку беззвучно трепыхалось на ветру, мне непонятном и,

соответственно, неподвластном?

Возможно ли такое?

Ведь если это было так, то...

Всё, что находилось в нём до моего путешествия, всё, что накопило моё сердце в то изнаночное время – во время «ТОГДА» – всё это было снаружи, было на всеобщем обозрении, и не было защищено ничем – не было защищено даже моей плотью!

ТОГДА всё содержимое моего сердца – как содержимое вывернутого наизнанку мешка – плескалось в открытом и подвластном всем, но не подвластном мне самому пространстве – оно обнажало меня, обнажало мою суть – а значит, делало уязвимым, ранимым – делало из меня подранка.

Подранок – это зверёк, в которого попали, но не убили до конца. Это раненое и несчастное животное, физически уже готовое к гибели, но всё ещё цепляющееся за жизнь.

Это животное, а значит – это существо, не ведающее будущего – существо, живущее только в одном мгновении и, следовательно, не осознающее того, что смерть придёт вот-вот, совсем скоро, не осознающее того, что она уже в пути, что ей уже известен точный адрес.

И временной и пространственный.

Ей известна ваша одна, последняя, телесная координата.

В реальности этого зверька, этого подранка, и в моей собственной – ещё недавно вывернутой реальности – в реальности «ТОГДА» присутствовала только одна сплошная боль, боль настоящего – глубочайшая, мощнейшая, непрерывная и непрекращающаяся боль – мучение, сосредоточенное в одном единственном моменте – моменте, подвластном нашему общему осознанию – моему и этого несчастного зверька – и этот момент длился вечность.

Подранок – раненый зверёк, лишенный своих природных ВОЗМОЖНОСТЕЙ, зверёк целиком и полностью зависящий от действий человека, его ранившего; зверёк, чье сердце сжимает холодная рука охотника – сжимает сильно, властно – выдавливает из него всю кровь и краску, выдавливает саму жизнь.

Сжимает, обескровливая его лицо и дыхание...

Жёсткая рука, изменяющее ВЫРАЖЕНИЕ уже и так бледного лица.

Рука, диктующая лицу чувства и эмоции.

Рука, перечеркивающая инстинкты.

Рука, противоречащая самой жизни.

Рука – власть, рука – смерть, рука – чужая воля.

Подранок – зверёк, не ведающий будущего, а значит и лишенный его.

Подранок – зверёк, лишённый всяческой надежды – этого

мощнейшего подпитывающего человеческого чувства.

Подранок – зверёк, ещё не убитый до конца, ещё живой, но впереди него только смерть, которую он даже не в состоянии осознать, ибо не ведаёт о её существовании.

Подранок – человек, лишённый человеческого. Человек-зверь, человек-животное, человек – не человек.

Может быть, вся моя боль, весь страх, вся ненависть, все переживания и надежды, накопленные ранее и свободно витающие в окружающем пространстве вывернутого наизнанку сердца, может быть, они и не позволяли мне взять свою судьбу в свои же руки?

Может быть, так оно и болталось всё время ТОГДА, путешествуя по чужим судьбам и жизням?

Возможно, так оно и продолжало бы менять хозяев, не даваясь лично мне, ибо как я мог схватить то что снаружи? Как я мог овладеть тем, что находилось вне меня?

И как я мог наполнить то, чего не держал в руках?

Как?!

Как? Каким образом?

Может быть, только сейчас пришло то самое – настоящее время СЕЙЧАС, появилась та самая – настоящая энергия – энергия созидания?

Возможно, пришло время стать властелином собственной судьбы, превратиться в хозяина собственных мыслей, может

быть, только сейчас возможность наполнить своё собственное сердце перешла в новый статус?

Возможность стала НЕОБХОДИМОСТЬЮ.

А именно необходимости диктуют миру свои правила. Необходимости и устанавливают эти правила и устанавливают их жёстко и безапелляционно.

Возможности всего лишь случаются, а необходимости происходят неотвратимо.

Возможности можно и не заметить, а необходимости придется пережить.

Все до одной пережить, ибо они и есть – закон.

Закон, по которому ходят и люди, и животные.

Закон, по которому растут деревья и существуют камни.

Закон. Настоящий, а не выдуманный человечеством Закон.

Значит ли это, что всё уже пережитое мной или кем-нибудь другим также было НЕОБХОДИМОСТЬЮ?

Да. Тысячу раз да. Я был уверен в этом как никогда.

Необходимость привела меня туда, где я сейчас.

Необходимость заставила мои мысли вывернуть наизнанку свой мешок, и уже они сами поставили с головы на ноги целый существующий мир.

И сейчас, насущные необходимости уже жёстко диктова-

ли мне мой новый диктант, а моя рука послушно выводила знакомые буквы – довольно выплескивать, пришло время сохранять.

И делиться только тем, чем считаешь нужным и только с теми, кто достоин, кто поймёт. Пришло время мудрого хозяина – хозяина собственного сердца – хозяина рачительного и заботливого, хозяина кропотливого и прилежного – внимательного, аккуратного хозяина собственной судьбы и жизни.

Пришло время АРХИТЕКТОРА, а не рабочего на чужой стройке.

Пришло НАСТОЯЩЕЕ время и одарило меня самой настоящей энергией созидания.

Но куда же делось всё то, что так бездумно плескалось снаружи ДО этого времени? Куда делись боль и разочарования? Куда подевались страх и ненависть? Где теперь нашли своё пристанище мучения и обиды?

Конечно же, они были тут, в этом самом мешке – в крепко сжатом в моей руке мешке с любовью. И это было справедливо и очень верно, ибо были они точно таким же порождением любви, как и всё остальное.

Они были концентратом любви, её выдержкой, экстрактом, но никак не противоположностью. Противоположность любви – лишь её отсутствие, то есть, равнодушие.

Всё остальное – Она.

Только теперь они лежали тихонько, иногда неслышно

трепыхаясь и напоминая о себе в нужный момент – лежали и уравнивали всё то, что я осознанно, цинично, бесцеремонно и беззастенчиво подчинял своей, теперь уже практически всесильной и могучей воле – подчинял, выпуская в окружающий меня мир.

Мир – как спелое яблоко с восхитительно-поздним, осенним ароматом.

Теперь я высвобождал лишь **ОТСУТСТВИЕ** того, что могло бы испортить этот аромат, выплескивал неимение того всего, крепко запертого в моём сердце – и это было отсутствие страха, отсутствие боли, отсутствие разочарования.

Это была главная информация окружающему миру – он в безопасности, ибо то единственное, что могло ему навредить – взаперти.

И к этому **ОТСУТСТВИЮ** ожиданий и понуканий мог прикоснуться каждый.

Каждый, без исключения.

Но дотронуться до истинного наполнения моего мешка, прикоснуться к **СОЗИДАЮЩЕМУ** началу мог лишь тот, кто достоин – мог лишь **КАРАБКАЮЩИЙСЯ** на свои собственные скалы.

Мог только избранный.

Мог тот, кто готов.

Ибо знание, подаренное человеку без выстроенного фундамента собственного здания; знание, пожертвованное рабочему чужой, не твоей стройки; знание, брошенное в лицо ещё несостоявшемуся АРХИТЕКТОРУ, – такое знание, как кипяток, обжигает и ранит. А иногда и убивает – настолько сильны могут быть ожоги и ранения.

Знание – как лекарство – должно быть строго дозировано.

И необходимую дозу определяет врач, предварительно взвешивая её на аптекарских весах. Ошибка, даже самая незначительная, здесь недопустима, ибо в недостаточном количестве знание пройдет мимо цели, и вскоре покинет организм с потом и мочой, а в сверх дозе – отравит и убьёт пациента.

Знание взвешивают и дозируют только на самых точных, аптекарских весах.

Да, это была уже совсем другая игра – игра, где законы писал я сам, где я сам устанавливал правила и нормы, – игра, где всё было подчинено моей воле и, следовательно, моим же желаниям, ставшими необходимостями...

Это была игра-пафос, игра-патетика, игра-надрыв.

Надрыв, но не мой.

Надрыв игроков.

И ожесточение – уже моё.

Ожесточение зрителя, равнодушие НЕУЧАСТВУЮЩЕ-ГО и выдержка наблюдателя.

И, возможно – справедливость судьи. Хотелось бы...

Это был спектакль, исход которого я видел столь ясно, что интерес представлял не его развязка или конец, интересны были актерское мастерство действующих лиц, эмоции зрительного зала и, конечно же – вечность, перекатывающая свои неизменные валуны с места на место.

Игроки менялись, а зрители уходили и приходили на этих валунах, которые никогда не изменяли своей природе – быть вещью в себе – кусать себя же за хвост, вырисовывать замкнутую окружность, формировать поверхность на которой всё и сразу, рождать идеальное пространство – неделимое и прекрасное – как спелое и ароматное осенне-выдержанное яблоко.

Как яблоко, падающее в своё личное, собственноручно выстроенное небо.

Или как корзина таких яблок, с пустотами между ними.

Чем наполнена эта пустота? Наверное – одним лишь ароматом.

Слово «Любовь» тускло поблескивало на потрёпанной мешковине, и теперь всё было так, как должно было быть с самого начала.

Было именно так, как необходимо.

Было правильно...

Артак продолжал улыбаться, но я уже не задавался вопросом – почему?

На новом этапе понимания я не ставил перед собой никаких вопросов.

Да и был ли в этих вопросах какой-либо смысл? Ведь всё происходящее, и то, какие это происходящее вызывало чувства, те ощущения, которые пронизывали нас от этого происходящего насквозь – всё это можно было просто наблюдать.

Наблюдать, удобно устроившись неподалеку на пригорке.

Наблюдать, но не участвовать.

Наблюдать, сидя в тёмной коморке оператора.

Наблюдать как кино, которое не ты снял, но конец которого тебе, как киномеханику, хорошо известен.

Наблюдать немного свысока, ибо исходящий кинолуч всегда пролетает немного НАД, немного поверх голов зрителей.

Просто наблюдать, будучи надёжно скрытым этим мощным и ослепляющим, стоит только на него взглянуть, лучом НАД – лучом из твоей коморки.

Наблюдать, не вмешиваясь...

И наблюдая, знать, что после просмотра киноленты в тёмном зале всегда включают свет, ведь ПОСЛЕ киноленты, как и после жизни – всегда надо идти домой. И если кино было захватывающим и интересным, то и СОСТОЯНИЕ после

просмотра, витающее в зале, **НАПОЛНЕНИЕ** самого пространства станут чувственно заметны, хоть и останутся прозрачны глазу.

Станут видны истинные лица людей, полностью отдавшихся картине – молчаливые и одухотворенные **ВЫРАЖЕНИЯ** этих лиц.

Станет видно **НАПОЛНЕНИЕ** их голов – станут видны даже их мысли – эти кирпичики мироздания... Мысли – возвышенные и не очень, мысли разные, неравные, многообразные...

Станет видна одна, уже никак не личностная, но общая и цельная **КОНЦЕНТРАЦИЯ** идей – этого строительного материала Вселенной.

Станет видна **ПЛОТНОСТЬ** мыслей – самой что ни на есть человеческой формы воплощения этих идей.

Станет видна **ГУСТОТА** сознания и его направленность: вверх – созидать, принимая или, наоборот, вниз – разрушать, отрицая.

Станет видна его **ВЯЗКОСТЬ, ТЕКУЧЕСТЬ** – какая она – вязкость болотной жижи – медленная, тягучая, засасывающая и поедающая? Или вязкость свежего родника – ключевая, лёгкая, быстрая и насыщающая.

Станет видна **СУТЬ** сознания – его идейность, наполнение, его оптический фокус.

Станет виден его скелет, его самая сокровенная тайна – станет видно то, что неважно – сознательно или бессозна-

тельно, но было скрыто всеобщей темнотой при просмотре картины.

И этот, наступивший и всё ещё наступающий уровень – уровень ПОСЛЕ – этот первый безвременный уровень вечного и единого существования, конечно же, будет гораздо интересней простого просмотра уже кем-то отснятой киноленты – киноленты в себе – киноленты, где всё уже существует – киноленты, где стоит только захотеть – можно протянуть руку и взять.

Уровень ПОСЛЕ позволяет не только ВЗЯТЬ уже существующее...

Уровень ПОСЛЕ позволяет СОЗДАТЬ новое – создать то, что могли бы взять другие. Создать то, что могли бы взять люди, пока ещё сокрытые темнотой зрительного зала. Люди, с интересом следящие за картинками на экране. Люди, способные, но ленивые, просто люди – то большинство, которое никогда не бывает право, ибо оно не видит дальше единственного светлого пятна в тёмном зале – и пятно это – уже отснятый и выпущенный в кинопрокат фильм.

Фильм, в котором мы все и живём.

Итак, Артак улыбался. И, судя по всему – моя реакция, а точнее – отсутствие таковой и было именно тем, чего ждал мой дракон. Не удивление, но ПРЕДСКАЗАНИЕ. Чёткое предугадывание того, что будет. Ведь если ты точно знаешь что тебя ждёт дальше – само удивление растворяется, как

дым в атмосфере и остается лишь чистый, прозрачный, хрустальный воздух.

И уже нет необходимости щуриться и присматриваться, как нет никакой надобности надевать очки. Всё видно и так, видно даже человеку с плохим зрением.

Ясно видно, видно без пелены, без марева, без миражей.

Ведь плохое зрение не отрицает наличие ясновидящего сердца...

Всё было правильно. Именно так как должно быть.

Теперь я точно знал, что каждый следующий шаг приближает меня самого к великой цели этого увлекательного путешествия, часть пути которого – длиною в человеческую жизнь – я прошел в человеческом обличье.

Теперь я был уверен что мой путь – верен и вечен, моя дорога – обязательна и неминуема, а моё по ней шествие – всегда и было и есть – празднично и беспечально, что бы мне там не казалось, пока я шёл.

Ибо если ваши предсказания и предчувствия начинают сбываться с ошеломительной быстротой и с ошеломительной же скоростью – это может говорить лишь об одном – тень от громады вашего будущего уже легла на ваше настоящее, и вы сами, каким-то непостижимым образом, каким-то непонятным, необъяснимым, загадочным и невидимым, каким-то ещё неизученным наукой органом себя самого, вы са-

ми смогли эту тень рассмотреть и почувствовать.

Смогли её принять.

И по этой самой тени вам уже много легче предугадывать то, что могло отбрасывать эту тень.

Итак, я был в пути.

Я был на правильной дороге.

Я был горд, счастлив и застенчиво краснощёк.

Артак и Агафья Тихоновна только посмеивались, глядя на моё румяное и счастливое лицо. Я встал на ноги, взял в руки мешок, приподнял его, и сразу заметил что мешок был наполовину полон – внутри него уже лежало что-то, сокрытое от моего взора мешковиной...

Оно было объемно, но легко, хотя, если быть точным – то и тяжеловесно. Смотри как приподнять, смотри за какую часть мешка потянуть.

Что это могло быть?

Что это такое – одновременно и легкое и тяжёлое, одновременно окрыляющее и удушающее?

Что это – в одно и то же время – животрепещущее и агонизирующее?

Что это?..

Кончено, это была любовь. Ведь так было написано и на самом мешке.

Любовь – море, любовь – капля, любовь – единство.

И сердце, взвалившее на себя, поглотившее этот мешок – сердце, наполненное его содержимым – простое человеческое сердце в этот же самый момент получало и тяжесть и легкость, и силу и бессилие, оно получало мудрость, но уже с изрядной долей глупости. Всё зависело от того КАК применить это наполнение, на какие нужды пустить, с кем поделиться и к кому приложить.

Любовь была всем одновременно и даже в человеческой злости, в ярости, даже в смертельной агонии просматривался фундамент любви.

Не было её только в равнодушии – в этой самой тёмной человеческой бездне. Не было её только в том месте, где чувства совсем отсутствуют, не было там, где человек бесчувственен, там, где единственное то, что принадлежит лично человеку – то, что твоё, а не взято в аренду у существования – чувства – покидают человека, отказываются от него, отмирают намного ранее физической смерти...

Не было любви там, где умирает всё людское, всё созидательное, не было её только в той самой глубокой и тёмной яме, куда не проникает ни один лучик света, не было её в этой пропасти, в этом аду, в этом капкане.

Равнодушие – это такое место, куда с легкостью может попасть человеческое тело, но не сам человек, не сам арендатор. Тело, которое насильно лишили его чувств, которое отказалось от своего личного, всегда и вечно принадлежащего ему самому – вечного чувства, вечной идеи и мысли – веч-

ной, а не арендованной на время. И значит это что равнодушные – то место, где неизбежна самая главная потеря – потеря себя самого, потеря своей, еще не разгаданной сути.

Только там, в этом гибельном и тёмном месте не бывает любви, только там.

В любой другой части пространства и времени она присутствует в своём полном объёме и различным бывает одно лишь её **ВЫРАЖЕНИЕ**.

Иногда это тяжелая, неподъёмная злость, которую человеку хочется разделить с другими. Человек, кстати, всегда так и поступает с тем, что не в состоянии унести сам – делится этим с другими, ну или разделяет, распределяет это на других – когда мешок, который он несёт становится каменно-тяжелым.

Кто делает этот мешок неподъёмным? Сам же человек и делает. Никто больше.

Иногда наполнением мешка бывает милость – высшее, невесомое чувство, которое настолько воздушно, что тоже делится между людьми, но уже без участия самого человека – настолько она летуча и эфирна,. Милость накрывает присутствующих в ней мягким пуховым платком – она греет, но не душит, сохраняет, но не рушит – она лечит, не калеча.

– Там ваше сердце, – поправил мои мысли дракон, – там ваше полное любви человеческое сердце.

Я нахмурился и непроизвольно пощупал себя за грудь.

– Тук-тук, – сказала моё сердце, я услышал его биение и

немного успокоился...

Я понял... Я наконец-то понял...

Улыбнувшись дракону, наградив взглядом Человека Агафью Тихоновну, я подошел к ним и крепко обнял.

– Спасибо вам, – искренне произнес я и почувствовал что мешок стал тяжелее. Тяжелее, но не тяжеловеснее.

Это была та самая – самая редкая, хоть и огромная тяжесть, которой обладал океан, совсем не беспокоясь о своей массе – та тяжесть, которая успокаивала и насыщала.

Это был тот самый запас, который грел, но не тяготил.

Это был самый честный человеческий багаж.

– Спасибо, – повторил я и засмеялся.

Смех раскатисто прокатился по всему пространству и вернулся ко мне загадочным эхом.

И только тут, только сейчас я почувствовал приближение чего-то большого, чего-то важного и неотвратимого...

Я почувствовал приближение не нового события или обстоятельства – я почувствовал приближение нового качества уже знакомых мне обстоятельств и уже не раз пережитых событий.

Новое качество проявилось ещё одним напылением на каждой окружающей меня вещи, но взять это, впитать в себя я смог только ту часть покрытия, которая и так уже принад-

лежала мне.

Принадлежащее мне и так мне принадлежало. Его нельзя было ни украсть, ни присвоить, ни захватить.

Принадлежащее не мне – было мне недоступно, и точно так же, я не мог его ни украсть, ни присвоить, ни захватить.

Я мог лишь ясно его видеть, но не понимать.

Чужое было чужим, моё стало моим.

Чудесное Существование!

– Его Величество Существование, – громко сказал дракон и взглядом включил золотой дождь.

Непонятно откуда появившаяся грозовая туча исторгала из себя живительную, тёплую влагу, которая питала меня, словно вода питает корни растений.

– Его Величество Существование, – повторил я вслед за Артаком и опять засмеялся.

Беспричинно, не намеренно и неведомо зачем!

Засмеялся так, как бывает только в детстве – засмеялся просто потому что воздух, просто потому что дождь, просто потому что радуга.

– И что же дальше? – закричал я сквозь шум золотого дождя, – что теперь? Что впереди?

– Теперь впереди только три остановки, – Артак говорил медленно, никуда не спеша, – только три остановки отделяют твоё человеческое воплощение от твоей сути, отделяют тебя от полного познания мира вещей и поступков этого мира.

– Три остановки? Но какие?

– Рождение, Старение и Смерть, – тихо и внятно произнес дракон.

Шум дождя не прекратился, даже усилился, но слова доходили до моих ушей без искажений. Я чётко слышал каждое произнесенное драконом слово.

– Рождение, Старение и Смерть? – так же тихо и так же внятно повторил я вслед за Артаком.

– Да, – подтвердил он, – именно так.

– Остановки? – на всякий случай уточнил я.

– Да, – еще раз подтвердил он.

– Старение – тоже остановка?

– Конечно, – мой дракон негромко засмеялся, – конечно, остановка, ведь старение мгновенно. Стареют не по прошествии определенного времени, стареют по мере осознания некоторых вещей. К тому же не забывайте что вы в вечности, а тут всё мгновенно, впрочем, как и наоборот – здесь точно также любое мгновение – вечно.

– Мгновенно, конечно, мгновенно, – пробормотал я, подмигнув дракону, и ещё раз омыв себя золотым дождем, вернулся к акуле.

Агафья Тихоновна, будучи рыбой по своей сути, в блаженстве прикрыла глаза и молча впитывала свою родную стихию – воду.

Хоть и золотую, но воду.

– Его Величество Существование, – тихонько пробормо-

тала она и в блаженстве опустила на зеркальный пол, – добрались...

Счастье, тишина и спокойствие окутали нас троих целиком и единственное моё желание было в том, чтоб эта нега никогда не заканчивалась.

Да и могла ли она когда-нибудь закончиться в этом лишенном времени месте, в этой точке, совмещающей в себе ИЗ и В, в этом центре причин и следствий, в этом бесконечном круге сущего?

Пожалуй, это и была та жажда, о которой когда-то говорил дракон. Самая что ни на есть настоящая жажда настоящего – ядрёного, вечного и неизменного Существования...

И утолить её мог только этот золотой дождь, непрерывно падающий с неба.

22

– А дальше ты родишься, – дракон тихо засмеялся своим неслышным – мысленным, серебряным смехом, – и тогда, когда наступившее Существование действительно наступит – оно, прежде всего, наступит тебе на горло – и ты неизбежно захочешь вырваться, освободиться, вытянуть себя из этого болота, тогда ты захочешь раскрыться и взлететь – именно в этот миг ты и родишься. Это и будет истинным момен-

том твоего рождения – рождения уже не тела, но рождения духа. Духа, который это тело породило, а, может быть, просто освободило, ибо дух был всегда. И освобожденный дух, перерожденный твоим Именем и твоей Формой уже будет обладать своим главным, самым основным своим качеством – он сможет распространяться вне твоего физического тела, он сможет рождать себе подобных...

– Распространяться? Как это?

– Распространяться – это значит исходить из тебя наружу, – Артак рассмеялся, – и происходить это будет от одного только твоего присутствия, даже в том случае если ты не вымолвишь ни слова. Твой дух будет распространяться лишь по одной причине – и причина эта – твоя личная свобода, твоё освобождение, если угодно – ведь твой дух более не ограничен контурами твоего тела. Так что свобода и ещё раз свобода! Ведь только истинно рожденный человек может быть действительно свободен.

– Распространяться и рождать? Что именно рождать?

– Себе подобных. Он будет будить себя самого в других телах других людей, – Артак засмеялся, – хотя, смотря что понимать под «рождением»... Дух, вечный дух, неподверженный влиянию времени и мгновенно проходящий сквозь всех подверженных этому влиянию, пронизывая их тела, изменяет их, впрочем, точно так же, как и наоборот – дух обогащается знанием, опытом этих тел, он насыщается ими...

– Мгновенно?

– Конечно... В вечности, в этой обители духа – всё существует лишь одно единственное мгновение, впрочем, – это мгновение длится целую вечность. Пойми, – Артак постучал себя когтем по лбу, – пойми одно – человеческая реальность построена на принятии времени как такового, однако, твои глаза – глаза дракона, уже в состоянии узреть отсутствие этого самого времени... Отсутствие по причине его нереальности.

– Отсутствие времени?

– Да, – спокойно подтвердил Артак, – отсутствие времени, как такового.

– Но ведь время – это энергия!

– Ну и что с того... – дракон усмехнулся, – время – это энергия лишь для человека и ему подобных, но ведь совсем не исключено, что в безвременности нечто другое будет выполнять эту роль... Пойми, любая наука, как и любое учение похоже на окно. Сначала ты смотришь на стекло и видишь лишь смутное отражение собственного лица. Ты можешь различить его, но едва, еле-еле, вскользь... Однако, этого вполне достаточно чтобы осознать что оно – лицо – есть. И это лицо человека. Точно также, смутно тебе виден и горизонт – виден, скорее, не глазами, виден чувствами, ибо твои глаза сфокусированы на самом отражении и пока ещё не способны видеть дальше стекла. Однако, и этих осязаемых чувств достаточно, чтобы увериться – горизонт определенно существует. По мере того как ты учишься, и твоё

видение становится яснее, а взор – устремляется вдаль, – учение становится понятнее, а собственное лицо – исчезает, растворяется, блекнет... Пока, наконец, стекло в окне не обретает полной прозрачности. Тогда ты, игнорируя собственное лицо, видишь сквозь него и стекло – видишь ясно, чётко, далеко видишь. Ты видишь все вещи и события такими, какие они есть на самом деле. И с ужасом обнаруживаешь, что... ОНИ И ЕСТЬ ТВОЕ ИСТИННОЕ ЛИЦО... Уже не отраженное лицо человека, а истинное лицо дракона – лицо всемогущего, могучего существа...

Я посмотрел в зеркальное отражение и поднял глаза на дракона. Мой раскатистый рык прокатился под сводами.

– Я – дракон!

– Конечно! – Артак кивнул серьёзно, как никогда и немного насторожился.

– Существование – безвременный уровень? – твёрдо спросил я.

– Практически да, – Артак говорил, усердно проговаривая каждую букву и интонацию, – однако остатки времени всё ещё присутствуют здесь, – он развел лапы в стороны, – ведь впереди ещё Рождение, Старение и Смерть... А это временные процессы. Здесь ты в состоянии осознать лишь никчемность самого времени, никчемность этого энергетического наполнения «реальности» и, как следствие – бесполезность, бессмысленность и бессодержательность самого человеческого существования, если только человек, в про-

цессе жизни его тела, не смог открыть для себя уровень истинного Существования, то есть уровень сверх человека.

– Жизнь бессмысленна?

– Да, жизнь бессмысленна. Если только ты сам не придумаешь для неё какой-нибудь смысл. Но тогда это будет твой собственный смысл, а не смысл самой жизни, понимаешь?

– Понимаю, – твердо кивнул я, – но я могу его подарить, могу поделиться своим смыслом.

– Нет, нет, что ты, – Артак залился смехом, – твой собственный смысл никого, кроме тебя не интересует и никому более не нужен. Все люди заняты собой. И это, кстати, правильно. Только копаясь в себе можно отыскать нечто сродни бриллианта. В чужом навозе только чужое тепло, – добавил он непонятно к чему.

– Своим собственным смыслом, – тихо повторил я за Артаком...

– Конечно, именно так.

– Но сама жизнь не может быть бессмысленной!

– Может. И даже есть! – с жаром добавил дракон, – однако, некоторые люди вырываются из кругов повторений и отыскивают свой смысл.

– Их собственный смысл? Но не смысл жизни?

– Они и есть жизнь, – тихонько, полупшепотом произнесла Агафья Тихоновна.

Я обернулся к ней и резко спросил:

– А я? А я?

– И ты – жизнь! – так же тихо, но не менее твердо добавила она, – самая что ни на есть настоящая жизнь. И, кстати, уже со смыслом.

– Но...

– Вы все – порождения одной и той же жизни. Но осмысленной она может стать только осознав своё предназначение и это осознание в ваших руках, в руках каждого осознающего, ибо они – лишь её собственный инструмент. И это предназначение, если его отыскать – уже не подвластно ничему, и времени в том числе!

– Поэтому, когда время исчезнет полностью, для меня ничего не изменится?

– Для тебя изменится абсолютно всё, – засмеялся дракон, – изменится всё, но Ничто не поменяется, – он весело подмигнул мне.

– И время...

– Время, время! Заладил ты со своим временем! Только выйдя с другой стороны истинной смерти – той смерти, которая благо; той Смерти, которую следует писать только с большой буквы; той Смерти, которая действительно есть лишь остановка и освобождение; той Смерти, которая может наступить только после того как человек достиг истинного Существования и истинно в нём родился – только тогда ты, а точнее уже и не ты вовсе, но всё-таки ещё ты – ты попадаешь в мир, полностью независимый от времени. Попадаешь в мир, жителям которого незнакомо временное рабство. По-

падаешь туда, где... – Артак запнулся, внимательно посмотрел мне в глаза и не стал продолжать.

– Но я хочу понять!

– И ты поймёшь, – спокойно кивнул головой мой дракон, – обязательно поймёшь, – повторил он и рассмеялся, – но в своё время. Не нужно торопиться.

– Получается, у человека всего один миг для познания?

– Или миг или вечность, – дракон подмигнул мне жёлтым глазом, – или вечность, – повторил он и посмотрел на Агафью Тихоновну, словно приглашая её к разговору, – это решать только тому самому человеку для которого этот миг или эта вечность существует и никому кроме него.

Агафья Тихоновна погладила меня плавником по голове, словно омыла, а золотые капли скатились по моему лицу вниз, упав на зеркальный пол и украсив его причудливым рисунком.

– А потом? Что же будет потом?

Акула еще раз провела своим тугим плавником по моим волосам и сказала:

– Я думаю, следовало бы немного больше уважать тот стыд или ту застенчивость и робость, с которой природа спряталась за своими загадками и манящими неизвестностями, – акула говорила ласково, словно защищая и выгораживая свою добрую знакомую, – природа – женщина, – добавила Агафья Тихоновна, – и уж наверное, она имеет основа-

ния не позволять подсматривать за собой. Природа открывает свои тайны только очень тонким и понимающим людям. И уж, конечно, не сразу, не по первому требованию, да и не первому встречному. Природа ничего не скрывает, но свод её правил записан очень высоко. И до этой высоты ещё надо добраться. И добраться, будучи уверенным, что умеешь читать!

– Пусть высоко, но достижимо же?

– Конечно. Место, где находится эта вполне достижимая для человека высота, место, где находятся природные скрижали – место это находится внутри тебя – в твоём прекрасном и неповторимом человеческом сердце, – Агафья Тихоновна кивнула на мешок с надписью «Любовь», который самым что ни на есть волшебным образом оказался в моей руке, но тут же исчез, стоило мне на него взглянуть.

– Но...

– Не надо возражать, – плавник переместился чуть ниже и прикрыл мой рот, – этот свод норм и правил, этот единственный устав, этот природный фундамент вам пока не виден, как не видны и основания, по которым она – природа – поместила его за ширму вашего, человеческого, то есть, усечённого сознания. Поэтому просто поверьте, что он существует. И они тоже.

– Кто – он? – не сразу понял я.

– Фундамент, – медленно проговорила Агафья Тихоновна, – кто же ещё? Существует такой фундамент – есть у при-

роды пьедестал, есть устои, есть опора! Точно так же, как и существуют веские основания этот фундамент скрывать, – добавила она хитро глянув на Артака, – и скрывать по одной простой причине – всё видимое очень легко разрушить. Ведь человечество – с его жадностью, с его неуёмным и ничем не удовлетворимым желанием личного обогащения, с его действиями, направленными лишь на то, чтобы подстроить всё существующее под себя и использовать это всё, опять-таки, для себя лично, – человечество именно так и поступит. Природа прячет своё предгорье, прячет свои основы не по своей жестокой прихоти, но по жесточайшей необходимости – прячет просто для того, чтобы выжить. Ведь что будет, если у дома разобрать фундамент?

– Он рухнет!

– Именно, – подтвердила акула, – именно так, – он рухнет и Ничто не сможет ему помочь!

– Я понимаю.

– Значит вы понимаете и то, что увидеть эти основы, эти столпы мироздания, вам удастся только тогда, когда вы будете абсолютно безопасны для природы, – Агафья Тихоновна повернулась к Артаку и произнесла, как бы советуясь:

– Абсолютно, не так ли? – она смотрела на него и ждала, дракон же, поразмыслив немного, утвердительно кивнул и акула продолжила:

– Да, да, именно так! Абсолютно! Я вполне могу употребить это слово! Когда вы будете абсолютно безопасны для

самой природы. Только тогда, когда она будет уверена что вы ей не сможете навредить, – повторила акула и замолчала.

– Но как природа это делает? Как скрывает свои основы? И зачем она скрывает причины по которым она это делает? Ведь, если бы эти причины были известны, разве не послужило бы это толчком к развитию всего человечества? Разве люди не стали бы продвигаться вперед? Разве не становились бы лучше и умнее? Разве не занимались бы тем чем необходимо заниматься на самом деле?

Агафья Тихоновна посмотрела на меня как на умалишенного и рассмеялась.

– Понимаете, – произнесла она и замолчала, выискивая нужное слово, – понимаете, если бы причины природного ограничения в доступе к знанию стали известны большинству представителей человеческой расы, а большинство – это всегда просто стадо и не более того, – Агафья Тихоновна развела плавники в стороны, как бы сожалея о таком распределении представителей этого самого человечества, – то это самое большинство обязательно начнёт искать эти знания, в этом вы правы, но искать не с целью просто обладать ими и использовать во благо – а искать с целью заполучить эти знания в единоличное пользование и укрепить, тем самым, свою власть. С целью оставаться с этой властью как можно дольше, а лучше всего – пожизненно, или даже сверх того, сверх жизни... Согласитесь, что большинство людей, даже из тех, которых знаете лично вы, поступили бы именно так.

Тогда о каком развитии личности мы говорим?

Перед глазами вихрем пронеслось несколько лиц и я понял что акула совершенно права.

– Но разве это знание не сможет изменить природу человека? Его стремления и желания? Разве понимание основ мира не сделает человека лучше?

– Не сделает, – Агафья Тихоновна ответила однозначно, и даже немного резко, – не сделает. Человека, вообще-то, можно чётко определить исключительно по его действиям по отношению к тем, кто не может дать ему сдачи и соответственно разумению этого человека – не может достойно ответить ему тем же самым, то есть, ударом. Человек определяется по его отношению к безмолвно терпящим убийства деревьям; по отношению к животным, ставшим практически беззащитными перед человеческим произволом; перед убийством, называемым охотой; человек определяется по отношению даже к существам одного и того же вида, однако, по тем или иным причинам, отставшими в развитии. Отставшими, и поэтому не обладающими таким же смертоносным оружием, как и те, которые, как вы думаете, – Агафья Тихоновна горько усмехнулась, – как вы предполагаете, – акула немного подправила слово, – станут лучше, как только им приоткроют завесу настоящего Знания. Того самого Знания, которое без исключений.

– Но как ей это удастся? Как ей удастся скрывать самое сокровенное?

– Не забывайте, что человек – лишь биологическая машина, хорошо сконструированная, но машина, – акула засмеялась, – и от других машин, созданных самим человеком, он сам отличается лишь сложностью составляющих его механизмов и технологиями, по которым эти механизмы были произведены.

– И что это дает? – не сразу понял я.

– А как поступает человек со своими творениями, если не хочет чтобы они выполняли то или иное действие?

– Ну я не знаю, наверное, программирует соответствующим образом.

– Да, – акула кивнула головой, – именно так. Вот и природа программирует человека и программирует его в соответствии с политикой своей же безопасности в первую очередь.

– И как она это делает?

– Да очень просто, – Агафья Тихоновна опять засмеялась, – она лишает его разума. А если быть более точной – то просто ограничивает его возможности. Ведь лишить разума – это в точности то же самое – это и есть наиболее действенный способ ограничить возможности человека!

– Но некоторые люди всё-таки обходят эти ограничения? Каким образом у них это получается?

– Человек много сложнее любого робота, созданного человеком. И возможности самого человека, следовательно, много шире, а можно сказать – необъятнее. Любой представитель человеческого вида волен достичь того минималь-

но необходимого уровня своего сознания, на котором природные запреты становятся прозрачны, и программа ограничения теряет свою силу. Однако для этого самому человеку необходимо подобрать правильный код. Код к двери на лестницу вверх. Или код, превращающий кирпичные стены в прозрачное стекло. Необходимо подобрать код, который открывает следующую ступень.

– Минимально необходимый уровень – это уровень Существования?

– Да, уровень Существования, – подтвердила акула, – Существование – это первый уровень углубленного познания причин и следствий. Первый самостоятельный уровень для тела и последний тюремный уровень для души. Уровень, на котором сходятся линии человека с его следующим воплощением – сверхчеловека, Человека-Бога, Человека-Хозяина, Человека-Творца.

– И какой кратчайший путь сюда?

– Вы сейчас делаете сразу несколько ошибок, – Агафья Тихоновна усмехнулась, – ведь кратчайшим путь может быть или во времени, или в пространстве. Вас какой интересует?

– Ну самый быстрый...

– Значит во времени... – она задумалась. – Нет такого пути. Время само по себе, являясь лишь энергией человеческого мира, не имеет таких характеристик как быстро или медленно. Это уже человек наделил энергию таких свойством.

– А самый короткий путь?

– Это в пространстве, что ли?

– Ну можно так сказать, – я улыбнулся, чувствуя что говорю что-то не то и даже какими-то не теми словами.

– Так то самое пространство – пространство, в котором живут большинство людей, – акула подыграла мне улыбкой, – то самое пространство в котором жили и вы – оно по своей сути неотделимо от времени...

– Но всё-таки... Как в таком случае можно обойти запреты природы? Как можно получить заветный код и стать выше, стать умнее, стать лучше, в конце концов?

– Никак. Если вы будете ставить своей целью получить так необходимый вам природный код – то никак. А если ваша цель будет чиста и благородна – ключ от замка сам упадет в ваши руки. Только для этого надо перестать к нему стремиться и просто начать жить честно. Жить так, как вы действительно считаете нужным. Так, как считаете нужным сидя прямо перед собой, сидя перед зеркалом, а не перед другим человеком, пытаясь его в чём-то убедить. И по мере того как это, лично ваше считание будет видоизменяться, по мере того как ваши настоящие цели – те, которые вы истинно проповедуете, а не те, которые выставляете напоказ – когда они будут становиться ближе к целям самой природы, то есть, по мере вашего развития и взросления – вам автоматически будут открываться всё новые и новые горизонты.

– А как природа будет знать мои истинные намерения?

– У неё для этого есть исключительно правдивый помощ-

ник, – Агафья Тихоновна погладила меня плавником по голове, – и обмануть его не удастся ни при каких обстоятельствах.

– Но кто это? Какой помощник?

– Ваша биологическая программа. Ваша собственная, ваша индивидуальная, ваша неповторимая программа, а если говорить другими словами – это ваши, скрытые от всех окружающих, но доступные ей – природе – доступные по первому требованию мысли. Простые человеческие мысли, которые нельзя ни подделать, ни подтасовать. Это ваш личный, сугубо индивидуальный код, реагируя на который природа отправляет вам свой ключ, открывающий ваше познание ровно настолько, насколько оборотов провернётся ключ. Открывая вам ровно столько комнат, содержимому которых вы уже не в состоянии навредить. И обмануть или подделать ключ, подтасовать факты тут никак не удастся. Никак, – акула ещё раз погладила меня о голове, – это природный закон, поэтому использовать его так, как люди используют свои законы, то есть, избирательно и сугубо для собственной выгоды – не получится ни при каких обстоятельствах.

– И этот ключ...

– Этот ключ в состоянии открыть дверь вашего познания шире любого придуманного или существующего горизонта или же, наоборот, запереть ваше познание на самый крепкий замок, ибо это единственное, чем природа может ограничить ваше на неё влияние – это ограничить ваши знания

– заменить бесконечный поток света на узкую, едва различимую глазу его полосочку. Предоставить вам столько света, чтобы его хватило лишь на выживание – на ваше биологическое выживание... Не более того.

Я задумчиво посмотрел на Агафью Тихоновну и переспросил:

– Значит путь только один? И последовательность этого пути тоже?

– Да, – Агафья Тихоновна кивнула своей большой серой головой, – да. Сначала вы становитесь лучше и умнее, и только потом вам открываются новые пути и новые возможности. Другой дороги нет.

– Я уже понял. Получить знания авансом не получится ни при каких обстоятельствах.

– Именно так, – Агафья Тихоновна ещё раз утвердительно кивнула, – именно так... Природе непонятна сама система авансовых платежей, – акула засмеялась, – когда действия ещё нет, но его следствие уже проявляется...

Агафья Тихоновна внимательно посмотрела на меня своими черными лакированными глазами и, видимо, приняв какое-то, одной ей известное решение, вдруг произнесла:

– Знаете ли вы как человек стал человеком? Именно таким человеком, каким мы его привыкли видеть в современности?

– Что вы имеете в виду? – я сразу не понял вопроса.

– Был такой период в эволюции человечества, я имею в

виду – человечества, как биологического вида, – акула уточнила, но надо сказать, её уточнение мне не очень помогло, – так вот, был такой период, когда кроманьонцы, а они были менее сильными, чем неандертальцы, просто жили в один и тот же временной период – и значит энергия времени у них была одна и та же – так вот, эти самые кроманьонцы одержали над неандертальцами верх – и в способностях, и в следующих за ними возможностях, и конечно же – в распространении вида – в его выживаемости и размножении. Хотя неандертальцы были много сильнее и выносливее кроманьонцев, на планете стали править именно кроманьонцы. И любой современный человек – это потомок кроманьонца.

– Мне это неизвестно, – проговорил я и замолчал в ожидании продолжения, – точнее, конечно, я что-то слышал о древних людях, но никогда не углублялся в подробности.

– Кроманьонцы, в отличие от неандертальцев, обладали одной волшебной, – акула хитро посмотрела на дракона, потом перевела взгляд на меня, – именно волшебной, я не зря употребила это слово, способностью. Их сознание умело то, чего не умело сознание неандертальцев. Их сознание умело то, чего не умело ни одно другое сознание ни одного из живущих биологических видов планеты Земля.

Я затаил дыхание в ожидании продолжения.

Агафья Тихоновна тем временем продолжала:

– Представьте, например, лошадку. Обыкновенную лошадку, которых тысячи. Лошадка стоит на пригорке и вдруг

видит другую лошадку. Что она делает при этом нам совершенно неважно, нам важно то, что происходит у неё в голове, – акула склонила свою большую и умную голову немного вниз и посмотрела на меня внимательно, – а в голове у неё происходит следующее – лошадка понимает, она отдаёт себе отчёт в том, что видит точно такую же лошадку – и лошадка осознает это очень чётко и однозначно. Определенно, она осознаёт это однозначно. Без вариантов.

Я молча кивнул головой.

– При это совершенно неважно, знает ли эта лошадка как выглядит она сама, ведь лошадка не смотрится по утрам в зеркало, – Агафья Тихоновна тихонько рассмеялась, – это для нас совершенно неважно. Важно то, что лошадка, какими-то доступными ей органами чувств совершенно точно определяет что перед ней представитель её собственного вида. Она использует видимый ей визуальный образ лошадки и говорит себе – передо мной такая же лошадка как и я. Но при этом та же самая лошадка никогда не сможет определить представителя своего вида, например, на наскальном рисунке. Для неё любой рисунок будет простым набором линий и точек, не более того. Это будет рисунок, не несущий в себе никакого образа. Это понятно?

– Да, – я утвердительно кивнул.

– Такими же самыми мозговыми качествами, как и лошадка, обладает и неандерталец, – добавила Агафья Тихоновна, – он точно так же не поймет то, что нарисовано на скале,

однако с легкостью различит любое животное, как и себя самого, в живой природе.

– Да, да, я понимаю, – я вдруг рассмеялся и добавил:

– Простите мне мой смех, но я уже тоже потерял всяческую ориентацию. Точно как лошадка, видящая рисунок на скале!

– Что вы имеете в виду?

– Например – я, хоть и обладаю мозгом развитого кроманьонца, – я опять засмеялся, – но никак не могу определить, сплю я или бодрствую. Как эта бедная лошадка, смотрящая на рисунок и не понимающая смысла нарисованного.

Агафья Тихоновна рассмеялась вместе со мной.

– Ах, перестаньте! Смысл-то вы понимаете. А насчет сна... Вот вы заметили что когда спишь – снится или совсем ничего или что-то очень интересное? – акула дождалась пока я утвердительно кивнул и продолжила:

– Точно так же необходимо и жить! Или ничего или что-то интересное! И в таком случае совершенно неважно спите вы или бодрствуете – вся ваша жизнь приобретает волшебство сна, а сон – лишь утверждает и подчеркивает торжество жизни! – Агафья Тихоновна скользнула взглядом по Артаку и опять повернулась ко мне.

– Но я отвлеклась. И вот, представьте, совершенно случайно, однажды, ранним утром или закатным вечером – неважно, но один из кроманьонцев увидел на стене пещеры загадочную игру солнечного света или света от костра, раз-

веденного в пещере. Или, возможно, ломаные линии камня напомнили ему очертания какого-то животного, дерева или его самого. Нам это точно неизвестно, да и узнать никак не получится, но это совсем неважно. Кроманьонец подошёл к скале и обвел эти линии – камня ли, света ли – всё равно, обвел их куском угля из костра – обвёл жирно, чёрно – таким образом усилив, выделив их зрительно на фоне всего остального, – Агафья Тихоновна продолжала на меня смотреть немного искоса, и словно улыбаясь, – представили? – спросила она и замолчала в ожидании ответа.

– Да, вполне, – тихо ответил я.

– Кроманьонец нарисовал на скале свой первый рисунок, и пусть это будет, например, наша лошадка, – Агафья Тихоновна немного помолчала, подчёркивая важность момента, – и именно этот – самый первый и пока ещё единственный рисунок на камне дал кроманьонцам то решающее преимущество, благодаря которому они смогли выжить, и что немало важно – одержать победу и в выживании, и в превосходстве, и в силе над любым другим видом, населяющим в то время планету Земля, – она закончила, замолчала и просто наблюдала за моей реакцией.

– Но как? Почему? – я пока ещё не понимал связи между выдуманным рисунком и невыдуманной, реальной мощью, которую он дал целому человеческому виду, сделав его альфа-видом всей планеты.

– Всё очень просто, – акула засмеялась, видя мою расте-

рянность, – в этот самый момент когда кроманьонец в линиях камня или в отражении световых лучей увидел очертания какого-то животного, в этот самый момент произошло нечто поразительное, – Агафья Тихоновна приподняла плавник вверх, – в этот момент мозг кроманьонца совершил квантовый скачок! Ещё мгновение назад он был не в состоянии увидеть то, что ясно видел сейчас – а увидел он абстракцию, то есть понятный ему схематический рисунок. И, в конце концов, по прошествии определённого времени, весь биологический вид кроманьонцев получил способность к этому видению, а другими ловами – получил способность к абстрактному мышлению. Кроманьонец начал мыслить в отрыве от видимой реальности – а это и есть абстрактное мышление и, следовательно – кроманьонец, в отрыве от реальности существующей сам начал создавать реальность совершенно новую и никем не постижимую, ибо увидеть то, чего ранее не было в окружающем его мире – это и значит СОЗДАТЬ абсолютно новое – это значит породить образ, выполнить действие и придать чему-то смысл. Абстрактное мышление – пожалуй, единственное свойство, присущее человеку и способное изменить реальный мир, окружающий этого человека, ну или создать новый, пока ещё нереальный, но уже появившийся в мыслях этого человека мир! И согласитесь, – акула развела плавники в стороны, – согласитесь, что только совершенно новая, ещё никем не думанная мысль в состоянии создать что-то абсолютно новое. И эта мысль, если она

хочет быть именно новой, уж наверное, просто обязана быть абстрактной. Все остальные мысли могли описывать уже существующее в природе, и только абстрактное мышление способно было видеть то, чего на самом деле и не было в самой природе, но оно тут же начинало проявляться в видимой реальности, следуя за породившей его мыслью. Таким образом, древний человек и начал создавать новый, подвластный ему мир – мир, сотканный из абстракций уже даже не одного только человека, но целого вида людей. И уж, конечно, в этом, только что зарожденном, личном человеческом мире, не было места другим доминирующим видам. И сам мир – абстрактный, но уже видимый – стал вторичным. Мир стал СЛЕДУЮЩИМ за мыслью, следовательно, мир стал управляем. И управляло им самое обыкновенное, но новое для того времени – абстрактное мышление кроманьонцев. Причем, сами кроманьонцы не имели об этом не малейшего понятия.

– И весь наш мир, теперь уже реально существующий, всего лишь следствие наших собственных мыслей?

– Конечно, конечно! Именно так! – Агафья Тихоновна засмеялась, – и нет в этом правиле ни сбоев, ни исключений. Это абсолютное правило. Мир рождён мыслью. Мыслью он будет и похоронен.

– Абстракция так сильна?

– Абстракция сильна только одним своим качеством, – акула наклонилась к самому моему уху, – абстракция сильна только своей способностью создавать новое. И постепен-

но, со временем, конечно, это новое вытесняет старое, уже прошедшее, понимаете? Новый мир абстракций медленно, но уверенно заменяет собой старый, реально существовавший в те времена мир. Потом уже этот новый, ещё абстрактный, но уже вполне реальный мир становится старым, и уже на смену ему приходят новые образы, порождённые этими воплощёнными в реальность абстракциями. Приходят видения нового поколения, приходят мысли уже более развитого интеллекта, приходит новая, ещё никем не познанная реальность и заменяет собой реальность старую...

– Получается что от мира, который существовал в те времена, во времена драконов и динозавров, уже ничего не осталось?

– Получается что так. – Агафья Тихоновна вздохнула, – от того мира остались только мифы, легенды, сказания... Но именно они и являются сейчас абстракцией, вы не находите? Именно их нет в современном мире!

– Да, действительно...

– И рисуя в своих мыслях дракона – вы... Вы... Вы, в конце концов, его и получаете!

Я рассмеялся и потрепал Артака за шею.

– Насколько же сильны человеческие мысли! – я любовался своим драконом, и чувствовалось, что ему это было приятно.

– Они – начало всего, – акула глубоко вдохнула и с шумом выпустила воздух, – но мы опять отвлеклись, – она села по-

удобнее и продолжила:

– Один рисунок на скале, конечно же, не мог ничего изменить. Но множество рисунков и их повсеместность стали оказывать огромное влияние на жизнь кроманьонцев. Абстрактному мышлению тоже необходимо время – необходима подпитывающая его энергия – чтобы развиваться, эволюционировать, создавать всё более сложные образы, формируя тем самым новую, более сложную реальность. Кроманьонцы начали рисовать. И рисование стало неотъемлемой частью их культуры – культуры, которая, в конце концов, привела вас к этому, существующему сейчас уровню. Один рисунок – первый, подсказанный самой природой, мог обозначать лошадь – другой рисунок мог обозначать уже что-либо другое, третий – третье, и так далее. Человек научился схватывать суть окружающих его вещей и изображать действительность какими-то одному ему понятными символами. Это только сначала лошадь должна была быть похожа на саму лошадь, чтоб её опознали, но потом... Потом лошадь могли изображать схематично, но каждый видящий этот знак точно знал что это лошадка, понимаете?

– Понимаю. Летящую птицу можно было изобразить как два изогнутых крыла, кстати, многие до сих пор так рисуют, например – чаек, а рыбу – как вытянутый овал с треугольными плавниками, да?

Именно так, – Агафья Тихоновна подтвердила мои догадки, – именно так. И эта волшебная способность – изображать

схематически окружающий мир дала виду кроманьонцев решающее преимущество над всеми остальными видами.

– Но почему? Потому что это было началом письменности или искусства?

– И это, конечно, тоже, – Агафья Тихоновна ещё раз засмеялась и хитро посмотрела на Артака, – письменность и искусство – замечательные и необходимые качества любой, уже развитой культуры, и, несомненно, начало всему было положено именно тогда, когда первый человек нарисовал свой первый наскальный рисунок. Но был ещё один важный момент. Важный, потому что волшебный...

– Какой же?

– Когда первая лошадка была нарисована и признана остальными древними людьми именно за лошадку, – Агафья Тихоновна говорила медленно, чуть ли не по слогам, – какой-то другой кроманьонец отошел от рисунка на определенное расстояние и вдруг метнул в скалу своё копьё... – акула замолчала, давая мне время переварить сказанное.

– И что?

– А то, что по какому-то странному стечению обстоятельств, на следующий день эта самая лошадка была поймана без особого труда и ещё какой-то, стоявший неподалеку, древний человек смог связать успешную охоту на реальную лошадку с киданием копья в нарисованную, в вымышленную лошадь. Один из кроманьонцев смог связать реальность с вымыслом, понимаете? – Агафья Тихоновна прибли-

зилась вплотную к моему лицу, – связать реальность с вымыслом, – повторила она, – и это было бы ещё полбеды. Но важно именно то, что вымысел здесь – нарисованная лошадь – играл роль причины, а реальность – пойманная на охоте лошадь – была уже следствием вымысла, то есть была реальным событием, следующим строго за выдуманной причиной. Вы понимаете всю важность данного события?

– Нет, не понимаю. И что с того, что придуманная причина породила реальное событие? – я не сразу понял ход мыслей акулы, но осекся, произнеся эту мысль вслух.

Важность сказанного, ещё не до конца мной понятая, уже просвечивала сквозь произнесенные слова.

– А то, что с этого самого момента, в жизнь кроманьонцев вошло волшебство, с этого момента в их жизнь вошла вера в то, что они могут управлять реальностью, с этого момента древний человек молча, ещё не понимая смысла, но сказал сам себе – я всемогущ. И в этот самый момент даже природа стала подчиняться сознанию той своей части, которую она сама породила, то есть природа стала подчиняться сознанию своего отдельного биологического вида. Кроманьонцы тысячи раз повторяли определенный ритуал, например, кидали копья в нарисованных зверей и в день охоты, в дополнение к своим охотничьим навыкам получали одно волшебное качество – уверенность в своих силах. А уверенный человек, совершенно логично, показывает лучшие результаты в любом деле. Лучшие результаты лишний раз убеждали людей

в действенности новой методики, тем самым, опять увеличивая ту самую уверенность и, как следствие, охота становилась ещё успешнее. И так по кругу, по бесконечности. День за днем, год за годом, реальность становилась чем-то управляемым, чем-то вторичным, чем-то ЗАВИСИМЫМ. Пусть пока ещё только в головах древних людей, но это уже не имело никакого значения. Факт остается фактом. С момента рисования первого наскального рисунка, с момента рождения живописи, видимой реальностью стало возможно управлять и управлять достаточно легко, – Агафья Тихоновна закончила громко и чётко, – управлять реальностью посредством каких-то ритуалов, каких-то обрядов и таинств, управлять реальными процессами посредством выдуманных церемоний. Теперь вы понимаете всю важность данного действия?

– Да, понимаю, – я действительно понимал насколько важным было то, о чём говорила акула, – в этот момент зародились все верования и религии, в этот момент появились жрецы и шаманы. В этот самый момент в жизнь древних людей вошла самая настоящая магия. Пришло волшебство, чудодейство. Мир стал более предсказуем, а значит – и менее опасен.

– И что немаловажно, – акула перебила меня, – эта магия работала! Реальность на самом деле, каким-то невероятным способом, стала подчиняться вымыслу. Даже, если это происходило только в головах древних людей – это было зарождение новой эпохи, это было рождение нового человека.

И этот новый человек стал развиваться уже по новому, отличному от всех других пути. Человек стал уметь абстрактно мыслить. Человек, хоть и в своих мыслях, но стал единственным властелином всей планеты!

– Вы совершенно правы, – только и смог произнести я, – вы совершенно правы.

– И ещё, – Агафья Тихоновна внимательно посмотрела прямо мне в глаза, – с развитием наскальной живописи, с течением времени – некоторые рисунки получали всё больше и больше мелких деталей, а некоторые стали всё более схематичны и абстрактны. И, в конце концов...

– В конце концов, первые превратились в искусство, – перебил я Агафью Тихоновну, – правильно?

– Да, – подтвердила акула, – правильно. А схематичное изображение чем стало?

– Алфавитом? – неуверенно спросил я.

– Алфавитом тоже. Но был ещё один момент. Очень важный момент...

– Какой?

– Я подскажу, – в наш разговор внезапно вмешался Артак, – ведь тебе нужна помощь?

– Не отказался бы.

– Тебе ничего не напоминает такая фраза: «предположим, что эти три точки обозначают лошадь...», – дракон улыбался, видя что я пока ещё не понимаю к чему он клонит.

Я отрицательно помахал головой.

– А такая: «пусть X обозначает количество коров...»

– Математика! – чуть не вскричал я! – Математика! Схематичное изображение со временем превратилось в математику!

– Да, – Артак был доволен моей сообразительностью, – да, именно так. Схематичное изображение чего бы то ни было превратилось в письменность с одной стороны, и в математику с другой. Но что это значит для нас?

– Что?

– Весь этот мир, – Артак расправил крылья, показывая ими в разные стороны, – весь этот мир – порождение магии. Плод самого настоящего волшебства. Волшебство правит этим миром посредством своих самых важных инструментов – и инструменты эти – Слово и Цифра. Нужно ли продолжать? – дракон засмеялся глубоко и долго, – с тех самых пор, когда игра света или камня подсказала древнему человеку возможность изображения трехмерной реальности в двухмерном пространстве – мир стал волшебным, но предсказуемым. Миром стало возможно управлять. Вот, собственно, и всё, – Артак прокашлялся, – и уж конечно, тот биологический вид, который умеет управлять реальностью, с легкостью одержит победу над любым другим видом, даже превосходящим его по численности и силе. Ведь теперь на стороне одного вида, то есть, на стороне кроманьонцев, была самая настоящая магия. И неандертальцам, впрочем как и всем остальным, ответить было нечем, кроме разроз-

ненных частей той реальности, которой уже управляли кро- маньонцы. Неандертальцы, как и все остальные животные стали жить в управляемом кроманьонцем мире, и их богом стал сам кроманьонец – единственное живое существо на планете Земля, посредством которого природа смогла наконец-то осознать саму себя, и глянуть на себя своими же глазами. Природа, пока ещё используя единственный доступный ей способ – способ случайного попадания, способ перебора миллионов, а то и миллиардов возможных вариантов – природе наконец-то удалось сотворить самое обыкновенное зеркало, каким являлся рисующий кроманьонец, научившийся изображать картинки на поверхности скалы, и в это самое зеркало она, природа, посмотрела глазами того же самого древнего кроманьонца. Природе, методом проб и ошибок, удалось создать нечто, способное осознать самое себя, создать нечто, способное осознать и её саму. А осознать возможно только то, чем являешься сам, и стало быть, кроманьонец и был точной копией самой природы. Конечно, не визуальной, глазной копией, но копией сознательной – мысленной прорисовкой, мысленным штрихом, одним лишь мазком природной кисти на огромном полотне всего мироздания! Кроманьонец был тем мазком, который смог осознать всё полотно на которое его нанесли, осознать его цельность и неделимость, осознать его совершенство и завершённость, осознать его природу...

– Ты сказал, – я перебил Артака, – что у природы был

только один способ – способ случайного попадания...

– Да, именно так, – Артак кивнул головой, показывая что он понял мой вопрос, – Она и сейчас его использует. Все заболевания, мутации, изменения видов – всё это проявление того самого, древнейшего способа развития мира – способа случайного попадания. С каждым новым изменением, с каждой мутацией природа лишь пытается улучшить уже существующие модели биологических видов.

– Но если этот процесс ничем не контролируется, то произойти может всё что угодно, не так ли? И улучшение, и ухудшение, и неизменность, ведь так?

– Так, – Артак согласился.

– Но каким образом тогда и происходит развитие мира? Если мир изменяется, то он равновероятно и одновременно изменяется как в лучшую, так и в худшую сторону?

– Самым что ни на есть действенным образом, – Артак засмеялся так громко что мне пришлось заткнуть уши, – всё что стало хуже – просто исчезает, – произнес дракон, отдышавшись.

– Но почему оно исчезает? Почему?

– Оно вымирает, мой мальчик, – Артак положил лапу мне на плечо, – просто вымирает, и именно поэтому все изменения, которые могли ухудшить данный вид – просто не приживаются, а приживаются именно те, которые способны его улучшить, понимаешь? Это самый простой способ, который природа использует уже миллиарды лет – способ случайно-

го попадания, а говоря другим языком – естественный отбор. И у этого способа только один недостаток, – Артак продолжал улыбаться, – он требует очень много энергии, другими словами, ему необходимо очень много времени чтоб появились какие-то результаты. Ибо, как вы совершенно справедливо заметили, изменения вида происходят совершенно случайным образом, и равновероятно появление, например, двухголового ребенка там, где в нём нет никакой необходимости...

– И что с ним произойдет?

– Он умрёт, – спокойно продолжал дракон, – умрёт, так и не успев оставить потомства, а следовательно – не успев передать свой генетический материал дальше по цепочке. А если он умрёт не сразу и даст потомство – в таком случае он вымрет уже как вид, но позже, если только его двухголовость не принесёт ему какое-то решающее преимущество для выживания...

– Но тогда получается что вся человеческая медицина, все попутки существующей цивилизации вылечить какое-либо заболевание или хирургически исправить мутацию тела – это прямое вмешательство в процесс эволюции?

– Конечно.

– Так значит, этого делать нельзя?

– Можно, – Артак смеялся одними глазами, – можно, потому что медицина – такой же процесс эволюции, как и любой другой. И уж наверное, она имеет свой собственный ма-

зок на общей картине мироздания.

– Я понимаю.

– Очень важно то, что с того самого момента, когда природа, используя своё собственное творение – мозг кроманьонца – наделила его функцией абстрактного мышления – она дала ему власть над собой, и власть эта заключается в понимании природных процессов, и я бы даже сказал – она признала его право на непосредственное участие в написании природных законов, ибо до появления кроманьонца природа и сама не знала что она подчиняется каким-то там законам. Не знала, но с помощью одного из своих творений начала исследовать себя, что, в конце концов, привело человечество в ту точку, где мы все сейчас и находимся.

– Так мы перемещаемся не во времени? Не в пространстве?

– Конечно, нет! – Артак говорил громко, властно, – мы перемещаемся лишь в познании. И чем глубже в него мы погружаемся, чем дальше по нему мы уходим, чем больше исследуем – тем полнее живём и тем шире смотрим. И как бы люди не отмечали свои жизни прожитыми годами, упорно настаивая на движении именно во времени – это совершенно не так. Движение возможно лишь в познании, и никак иначе. Всякое другое движение – во времени ли, в пространстве ли – только иллюзия, только туман, только КАЖЕТСЯ...

Я смотрел на моего дракона с широко раскрытыми глаза-

ми, понимая что он прав, но был в силах произнести ни единого слова.

– Но мы отвлеклись, – Агафья Тихоновна вмешалась вовремя, и прищурив глаза, напомнила:

– А говорили мы о том что ваш личный горизонт познания будет расширяться с каждым новым, полученным вами знанием. С каждым правильным знанием, конечно. Ибо неправильное, вредное знание, с тем же успехом и с той же скоростью сузит границы вашего познания! Берегитесь его, как огня!

– Я могу потерять то, чего мне удалось достичь?

– На самом деле потерять вы ничего не сможете, – акула усмехнулась только ей известным мыслям, – познание никогда не сворачивается назад, как и ваш мозг – единожды раздвинув свои границы – более не в состоянии вернуться в границы прежние.

– Тогда мне ничто не угрожает?

– Не знаю, – Агафья Тихоновна развела плавники в стороны, – не знаю... Если какое-либо вредное знание захватит вас целиком, вы можете даже свернуть с дороги. Но направление вашего движения не изменится, просто вы будете дольше блукать. И хоть до горизонта, в принципе, невозможно дойти, однако, ваша дорога, ваше перемещение, ваш путь всегда ведет прямо туда.

– И я дойду?

– Каждый дойдет!

– И что тогда произойдет?

– Нет никакой необходимости пытаться заглянуть туда, где пока ещё темно. Туда, за горизонт. Нет необходимости заглядывать за край земли, даже если он сейчас закрывает собой Солнце. Всему своё время. Всё движется и изменяется, и ваша местность – та часть пространства, где вы сейчас, отнюдь не лишена света. Надо лишь присмотреться повнимательнее и вы сможете найти прямо здесь то, что пока ещё скрывает от вас горизонт...

– Но тогда зачем мне идти? Зачем стремиться к горизонту?

– Вы мыслите старыми образами, – акула погладила меня по руке своим шершавым плавником, – перемещения возможны лишь в познании, и чтобы двигаться вперед, туда, – она неопределенно махнула головой, – совсем не обязательно вставать с места. Всё, что вам необходимо есть и здесь. Всё есть, всё присутствует, всё наличествует, всё бытует! Абсолютно всё!

Я, в который уже раз, опять молча кивнул головой и не произнес ни слова. Артак, чувствуя мою заинтригованность и заинтересованность, но так же заметив и небольшую долю нерешительности, произнес ободряюще:

– Ваша первейшая и единственная задача – храбро оставаться у поверхности, – дракон говорил спокойно и тихо, не напрягаясь, – у наружности, где вы собственно и находи-

теть, у очертания реальности, на её пороге, то есть, у входных врат мироздания. Такова судьба человека, и поверьте мне, такая судьба далеко не у каждого из живущих, – Артак обласкал меня теплым взглядом, – предназначение человека всегда быть у образа, у отражения, у той кажущейся людям реальной, но всё-таки – только видимой видимости действительности. И хоть эта кажущаяся реальность ясно прорисовывается каким-то своим боком на личной ступеньке развития каждого живущего – человек не должен ни в коем случае отрицать эту ступеньку, но он и не должен довольствоваться ею, – Артак закрыл свои глаза, а мои при этом вспыхнули жёлтым огнём, – не нужно пытаться перепрыгнуть через неё, не нужно пытаться высунуть шею и заглянуть в пока ещё недозволенное. Для этого надо иметь определенную выдержку, для этого необходимо обладать терпением и, безусловно, для этого необходимо обладать храбростью и отвагой. И ваша храбрость, уверяю вас, всегда будет достойно вознаграждаться.

– Чем? – быстро спросил я и тоже опустил веки.

– Если гость достаточно долго стоит у ворот, не пытайтесь войти силой, но и не уходит восвояси, – голос Артака звучал прямо в моей голове, – его вряд ли начнут гнать в шею.

– Согласен, – я кивнул головой.

– Скорее всего, к нему выйдут и спросят чего он ждёт, не так ли?

– Так ли, – я улыбнулся, уже зная что дракон скажет даль-

ше.

– А если возник вопрос, – Артак усмехнулся, – то ответ на него уже существует где-то рядом, и уж, наверное, тот, кто спросил – его получит.

– Получить – получит, но задаст ли он новый вопрос?

– Задаст, конечно же, задаст, а разве бывает по-другому?

– Я не знаю.

– Ваше Имя станет отпирающим ключом, а ваша Форма – ваши звуки, слова, желания и действия – послужат гарантией ответа.

– Но...

– Но у каждых врат свой привратник, и сразу перескочить через два, а то и три забора не получится, – Артак говорил терпеливо, не торопясь.

– И это значит...

– Это значит, – добавила Агафья Тихоновна, – это значит, что взобравшись на самую высокую гору, взойдя на самую острую вершину – шаг за шагом, ступенька за ступенькой, пролёт за пролётом, лестница за лестницей, дверь за дверью, ворота за воротами, – она понизила голос до шепота, – поднявшись туда и неторопливо оттуда осмотревшись, вы наверняка увидите не только ровное предгорье с копошащимися там людьми, но вооружившись ещё и мысленным зрением – сумеете увидеть и фундамент – основу всей скалы, её основную опору. И кто знает...

– Что? – в нетерпении воскликнул я.

– Кто знает, – повторила не спеша акула, – может быть одна из ваших мыслей и станет одной их таких опор...

– Кто знает... – повторил эхом Артак в моей голове.

– А пока что...

– Ступенька за ступенькой, шаг за шагом, день за днем, ворота за воротами. И помните что ворота открываются только по очереди, – добавил Артак, – и наша теперешняя остановка – Существование – как же оно прекрасно, – он засмеялся звонко, словно рассыпала серебряные монетки на золотой пол, – как же оно прекрасно!

– Чем же?

– Здесь нет толпы, – дракон медленно зевнул, – ибо далеко не каждый добирается сюда.

Я быстро открыл глаза, оглянулся вокруг, и снова закрыл их:

– Но здесь никого нет!

– Вот именно, – Артак открыл глаза, мысленно приглашая меня сделать то же самое.

Я открыл глаза и посмотрел в зеркало у моих ног.

Сильный, жёлтый, бьющий с зеркала свет, практически ослепил меня.

Это был свет моих глаз. Это был свет глаз дракона.

Непривычные ощущения в районе спины привлекли мое внимание.

– Что там такое? – Агафья Тихоновна повернулась ко мне.

– Лопатки чешутся? – лениво спросил меня Артак.

– Да, что-то в этом роде.

Он кивнул, ничуть не удивившись.

– Крылья. Всего лишь крылья. Сильные драконьи крылья.

Я резко повернулся к дракону и вытаращил на него глаза от удивления!

– Крылья? Но зачем они мне?

– Вы в вечности друг мой, – потрепал Артак меня за щеку, – вы в вечности, или в Существовании, называйте это как хотите, а вечность ой как длинна! Я бы даже употребил другое слово – она бесконечна. Своими ногами не обойти. Никакой жизни не хватит. Ни человеческой, ни драконьей, ни даже любой другой, хоть и вечной. Так что крылья вам пригодятся. Для вашей же скорости и мощи.

– Но у меня же есть ты!

– Я никуда не денусь, – спокойно проговорил дракон, – мы с тобой в любом случае уже неразлучны. По крайней мере, до нашего полного слияния, – он улыбнулся открыто, как улыбаются заинтересованному ребенку или любимому домашнему животному, – да и пока твои крылья вырастут, пройдёт еще немало событий.

– Слияния?

– Да, именно так.

– Меня с тобой?

– Да, да, ты не ослышался.

– Но каким образом?

– Самым что ни на есть простым и результативным, – Артак усмехнулся, – мысленным.

– Как это?

– Мысли очень свободны и летучи. Они возникают то здесь, то там, – он махнул лапой в неопределенном направлении, – мысли не привязаны ни к какому определенному месту, то есть они свободны от пространственного рабства, но они так же не подвержены и временным изменениям, то есть свободны и во времени. Мысли существуют в другой реальности – в реальности, недоступной человеку. Но они способны проникать и сюда, – Артак обвел глазами пространство, – в человеческий мир. И именно поэтому ими так трудно управлять, ибо мысли – дети совершенно другого мира.

– И что из этого следует?

– Я могу принять форму любой мысли, – продолжил дракон, – абсолютно любой человеческой мысли... – он неторопливо растягивал слова, словно подсказывая мне ответ.

Я внимательно смотрел на Артака, пытаясь угадать ход его рассуждений. Артак улыбался.

– Ведь я и есть любая твоя мысль, – добавил дракон, – впрочем когда речь идет о мыслях, то определить их принадлежность к какому-то конкретному человеку достаточно сложно, – он засмеялся.

– Подожди, подожди! – его смех сдвинул меня с точки раздумий, – значит ли это что мы уже есть одно целое?

– Конечно! – выдохнул Артак, – конечно, да! И разделяло

нас лишь...

– Лишь моё непонимание этого простого факта, – быстро закончил я.

– Ну я бы так не сказал, – он улыбнулся и возразил, – разве может разделять отсутствие чего-то? Чтобы разделять, необходимо иметь прежде всего то, чем разделять. Разделять же пустотой, разделять отсутствием чего бы то ни было – не получится ни при каких обстоятельствах. Разделять может что-то реально существующее, не так ли?

– Действительно, – теперь уже улыбнулся я, – я не подумал об этом.

– И разделяло нас лишь... – Артак повторил свою заключительную фразу и замолчал в ожидании.

Я задумался. Что нас могло разделять в таком случае? Что же?

Прошло некоторое время, прежде чем я был готов к ответу.

– Нас разделяла лишь моя мысленная связь с человеческим телом, моя уверенность в том что это тело – и есть я, – неуверенно проговорил я, обращаясь к дракону.

– Bravo! – казалось, Артак был полностью доволен моим ответом, – bravo, bravo! – повторил он несколько раз, – следовательно, нас разделяет всего лишь несуществующая иллюзия, ведь прочной и неразрывной связи тебя и человеческого тела на самом деле нет.

– Это надо обдумать.

– Это надо принять.

– А смерть?

– Смерть человеческого тела?

– Да.

– Смерть человеческого тела насильно разрушает эту иллюзию – иллюзию единства человека со своим телом, но разрушает насильно, понимаешь? Насильно! Если человек на протяжении всей жизни своего тела не смог осознать его иллюзорность, не смог вырваться из его тюрьмы – смерть даёт человеку новое тело, она предоставляет ему ещё один шанс – смерть даёт возможность пройти путь с начала. Конечно, для этого будет необходима энергия, и время тут как тут – в распоряжении нового соискателя истины.

– Смерть распоряжается временем?

– И смерть и время – плоды одного дерева – плоды иллюзорного восприятия действительности.

– Выходит что смерть – благо?

– Если она желанна и ожидаема – то да.

– Разве смерть может быть желанной?

– Конечно. Для человека, полностью прошедшего игру, как и для человека думающего; для человека, который всю свою жизнь искал своё же истинное зрение и воспринимал саму игру лишь как инструмент познания реальности; для человека, постигшего в этой игре запредельное и непознаваемое ранее – а именно – то, что на самом деле он вне её, то, что к игре относится лишь его тело, но не он сам; нако-

нец, для человека, постигшего истинное, нерушимое, действительное и реальное. Для такого человека смерть его тела становится желанным, и что немаловажно – необходимым этапом его дальнейшего существования.

– Мы говорим о просветлении?

– Можно сказать и так, – Артак склонил голову, словно раздумывая, – смысл сказанного от этого не меняется.

– Значит достигнуть конца игры можно и при жизни?

– Можно, и более того – совершенно необходимо!

– И тогда останется только ждать смерти?

– Да, но ждать её не как врага, способного отобрать у тебя жизнь, а ждать как лучшего друга, который зовёт тебя в путешествие. Просто путешествие это будет налегке и весь багаж, в том числе и жизнь человеческого тела, тебе придётся оставить дома.

– А остальные люди?

– Будут пробовать снова и снова, ведь смерть всегда принимает всех, сошедших с дистанции. Она даёт им новые тела и энергию для новой игры, после чего отпускает в очередное путешествие, надеясь на то что их следующая встреча будет желанна с обеих сторон.

– Энергию?

– Да, энергию. Время, другим словом.

– Ты сказал что пока вырастут мои крылья пройдёт ещё немало событий.

– Да, – подтвердил дракон, – именно событий, ибо «прой-

дет немало времени» я уже сказать не могу. Мы в Существовании!

23

– Его Величество Существование! – повторил я вслед за Артаком и Агафьей Тихоновной и опустился рядом со своей мудрой и, наверное, оттого и молчаливой подругой прямо на зеркальный пол.

Хоть мои глаза и выплескивали жёлтый драконий свет наружу, вне меня, но намного яснее, намного освещённое и прозрачнее от него становилось именно в моём внутри, то есть, в моей собственной голове.

Спина продолжала немного чесаться между лопатками, именно там, откуда у настоящих драконов растут самые настоящие крылья, однако, физические ощущения меня уже мало тревожили. Пожалуй, это чесание и было единственным оставшимся телесным ощущением.

Все остальные чувства были уже ЗА пределами физической материи, находились ЗА границей привычных ощущений, были ЗА порогом чувствования.

Всё было надёжно сокрыто одной из тяжёлых белых дверей, находящейся в бесконечном коридоре этих самых дверей; было сокрыто той дверью, в которую я смело вошёл несколько мгновений назад и которая отделяла внутренний

мир человека – этот единственный реальный, настоящий, действительный мир от внешнего – кажущегося реальным мира – мира грез и мечтаний, мира создаваемых человеческим мышлением химер и туманов.

Постойте, я сказал – отделяла?

Нет. Неверное слово!

Правильнее было бы сказать – соединяла.

Белая дверь надежно соединяла, сплавления в нерушимое единство внутренний мир человека – хоть и присутствующий в каждом, но далеко не каждому доступный, с миром внешним, с миром проявлений внутреннего.

Внешний, видимый мир доступен каждому, но далеко не каждому необходим. Потому как ничего нового он не несёт и по своей сути является лишь отражением мира внутреннего. Причем не физическим отражением или простым копированием форм и очертаний, а реальным отражением вашего внутреннего Я, реальным отражением человеческой сути – сути, подчас самому человеку и неподвластной и непонятой.

Внутренний мир человека доступен каждому, но лишь тому, кто действительно осознаёт его наличие.

Внутренний мир доступен абсолютно каждому мыслящему человеку.

А значит и внешний мир – мир-проекция, мир-кажимость, мир-следствие от реальности, мир-точка, следующая за каждым предложением – точно так же доступен каждому

думающему. Доступен – значит подвластен. И единственная разница – мир внешний совершенно нет необходимости осознавать, ибо он видим и так. Вместо осознания его можно пощупать, потрепать, прикоснуться к нему руками – дотронуться до него и даже попытаться что-то в нём изменить. Теми же руками.

Но без осознания мира ВНУТРЕННЕГО, без глубокого понимания действительной всамделишной причины существования мира внешнего, без правильного, причинно-следственного порядка в мыслях – без этого знания всё сделанное в мире внешнем, все внешние изменения – всего лишь изменения отражения, а не самой причины – все они напоминают уборку снега на высокой горе. Сколько не убирай – снег будет появляться столько раз, сколько необходимо будет человеку для того чтобы понять и принять – уборка снега ничего не меняет. И наоборот – изменение самой скалы меняет абсолютно всё. Стоит приблизить её к Солнцу и снег сойдёт сам. Стоит сравнить её с землей – и снег с некогда недоступных вершин уйдет в землю потоком свежей, ключевой воды.

Причина внешнего, окружающего – всегда внутреннее, человеческое, и следствия проявления этого внутреннего – физические проявления видимой материи. И никак не наоборот.

Тогда, может быть, стоит отбросить воображаемую лопату и заняться изменениями внутренними?

Заняться изменениями самой скалы?

Или, хотя бы, заняться изменением её местоположения по отношению в Солнцу или к его теплу?

Почему же мир внешний, кажущийся человеку таким реальным, мало того, что каждому виден, в отличие от мира внутреннего, так ещё и одинаково выглядит для каждого? Люди видят одни и те же леса и озера, одни и те же дома, люди видят одинаковые улицы и одних и тех же людей и животных на них...

Почему?

Ведь внешний мир должен быть таким же разным, как различны и люди его породившие. Ведь внешний мир – лишь следствие миров внутренних – таких неодинаковых, неоднородных, уникальных миров.

Внешний – материальный, осязаемый чувствами мир – самое последнее из человеческих заключений и злключений, этот внешний мир – как точка в конце уже написанного и прочувствованного предложения. И сколько людей и животных, сколько растений, сколько песка и камней – столько и предложений.

И сами предложения настолько разные и по длине, и по смыслу – разные по написанию и красоте, разные по языкам и интонациям – они могут быть настолько же непохожи друг на друга, насколько разнообразна сама природа... Но складываются они в целый и неделимый текст – и каждая фраза в

нём на своём месте, каждое предложение уникально и несет в себе свой собственный смысл. . .

И только точка в конце! Точка в конце любого предложения одинакова для всех – одинакова, как одинаков внешний мир – этот мир-следствие, мир-двойка, мир-отражение – она одинакова и иллюзорна, как иллюзорны и все живущие – суть зеркала, да и не зеркала даже – изображения, голограммы, иллюзии настоящего.

И с той же самой точностью, как одинакова для миллиона или миллиарда разных, написанных предложений точка, так и внешний мир одинаков для всех.

А если быть ещё более конкретным и последовательным – во внешнем мире, в этом зеркале отражений миров внутренних есть что-то своё от каждого человека и точно так же, как точка в конце предложения интонирует и определяет, как она подчеркивает его смысл – так и внешний мир даёт свою, исключительно правдивую интерпретацию каждого отражённого. А миллионы слившихся воедино точек-миров; миллионы написанных предложений – каждое с уникальным и неповторимым словесным наполнением, определяют этот общий, видимый глазу мир, в котором и живут все наши отражения. Но смыслы и интонации всё равно у каждого остаются свои собственные, нигде и ничем не копируемые.

И у каждого своя собственная точка.

И остальные слова и буквы – эти личные качества – сугубо индивидуальны – они надежно сокрыты под телесной оболочкой индивидуума, но внешний мир беззастенчиво демонстрирует их нам своими собственными, уникальными проявлениями вокруг этого индивидуума...

Счастлив тот, кто сумел найти среди миллиардов точек-отражений одну – свою личную точку; счастлив тот, кто сумел разгадать её, сумел увидеть, понять, принять и прожить эту вымышленную реальностью игру, называемую физической жизнью. Счастлив тот, кто сумел осознать практическую реальность мышления, его всевозможность и вседозволенность – его безграничность, а осознав – сумел выстроить свою собственную игру в этом мире иллюзий, в этом мире физических воплощений того **НАСТОЯЩЕГО**, той **СЕРДЦЕВИНЫ**, что навсегда сокрыта от человеческих глаз и доступна только для бесконечной и всепроникающей мысли.

Мысли уже не человека, но мысли творца – мысли человека, ставшего богом.

– Мир-точка? – Артак следил за моими размышлениями, как мне показалось, с небольшой долей восхищения, – хорошо сказано, очень хорошо – добавил он, продолжая улыбаться.

– Да. Мир-точка. Мир, кажущийся одинаковым для всех, точно так же, как кажется одинаковой точка после предло-

жения, – мне казалось такое сравнение очень точным и я решил облачить его в слова, – но ведь каждая точка может завершать совершенно разные предложения – веселые и грустные, правдивые и не очень; предложения личные и безличностные; предложения, состоящие из одних глаголов или из одних подлежащих; предложения-действия и предложения-утверждения; предложения-связки и предложения-отрицания, предложения-смыслы...

– Можно ли...? – Артак хотел спросить, но я перебил его, будучи уверен что точно знаю какой вопрос прозвучит.

– Можно ли по точке определить смысл самого предложения? – закончил я вместо дракона.

– Да, это я и имел в виду.

– Можно. Думаю, можно. Даже уверен в этом, но...

– Но... – продолжил дракон, внимательно следя за моими мыслями.

– Но для этого сам человек должен знать этот смысл, должен понять смысл своего существа, я уже даже не говорю – смысл самого Существования. Ибо только определив СМЫСЛ САМОГО СЕБЯ, определив частный смысл своего собственного существования, человек сможет определить и смысл всего остального. И мне кажется, что этот глобальный общемировой смысл будет ровно настолько же объёмен и настоящ, как и собственноручно определённый частный смысл собственной игры. Он и будет единым смыслом всего Существования – твоим смыслом.

– Ты прав, – задумчиво проговорил Артак, – ты абсолютно прав, – он рассмеялся и добавил:

– Да и могу ли я с тобой не согласиться?

– Конечно, можешь! Почему нет?

– Являясь по содержанию лишь твоей собственной мыслью, могу ли я сомневаться в твоей объективности? Может ли мысль перечить своему создателю? – он продолжал улыбаться.

– Я бы сказал по-другому, – я улыбнулся в ответ и ответил:

– Являясь по содержанию лишь твоим собственным воплощением, могу ли я сомневаться в своей объективности? Может ли тело перечить своему создателю – мысли?

Артак очень внимательно глянул мне прямо в глаза и меня обдало жаром жёлтого света.

– Ты хочешь сказать что ты вторичен? Ты – моё создание?

– Да, именно это я и хочу сказать, – я твёрдо кивнул головой и добавил:

– Мысль первична. Мысль – это то что приходит к нам из НАСТОЯЩЕГО. Она же и формирует здесь всё остальное. Формирует всё то, что мы привыкли видеть своими собственными глазами и называть единственной существующей реальностью, только на основании того, что мы её якобы видим!

– Продолжайте, – кивнул дракон.

– Тогда в этом нарисованном, не настоящем мире, в мире, в котором живут наши тела вычленилось, необходимо

появилось само время – структура, несуществующая в любом из настоящих миров – время появилось как НЕОБХОДИМОСТЬ мира настоящего, время появилось, чтобы необходимости могли обрести возможностями и реализациями этих возможностей. Вот зачем появилось время! – я почти закончил и подытожил:

– Время появилось для того, чтобы всё происходящее произошло не сразу. Для того чтобы игра обрела смысл. Для того, чтобы хотя бы в человеческом восприятии, разделить её старт и финиш. Для того...

– Чтобы игра обрела смысл? Ты хочешь сказать что нашёл свой собственный смысл?

– Думаю, я на правильном пути. И думаю что мой собственный смысл – смысл того, чем я являюсь по сути, мало чем отличается от глобального смысла всего Существования. Ибо точка Существования и моя собственная точка слиты воедино и являются одним и тем же. Я – и есть Существование. Существование – есть моё выражение, есть я.

– А остальные люди? Всё остальное? Как быть с ними?

– Они – тоже я. Если мой смысл неразделен со смыслом всего Существования, который, в свою очередь, включает в себя всё сущее и всех живущих, то и я – суть они. Я – любой камень, встретившийся мне на дороге. Я – любая рука, протянутая мне для помощи. Я – любой кулак, опустившийся на мою голову. Я – любой ветер, шевелящий мои волосы. Я – любое из всех необъятных морей и океанов.

Артак слушал как мои мысли, так и слова. Он одобрительно кивал головой иногда посматривая на Агафью Тихоновну. И взгляд его выражал не только одобрение, но и изрядную долю восхищения.

– Так как? – внезапно он повторил свой вопрос, – можно ли определить по конечной точке в предложении то, что именно она заканчивает, можно ли определить то, что она собой воплощает? Можно ли определить её насущную **НЕОБХОДИМОСТЬ**, ведь как мы уже выяснили – миром правят не желания, миром правят необходимости. И рождаются эти необходимости только в свободных, только в независимых умах, они не растут на дереве.

– Определить можно всё, что угодно, но при одном условии. Определить можно и должно только то, что действительно существует в реальности. Не поддается определению только несуществующее. Не поддаётся определению только то, чего нет.

– Значит, только человек **РАЗУМНЫЙ**, только **МЫСЛЯЩИЙ** человек, только человек, сформулировавший своё внутреннее, человек, способный к **СОЗДАНИЮ** собственного внешнего мира, способен на такое определение? Потому что люди, не способные к такому мышлению, живут в мирах, созданных теми, кто на это способен и их точка просто-напросто неинтересна для определения по причине своего отсутствия? – Артак уточнил свой вопрос.

– Точку, оканчивающую предложение мыслящего челове-

ка, точку его материальной реализации мы легко отличим от других. И, конечно же, по этой точке **МОЖНО** определить и смысл всего предложения, определить его **НЕОБХОДИМОСТЬ** в общей симфонии текста. И если смысл есть, более того – если он есть и если он доступен своему хозяину – смысл не только можно, но и **ДОЛЖНО** определять!

– А что же с остальными точками?

– Остальные точки, или миры людей не думающих, миры людей не разумных – безличностны и бессмысленны. И мы никогда не сможем догадаться и определить то предложение, которое следует перед точкой, ибо его смысл недоступен даже его хозяину – он недоступен человеку, несущему этот смысл, а значит – и само предложение может быть лишь бессмысленным набором слов, букв, знаков. Возможно, когда-нибудь из этого конструктора и можно будет собрать нечто осмысленное, но только тогда, когда сам конструктор осознает свою необходимость в самовыражении. Нельзя определить то, чего пока еще нет в реальности.

– Пока ещё нет, но будет?

– Будет, если человек станет осмысленным и сможет изучить сам себя, ведь такое человек – со смыслом, со вкусом и запахом – сможет осознать своё наполнение. Если человек сможет осознать себя – он сможет себя понять, потом принять – принять ведь можно только до конца понятное. В этом и заключен смысл науки, а не веры, в этом их разница – наука точна, она не двусмысленна, хоть и достаточно ча-

сто парадоксальна. Но научные парадоксы изящны и однозначны, они ПОЗНАВАЕМЫ. Вера же заставляет принять непознанное и в этом её слабость. И если два верующих человека встретятся и один скажет другому что видел бога, то этот другой ему не поверит. А если встретятся два ученых – и один из них поделится своим открытием, то праздновать это открытие они будут уже вместе, ибо они не веруют, но знают. В этом решающее преимущество науки над верой, в этом превосходство смысла над вымыслом.

– Хм...

– Да, да! Ведь перед каждой, завершающей всё точкой находится то или иное, неважно какое, но предложение! Находится та или иная фраза – фраза совершенно любая, произвольная. Возможно, перед точкой может находиться всего лишь одно, то или иное слово. Одно лишь слово! Или восклицание! И его тоже следует уметь прочесть. Прежде всего, следует уметь прочесть самому человеку. И для того чтобы прочесть необходимо знать грамматику, а это уже наука. В букварь не верят – его изучают, его познают, его учат! И выучив – читают. Читают и предложения и себя самого. Потом понимают отдельные предложения, понимают близких людей. Потом принимают себя, принимают своё окружение. И, наконец, определяют свой смысл, смысл понятого и принятого. И уже это определение смысла, определение своего Я, неизбежно его же и проявляет. И только после этого смысл можно менять и создавать новый. Только после того, как ста-

рый смысл определен и похоронен. Так что без букваря никуда...

– Подожди... Кого проявляет?

– Себя! Свой смысл проявляет.

– То есть...

– Я хочу сказать что только тогда и появляется смысл. После самоопределения. И только с этого момента, без исключений, проявляется нечто, что можно определять. Тогда жизнь человека засияет, однако, засияет уже не разными цветами, как это было раньше, но разными смыслами – и в разнообразии этих смыслов человек сможет ...

– Что сможет? – быстро спросил Артак.

– Сможет осознать многогранность Вселенной. Она – как книга, где каждое предложение, а иногда и просто каждое слово или даже буква – отдельный человек. Вселенная настолько многообразна, что ни её саму, ни её смысл невозможно высказать никакими существующими словами. А то, что невыразимо словами можно выразить людьми. Люди глубже слова. Они несут объемные поступки и действия, и в конце концов, каждый поступок определяет общую необходимость и общий смысл. Так и Вселенная – глубока и прозрачна, и что бы не упало в её глубину – всё будет растворено и размазано по Существованию своим собственным и очень тонким слоем. Вселенная при этом нисколько не потеряет своей прозрачности. Она, Вселенная – мощна и беспечна, и беспечна в равной степени так, как беспечны и недальновид-

ны люди, её создающие и её же населяющие. Мощностъ её велика, и она продолжает расти по экспоненте, ограниченная своей неизменностью, ограниченная по сути Ничем. Растет её интеллект, растёт людское сознание, растёт осознание этого самого сознания, растёт её внутренний круговорот. Вселенная напыляет тонким слоем на каждую вещь нечто именно твоё – твоё личное, твоё сокровенное. И взять это своё, владеть им по праву может каждый. Всем достанется нужный размер и необходимое количество. Но для того чтобы всем хватило – взять можно только своё. Взять можно только то, что принадлежит тебе лично. Только то что ты сам принес в этот мир. В этот иллюзорный мир, так сладко кажущийся реальным. Взять своё и распоряжаться им по своему же усмотрению. Впрочем, всё остальное – то, что не его – человек и взять-то не может. Потому как даже не в состоянии увидеть это. Можно ли взять своими руками невидимое?

– Нельзя, – согласился Артак, – нельзя. Невидимое взять нельзя.

– Вот именно!

– Почему ты считаешь видимый, внешний мир человека нереальным?

– Человек приходит в видимый мир один, ничего не принося с собой, – быстро ответил я, – и точно так же уходит, ничего с собой не взяв. Однако человек реален, нереально лишь его тело, состоящее из пыли и промежутков между пылинками. Исходя из этого можно предположить что действи-

тельная реальность где-то там, – я неопределенно махнул рукой, – за пределами этой пыли. Не так ли?

– Я не знаю, – Артак хитро прищурился, – однако ТЫ знаешь, – он акцентировал внимание на местоимении «ты», – и знаешь точно.

– Значит, я прав?

– Ты всегда прав, – уже серьезно добавил дракон, – познающий не может ошибаться. Познающий хочет одного – определить смысл своего существования, понять смысл уже написанного текста, поставить в нём заключительную, жирную точку и начать писать новое предложение, с новым смыслом и новой задачей. И любое суждение, любое действие, любая мысль не может быть ошибочной по определению, ибо что бы не происходило, именно это, в конце всех концов, и приведет тебя к осознанию истины.

– Истина есть?

– Конечно, но для каждого мира – истина своя.

– И я смогу её познать?

– Скажу даже больше, – Артак шумно вздохнул, – у тебя просто нет другого выхода.

– Как это?

– Свет считает себя очень быстрым, но как бы он не был быстр, и куда бы он не прилетел – темнота уже на месте и дожидается его.

– Но темнота – лишь отсутствие света, не так ли?

– Как и незнание – всего лишь отсутствие знания, – со-

гласился дракон, – как и голод – отсутствие сытости, и как жажда – отсутствие влаги. Впрочем, как и наоборот. Отсутствие тьмы – есть свет, смотря что принять за точку отсчета, смотря что принять за ноль.

– Раньше ты выражался яснее.

– Раньше – было раньше, – Артак засмеялся, – а сейчас – это сейчас. Мы приближаемся к новой остановке, – дракон на мгновение закрыл глаза, – и эта новая остановка отберет у нас возможность выражаться яснее. По крайней мере, словами.

– Что ты имеешь в виду?

– Слова теряют свою силу там, где всякое мысленное движение превращается в неразрывный и мгновенный акт соединения причины и следствия, где любая мысль переходит в действие, причем делает это незамедлительно.

– Объясни, – попросил я.

– Для вневременного, бессмертного человека, для создающего ради обретения познания, – Артак на мгновение запнулся, подбирая слова и мысли, – для такого человека однажды наступает момент, когда его «я хочу» переходит в «сделано» без всякого временного промежутка, без никакого мысленного вызревания – переходит сразу, моментально, переходит в тот же мгновение. И выразить, объяснить этот процесс словами уже не получается, ибо сами слова – продукт временной и описать безвременность они не в состоянии.

– Понятно, – я кивнул головой и добавил:

– А что ты имел в виду, когда говорил что в каждой вещи есть тонкий слой своего собственного, и что только этот слой и принадлежит тебе лично, только им ты и можешь распоряжаться, только его и видишь в реальности? Только этот слой, а не вещь целиком.

– Охотно объясню, – Артак расправил крылья, став похожим на огромного летающего динозавра, но быстро их сложил, опять превратившись в небольшую домашнюю ящерицу, – в каждом материальном воплощении – в любом видимом глазу предмете, в любом существе, в любой материи – есть и твоя собственная часть. Но это не часть материи, которой человечество привыкло распоряжаться, именно её считая реальной и именно её провозглашая своей собственностью. Это часть чего-то настоящего, чего-то реального, не имеющего связи с видимостью. Это то тонкое напыление, которое принадлежит лично тебе и которое ты можешь забрать в личное пользование – это те чувства, которые вызывает в тебе та или иная вещь. Они и есть первопричина материи. Материя всегда вторична, первичны – мысли и желания.

– Вы хотите сказать что представив какой-нибудь футуристический, не существующий в природе предмет, тем самым я участвую в его создании? Или даже создаю?

– Конечно. Всё и всегда начинается с мысли. Только она в силах соединить тебя с вселенским складом готовой продукции, – засмеялся дракон.

– Мысль?

– Или чувство.

– Мысль или чувство, – задумчиво повторил я вслед за драконом, – ну хорошо. А что за склад готовой продукции? Да ещё во вселенском масштабе.

Артак широко зевнул.

– Всё, что вы способны представить уже существует. Абсолютно всё существует, но проявляется оно или нет в иллюзорной материи человеческого мира – это вопрос.

– Как это – всё уже существует? Где существует?

– Вопрос где – неуместен, – строго произнес дракон, – ибо где – это привязка к месту, и такие вопросы существуют только в выдуманных материальных мирах. В реальном мире невозможно ответить где. Впрочем, невозможно ответить и на другой вопрос – когда. Пространство и время вторично. Пространство – лишь натянутая в пустоте простыня, а время – тонким слоем размазанная по простыне реальность. Вот собственно, и история происхождения пространства и времени.

– Не понимаю.

– Представь, что все события и все чувства – во все времена – и прошлые, и будущие и настоящие, свалены в одну кучу и сжаты в одну нематериальную точку.

– Представил.

– Попробуй рассмотреть что там в этой точке? – Артак поднес к моему лицу свою мощную лапу, над которой, пока-

чиваясь, висела одна единственная глубоко-черная пылинка.

– Ничего не рассмотреть.

– А теперь представь что мы взяли эту невероятную пылинку, содержащую в себе абсолютно всё и максимально тонким слоем нанесли на кристально чистую простынь пространства, размазав её по этой простыне до самых мельчайших частиц – до одного события, до одного чувства, до одной-единственной мысли.

Артак поместил пылинку между пальцами и сильно сжал, а Агафья Тихоновна уже держала белоснежную простынь наготове.

Из сильно сжатой лапы дракона начали вылетать события, как косточки от вишни – одно за одним, их сопровождали мысли, чувства, эмоции и впечатления. Они распределялись тонким, единичным слоем по натянутой простыне, окрашивая её в различные, немного размытые цвета.

Присмотревшись к этому напылению я вдруг увидел открывшуюся мне картину. События, действия, принятые и непринятые решения, прожитые и непрожитые варианты жизненных ситуаций, сопровождавшие их чувства и переживания, радость и боль, согласие и отрицание – всё это теперь лежало одним тонким, толщиной в один лишь атом, в одно событие слоем на бело-прозрачной простыне пространства и придавая ей тот вид, к которому привык любой человек – день следовал за днем, минута за минутой, чувства за событиями, а причины за следствиями. Порядок распределения

был чёткий и однонаправленный.

Я вопросительно взглянул на дракона, потом перевел взгляд на Агафью Тихоновну, но они хранили молчание, в ожидании того, что скажу я сам.

– Если я правильно понимаю... – начал было я, но запнулся.

– В данной ситуации трудно понять неправильно, – подмигнула мне Агафья Тихоновна, сворачивая покрытую чувствами и событиями, и от этого ставшую жёсткой простыню, другими словами, сворачивая само пространство, на которое тонким слоем были нанесены все существующие секунды – от первой до самой последней, – да и как можно понять неправильно то, что находится перед вашими настоящими глазами!

– Да, – согласился дракон.

– Если я правильно понимаю – тонкий, в одну частицу слой на простыне пространства – это и есть время?

– Именно так, именно так! – почти хором произнесли мои звери.

– Событие за событием, чувство за чувством, качество за качеством, – задумчиво проговорил я.

– Вы абсолютно правы, – вежливо подтвердила акула, а дракон просто кивнул своей большой головой.

– И всё существует одновременно? Я бы сказал даже – единовременно?

– Да, – Артак улыбался.

– Но для человеческого восприятия порядок строго последователен?

– Люди называют это стрелой времени. Из начала в конец. От причины к следствию.

– Подождите, – присмотревшись внимательнее к событиям на уже свернутой простыне в плавниках акулы я увидел нечто невообразимое – какой-то человек, что было сил оттолкнувшись от простыни пространства ногами – взмыл вертикально вверх, – но это же невозможно, – неуверенно проговорил я, обернувшись к дракону.

– Почему невозможно?

– Потому что люди не летают.

– Это в вашей личной цепочке причин и следствий, в вашем личном графике развития человеческой расы люди не летают. Но, тем не менее, такое событие есть и оно существует в реальности. Другое дело, что вы с вашим телом находитесь в совершенно другом месте игры. И по правилам вашей части простыни это невозможно.

– Объясните.

– Любое событие которое может прийти вам в голову, даже самое невероятное с вашей точки зрения, уже существует на этой бесконечной простыне, как существуют и чувства, сопровождающие это событие. Конечно, не все существующие события возможно пережить, запрыгнув в физическое, в материальное тело, которое строго подчиняется основному закону самой материи – и закон этот – прямолинейное и

постоянное движение от причины к следствию, от события к событию, от утра к вечеру. Но это совершенно не отменяет действительность и реальность всего остального, – Артак склонился над простыней пространства и внимательно всматривался вглубь происходящего на ней, – всё существует, как вы теперь можете убедиться на собственном опыте, и всё существует одновременно. Всё, – повторил он, – и прошлое, – дракон показал на один край простыни, – и будущее, – он кивнул на другой край, – и настоящее, – Артак ткнул свой лапой куда-то в середину полотна. И нет на этой простыне ни зимы или лета, ни весны или осени. Нет здесь какого-то конкретного утра или вечера, нет дня, а есть только сама простыня и события на ней. Каждое событие в себе – цельно, неделимо и вечно. Впрочем, как и чувства, его сопровождающие, – Артак рассмеялся и присмотрелся к простыне и парящему над ней человеку, – но здесь все значительно проще, – он кивнул на летающее тело, – этот летающий человек выпал из обоймы времени, можно сказать, он победил его и вырвался на волю.

– Вырвался... – только и пробормотал я.

– Да, – утвердительно кивнул Артак, – вырвался, покинул, одолел. И этот человек – вы, – дракон достал и тут же спрятал увеличительное стекло, – вы. Вы покинули чужое пространство с чужим временем и заслужили свою собственную Вселенную! Но это немного позже...

Я только молча кивал головой, боясь пропустить даже од-

но-единственное слово. Артак тем временем продолжал:

– Человеческие ощущения пространства и времени ложны, ибо, будучи последовательно проверены, они приводят к логическим противоречиям, – дракон замолчал на одно мгновение, дав мне возможность обдумать его слова, – но, тем не менее, во всех своих научных изысканиях и выводах человечество опирается на эти ложные величины, ибо других, истинных оно не хочет знать, а существующие в представлении человечества – удобны своим постоянством...

– Постоянством? – перебил я Артака, – но мир в представлении человека достаточно динамичен и находится, скорее, в постоянном движении, разве не так? Эта простыня, – я кивнул на Агафью Тихоновну, которая продолжала стоять с моделью мироздания в своих плавниках, – эта простыня, где всё существует одновременно и статично – она ведь гораздо постояннее, чем любое человеческое представление о мире, не так ли?

– Так ли, так ли, – кивнул Артак, улыбаясь во всю свою широкую драконью пасть, – беда только в том, что не хочет человечество знать эту действительную реальность. Не хочет, – повторил он ещё раз, – просто не хочет. И поэтому, опираться оно может лишь на что-то постоянное и нерушимое, но только в своем понимании. Так, например, на свои ощущения пространства и времени – ведь именно они незыблемы и неизменны на протяжении не только одной человеческой жизни, но и всего существования человечества,

как вида!

– Понимаю.

– И опираясь на свой, кажущийся людям прочным фундамент, они развивают науку, которая, несомненно, достигла бы небывалых высот, если бы не одно но... – Артак вздохнул, – этот фундамент, такой надёжный и постоянный для человеческих глаз, на самом деле является ничем иным, как ложно выстроенным и выдуманым от начала и до конца основанием. А значит – оно хрупко и подозрительно и при малейшем мысленном, я бы даже сказал – философском углублении в него – это основание даёт трещины и разлетается вдребезги, как тонкостенный стеклянный бокал, в который налили кипятка.

– Но человеческая наука достигла какого-то определённого уровня, не так ли?

– Ты прав, какого-то уровня она достигла, – Артак засмеялся, – но как бы высоко не поднялось человечество в своих изысканиях, каким бы высокотехнологичным и развитым не казалось оно изнутри, с точки зрения самого человека – тот, самый важный – последний, заключительный человеческий этап познания – ему-то, человеку, и недоступен, ибо фундамент убегает из-под его ног, и опираться более не на что.

– Почему же?

– Потому что принятые человечеством за фундамент ошибочные, ложные допущения, являющиеся основными сваями в любом рождении науки, как таковой, на заключи-

тельном уровне человеческого познания вступают в жестокое противоречие с реальностью и материальный, физический, выдуманный человеком мир рассыпается в прах! Нет его, и никогда не было! И нигде не было. Есть только одно место для него – и место это в головах людей.

– Но это значит что человечество всё-таки пришло к правильным выводам? И нашло наконец-то верную дорогу?

– Конечно! – Артак засмеялся, – по-другому никак нельзя! Ибо, – он внимательно посмотрел на Агафью Тихоновну, потом перевел взгляд на меня, и медленно произнес:

– Истина неразделима, и значит – она сама не сможет узнать себя; кто действительно хочет её познать – должен быть иным, должен быть не в ней, а раз он должен быть не в ней – значит, он должен быть снаружи... Познающий должен быть ложью... Познающий просто обязан быть человеком...

– Истина – это простыня с тонким напылением любых возможных событий?

– С напылением, толщиной в одно-единственное событие, в одно-единственное чувство, в одну-единственную эмоцию...

– И какого размера эта простынь? Есть ли у неё края?

– Нет, конечно, нет, – Артак замотал головой из стороны в сторону, – и быть не может. Край может быть только у чего-то существующего в материи.

– Слишком глубоко вросла в сознание людей вера в вещи. Вера в материю. Вера в видимую реальность, по сути, вера в

ложь. Ей человечество и поклоняется.

– Но если у простыни нет ни конца ни края...

– Как нет конца и края у твоего сознания, – дракон мягко улыбнулся, – скажи, ты можешь определить где начинается и заканчивается твой разум?

– Нет, думаю что нет, – неуверенно подумал я.

– Конечно, нет, – подтвердил Артак, у разума границ не существует. Да и не может существовать.

– Получается, – робко начал я...

– Получается что разум не черпает свои законы от ограниченной пространством материи, так как безграничное просто не в состоянии уложиться в какие либо рамки. Получается что разум не черпает свои законы у материи, а ПРЕДПИСЫВАЕТ их ей. И это и есть основной закон мироздания.

– Разум не черпает свои законы у материи, а предписывает их ей, – повторил я задумчиво вслед за моим драконом.

– И, соответственно, не существует никаких физических границ, ибо создатель самой материи, создатель материальной природы – разум – безграничен и совершенен. Совершенен, конечно же, с точки зрения человека, как и сам человек совершеннее всего созданного когда-либо разумом. Человек совершеннее даже любой человеческой мысли.

– А природа абсолютно совершенна?

– Не знаю, – дракон развёл лапы в сторону, – узнаем когда прибудем на место, – добавил он и улыбнулся, – чего гадать о том, что пока ещё сокрыто от наших взглядов и нашего

понимания?

– А разве мы не прибыли? – хитро спросил я.

– Прибыли, – серьёзно ответил Артак, – конечно, прибыли, – он повернулся к Агафье Тихоновне и взял у неё из лап сложенную вчетверо вселенную, – но мы пока что прибыли только в станцию разрушения, а узнать что-то новое можно исключительно в противоположном случае – только в случае созидания. Ведь разрушать можно не вдаваясь в подробности, разрушать можно только уже познанное, уже созданное, а созидать – лишь новое, невыраженное ранее, и только полностью углубившись внутрь.

– Мы прибыли в станцию разрушения? Но почему разрушения? Какого разрушения?

– Разрушения ваших иллюзий, разрушения ложных опор, разрушения всего лишнего, одним словом – разрушения всего того, что вы считали истиной, – пояснил дракон, – и это разрушение болезненно...

Я понял что он имел в виду и кивнул головой.

– А после?

– А после, – Артак потряс простыней в своих лапах, – а после будет и созидание, – он улыбнулся и потрепал меня по щеке когтистой лапой.

– Когда?

– Для того чтобы что-то создать необходимо прежде всего... – Артак сделал паузу, глядя мне прямо в глаза, – необходимо прежде всего... – он продолжал молчать, выжидая, –

необходимо...

– Необходимо что? – не выдержал я первый.

– Необходимо прежде всего родиться, – тихо произнес дракон, – необходимо быть, необходимо существовать в действительной, а не выдуманной реальности, – добавил он, – необходимо покончить с иллюзиями, необходимо БЫТЬ! И само Существование, конечно, необходимое, но отнюдь не достаточное условие для того чтобы существовать, – Артак засмеялся, – для того чтобы действительно существовать, нужно ещё и родиться.

– Но разве я уже не рожден? – я кивнул на простынь со всеми возможными вариантами всех существующих событий на все существующие времена, – наверняка уже рожден, ведь правда?

– Ха-ха-ха, – мой любимый дракон громко рассеялся, – ты ещё не рождён, ведь как только ты будешь рождён – у тебя появится своя собственная простынь, появится чистое и девственное полотно твоей реальной жизни, – сказал он нечто непонятное и замолчал.

– А разве... Я думал что мир – один на всех...

– Один. – Артак перестал смеяться и раскрыл простынь, – на всех, – добавил он, – но у каждого свой собственный. Личный. И в своём собственном мире каждый – сам себе хозяин и властелин. Сам себе и бог и дьявол, сам себе и вина и наказание, сам себе и режиссер и зритель. Скажу более того – каждый истинно рождённый человек всегда творец.

– Но почему?

– Потому что он становится действительно существующим, в отличие от всех других, пока ещё не рождённых, а назначение всего действительно существующего – создавать новое, доселе никем и ничем несозданное. Такова участь всего настоящего.

– А назначение ещё не рождённых?

– Распыляться тонким слоем по простыням миров уже рождённых.

– А рождённых?

– Создавать эти простыни. Творить. Быть богом.

– И я смогу?

– Ну это же твоя простыня, – Артак потряс лапами, – иначе где бы мы её взяли? – он кивнул на акулу и они засмеялись вдвоём – звонко, заливисто.

– Но это же значит что я рождён на самом деле? Рождён? – тихо произнес я, почти про себя.

– Ты существуешь – это факт. И что-то мне подсказывает что ты вот-вот родишься.

– Но если это моя простынь, значит я её создал?

– Можно сказать и так, – Артак кивнул, – можно. Но эта простынь существовала всегда. И истинно родившись ты лишь получаешь возможность ею управлять, а не просто барахтаться в волнах случайных для тебя событий.

– Случайных для меня?

– Конечно. Ведь пока ты не рождён – любое событие для

тебя СЛУЧАЕТСЯ, но ты не можешь инициировать его сам. Как не можешь и закончить. Ты подвержен случаю, сотканному из тысячей или миллионов событий уже рождённых людей – тех, кто уже управляет собственной жизнью – тех, кто творит её самостоятельно. Эти люди могут считаться умершими в человеческом мире, но в отзвуках и в колебаниях их мира до сих пор барахтается всё человечество. И поэтому любое событие для ещё не рождённого – лишь произвол волны уже рождённого, даже если к моменту проявления этого события рожденный уже умер телом.

– Волны или целого шторма, – добавил я.

– Или произвол целого шторма, – легко согласился Артак, – ведь шторм – не что иное как множество сталкивающихся волн. Знаешь, шторм – это почти всегда произвол, – добавил дракон.

– Но... – замялся я, глядя на простынь, – на этой простыне...

– На этой простыне существует абсолютно всё – и то что вы уже пережили, и то, что вы переживаете сейчас, и то, что вам, в вашем человеческом теле, пережить не удалось. Существует и то, что вам ещё только предстоит прожить, более того – абсолютно все варианты ещё непрожитого существуют здесь, на этой простыне. Существует также всё то, что просто приходит вам в голову в качестве невесомой мысли, даже в качестве самой невероятной, волшебной и по разумению вашего тела, несуществующей, нереальной, фанта-

стической мысли. Ибо мысль человеческая – именно та постоянная и незыблемая субстанция, от которой начинается процесс творения, процесс создания чего-то нового; мысль – именно тот фундамент, на котором можно построить прочный дом; мысль – та правда, которая неподвластна ни времени, ни пространству и которая в состоянии мгновенно перемещаться между любыми участками этой простыни, пусть даже самыми отдаленными друг от друга участками. Но мысли всего лишь показывают вам все возможные вероятности, а уж какой дорогой пойти – вы, люди, выбираете сами. И вы действительно вправе выбирать всё что угодно – в этом ваша сила, но в этом же и ваше наказание. Ваше нерушимое право – выбирать. Выбирать любое, что только может прийти вам в голову. И то, что вы выбираете, в конце концов, проявится и в вашем иллюзорно-материальном мире, ибо в мире реальном, – Артак кивнул на пространство в своих лапах, – всё это уже существует! Всё и сразу! Всё существует в одной-единственной, безразмерной, маленькой, неуловимой точке без координат пространства и без временного вектора.

– Как в компьютерной игре? – внезапно догадался я.

– Да, – дракон кивнул, – как в компьютерной игре. Вымышленный персонаж, которого вы выбираете в начале игры – это ваше тело и оно проходит уровень за уровнем, слой за слоем – оно создает свой собственный, уникальный вариант этой самой игры, создаёт вариант, который вы собственно и проигрываете, а послушное вам тело покорно принимает

этот вариант за реальность, хотя любой другой ход, кроме задуманного вами, так же точно возможен и более того – уже прописан и существует на жестком диске этого компьютера.

– А как эти сектора связаны между собой?

– Мыслями, как же ещё, – Артак усмехнулся, – привычных вашему телу расстояний тут нет и никогда не было. Пространственно-временной мир – лишь плод вашего воображения, лишь иллюзия реальности, всего лишь игра в человеческую жизнь...

– Поэтому...

– Мысль не знает времени, поэтому мысленное создание чего бы то ни было – мгновенно. Материя же время знает, она им всю пользуется, и поэтому в материальном, в физическом мире всё происходит вместе с ним, вместе с его прохождением.

– Со временем?

– Именно, – Артак кивнул, – со временем. Оно же даёт энергию для совершения того или иного действия. Точнее – оно ей и является. Энергией. Но не в привычном человеку понимании реальности, где энергия – это уголь или нефть, или электричество. Время – действительная энергия, энергия настоящей мысли. Время – суть электричество, которое вы можете обменять на всё, что угодно – на тепло, на пищу, на скорость и глубину, на знания и на невежество, на развитие и деградацию. Любой ваш выбор реализуется беспрекословно. Вопрос только в количестве времени, которое необ-

ходимо на тот или иной обмен.

– Так просто... – пробормотал я про себя.

– Проще простого, – встряла в наш разговор акула и улыбнулась, – проще простого.

– Но все начинается именно с мысли?

– Конечно. Мыслью всё рождено, мыслью будет и закончено, – Агафья Тихоновна похоже знала о чём говорила.

Я обернулся к ней и спросил:

– И если я решу выкопать яму...

– Мысль о яме создаст эту яму в то же мгновение в реальном – в мысленном мире, – акула продолжала улыбаться, – а чтобы изменить материю без ямы на материю с ямой придётся напрячь уже тело – то есть ту материальную субстанцию, которая вам подвластна. Или даже не своё тело, это неважно. Всегда найдётся тот, кто предпочтёт копать, а не думать.

– Так просто... – повторил я ещё раз.

– Скажу вам больше, – Агафья Тихоновна подвинулась ко мне ближе и зашептала на ухо, – яма, о которой вы могли подумать – уже создана и уже существует. Как в компьютерной игре, – добавила она, – даже если игрок никогда и не попадет в какую-то из ловушек, ловушка от этого не перестанет существовать в самой программе, понимаете?

– Да, понимаю, – ответил я твёрдо, потому как действительно понимал о чем идёт речь, – понимаю! Материя воплощается материей, а реальность – мыслями.

– И чувствами, – добавил дракон.

– Но в материальном мире всё придется делать своими руками?

– Совсем не обязательно, – помахал головой дракон, – не забывайте что всё уже сделано и всё уже существует. Так что делать ничего не надо. В этом просто нет необходимости.

– Тогда как?

– Вы лишь выбираете свой путь, – серьёзно сказал Артак, – лишь выбираете свой путь... И если на этом пути вы достигнете истинного Существования, если вам посчастливится истинно родиться – тогда ваши возможности становятся по этой же бесспорной истине – поистине безграничны.

– Возможности для чего?

– Для созидания, конечно.

– Но всё уже создано!

– Создано, – подтвердил Артак, – создано! Создано, но не прожито, вот в чём заковыка! Сама Вселенная, являясь истиной по своей сути, не в состоянии познать самое себя изнутри, для этого ей пришлось бы выйти за свои пределы, а куда она может выйти, если ничего кроме неё нет? Куда, я вас спрашиваю?

– Я... Я не знаю...

– Вот именно поэтому она и вынуждена была создать внутри себя нечто уникальное, нечто отличное от себя, а значит – нечто ложное, нечто искусственное, нечто нереальное – так Вселенная создала человека! Так появились миллио-

ны смотрящих глаз и миллионы слушающих ушей; так появились миллионы носов, различающих миллиарды запахов; так появились миллионы пытливых, исследующих, ищущих умов. Так Вселенная получила органы чувств и так она пытается познать самое себя.

– И человек уже...

Агафья Тихоновна погладила меня шершавым плавником по голове и сказала:

– Теперь ты осознал, что Вселенная – всего лишь очаровательная иллюзия и занимательная игра. Теперь ты увидел, что не существует отдельного тебя, который может что-либо приобрести в ней. Теперь ты понял, что единственный реальный «ты» – это тот, кто приходит и уходит; тот, кто создает и разрушает; тот, кто появляется и исчезает в вечном круговороте псевдо рождений и псевдо смертей всех «живых» существ.

– Ведь ты – это Вселенная, которая смотрит на себя через миллионы глаз – то открывающихся, то закрывающихся, – добавил Артак, – то появляющихся, то исчезающих, то понимающих, то не очень. Ты – лишь попытка Вселенной создать нечто ложное, и оно – ложное – должно быть создано, ибо чтобы взглянуть на себя, чтобы увидеть истину со стороны – необходимо быть вне этой истины – необходимо быть ложью. И, следовательно, ложь – такая же обязательная переменная во вселенском уравнении, как и истина. В своём физическом теле ты и есть тот ложный фундамент истинно-

го мироздания, однако, фундамент, который может и должен быть разрушен лишь на одном из последних этапов познания и что интересно – этот последний этап познания – тоже ты.

Я зачаровано смотрел на двух своих спутников не в силах произнести ни слова.

– Точно так же, как человек создал науку для познания природы, опираясь на свои ложные постулаты и допущения – а именно – на свои ощущения пространства и времени, точно так же Вселенная создала человека, сделав его таким же ложным для своей высшей цели – познании самой себя. И что характерно – нет больше места в целой Вселенной для лжи, кроме как в ищущем человеческом сердце. Оно просто обязано осознать себя ложью чтобы найти верную дорогу и дойти до правды.

– Я понимаю, – в который раз за день произнес я, – понимаю, понимаю...

– И точно так же, как на последнем этапе понимания природы всех вещей, человек, придя к логическому несоответствию того, что он видит, и того, что существует на самом деле – такой человек должен будет разрушить созданную своими руками науку, точно так же, как Вселенная вынужденно должна будет уничтожить всех людей, да и вообще – всё то, что человек считает живым, всё то, что может познавать...

– Должна будет уничтожить? Это неизбежно? Когда это произойдет?

– Конечно. Обязательно уничтожит, – кивнул дракон, а

акула продолжила:

– Это неизбежно и это уже происходит. Каждое мгновение. Каждый миг.

– Но как?

– Люди рождаются и умирают. Как и деревья, как и животные. Как и всё, способное познавать.

– Подожди... Ты хочешь сказать...

– Я хочу сказать что каждая смерть – это планомерное и запрограммированное уничтожение неудавшегося эксперимента. Потому что всё настоящее – вечно, а ложь, в конце концов, должна быть уничтожена, – акула захохотала во весь голос, – а ты как думал?

– Я думал... Я ничего не успел подумать.

– Я так и подумала, – опять засмеялась Агафья Тихоновна, – просто ложь оказалась умна и изворотлива, и это, как ни странно, играет на руку самой Вселенной.

– Но, подожди, подожди, – я протянул одну руку в сторону дракона, а другую – в сторону акулы, – но почему Вселенная уничтожает людей по отдельности, а не всех сразу?

– Забудь про время, – проговорил Артак, – это в твоём понимании ещё сохранились временные завихрения, а у Вселенной их нет. В вечности нет ни родителей, ни потомков. В вечности есть только одни современники. И всё происходит в один неразрывный миг. Точно так же, как нет утра или дня, как нет вечера, нет ночи, а есть всё сразу и всё вместе. И смерти, которые ты можешь наблюдать, находясь в чело-

веческом теле – единомоментны и мгновенны. Но они же и вечны в том числе.

– А если человек достигнет того самого, минимально необходимого уровня познания?

– Тогда он не умрёт, – просто сказала акула, – тогда умрёт лишь его тело.

– Но почему?

– Потому что в этом случае он достигнет цели, а достигнув цели – он сам станет целой Вселенной, и уже он сам будет устанавливать свои правила и нормы, понимаешь?

– Понимаю. Достигнув уровня Вселенной человек вернется домой. И будет в своём доме хозяином.

– Да, – просто подтвердил Артак, – именно так. Человек просто вернется домой.

– Домой, – эхом повторила Агафья Тихоновна.

– Домой, – ещё раз произнес я, – и я тоже вернусь домой?

– Конечно, вернёшься. Ты уже в пути к дому. Но когда вернёшься, когда доберешься до своего порога, тогда поймёшь что дома ты был всегда, просто твоё зрение и твои чувства были ограничены стенами своего дома.

– Как это?

– Твой дом всегда в тебе, а ты – в нём. Вы неразделимы. Однако, ясное видение мира, то есть, ясновидение – оно наступает тогда, когда все стены сломаны, а перегородки уничтожены. Только тогда ты видишь ясно.

– И далеко.

– И далеко, – подтвердила акула.

– Истинное рождение – это и есть дом?

– Нет, – Артак покачал головой, – нет. Истинное рождение – это ещё не дом. Рождаются в роддоме, но что уже хорошо – с роддома домой вас доставят с максимально возможным комфортом и с максимально возможной же безопасностью, – Артак засмеялся.

– Кто доставит? – не сразу понял я.

– Родители, – мягко подсказала Агафья Тихоновна, – твои родители и доставят. Ну или Вселенная, породившая твои пытливые глаза. И поверь, это путешествие будет самым безопасным и самым приятным в твоей жизни. Ты будешь окружен заботой и вниманием. Тебя будут защищать и оберегать как самую большую ценность, как самую важную святыню на планете. Да что там на планете! Во всем мире! Если...

– Если?... – быстро переспросил я.

– Если ты не будешь сопротивляться в пути.

– А если буду? Что тогда?

– Тогда твой путь будет мучителен и долог. Тогда твой путь будет лишен наслаждения. Тогда ты ничего не успеешь рассмотреть в окошко своего поезда или автомобиля, тогда ты будешь считать что весь мир жесток. Тогда...

– Я понял, понял... Уже понял, – я улыбнулся и посмотрел в окошко.

За окном стояло мягкое жёлтое тепло и невероятная за-

бота, которой я был окутан с ног до головы.

Следовательно, меня везли домой.

Кто вёз?

Мои мысли и мои рассуждения, мои слова и сделанные мною выводы. Сама Вселенная и везла.

24

– Выходит, человек вторичен?

– В человеке сосредоточены два начала – этим он и уникален, – Артак говорил медленно и тихо, – в человеке сосредоточены и тесно переплетены и реальность – мостом к которой служат человеческие мысли и чувства, и иллюзии – материальное, физическое тело человека – иногда голодное, иногда страдающее, иногда болезненное, иногда счастливое, но всегда – всего лишь тело. И все телесные метаморфозы, все превращения и ощущения – не что иное, как посланное природой учение. Только так можно и должно воспринимать физическую материю. Она распознаётся человеческими органами чувств только для того чтобы учиться, и учась – делать выводы, продвигаясь к реальности. Тело – это тренажер настоящей жизни, но не сама жизнь, тело – это ваш личный учебный класс, но не сама наука. И хоть тело так же иллюзорно, как схематично и воображаемо любое обучение, но обучает оно именно реальности. Это важно понимать. Посредством нереальных вещей человек учится познавать ве-

щи реальные.

– То есть, в человеке тесно переплетено первичное с вторичным? Причина и следствие? Мысль и действие?

– Да, переплетено. Первичное с вторичным. Реальность с вымыслом. Стрдание с наслаждением. Счастье с горем. Любовь с ленью. Труд с бездействием. Рассвет с закатом. Солнце с луной. Ветер со штилем. Камни с водой. Переплетены не только ощущаемые вещи. Переплетено то, что существует, с тем, что отсутствует. Переплетено видимое и неважное с невидимым и важным. Переплетено внутреннее с внешним. И человек – это всего лишь мост между ними. Это самая правильная его характеристика. Человек – это мост между возможным и невозможным.

– Он их соединяет?

– Они их создает.

– Как у него получается создать невозможное?

– Да очень просто! Соединив собой невозможное с возможным, человек, тем самым, превращает их в одно целое и невозможное становится возможным.

– Но и возможное превращается в невозможное?

– Нет, нет, обратного пути нет, – засмеялся Артак, – единожды раздвинув рамки возможного, мир никогда не возвращается в свои прежние границы.

– Но почему же?

– Потому что возможное обретает вечную жизнь, а невозможное уже не в силах отобрать её.

– Но почему?

– Потому что невозможного не существует по факту, – шепотом, мне на ухо, словно произнося страшную тайну, сказал Артак, – невозможного просто нет. И никак нельзя превратить то, что есть, в то, чего нет. Нет, никак! – он энергично замотал головой, – никак! Нет!

– Но человек – это мост? Между возможным и невозможным? И если невозможного нет, то что он соединяет?

– Он соединяет реальность и вымысел. Возможное с невозможным, – ещё раз медленно проговорил Артак.

– Реальность и вымысел, – повторил я и вдруг понял! – Реальность и вымысел, возможное с невозможным! Реальность, то есть, возможное, с вымыслом, то есть, с невозможным! Невозможное – лишь вымысел! Так?

– Да.

– И это – Существование?

– Существование – это реальность. В Существовании нет места вымыслу.

– Значит тут нет ничего невозможного?

– Нет.

– Где же оно? Где Существование?

– В вашей голове, пока ваше тело живо и подвижно, и везде или нигде – это уж как вам будет угодно, в то время, когда вы поспрашиваетесь с этим телом, – объяснил Артак.

– В моей голове? – недоверчиво проговорил я, – это мои мысли?

– В вашей голове! И это – реальность! Это – ваш путь.

– Мой путь?

– Да. Ваши мысли – это ваша дорога. Ваши мысли – это ваша реальность. Для ваших мыслей нет ничего невозможного – им подвластно абсолютно всё. И нет у этого правила ни одного, даже самого маленького исключения.

– Куда же меня приведут мои мысли?

– Куда угодно. Они и есть именно то, что формирует вашу собственную игру, вашу собственную физическую нереальность. Мысль – начало всего.

– И в Существовании любая моя мысль тотчас обрастает материей?

– Ну если ваша мысль достаточно глубока, если она достаточно сильна и автономна – то да, – согласился Артак.

– И можно попробовать?

– Конечно. Скажу даже больше – можно не спрашивать разрешения.

– Что бы я ни решил сделать?

– Что бы ты ни решил сделать.

– Любое желание?

– Любое.

Как назло в голову не приходила ни одна умная мысль. Крутились какие-то мелкие материальные мыслишки и, конечно же, Артак их хорошо слышал и знал.

Какие-то воспоминания, образы уже существующих предметов – машин, вещей, домашней обстановки мелькали пе-

ред моим мысленным взором, но ничто так и не привлекло моего внимания, с тем чтобы остановиться и сказать – вот оно, нашёл!

– Это уже всё существующее, это всё уже создано в нереальности, это всё уже существует в материальном мире, – проговорил Артак, пролистывая мои мысли, – это всё уже есть, это всё уже присутствует, это жительствоует, это имеется в наличии, – он не спеша характеризовал все мои идеи, – это всё уже есть, а следовательно – не подходит для чистого эксперимента.

Я лишь беспомощно развел руками.

– Ну хорошо, хорошо... Вот, например, автомобиль, – Артак кивнул головой и зафиксировал одну из моих мыслей, – машина так машина, можно попробовать и с машиной, – он посмотрел на Агафью Тихоновну, словно советуясь и так кивнула в ответ, – отлично, представьте себе ваш автомобиль, – он прикрыл глаза, как бы приглашая представить автомобиль во всей красе, – представили?

– Да, – я закрыл глаза и представил машину.

– Что вы представили?

– Белый седан.

– Есть ли в вашем представлении лично вашей машины нечто от уже существующих автомобилей? – Артак немного подумал и поправил сам себя, – я хочу сказать – тот автомобиль, который вы представили – не является ли он просто какой-либо машиной, которая когда-то проезжала мимо вас,

и по каким-то причинам была отмечена вашим мозгом, как понравившаяся вам? Не представили ли вы случайно автомобиль, который не выдуман лично вами – ведь только тогда бы он являлся идеальным для вас, и именно тогда это была бы лично ваша вещь – ваша собственность и ваша скала, обдуваемая всеми ветрами. Это было бы ваше творение, это было бы то, что принадлежит только вам! – Артак говорил увлеченно, с чувством, – если вы представили автомобиль, уже выдуманный кем-то другим, тогда вы представили машину, которая может быть вашей лишь частично. И ваше в ней только то, что вы добавили от себя к уже существующему образу, к образу, созданному кем-то другим...

– Как такое может быть? Моя, но лишь частично? – не сразу сообразил я.

– Очень просто может быть, – дракон повернул голову и опять посмотрел на акулу, приглашая её в разговор, – очень просто, – повторил он, – вы представили белый седан, а кто-нибудь другой представит желтый спорткар или черный джип, или еще что-нибудь, нам не дано этого знать. Так вот, в каждом существующем мысленном образе существует нечто, принадлежащее лично вам, и что-то другое – чужое, вам не принадлежащее. Например, увидев один и тот же автомобиль, два разных человека охарактеризуют его совершенно разными словами и заметят в нём совершенно разные вещи.

– Что вы имеете в виду?

– Возьмем для наглядности ваш собственный пример, – Артак закрыл глаза и в моей голове вспыхнул только что созданный мною образ просторной белой машины, – как бы вы описали то что видите?

– Ну, – я немного замешкался, – это четырехдверный просторный седан белого цвета...

– Отлично, – дракон открыл глаза и видение тут же исчезло, – отлично, – повторил он ещё раз, – возможно, в этой машине ВАШЕ – это белый цвет, просторный салон и удобство. Это и есть ваше личное напыление на этой вещи. Это то счастье, которое, как говорят, тонким слоем покрывает даже самые, казалось бы, обыкновенные вещи, понимаете? Вы понимаете? Вам совершенно неважны, например, линии кузова и постановка фар. Машина может быть любой, но! Обязательно белой и обязательно просторной. Ваш выбор – простор и удобство. Это и есть ваш слой. Ваше напыление. Именно ваше. Простор и удобство. Как ваш выбор реализуется? Уверяю вас – самым наилучшим образом, – Артак засмеялся, – кто-нибудь другой увидит хищный абрис кузова или выпуклые, как мускулы, колесные арки. Третий отметит затемнённые стёкла и кожаный руль, четвертый – высокий клиренс или ещё что-нибудь. В каждой вещи существуют тысячи мысленных человеческих напылений и из их наложения друг на друга и создается цельный материальный образ, и именно его уже видит своими глазами каждый смотрящий человек. Но даже в цельном образе каждый продолжает ви-

деть только свой слой, и соответственно только его может и использовать.

– Мой слой – просторный салон?

– Я не знаю. Возможно ваш слой – это белый цвет. Вам виднее.

– Но можно создать нечто только своё? Нечто такое, где все слои будут моими?

– Конечно, – Артак кивнул головой, – именно об этом мы и говорим уже битый час.

– Если вам посчастливится создать нечто цельное, нечто целиком и полностью новое, нечто выдуманное именно вами от начала до конца – вам удастся обрести свободу, – добавила Агафья Тихоновна, – самую, что ни на есть, настоящую свободу.

– Например, написать книгу?

– Можно написать книгу, – уклончиво ответила мудрая акула, – а можно станцевать танец или приготовить никем не виданное блюдо, да мало ли что можно. Возможно, кому-то удастся сделать что-то настолько новое, что для описания этого ещё не существует слов.

– Но какая связь между работой моего воображения и настоящей, осязаемой свободой?

– Вы забываете одну очень важную вещь о которой мы уже говорили, – акула подвинулась немного ближе, – мораль человека не свободного, то есть, мораль раба – это всегда реакция, всегда ответ. И человек, обладающий рабской психи-

кой всегда будет нуждаться в противостоящем внешнем мире – такой человек всегда будет лишь отвечать на действия других, будет дополнять их, копировать или отвергать, обсуждать, игнорировать, но никак не создавать. Ибо процесс создания нового – всегда свобода. В самом высоком понимании этого слова! Свобода – это то место, где человек не стеснен никакими рамками или ограничениями – ни конечной скоростью света, ни указаниями и подсказками уже кем-то сделанного, – закончила Агафья Тихоновна и замолчала.

– Этот процесс у людей называется творчество, – добавил Артак, – если творец не пользуется ничьими шаблонами и подсказками, он в конце концов он создает нечто совершенно новое, нечто отличное от всего уже созданного, нечто радующее его каждым своим проявлением, каждым своим словом, каждым изгибом и каждым качеством – то есть, нечто совершенное в его представлении. Тогда и только тогда – он – Создатель.

– А другие люди? Кто они?

– Другие люди в этом случае обречены находить что-то своё в уже созданном материале. Другие обречены отыскивать свой слой, обречены копаться в чужом – в уже использованном, и использованном не ими; уже принадлежащем, и принадлежащем не им; они обречены по крупицам находить там своё собственное – его части, осколки, фрагменты... Находить то, что принадлежит им лично.

– И находят?

– Конечно, – Артак утвердительно кивнул головой, – находят. Тогда ваше «своё» становится чьим-то ещё, увеличивая при этом энергию самой вещи, энергию самого творчества, увеличивая его значимость и необходимость. Потом к «вашему» присоединяются другие люди, потом ещё и ещё... Энергия того, что создали лично вы растёт, захватывая всё больше и больше голов и формируя их мысли, тем самым, распространяясь и в пространстве, и во времени. И заметьте, – дракон приподнял свой коготь, – сама вещь от этого не перестает быть лично вашей. Но она растёт уже независимо от вас – растёт, увеличивая, тем самым, ваше счастье и ваше влияние на умы, увеличивая ваше влияние на реальность. Энергия вещи растёт не переставая и делает вас всё более и более могущественным. И заметьте, это могущество уже невозможно у вас ни отнять, ни украсть. А значит, это и есть та настоящая сила, противостоять которой не в состоянии никто и ничто.

– Но каким образом растёт энергия? Откуда она берётся?

– Ахахах, – дракон громко рассмеялся, – вы никак не можете привыкнуть к тому, что энергия может браться из ниоткуда и уже не в состоянии исчезнуть в никуда. Если только сам человек ею так не распорядится. Первичная энергия – это само время, затраченное людьми на нахождение и использование своего, это те крупинки поделённого с вами вашего же счастья, которое своим отблеском накрыло и других людей. И это самое время, без остановки и без конца, подпи-

тывает энергию созданной вами вещи – оно питает и лично вас – Творца, своего Создателя – питает через ваше творение, и чем больше людей тратят своё время на знакомство с вашим, чем больше людей ищут там свой слой, чем больше людей его там находят – тем больше времени они предоставляют в распоряжение исследуемого объекта и тем большей энергией, в конце концов, обладает сама вещь. Тем быстрее она распространяется по этой выдуманной, но от этого, не менее реальной – материальной Вселенной. Этим, кстати, и объясняется необъяснимая магия старинных вещей. Столько поколений отдало им своё время, сколько поколений питало их своей энергией...

– От количества энергии зависит скорость распространения чего-то нового, то есть – изобретения?

– Не только изобретения, друг мой, – Артак усмехнулся, – хотя вы тонко подметили существующую связь. Любое написанное полотно, любая новая книга – это именно изобретение, ибо не было ничего подобного ДО, а последующее подобное будет уже всего лишь копией. Поэтому изобретение – верное слово. Но не только изобретения...

– Но чего-же ещё?

– Идей и мыслей, например. Теорий. Знаний. Силы, в конце концов.

– И какова максимальная скорость?

– Её не существует, – дракон вздохнул, – не существует ни максимальной, ни минимальной скорости. Могу открыть

вам тайну, уже ею не являющейся, – он понизил скорость мысленного потока для лучшего усвоения, – весь материальный мир – не только иллюзия в человеческом понимании этого слова, весь материальный мир – лишь энергетическое перемещение информации. Не более того.

– Что вы имеете в виду?

– Этот мир нереален, – Артак смотрел мне прямо в глаза, – этот мир являет собой лишь одно сплошное действие в себе, действие, уже включающее в себя все возможные свои варианты и все возможные последствия этих вариантов.

– Как это?

– Вы скоро поймете, – Артак приобнял меня одним из своих крыльев, а другое положил на Агафью Тихоновну, внимательно к нам прислушивающуюся, – а я постараюсь объяснить.

Мы с интересом придвинулись к дракону и затаили дыхание в ожидании какого-то волшебства.

– Представьте, – Артак начал, – представьте средние века. Один король посылает другому гонца с письмом. Представили?

– Да, – мы кивнули одновременно, зачарованно.

– С какой скоростью движется это письмо по направлению к своей цели – то есть, к другому королю?

– Со скоростью лошади! – Агафья Тихоновна сообразила быстрее меня.

– Именно так, – Артак легко согласился, – теперь пред-

ставьте, что два замка – одного и второго короля, находятся не так далеко друг от друга, ну например, на расстоянии крика. Тогда ту информацию, которую один король хотел передать другому, с большей эффективностью и с меньшими энергозатратами можно доставить с помощью крика, не используя при этом ни лошадь, ни гонца, ведь так?

– Да, да, именно так, – мы с акулой кивали одновременно, иногда попадая в терцию, а иногда – в унисон.

– И во-втором случае скорость нашего послания будет уже скоростью звука, а не скоростью лошади, верно?

– Верно, – я, кажется начинал понимать к чему вел хитрый дракон.

– А теперь представьте что прошло некоторое количество столетий и люди изобрели телефон. Сняв трубку в одной части земного шара, человек может с легкостью передать свое послание в другую часть планеты за долю секунды, правильно?

– Абсолютно верно, – подтвердили мы.

– Потом изобрели видеосвязь, и стало возможным общаться с помощью более привычных человеку изображений, чем посредством одного только звука... Скорость передачи информации приближается к максимально известной человечеству скорости – к скорости света. Другими словами, человек вышел на природную скорость передачи информации, человек заговорил на языке звёзд!

– Что вы имеете в виду?

– Звезда, находясь в миллионах световых лет от Земли, – Артак мысленно раздвинул потолок и показал нам звёзды ночного неба, – так вот, – повторил он, – звезда, находясь в миллионах световых лет от Земли, занимается по сути, тем же самым. Каждое мгновение она передает информацию в окружающее её пространство, передаёт её с максимально доступной ей скоростью – со скоростью своего электромагнитного излучения – со скоростью света. Но даже такая огромная по человеческим меркам скорость доносит до Земли эти звездные послания спустя многие миллионы, а то и миллиарды лет. Совсем, как гонец в средние века, помните? – Артак засмеялся, – только гонец измерял свой пройденный путь расстоянием, которое способна пройти за сутки лошадь, а звезда меряет своим собственным мерилом – например, световым годом – расстоянием, которое способен пройти за год свет...

– Я понимаю... – непроизвольно прошептал я.

Артак усмехнулся.

– А знаете, что важно? – он посмотрел на меня, потом перевел взгляд на акулу, но мы хранили молчание.

– Что же на самом деле важно? – Артак крутил своей большой головой вокруг, словно отыскивая нужный ответ.

– Скорость? – робко вставила Агафья Тихоновна.

– Скорость? Скорость, конечно, важна. Но не очень.

– Информация, – прошептал я. – Важно лишь само ПОСЛАНИЕ, находящееся в сумке у гонца. Даже не так! Важно

не само послание – послание, как материальный объект – то есть, важен не сам свиток, на котором оно запечатлено. Действительно важно только то, что в нём написано, важна сама информация, важен её смысл, важна её направленность.

– Значит, важны лишь вещи, считающиеся у людей метафизическими? Лишь нереальные в человеческом понимании вещи? Я правильно вас понимаю? – Артак широко улыбался, – важны лишь мысли, запечатленные в послании? Важно лишь информационное изображение звезды, но не сам свет, не сам гонец?

– Думаю, да, – я твёрдо кивнул, – именно это и важно.

– А почему?

– Потому что всё остальное, – я медленно обвел зеркальный зал глазами, – всё остальное – лишь следствие. А следствие всего лишь следует, то есть, идёт за причиной.

– Вы – молодец! – Артак шумно встал, опираясь на все четыре лапы и внимательно заглянул мне в глаза.

Агафья Тихоновна тоже привстала и только сейчас я заметил, что жёлтый цвет драконих глаз и жёлтый золотой дождь Существования, который не переставал идти всё это время – это субстанции одного рода, одной природы. Это какой-то особый род материи, который для акулы выполнял роль её собственной, привычной ей среды – воды, как для дракона это был воздух, на который опираются его крылья в полёте – его собственная родная стихия, а для меня... Чем был этот жёлтый струящийся свет для меня? Чем?

– Ахахах! – Артак придвигался всё ближе, – вы заметили!

Вы наконец-то заметили!

– Что? – не сразу понял я.

– То, что вас окружает!

– Что же это?

– Среда обитания, – не совсем ясно выразился мой дракон, – это среда вашего обитания, – повторил он, – для акулы – это вода, ибо она привыкла жить и передвигаться именно в ней, для дракона – воздух, а для вас...

– А для меня?

– Вам просто необходимо сделать выбор. И выбрать то своё, выбрать то, что именно ваше. Оно обязательно есть. И если уж мы заговорили о скорости перемещения, – Артак хитро улыбнулся, – то теперь вы ясно видите почему дракон в состоянии опередить акулу, не так ли?

– Потому что акула передвигается в воде, а дракон – в воздухе? И потому что вода – среда более вязкая, так?

– Именно так, – Артак погладил меня по голове, – именно так. Акула перемещается в воде, а дракон – в воздухе и, соответственно, скорость дракона, с теми же энергетическими затратами, всегда превысит скорость акулы, ибо сопротивление среды минимально именно в воздухе – а это среда дракона!

– Я понимаю...

– Да, кстати, скорость мысли во много раз превышает скорость речи, то есть, скорость звука, не так ли? – Артак опять

засмеялся.

– Да, – только и смог проговорить я, – именно так.

– А всё среда обитания! Мысли намного свободнее! Много!

– Но как же я? Какая моя среда обитания?

– У вас растут крылья, следовательно, вы можете стать драконом, – Артак говорил, глядя мне прямо в глаза, и их жёлтый цвет растворял мою сущность, – но помните, что эти самые крылья вполне в состоянии нести вас и в вязкой воде речи, тогда ваши крылья станут плавниками. Вам решать. Одинаково прекрасно и то, и другое.

– А какая среда обитания у звёзд?

– Станьте звездой и поймете, – дракон хохотал не переставая, – всё в ваших силах!

Я на мгновение замолчал и задумался.

– Но тогда получается что весь этот материальный мир – лишь обмен информацией, которая перемещается с определенной скоростью?

– Да! – проревел Артак, – да! Тысячу раз да!

– Но... Получается, что гонец, покидающий своего короля с определённым посланием другому королю несет уже устаревшее послание? Ведь пока он доедет – к тому времени что-то уже может измениться? Однако, так как послание уже в пути, то добавить в него ничего уже нельзя, ведь так?

– Да! Но можно отправить другого гонца!

– Каждое новое мгновение отправлять нового гонца с но-

вым посланием?

– Конечно! Именно так поступают звёзды со своим светом!

– Но если важен только смысл, заключенный в послании, то для короля, отправившего его этот смысл уже в прошлом, для короля, который вот-вот получит послание – его смысл ещё в будущем, а для гонца – в самом что ни на есть настоящем?

– Да! Да! Да! – громко прокричал дракон, – и все эти три времени существуют одновременно! Теперь ты понимаешь? Для информации, которая, как мы уже выяснили – только и важна, для информации все эти три времени существуют абсолютно одновременно.

– Что же я должен понять, исходя из этого? – я совсем запутался.

– То, что вы уже поняли. То, что времени нет. Его не существует. И прошлое, и настоящее, и будущее бытуют и действуют одновременно. И время – это лишь энергия ног лошади, несущей гонца с посланием, или энергия света, несущего изображение звезды. Важен во всём этом лишь один СМЫСЛ, заключенный в письме. Важна ИНФОРМАЦИЯ. Не важна лошадь и не важен сам гонец, как не важна скорость с которой они движутся. Понимаете? Важен лишь смысл ПОСЛАНИЯ, важны лишь буквы, важна лишь информация! И как тогда быть? Возможно ли считать этот материальный мир настоящим? – Артак хмыкнул, – конечно

же, нет! Настоящее только то, что хранится у вас тут, – он похлопал меня по голове, – только оно настоящее! И, кстати, как мы уже говорили, его совершенно невозможно у вас украсть, ну или каким-то другим разбойничьим способом им завладеть, понимаете?

– Понимаю. Конечно же, я понимаю.

– Отлично! – закричал вдруг Артак, – отлично!

– Что именно?

– Наш поезд прибывает на новую станцию, – он закрыл глаза, а Агафья Тихоновна громко и чётко произнесла:

– Станция РОЖДЕНИЕ.

Я широко распахнул глаза, но промолчал.

– Станция РОЖДЕНИЕ! – повторил дракон и обернувшись ко мне, просто произнес, – поздравляю вас, мой друг, теперь вы – НАСТОЯЩИЙ.

Я хотел что-то ответить, и даже приоткрыл рот, но дракон положил свою тёплую лапу мне на лицо, мешая что-либо сказать и проговорил:

– Тсссс. Не надо ничего говорить. Вы только родились, а младенцы не говорят с самого рождения. Дайте вашим словам настояться, дайте им наполниться смыслом того действительного, того безусловного, того реального, что вас окружает. Дайте вашему знанию закончить своё блуждание по вашей голове. Покажите ему выход из этого капкана. И никуда, запомните, никуда и никогда не нужно торопиться. Теперь впереди вас только СТАРЕНИЕ и СМЕРТЬ. Так что

спешить совершенно некуда. Тсссс, – повторил дракон и замолчал.

Было в этом месте нечто далекое, нечто запредельное всему физическому, всему материальному, нечто отличное от всего что было мной видено ранее; было нечто такое, что не угадывалось ни одной частью, ни одним органом человеческого тела; было нечто эфирное, ментальное, сугубо умственное.

И было это умственное настолько разумным, что никакой отдельный ум не смог бы его понять и никакой индивидуальный мозг не мог бы это исследовать. Ибо было оно всем и сразу, а для того чтобы исследовать что-то необходимо хотя бы выйти за пределы исследуемого.

Ведь для настоящего, всамделишного исследования обязательно нужно взглянуть на исследуемое со стороны.

Никогда еще объект исследования и исследователь не были одним и тем же, кроме, пожалуй, одного случая – самоисследования человека. Да и этот случай очень частный и редко встречающийся, ибо человек только тогда будет в состоянии исследовать сам себя, когда ему удастся выйти за свои пределы, подняться над собой и взглянуть на себя как на отдельный мир со своими собственными законами.

К сожалению, происходит это совсем не часто. Если не сказать точнее – это происходит крайне редко.

Возможно, именно эта программа выполнялась и сейчас,

только более глобально – разум исследовал сам себя – он пытался понять сам себя, пытался осознать свою начинку, пытался взглянуть на себя со стороны, а следовательно – пытался выйти за свои пределы.

– Наконец-то, – проворчал Артак, довольно улыбаясь, – наконец-то ты понял.

– Мы ждали этого целую вечность, – добавила Агафья Тихоновна.

– Что я понял? Чего вы ждали?

– Ты понял одну очень важную и одновременно простую для понимания вещь, которая в корне изменит всё твоё представление о мироустройстве. И осознав эту вещь ты сможешь двигаться дальше, но двигаться уже не во времени, ибо оно растворилось в твоём знании, а двигаться в своём собственном мысленном пространстве – в пространстве безвременных и бестелесных, а значит – в пространстве вечных и неосязаемых вещей.

– Что же это?

– Ты понял что исследовать и понять что-либо можно только в одном случае – если ты не являешься этим чем-то. И чтобы понять мир – необходимо вырваться из его цепких объятий. А чтобы понять человека – необходимо возвыситься над самим собой.

Я кивнул головой, но продолжал хранить молчание.

Молчание вообще стало одним из моих любимых состояний.

С Артаком мы общались мысленно, да и Агафья Тихоновна частенько своими действиями подтверждала то, что ей понятны и мысленные формы. Не подвластны, как дракону, но понятны. И этого было вполне достаточно чтобы участвовать в нашей дискуссии...

Было в этом месте нечто волшебное, было здесь нечто, называемое одним словом – чудо.

– Нравится? – Артак с улыбкой наблюдал за мной.

– Не пойму толком, – честно ответил я, – но изменения чувствуются, безусловно. Только я никак не могу понять что именно поменялось.

– Время, – дракон зевнул и лениво повторил, – пропало время. Сменились декорации. Ты покинул свой ограниченный человеческий мирок и сам стал целой Вселенной. Ты достиг уровня творца и в награду за это ты получаешь свой собственный, личный мир – мир бесконечный, мир бескрайний, мир вне времени и вне пространства.

– В награду?

– В награду, именно в награду, – подтвердил Артак, – и это первая лично твоя награда, это первый твой полёт, первый твой завоёванный кубок, первый действительно заслуженный приз.

– Но ещё будучи простым человеком я не раз был удостоен каких-либо наград, – возразил я, – почему тогда эта на-

града первая?

– Награды? – рассмеялся дракон, – позвольте вас спросить, а что вы считаете наградой? Ну или наказанием, ибо это одно и то же, только с разным математическим знаком. Субстанция со знаком плюс – награда, а со знаком минус – наказание. Сама же субстанция не меняется. Так что такое награда? Что такое наказание?

Я чувствовал в словах дракона какой-то подвох и поэтому не торопился отвечать. Артак понял это и начал говорить сам.

– Никто из людей не заслуживает ни наград, ни наказаний. В человеческом мире, что награда, что наказание – не относится к человеку лично. Тот, кто наказывается – не заслуживает наказания: он употребляется лишь как средство, чтобы отпугнуть других от совершения тех или иных действий; точно так же тот, кто вознаграждается, не заслуживает этой награды: он не мог поступить иначе, чем поступил. Следовательно, награда имеет значение лишь как поощрение его и других, то есть, награда может служить только мотивом для дальнейших действий человека, понимаете?

– Да, – я твёрдо кивнул, – понимаю. Одобрительные возгласы посылаются тому, кто ещё участвует в скачке, а не тому, кто уже достиг цели.

– Точнее и не скажешь, – кивнула Агафья Тихоновна, – ни награда, ни наказание не есть нечто, заслуженное самим человеком, они назначаются ему из соображений пользы, а зна-

чит и НЕОБХОДИМОСТИ. А именно необходимости правят миром, – добавила мудрая акула.

– Если бы отпали награда и наказание, то отпали бы сильнейшие мотивы, которые влекут к действиям, продиктованном НЕОБХОДИМОСТЯМИ общества. Они же отвлекают человека от других, ещё более необходимых действий, однако, необходимых уже самому человеку и, соответственно, негодных обществу, ибо эти действия всегда различны по своей направленности, – Артак говорил чётко и медленно, – понимаете? Это именно те знаки плюс и минус, которые и отличают награду от наказания, – добавил дракон, – награда человеку часто есть наказание обществу, а наказание человеку – не более чем награда этому самому обществу. Вот и выходит что любое наказание является лишь регулятором самого общества и регулятором действий людей внутри него. Тогда скажите, при чём здесь вы лично?

– Вы так думаете? – произвольно спросил я, – вы правы, судя по всему, я тут совершенно ни при чём.

– Конечно, – твёрдо произнес дракон, – более того, поскольку наказание и награда, как и порицание и похвала сильнее всего действуют на тщеславие человека, те же НЕОБХОДИМОСТИ требуют прежде всего сохранения этого тщеславия внутри самого человека.

– Какие же это необходимости?

– Необходимости развития общества и уничтожение отдельного человека в нём.

– Следовательно, меня привело сюда тщеславие?

– Да, тебя привело сюда тщеславие, но правильно направленное, – кивнул дракон своей большой головой, разбрызгав немного жёлтого света вокруг нас, – именно оно – правильно направленное тщеславие. Оно отрицает любые общественные поощрения, но возвышает поощрения личностные, одним словом, правильно направленное тщеславие – это когда ты сам доволен собой. Когда у тебя отсутствует необходимость в признании общества и остается только необходимость признания себя самим собой.

– Но удовлетворяя лишь своё тщеславие люди часто наносят рану другим людям, не так ли? Они заставляют друг друга страдать. Выходит, если мой путь сюда был необходим, то он был должен, и даже был вправе принести другим людям много неоднозначного и, возможно, заставил их даже страдать, не так ли?

– Конечно, – ещё раз кивнул дракон, – конечно. Человек избегает страданий только в пределах собственной нервной системы и если бы его нервная система простиралась дальше, вплоть до остальных людей и животных, то человек никому и никогда не причинил бы боль. Вся свою жизнь человек стремится к противоположности боли – он стремится к удовольствию, точно так же как всю свою жизнь человек стремится к награде, а не к наказанию, и именно тут появляется тщеславие! Оно в некоторой степени удовлетворяет это стремление в направлении удовольствия. Ведь без са-

мого удовольствия нет жизни, но таким образом получается что жизнь человеческая – всего лишь борьба за это удовольствие, и эта борьба по своей сути и есть борьба за жизнь. А уж методы, используемые человеком в этой борьбе – доброта или злоба – всего лишь средства, за которые самого человека могут как наградить, так и наказать. Это зависит от общества в котором этот человек находится и ни в коем случае не зависит от самого человека. Можем ли мы в таком случае сказать, что полученные вами награды были лично ваши? – Артак тихонько засмеялся, – нет, не можем. Поэтому позволь мне повториться и поздравить тебя с твоей первой личной наградой, – Артак держал лапы так, словно лепил снежку, скрывая что-то за своими ладонями, но не торопился показывать это что-то.

– Не можем, – вздохнул я, – конечно же, не можем. Значит, никакой личной награды у меня не было, и это, – я кивнул на сложенные лапы дракона, – скрывающие мою награду, – это мой первый приз. Можно ещё один вопрос?

– Пожалуйста.

– Чем определяются средства достижения человеком удовольствия, и значит – чем определяется сама его жизнь, которая, как мы определили – есть борьба за эти удовольствия?

– Хороший вопрос, – Артак посмотрел на Агафью Тихоновну, словно гордился мной и ответил:

– Средства достижения человеком удовольствия определяются только уровнем его развития, мерой и устройством

его интеллекта.

– И только?

– Да.

Я ещё раз покосился на сжатые лапы дракона, но промолчал. Меня раздирали противоречивые чувства – мне одновременно было как любопытно, так и безразлично, и моё любопытство вызывало радость, а безразличие – лёгкую грусть.

Агафья Тихоновна, удобно усевшись на сложенной простыне, то есть, сев прямо на целый мир, держала в своих плавниках новую, чистую и, как мне показалось, накрахмаленную и отбеленную простынь.

Казалось, она была готова использовать её в любой момент, но я ещё не мог понять каким образом.

– Зачем вам новая простынь? – обратился я к моей верной спутнице.

– Затем же, зачем вам крылья, – загадочно ответила она, улыбаясь.

– Что вы хотите этим сказать?

– Ничего особенного, – она усмехнулась, – просто когда у вас появятся собственные крылья – вам будет необходимо своё собственное пространство, где бы вы могли их использовать.

– И это... – произнес я, чувствуя покалывание в лопатках от растущих там крыльев.

– Это оно и есть, – просто произнесла Агафья Тихоновна,

и развернула бесконечно длинную ткань.

Жёлтый, словно солнечный, свет прикоснулся к торцу простыни, красиво окрасив её край. Жжение между лопатками становилось всё сильнее, но было терпимым.

– Я чувствую, – как замороженный, не в силах оторвать глаза от белой ткани, я посмотрел на Артака, и два наших взгляда, как два луча, схлестнулись в пустоте. Артак первый отвёл свой взгляд, предоставляя мне свободу и в действиях, и в мыслях.

– И это чувствуется именно так? – не в силах описать словами свои внутренние ощущения, я решил для себя возможным использовать такую словестную формулировку, – это чувствуется именно так? – я повторил свой вопрос, будучи уверен что мой дракон точно поймет что я имел в виду.

– Именно так, – он склонил голову и незаметно кивнул, – именно так.

– Но что это за чувство?

– Это чувство... Это чувство... – повторял мой дракон, давая мне время сформулировать самому.

– Оно странное.

– Оно новое, – поправил меня Артак, – а любое новое всегда поначалу бывает немного странным.

– Не могу определить точно...

– Пропало время, – подсказал Артак, – всего лишь пропало время.

– Но что значит – пропало время? Время – это энергия,

значит пропала сама энергия?

– Да, – безучастно произнес дракон, – она вам больше не нужна. Вас питает энергия другого порядка, вас питает энергия вечности. Или вы питаете вечность собой. Тут уже нет никакой разницы.

– Прямо сейчас?

– Теперь навсегда. И прямо сейчас тоже. Вечность – это когда всё сразу, всё целиком и всё одновременно.

– Хм, – я продолжал прислушиваться к себе внутреннему, который каким-то непостижимым образом вдруг стал внешним, а став внешним – вознесся над старым миром, покинул свою простынь внешнего пространства, погрузившись в пространство внутреннее. И именно это внутреннее пространство внезапно для меня самого оказалось много больше всего внешнего и оно же, в конце концов, поглотило всё внешнее, сделав его сугубо внутренним. Глубоко внутренним.

– Ты родился. Ты жив. Ты стал неопределяем. То есть, ты стал самой жизнью. Остальное не важно. Каждый твой временной образ сгорел в печи твоего присутствия. Ты – существуешь, ты – рождён. И необходимость во времени, как в энергии – отпала сама собой, ибо замкнутая система была ещё в состоянии питать саму себя, не выпуская ничего вне себя – наружу, однако, вырвавшись из этого некогда замкнутого круга пространства и времени ты просто перестал нуждаться в питании. Ты сам стал этим питанием и сам же стал пожирающим его. Ты стал самой вечностью и твоё слабое

временное тело уже не имеет никакого значения. Оно – всего лишь мгновение в тебе самом.

– Вечное?

– Что? – Артак переспросил, хотя услышал вопрос, – ах, ты про мгновение? Да, можно сказать что вечное. Пойми, разницы нет. Ноль встретился с бесконечностью и только сейчас стало понятно, что эти две, разнесенные в противоположные концы мироздания величины, оказывается, значат совершенно одно и то же. Более того, они находятся в одном и том же месте. И ноль, и бесконечность – пусты и безграничны, они и есть суть всей этой великой Иллюзии, они – суть игры. Без них игра была бы невозможна. Именно поэтому мне так сложно описать обыкновенными словами всё, что ты видишь и чувствуешь. Нет таких слов, просто нет, пока ещё не придуманы такие слова.

– Но я чувствую то, о чём ты говоришь. Я понимаю тебя.

– Это замечательно, – произнес дракон, – это замечательно, – но объяснить то, что ты чувствуешь и видишь, объяснить кому-нибудь другому, используя привычный всем язык, уже не получится...

– А если он видит и чувствует то же самое?

– Тогда тебе не понадобятся слова, – встряла в разговор Агафья Тихоновна, – хотя... – она посмотрела на меня внимательно и продолжила:

– Когда ты говоришь с собакой – она тебя понимает, она тебя слушает, она выполняет твои команды. Но всё же жи-

вотное не в той же мере воспринимает человеческий язык, как сам человек. Их представление много урезаннее, оно достаточно сильно усечено. Такая же ситуация и сейчас, только в роли животного – любой человек, а в роли Человека – ты, истинно рождённый. Разница примерно одинакова.

– И их не отличить глазами, – задумчиво проговорил я про себя.

– Кого – их?

– Если животных я с легкостью могу отличить от людей, просто взглянув на них, то отличить простого человека от истинно рождённого – уже не получится.

– Но почему же не отличить? – недоумевала акула.

– Потому что выглядят они одинаково.

– Выглядеть они могут как угодно, но действуют по-разному, ведь поступки – это символы людей, – мягко поправил меня Артак, – бывает и так, что любая собака значит много больше чем некоторый человек.

– Но...

– Подумай. Рождённый в человеческом теле равновероятно может быть и лютым зверем и человеком – его определяют лишь его действия, и уж никак не внешность.

– Рождённый в человеческом теле может быть и мной?

– Да, может быть и тобой. Может быть человеком, победившим время. Человеком, осознавшим мир. Может быть человеком-богом, человеком-творцом, человеком-стрелой, молнией, человеком-мгновением и, конечно же – челове-

КОМ-вечностью.

– И как их отличить внешне?

– Забудьте о внешности, забудьте о материи, забудьте об этом раз и навсегда. Материя и её видимость иллюзорна и нереальна, вам всё равно придётся к этому привыкнуть. И это не так сложно как кажется. Учитесь отличать одинаковое внешнее по различному внутреннему. И первым признаком того что зверь стал человеком является то, что его действия и, следовательно, его внутренние побуждения направлены уже не на благополучие данного мгновения, а на длительное благосостояние, то есть человек пытается захватить БОЛЬШИЙ кусок времени, захватить настолько большой кусок, насколько это возможно, пусть даже этот кусок будет много больше его собственной жизни. И именно таким образом человек начинает побеждать само время – он его побеждает, используя его же, побеждает, существуя много дольше отведенного ему временем на жизнь куска. Человек становится полезным, я бы даже сказал – целесообразным и именно тогда, впервые в человеке, прорывается наружу свободное господство Разума.

– А потом?

– Потом человек выходит на новый уровень – постепенно его взгляд, а значит и его действия захватывают всё большее и большее пространство, поглощая в себя и, тем самым, контролируя всё больше и больше энергии, то есть, времени. И, в конце концов, его действия определяются уже не време-

нем, но вечностью – это и есть признак истинно родившегося человека. Кстати, это единственный безошибочный признак...

– Но каким образом происходит этот скачок от времени, пусть и в огромных, но ограниченных количествах, к вечности, то есть, к времени в количествах неограниченных?

– Это происходит когда вся энергия всего материального мира может уместиться в вашем сознании. Это происходит, когда человек может представить всё существующее время на бесконечной простыне пространства. И когда это понимание приходит, когда оно крепко укореняется в нём – тогда человек и воспаряет над тремя известными людям измерениями, тогда он добавляет себе ещё одну координату и именно эта координата даёт ему решающее преимущество над всеми остальными, теперь уже плоскими, в понимании этого человека, людьми. Это дополнительное измерение возносит его даже над пространством, не говоря уже о времени. Ведь время – лишь СРЕДСТВО, время – лишь ИНСТРУМЕНТ, которым пользуется пространство, чтобы разместить в себе всё необходимое.

– Всё необходимое?

– Именно так. Всё необходимое, ну или просто всё сущее. Ведь необходимым является именно всё, без никакого исключения.

– И это необходимое диктует те самые НЕОБХОДИМОСТИ, которые и управляют миром?

– В данной ситуации – НЕОБХОДИМОСТЬЮ стал именно ты и твоя награда у твоих ног, – Артак наконец-то протянул ко мне свои сложенные лапы и раскрыл их в моих ладонях.

– Что значат все людские страхи и волнения, что значат их падения и взлёты, что значат человеческие смерти и рождения? Что все они значат по сравнению с тем, что у тебя в руках? – хитро произнес он, глядя в мои жёлтые драконьи глаза, – что?

Я непроизвольно взглянул на свои руки и не увидев в них ничего, опять поднял глаза на Артака.

Он улыбался, а Агафья Тихоновна расстилала на зеркальном полу новую, кристально чистую, белую простынь.

Отражение ткани в зеркале.

Само зеркало.

Ткань – первый слой.

Сверху ещё один.

Какой же слой был настоящим?

Не были ли все мы просто в зеркале?

Был ли у нас выбор?

Могли ли мы что-то изменить в реально существующем мире или были обязаны изменяться, как зеркальное отражение обязано повторять то, что происходит в реальности?

Были мы НА зеркале или ВНУТРИ него?

Или мы были самим зеркалом?

Или слоем на нём?

Или информацией в этом слое?

Артак хранил молчание и я ещё раз посмотрел на свои руки.

Еле заметная точка, чёрная точка-пылинка, витала прямо в воздухе на некотором расстоянии от моих ладоней.

– Что это? – у меня перехватило горло от волнения, ибо я уже догадался что это. Была эта точка очень похожа на ту, которую Артак размазал по простыне немного ранее.

– Это мир. Целый, цельный, неделимый мир, – ответила акула, – огромный, как твоё сознание мир, – повторила она, – и теперь этот мир и есть ты. Ты рождён.

– Что же мне теперь делать?

– Всё что угодно, – произнесла Агафья Тихоновна.

– Всё что захочешь, – добавил Артак.

Я недоверчиво поднял ладони и пульсирующая, невесомая, чёрная, сильно сжатая точка поднялась вслед за моими руками.

– Там... – начал было я.

– Там всё! Вся существующая энергия – твоя энергия. Вся существующая материя – твоя материя. Всё существующее пространство – твоё пространство. Ты стал собой. Теперь ты сам.

– Сам?

– Да.

– Один?

– Единственный.

– И никого более нет?

– Нет ничего, что было бы не тобой, – уклончиво ответил дракон.

– И все существующие цивилизации, всё существующее «добро» и «зло», всё что я могу представить – всё там?

– Да, – кивнула Агафья Тихоновна, – всё там и всё одновременно. Теперь у тебя есть шанс понять извечную загадку пространства и времени, ибо ты вне его и ты им владеешь.

– И...

– Ты можешь начинать свою собственную игру, ибо ты – рождён, и следовательно, ты – самостоятелен в своих решениях.

Агафья Тихоновна обернулась к Артаку, словно приглашая его в дискуссию. И дракон улыбнулся.

– Когда ты смотришь на водопад, тебе кажется что в тех бесчисленных изгибах, в тех извивах и преломлениях волн видно присутствие свободы воли и даже некоторого произвола, – произнес Артак, – но на самом деле всё необходимо, и каждое движение каждой капли может быть математически вычислено. Точно так же обстоит дело с любыми поступками, человеческими или нет – неважно, и будь ты всеведущий, ты мог бы наперед вычислить каждое действие, каждый поступок, каждый успех и каждое заблуждение, каждое злое и каждое доброе дело, – Артак посмотрел на меня очень

внимательно и продолжил:

– Сам действующий, правда, погружен в иллюзию произвола, но если бы колесо всего мира на одно мгновение вдруг застыло, остановилось, и если бы имелся всеведущий разум, – Артак постучал когтем по моему лбу, – так вот, если бы этот всеведущий разум захотел бы использовать эту остановку мира, то он с лёгкостью смог бы предсказать всю будущность каждого живого существа, вплоть до самых отдаленных эпох, он смог бы наметить каждую колею, по которой ещё только должно прокатиться это колесо...

– И я могу всё подсчитать?

– Ахаха, – Артак залился смехом, – подсчитать – это слишком долго, не забывай что самого времени для тебя уже нет и потратить даже самую его малую толику не удастся. Даже самую-самую малую толику, – дракон продолжал смеяться, но не насмехаясь, а как-то по доброму – ласково.

– А как же быть?

– Зачем что-либо считать, зачем что-то вычислять, зачем что-то предсказывать, если есть возможность просто глянуть, увидев всё мгновенно и не потратив при этом ни секунды времени? Весь мир перед тобой, – Артак кивнул на пульсирующую невесомую точку, – смотри...

– Но...

– Довольно уже оттягивать, – он повысил голос.

– Мне ничего не видно. Пульсирующая и глубокая чернота, к тому же без всяких признаков жизни.

– Возьмите холст, – Агафья Тихоновна кивнула на уже расстеленную снежно-белую простынь моего личного пространства, – с холстом вам будет сподручнее.

Подержав ещё немного мой собственный, только что рождённый мир на воздушной подушке прямо над своей ладонью я бросил его на простынь, и в то же самое мгновение за моей спиной появились два больших, драконьих крыла. Два неутомимых, вечных, два сильных, могущественных, непобедимых – два, самых что ни на есть настоящих драконьих крыла.

Невесомая точка послушно замерла в самом центре чистой белой ткани, словно ожидая команды. Я приоткрыл рот, готовясь задать интересующий меня вопрос, но совершенно произвольно, неожиданно для меня самого, из моего же рта вырвался какой-то животный рёв, какое-то волчье, нечеловеческое рычание. И, конечно же, пламя. Огонь был повсюду. Пульсирующая точка покачнулась, соприкоснувшись с пламенем, и совершенно вдруг её прорвало изнутри. В своих недрах, в своей глубине, где-то в самой что ни на есть своей середине, внутри всего мира её встряхнуло, затрясло и она раскрылась практически мгновенно, мгновенно же покрыв часть простыни всевозможными действиями и процессами, каждый из которых мне хорошо был виден.

Я мог наблюдать абсолютно всё и сразу, так как все эти действия и процессы покрывали простынь своей толщиной,

равной единице – толщиной всего в одно событие, в один процесс, в одно действие, в одну мысль...

Здесь были все возможные варианты временного развития моего нового мира, все, даже самые невероятные варианты на все возможные времена. Здесь были самые разные события – как проявившиеся в материальном мире, так и другие – оставшиеся в зачаточном состоянии. Здесь было абсолютно всё – и всё, что могло бы произойти, но следуя каким-то необходимым не произошло; было всё, что уже произошло и твёрдо зафиксировано во времени и в пространстве; было так же всё то, что пока ещё не произошло, но обязательно произойдёт позже; было и то что не может произойти ни при каких обстоятельствах. Да, да – то, что никогда не могло произойти – тоже было здесь. Это была полная картина мира, самая полная из всех существующих, ибо в ней были сосредоточены все варианты прошлого, настоящего и будущего, и варианты эти были расписаны для каждой точки ещё не оперившегося пространства.

Оно было ещё мертво, это пространство, ещё мертво – но судя по всему – уже полностью готово к рождению.

Я вопросительно глянул на дракона. Тот молчал. Я перевёл взгляд на Агафью Тихоновну. Она, видимо, пытаясь мне что-то подсказать, подавала какие-то знаки, показывая на меня, а потом на мой рот и изображая выдох.

– Энергия, – вдруг мысленно произнес дракон.

– Энергия? – так же мысленно переспросил я.

– Да. Этот мир пока еще мёртв. Ему нужна сила, и вы вполне можете её предоставить.

– Как же?

– Превращение завершено, – вдруг добавил Артак, глядя прямо в мои глаза, – и вы теперь – полноценный дракон. Чего же вы обращаетесь ко мне с этим вопросом? – он усмехнулся, – где взять энергию? Где? – Артак оглядывался по сторонам, словно искал источник энергии, – где? – повторял он снова и снова и внезапно ответил сам, – только в себе. Больше нигде.

Я ещё раз посмотрел на Агафью Тихоновну. Та показывала плавником на свой рот, видимо, имея в виду всё-таки рот мой. Но что я мог сделать? Подуть? Плюнуть? Вырвать зуб?

И тут я понял...

Я набрал полные лёгкие воздуха и сильно выдохнул...

Пламя вырвалось из моего нутра, как из огнемета. Оно коснулось белой ткани точно в середине и осветило её ровным и мягким, тёплым, жёлтым светом. Огненное пятнышко посередине моего мира начала расширяться, равномерно распределяясь по бесконечной простыне и постепенно заполняло собой всё существующее пространство.

Ткань, при контакте с огнём вспучивалась, искривлялась и перед тем как вспыхнуть, меняла свою структуру – под воздействием времени ли, или температуры – неизвестно, одна-

ко, факт оставался фактом – ткань видоизменяла материю из которой состояла – она изменяла её на нечто другое.

Внешне белое становилось чёрным, а внутренне – прочное и твёрдое – хрупким и невесомо-мягким.

– Вот видите, – Артак кивнул на мой мир, – видите?

– Что я должен увидеть?

– Температура огня, вырвавшегося из вашей пасти, – дракон внезапно засмеялся, засмеялся искренне, словно по-родственному, и повторил, – да, да, из вашей пасти, – ему, видимо, доставляло удовольствие произношение этого слова, – ведь теперь у вас не человеческий рот, а огнедышащая драконья пасть, – Артак счастливо улыбался, – так вот, температура этого огня и породила эту непонятную человечеству структуру – время. Теперь и в вашем мире время начало свой бег, – он сделал ударение на притяжательном местоимении «вашем», – В ВАШЕМ МИРЕ, – ещё раз произнес Артак и довольно засмеялся.

Казалось, мой дракон был полностью, абсолютно счастлив.

– И только теперь ваше РОЖДЕНИЕ можно считать завершённым.

События на простыне, попавшие под волну только что образовавшегося времени, материализовались и воплощались в физическом мире, но лишь в качестве отражения мира реального. Каждое событие, каждое действие, каждая мысль и решение, каждое движение – во времени ли, в пространстве

ли – всё было подвластно одному моему взгляду, всё было подчинено лишь одной силе – силе моей мысли, всё исполнялось по одной воле – моей собственной воле. Стоило мне подумать о чём-то конкретном, как я тут же оказывался в самой гуще поддуманного, а стоило мне произнести лишь слово – и поддуманное воплощалось в материи.

Вот оно – сначала было Слово!

А зачем же крылья? Зачем мне были даны крылья, если одна только мысль меня переносила через многие века и расстояния?

– Это ты узнаешь в своё время, – продолжая смеяться сказал мой дракон, – узнаешь обязательно. И в самое ближайшее время!

– Время? Но времени же нет! По крайней мере для меня, если я правильно понял, конечно.

– Правильно, правильно, – смех Артака не прекращался, – тогда скажу по другому – зачем вам крылья вы узнаете, когда в них будет НЕОБХОДИМОСТЬ.

– Они вам очень пригодятся, – добавила Агафья Тихоновна, замороженно наблюдая за течением времени по белой простыне пространства, – очень пригодятся, – повторила она, улыбаясь.

– Кто?

– Ваши крылья, – просто объяснила акула.

– Ваши крылья, – повторил дракон, – ведь они предоставлены вам по самой высокой НЕОБХОДИМОСТИ, и вам уже

не избежать ни её проявления, ни её воплощения.

Время двигалось быстро, покрывая собой всё большую часть простыни, однако сама простыня была настолько огромна, можно даже сказать – бесконечна, что покрыть временем её всю казалось практически невозможным.

Однако...

– На всё необходимо лишь время, – подумалось мне, – лишь время.

– Да, – мысленно согласился со мной Артак.

– Оно распространяется так быстро, – продолжал думать я.

– Люди называют скорость распространения времени скоростью света, – добавил мой первый и самый любимый дракон, – но на самом деле свет не любит путешествовать, свет находится всегда и везде, и в каждой точке присутствует в своём полном объеме, а путешествует всего лишь время. Оно же всё и путает и в классической человеческой науке. Хотя, человек уже начал осознавать что это такое, – дракон кивнул на огонь, пожирающий часть простыни, – и человечество, в своих точных науках, уже начало мерять пространство и расстояния на нём именно временем. Потихоньку понимание прорывается в сознание людей. Не очень быстро, конечно, но зато – неотвратно.

– Меряет пространство временем?

– Ну конечно, – подтвердил дракон, – временем. Если человек хочет определить для исследований хоть мало-мальски значимый кусок пространства – он просто обязан использовать время. Километрами тут уже не обойтись, километры тут бессильны, – Артак засмеялся.

– Вы имеете в виду световой год? – быстро догадался я.

– Да, конечно. Большие участки пространства можно измерить или определить только годом. Пусть даже световым.

– Ну да, – согласился я, – ведь световой год – это расстояние, которое проходит свет за один год.

– Я бы не был так категоричен, – усмехнулся дракон, – свет не совсем любит путешествовать, понимаете? Свет... – он запнулся, а Агафья Тихоновна негромко добавила:

– Ключевое слово в измерении расстояний – год. И, поверьте мне, – акула склонила голову набок, – во всей Вселенной не найти ничего что бы путешествовало и передвигалось, кроме самого времени.

– Вы хотите сказать...

– Я хочу сказать, что покрывая собой пространство, время просто предоставляет событиям, расположенным на этом пространстве энергию. И уже эта энергия позволяет им обрести своей собственной материей, – Агафья Тихоновна охотно отвечала на мои вопросы.

– Им? Кому это – им?

– Событиям, – пояснил Артак.

– Ага, – я кивнул головой, – а на самом деле...

– На самом деле любое событие уже существует в реальности, и всегда будет существовать, независимо ни от чего; оно существует точно так же, как существует информация в письме у гонца – существует всегда, существует неизменно и независимо от местоположения последнего – ведь информация не изменяется, не искажается и не несёт иллюзий. Да и проявляется эта информация только тогда, когда волна времени накрывает её в том или ином месте. И точно таким же образом, как существует свет, показывающий нам картины далеких галактик, существует и информация – вечная, недвижимая и неизменная. Свет, кстати, тоже не несёт с собой никаких иллюзий – иллюзорно лишь восприятие света самим человеком. Но даже эта информация – которую несёт свет – становится доступной человеческим органам чувств только тогда, когда время накрывает ту или иную часть пространства. Информация существует точно так же, как существуешь ты сам, и, конечно же, исчезнет точно так же, как исчезнешь и ты. Когда я говорю ты – то подразумеваю твоё тело, разумеется – оно исчезнет в тот же самый час, когда эта волна времени пройдёт мимо него – ты окунешься, нырнешь в него и вынырнешь оттуда уже пеплом. И это правильно. Это так, как и должно быть – так, как задумано, как выполнено и как есть.

– Кем задумано?

– Кем? – Артак рассмеялся, – кем? – повторил он, – а разве есть кто-то кроме тебя? Всё есть ты сам и всё существует

одновременно, точно так же, как существует этот только что рождённый и вечный мир и всё в нём...

– Который в своё время тоже исчезнет, не так ли?

– Так ли, – кивнул Артак, – как только эта замечательно быстро бегущая волна накроет его полностью.

– Но это значит что он не вечен?

– Есть непреложный закон, – пояснил Артак, – всё рождённое рано или поздно умирает. И пусть этот мир живёт сотни миллиардов человеческих лет, пусть по сравнению с человеком, он практически вечен, но, тем не менее, если была точка отсчёта, значит будет и точка конца.

– И нет ничего вечного?

Артак внимательно посмотрел на меня и произнёс:

– Ты был человеком, был бунтарём, а теперь ты превращаешься в целый бунтарский мир, – он засмеялся и потрепал меня по голове, – не надо забегать вперед, не надо. Когда-нибудь ты сможешь познать и вечность, а пока, – он кивнул на белую ткань, лишь немного поддёрнутую течением времени, – а пока наслаждайся тем, что есть, ведь по сравнению со ста годами человеческого тела, – Артак задумался на мгновение, – пусть, скажем, триллион миллиардов лет существования отдельного мира – это уже почти что вечность.

– Теперь я понял окончательно, – еще раз кивнув головой я, вдруг озарённый внезапной догадкой, повернулся к Артаку.

Наши взгляды перекрестились.

– Но получается...

– Тсссс, – произнес мой дракон, – об этом позже. Ты должен сначала рассмотреть хорошенько работу времени. А все вопросы потом...

Я кивнул головой и всецело погрузился в созерцание нового мира, однако, посетившая меня идея не давала покоя моему пытливому, беспокойному уму. И настолько мне было важно разряжение этого напряжения, что только для того чтобы его сбросить, я, несмотря на предупреждение дракона, продолжил разговор.

И Артак меня понял. Он понял и принял мои мысленные объяснения.

Человек подчас испытывает такое невыносимое чувство напряжения, что для того чтобы просто сбросить его, без всякой высшей цели, он иногда способен схватить руками копьё своих врагов и погрузить их в свою собственную грудь.

Мои потребности были много ниже – всего лишь слово, сказать слово. Однако, жажда этого слова была так же велика, как жажда копьё, когда всё вокруг кажется нестерпимым.

– Время движется очень быстро, – рассматривая простынь пространства издалека начал я.

– Да, – произнес Артак, – как мы уже говорили – люди называют эту скорость скоростью света.

– Значит ли это... – я внимательно посмотрел на своих

зверей, и увидев лишь искреннюю заинтересованность, продолжил:

– Значит ли то, что человек, научившись передавать информацию со скоростью света, ну или, как мы теперь знаем, со скоростью времени; так вот, значит ли то, что человек, научившись передавать информацию посредством радиоволн... Ведь они движутся именно со скоростью света... Значит ли это, что он – человек... Что человек стал...

– Стал подобен тому, кого он – человек, называет богом? – продолжил за меня Артак.

– Ну можно сказать и так, – согласился я с драконом.

– Возможно, возможно, – Артак рассуждал вслух, – человечество пошло по техногенному пути развития, а могло пойти по пути духовному, но от этого никак не изменится та конечная точка, в которой эти два пути пересекутся и встретятся. Понимаете? Техногенный путь приводит к развитию науки и техники, возможности которой, как вы справедливо заметили, уже соперничают с возможностями самой природы. Духовный путь развивал бы философствование и размышление, этот путь был бы более мягок и не так жесток, но, в конце концов, он точно так же привел бы человечество к тем же самым результатам – к пониманию природы вещей. И если техногенный путь развития проходит через законы квантовой физики, доступные и понятые только малой толке учёных мужей, то гуманитарный – через законы души, доступные каждому человеку, независимо от образования и

условий существования. Законы души лежат на поверхности каждого человека – они составляют суть каждого живущего, и стоит только копнуть немного вглубь себя – как они появляются на свет во всей своей красе. Это именно этот путь, это именно эта дорога познания, которую имеют в виду некоторые, такие же редкие как и учёные-физики, мудрые люди, и когда они говорят – ничто в мире не сокрыто, когда они настаивают на том, что всё лежит на поверхности, и что единственное реально необходимое человеку – это учиться и познавать – они имеют в виду – познавать себя и учиться, используя эти знания. Ведь чтобы познать внешний мир – достаточно познать мир внутренний. Достаточно просто познать самого себя. И это каждому по силам.

– Я понимаю.

– И хотя эти два пути – техногенный и гуманитарный – хоть и ведут к одной цели, но совершенно разные, разница между ними лишь в том, что один – более жесток и воинственен, другой же – мягок и дружелюбен. Однако, эта разница присутствует только в человеческом понимании. В понимании же самого мира никакой разницы нет.

– Та скорость с какой человечество передает информацию и определяет скорость развития самой цивилизации? – я внимательно смотрел прямо в глаза своего дракона и опять почувствовал как наши взгляды схлестнулись, как рапиры.

– Так будет происходить постоянно, – улыбаясь, произнёс Артак.

– Как? – я не понял что он имел в виду.

– Когда ты будешь близок к истине – ты будешь чувствовать свой взгляд именно так, как чувствуешь его сейчас, ты будешь чувствовать его материю, которая словно схлестнулась с видимой, иллюзорной реальностью. Даже твой взгляд будет бороться за истину и стремиться к ней. Поэтому ты его ощущаешь именно так. Как рапиру. Как шпагу. Как острое оружие.

– Тебе известно даже то, что я чувствую? – меня вдруг осенило, – ты знаешь не только мои мысли, но и мои чувства?

– Ха, – ответил Артак, – тоже мне тайна. Твои ощущения, твои чувства определяют то, что ты подумаешь в следующий момент, а зная твои мысли, я почти со стопроцентной вероятностью могу определить то чувство, которое их вызвало, – он продолжал улыбаться.

Немного подумав, я вынужден был согласиться.

– Но и мысли точно так же определяют мои чувства, разве нет?

– Лишь в самой незначительной степени, – пояснил Артак, – в самой незначительной степени, да и то – только в некоторых случаях. Далеко не всегда...

Опять задумавшись на мгновение, я полностью согласился с драконом.

– Хорошо. Но мой вопрос остался не отвечен. Определяет ли скорость, с которой человечество передаёт информацию,

скорость развития самой цивилизации? Я поясню, – быстро проговорил я и прислушался к ощущениям внутри себя, – вот что я имею в виду: в те далекие времена, когда информация передавалась со скоростью лошади, на которой скакал гонец – сама цивилизация развивалась с той же скоростью, скажем так – не очень быстро, правильно?

– Артак и Агафья Тихоновна кивнули, но промолчали. Я продолжил:

– Тогда как сейчас, когда посредством радио и видео связи человечество отправляет своих гонцов со скоростью самого времени – цивилизация стала развиваться стремительнее, правильно? За последние несколько лет наука и техника шагнули вперед примерно настолько же, насколько за предыдущие пятьдесят, а то и сто лет. А за последнее столетие люди открыли столько нового, сколько они не открыли за предыдущие несколько тысяч лет. То есть, скорость развития самой цивилизации убыстряется и убыстряется по экспоненте – чем дальше – тем быстрее. Правильно? – мой взгляд опять обрёл материальность и стал осязаем.

– Правильно, – улыбаясь, кивнул Артак, – совершенно верно, – подтвердила Агафья Тихоновна.

– Но тогда... – я замешкался лишь на мгновение, и быстро выпалил:

– Если человечество уже способно передавать информацию со скоростью света, как думает само человечество, или со скоростью самого времени, как знаем мы, – я опять

немного помолчал, наблюдая за реакцией моих зверей и пытаясь поточнее сформулировать то, что я намеревался сказать, – то возможно ли нам, человечеству, когда-нибудь обогнать само время в его беге по этой простыне пространства? – я перевёл дух и замолчал, а мой взгляд обрёл твердость легированной стали.

Агафья Тихоновна быстро глянула на Артака и отвела взгляд, а Артак подняв голову, посмотрел мне в глаза и тихо проговорил:

– Можно ли обогнать само время? – повторил он мой вопрос, – и попасть напрямик в ещё не проявленное на этой простыне будущее? – он кивнул на белую ткань, по которой во все стороны распространялось время, пожирая белоснежную материю пространства.

– Ну можно сказать и так, – я медленно, в ожидании ответа, кивнул головой.

– Как можно попасть в то, что ещё не существует в реальности? – так же медленно произнёс дракон, выдержав твердую сталь моего взгляда, – как?

– Но ведь оно же существует! Всё существует прямо сейчас!

– Существует, – мягко согласился со мной Артак, конечно, существует, – он приподнял часть простыни к моим глазам, и я мог рассмотреть тонкое, толщиной всего в одно событие, напыление этих самых событий и самых различных действий, которые только могли произойти, но которых ещё

не коснулось время, – существует абсолютно всё, – ещё раз согласился дракон, – и то, что будет воплощено в материи, и то, что воплощено никогда не будет...

– Поймите, как это?

– Ты только что задал вопрос, – вместо ответа произнёс дракон, – а мог и не задать, не так ли? Твой вопрос обрёл материальность, а мог и не обрести, понимаешь? Но от того, что ты его не задал бы – сам вопрос не перестал бы существовать, ибо он продолжал бы жить в твоих мыслях – и поверь, от этого он не стал бы менее реальным. Но твой вопрос обрёл материальность ровно в тот момент, когда ты его произнёс. Понимаешь?

– Понимаю. Произнес – значит материализовал во времени. А не произнёс бы – ничего бы не поменялось, он продолжал бы жить в моих мыслях, и это уже достаточный критерий реальности, да?

– Именно так, – согласился Артак, – существует абсолютно всё и даже то, что никогда не произойдет... То, что никогда не обретёт материю... Но, тем не менее, оно всё равно существует вот здесь, – дракон ткнул когтем в девственно белую простынь, – вот здесь, – повторил он, – в этих местах пространства, не тронутых временем.

– Я понимаю...

– И ты хотел знать, – Артак опять улыбался, – можно ли обогнать время и попасть в те участки пространства, которые ещё не материализованы?

– Да.

– Можно.

– Но как?

– Ну конечно же, материализовать их, тоже мне бином Ньютона, – рассмеялся мой любимый дракон, – как же иначе?

– Но как?

– Вы сами знаете ответ, – дракон был очень терпелив, – ведь для того чтобы материализовать то, что время обошло своим бегом, необходимо это просто создать. И здесь человек и бог – это одно и то же, – он рассмеялся.

– Но всё что я могу создать руками – уже создано, не так ли? Просто не проявлено временем?

– Да, конечно.

– И как мне его проявить? – я растерянно смотрел прямо в глаза дракону, – как?

– Станьте быстрее времени, – спокойно произнёс Артак, – просто станьте быстрее времени. Дотянитесь до пока ещё несуществующего. Это вам по силам.

– Но как? Как? – не мог понять я.

– Хорошо, – спокойно произнес дракон, – я постараюсь ещё раз объяснить, – вы не можете материализовать ничего из того, чего время ещё не коснулось своим бегом, потому как это всё это находится на участках пространства, пока ещё не существующих в материи, понимаете? Именно время даёт вещам ту энергию, которая им необходима чтоб ма-

териализоваться, именно время несёт в своих волнах ВОЗМОЖНОСТЬ проявиться.

– Я понимаю.

– И для того, чтобы дотронуться до тех событий, которые время обошло своим бегом, вам просто необходимо стать быстрее времени, верно?

– Да.

– Добавим исходные данные. Человечество считает скорость времени скоростью света и утверждает что свет, а значит и само время обогнать невозможно, правильно?

– Да, – кивнул я.

– Потому что при приближении к скорости света любой предмет начинает увеличиваться в массе, верно? Это один из основных принципов теории относительности. Чем ближе скорость вашего движения к скорости света, читай – к скорости самого времени – тем тяжелее становится сам предмет, который движется с этой скоростью, и для дальнейшего увеличения его скорости требуется всё больше и больше энергии, вплоть до бесконечного её количества, что, по определению, невозможно... На этих простых основаниях Эйнштейн сделал вывод что достичь скорости света невозможно ничему, имеющему хоть один атом материи.

– Верно, – подтвердил я.

– Но мы-то с вами знаем что превысить скорость света нельзя по другим причинам, – Артак рассмеялся, – превысить скорость света нельзя потому что превысив её, то есть,

обогнав время, мы напрямиком попадём в ещё непроявленный мир, то есть попадём в мир, который ещё не существует, не так ли? Не существует, но уже есть!

– Да, именно, – я улыбнулся, так как мне очень понравилась эта изящная формулировка.

– Но попасть туда всё-таки можно, – заключил дракон.

– Но как?

– Всеи энергии материального мира недостаточно чтобы обогнать время, и это правильно, ибо само время и породило этот мир, а никогда ещё ничто порождённое не было больше его рождающего. Значит...

– Значит надо стать нематериальным, – быстро закончил я и мой взгляд прижал Артака к зеркальному полу.

– Да, – подтвердил он, сдаваясь, – да, надо стать нематериальным.

– И это нематериальное – моя мысль! – быстро закончил я.

– Именно так, – Артак был побеждён, раздавлен, но это, казалось его не заботило – он был счастлив и рад, – именно так, это оружие – ваша мысль, которая с лёгкостью может путешествовать по частям этого прекрасного пространства – по частям, не затронутых и не повреждённых временем, – он подбросил простынь в своих лапах.

– Не повреждённых? – встревожился я.

– Конечно, – кивнул Артак, – ведь время сжигает всё на своём пути, – да вам ли этого не знать, – он замолчал и расправил простынь на зеркальном полу.

Зеркало.

Белая простынь не нём.

События на простыне пространства, толщиной всего лишь в одну единицу.

Время, сжирающее всё на своём пути по этой простыне.

И наше понимание, шапкой покрывающее весь этот четырехслойный пирог.

Вишенка на торте – человеческая Мысль.

– Значит, по сути, время – ещё одно измерение пространства? Такое же как длина, высота или ширина?

– Именно, – подтвердил дракон, – именно так. Только не неподвижное, а чертовски вертлявое и быстро перемещающееся, – он засмеялся, – оно-то и вносит всю эту путаницу в человеческое понимание мира.

– Но позвольте...

– Не позволю! – продолжал смеяться дракон, – время – это ещё одно пространственное, но не статичное, а движущееся измерение, и это объясняет то, что когда мы стоим на одном и том же пространственном месте – то всё равно продолжаем двигаться – пусть уже не в пространстве, но во времени. А если быть немного точнее, то само время пробегает мимо нас, создавая иллюзию нашего собственного движения. И движение это, заметьте – уже не во времени – оно

именно в пространстве. Потому что пространство вокруг нас изменяется с каждым мгновением, даже если мы находимся на одном и том же месте.

– А почему же мы стареем?

– Разве? – Артак внимательно посмотрел на своё отражение в зеркальный пол, – разве стареем? Не замечал...

– Люди стареют.

– Люди стареют от незнания, – негромко изрёк мой любимый дракон, – ибо как только человек погружается в знание – старость исчезает как миф и отправляется на полку с легендами, где ей, собственно, самое место.

– Но люди умирают от старости.

– От старости умирают их тела, – добавила Агафья Тихоновна, – всего лишь тела, и по сути, это действие – умирать – ничем не отличается от того действия, в котором вы стрижете волосы или ногти, – акула кивнула головой в подтверждение сказанного, – когда прошло их время – волосы и ногти умирают. Причём по вашей собственной воле – вы их просто-напросто состригаете. Но вы-то сами остаётесь! Вы-то остаётесь! И с вашим телом происходит примерно то же самое, только в более внушительном масштабе. Когда приходит его время – его просто-напросто состригают.

– И уже не по моей воле, – добавил я.

– По вашей! – исправил меня Артак! – По вашей воле! Конечно, если вы – это действительно вы. То есть, если вам удалось отыскать себя под миллионами слоёв той чепухи, кото-

рой покрыта личность человека; если вам удалось добратъся до своей сути, если вы смогли определить свой центр. По сути – именно для этого и даётся человеку этот ребус – всезнающее, но молчаливое тело. Ребус, который необходимо разгадать пока сам ребус жив, то есть, в течение жизни этого самого тела. Иначе, без этой необходимости, оно было бы просто-напросто не востребуемым, – рассмеялся опять дракон, – потому что мало кто любит решать ребусы. Особенно, когда не только их разгадка, но и сам факт существования этого ребуса скрыт под толстым слоем иллюзий, которые с радостью предоставляют человеку его мозг и его чувства, по своему трактуемые этим самым мозгом.

– Значит, ответ всегда внутри?

– Конечно, – почти хором ответили мои звери, – любой ответ внутри вас. И путь к нему – неспешное размышление.

– А если...

– Не надо «если»... – перебил меня Артак, – для того, чтобы познать себя, для того чтобы познать весь мир – совсем не обязательно становиться учёным мужем и хранить в голове миллионы формул и накапливать всё то, что человечество зовёт интеллектом. Для того чтобы познать весь мир – необходимо просто познать самого себя – слой за слоем, напыление за напылением, качество за качеством. Ваши чувства будут вашими маяками, а ваши действия станут служить вам вёслами. И потихоньку добравшись до своей самой центральной точки – вы будете поражены тем бесконечно пра-

вильным и абсолютно логичным, тем математически точным видом, который откроется вам оттуда. Видом на самого себя, ибо вы внутри. И тогда вы сами начнёте понимать что весь мир – не более чем вы сами. Опять-таки, ибо вы внутри мира, как и внутри тела. И ваше тело – всего лишь маленькая загадка, по сравнению с загадкой большой. Но загадка, имеющая точно такую же отгадку, точно такой же ответ. И изучить мир возможно, но лишь изучив себя. И интеллект человеческий – это не просто набор формул и энциклопедических знаний – это прежде всего возможность формулировать своё, опираясь на энциклопедические знания; это оперировать абстракциями, а если быть ещё точнее – то это возможность производить синтез, соединять эти абстракции; это способность соединять совершенно противоположные вещи, каждый раз создавая при этом новые реальности. Вот что значит человеческий интеллект, и вот его основное различие от интеллекта животного, инстинктивного. Человек способен творить, а животное – нет. И в процессе этого творения человек создает нечто абсолютно новое, но такое новое, которое он знает уже изнутри, и в котором он знает каждую пылинку, каждый нюанс. Знает целиком, знает полностью. Тогда и только тогда, через это своё новое и цельное творение человек в состоянии познать всё остальное, ибо суть у всех творений одна и сделаны они одинаково. И если вы разобрались со своим – можно с лёгкостью разобратсья и с чужим, потому что и одно и другое – абсолютно

тождественно.

Я пораженно молчал, не в силах вымолвить ни единого слова. Мои мысли бегали туда-сюда – то обгоняли время, то отставали от него, то бежали нога в ногу. Мои мысли вели свой собственный отсчёт, уже независимый от времени, ибо мысль человеческая – это такой вид материи, который не замечает бег этого запутаннейшего из измерений и, следовательно, мысли не подвластны ни временным хитростям и уловкам, ни их действиям и влиянию.

– Да, да, – согласился с моими мысленными доводами Артак, – вы совершенно правы, мысль человека способна как обогнать это непоседливое время, так и законсервировать его. Мысль – субстанция иного порядка. Мысль – совершенна. А для времени – убийственно-совершенна.

Агафья Тихоновна с любопытством разглядывала меня. Наверное, её интересовал мой новый драконий облик. А может быть и что-то ещё, пока мне не известное.

– Скажите, а что вы испытали когда дыхнули пламенем?

– Ничего особенного, – ответил я быстро, не задумываясь, – просто мне казалось что это произойдёт как-то... Как-то... – я не мог подобрать нужного слова.

– Что произойдёт? Ваше превращение?

– Да, – согласился я, – я думал что оно произойдёт как-то заметнее, как-то внушительнее и более впечатляюще. Как-

то врежется в память.

– Память необходима только там, где есть время, – глубокомысленно изрекла Агафья Тихоновна, – сейчас в ней нет необходимости, – акула кивнула на белую материю пожираемого пространства, – сейчас всё происходит сразу, в одно мгновение, в один миг. И помнить тут совершенно нечего.

– И правда, – я не переставал изумляться пока ещё новой для меня реальности, которая была новой абсолютно во всём, новой даже в моих привычных ощущениях...

Память потеряла свою актуальность. Не было больше прошлого, не было будущего, а был лишь один необъятный миг настоящего – миг, огромный как мир.

– А поняли ли вы, что это за пламя? – спросила Агафья Тихоновна, и уточнила, – пламя, которым вы дыхнули на ткань.

– Не знаю, – я показательно равнодушно пожал плечами, – пламя как пламя. Разве огонь может быть чем-то ещё?

– Ха-ха-ха, – засмеялась акула, – люди называют это пламя точкой отсчёта.

– Что? – не понял я.

– Пламя. – Теперь уже равнодушной старалась казаться акула.

– Точкой отсчёта? – я задумался. – Постойте, постойте...

– Да, да, да, – подытожил Артак, – да. Это и было то, что люди называют Большой Взрыв.

Я ахнул.

– Не правда ли, просто? – добавил Артак и громко засмеялся, приподнимая голову вверх.

Я засмеялся в ответ и обнаружил что такова анатомическая особенность драконьего тела – смеяться, запрокидывая голову высоко вверх. Так было много легче смеяться, можно даже сказать, что смеяться должно лишь запрокинув голову вверх и полностью отдавшись всепоглощающей радости. Тогда и смех выходит искренним и лёгким.

– И это верно, – Артак кивнул головой, – абсолютно верно. Смеяться, глядя в небеса, смеяться над всем тем что под ногами – это высший пилотаж. И он заложен в анатомии драконьего тела. Когда древние люди смогли оторвать свой взгляд от земли и взглянуть поверх окружавшей их травы вдаль – они стали видеть дальше и, по сути, в этот момент они и стали людьми. Произошло волшебное превращение приматов в людей. И вот теперь наступил следующий за человеком этап – теперь ты будешь смеяться, запрокидывая голову в небеса, – Артак ещё раз громко и показательно засмеялся, – потому что произошло ещё одно превращение и ты никогда уже не сможешь быть прежним. Ты никогда уже не сможешь быть просто человеком. Отныне ты Человек, породивший Вселенную. Человек, открывший в себе сверх возможности, Человек-Бог, Человек-Создатель. Точно так же, как паук плетёт свою паутину используя тот строительный материал, который заключён в нём самом, так и ты породил

свой мир, породил его из своих чувств и переживаний, породил его из своих действий, а главное – ты породил его из своего знания. Ведь паук должен прежде всего ЗНАТЬ как плести паутину, но он знает это лишь на инстинктивном уровне, не утруждая себя разобраться что к чему. Паук знает не зная, а следовательно – его создания и не создания вовсе, а лишь копия чего-то уже созданного и уже существующего. Человеческое же знание – это знание, способное перечеркнуть заложенные природой инстинкты, превозмочь их – и значит – это знание, способное превзойти саму природу, способное создать нечто совершенно новое, доселе не существующее. Знание, способное творить.

Артак облегчённо вздохнул.

– Итак, твой мир рождён. Твой личный мир создан, и этот мир – собственно и есть ты. Для того, чтобы хорошенько его рассмотреть, ты должен стать много выше этого мира – ты должен стать много выше самого себя. Только тогда тебе удастся увидеть себя как на ладони и, кто знает, возможно, когда-нибудь тебе удастся подняться настолько высоко, что станет возможным узреть какие-то границы – мне это неизвестно. Но мне известно что твой путь отныне – путь в небо. И только туда.

– Смеясь, – добавил я, отлично зная что дракон меня поймёт.

– Да, именно так – смеясь, – подтвердил Артак, – ибо смех – это единственное, что можно делать исключительно с удо-

вольствием. Ведь невозможно смеяться не наслаждаясь самим процессом, не так ли? И если говорить о творении чего бы то ни было – то именно удовольствие составляет из частей самого себя нечто новое в себе же самом, и это новое – незыблемая сила этого творения. Используя УДОВОЛЬСТВИЕ внутри человека природа даже заставляет людей размножаться, приказывает им продолжать свой род. Природа использует удовольствие как приманку для человека, но использует его сугубо в своих собственных интересах.

– Удовольствие получает человек, а природа выгоду?

– Именно так, – Артак кивнул головой, – Природа даёт человеку то, что необходимо человеческому телу и именно на том уровне, на котором данное тело существует – и удовольствие полностью удовлетворяет это тело. Взамен же природа получает возможность видеть себя глазами этого тела, слышать себя ушами этого тела, щупать себя его пальцами. Природе, как единому организму необходимы эти тела и прежде всего они необходимы для познания ею самой себя.

– Но, в таком случае, если природа имеет своей целью самопознание – она должна создать нечто ОТЛИЧНОЕ от себя самой, не так ли?

– Да, – согласился Артак, – она и создала – и это нечто – человек. Он создан внутри истины, создан самой истиной, но для того чтобы эту истину осознать – он просто обязан быть её противоположностью, то есть, он должен быть ложью. Ведь будучи истиной, будучи внутри её, будучи ею са-

мой, невозможно познать то, чем она уже является, ибо всё истинное цельно и неделимо. Так что в любом случае нужно выйти за её пределы. Нужно стать ложью. Впрочем, мы повторяемся...

– Пойдите... И...

– И человеку это удалось, – перебил меня дракон, – человек со своими органами чувств, со своим мировосприятием стал почти идеальной ложью для природы – он стал тем, кто смотрит на истину, но видит всего лишь иллюзию.

– Почему так происходит?

– Это очень просто. Человек разделяет мир на себя и на не себя и такой человек всегда делает выбор – что же принять за точку отсчёта? – Артак оглянулся словно принимая важное решение и ища подсказку, – и стоп – выбор сделан – человек начинает считать истинным самого себя – это, кстати, хорошо объяснимо, ибо человек верит тому, что видит, слышит и чувствует. Но, в таком случае, просто необходимо посчитать весь остальной мир иллюзией, ибо, как мы уже говорили, человек разделит всё вокруг на себя и на не себя. И если истина – это он сам, то ложь – всё остальное.

– Я понимаю.

– Некоторые люди считают наоборот, что, в принципе, не даёт им никакого преимущества – они считают истиной окружающую их природу. Но, в таком случае, если они хотят познавать эту истину, то им придётся согласиться что они сами – ложь, понимаете?

Я молча кивнул.

– Однако, никто не хочет считать себя ложью, – Артак запрокинул голову и засмеялся, – никто не хочет признать что он – не более чем выдуманный персонаж, возомнивший себя живым. Только единицы из миллионов и даже миллиардов способны на осознание того, что они – не более чем инструмент – инструмент познания природой самой себя. А разве может быть инструмент, даже самый совершенный из всех, может он быть самостоятельным и разделённым с тем, кто им управляет? Разве может молоток рассуждать о выборе – бить или не бить? Нет, конечно же... Нет, – дракон перестал смеяться и даже самая малая тень от улыбки сползла с его лица, – предоставим лучше выбор тому, кто этим молотком управляет, а молотку позволим выполнять свои прямые, возложенные на него этим управляющим функции. Молотку необходимо бить, чтобы просто оставаться молотком, а человеку – познавать, чтобы просто оставаться человеком. И в этом заключена его...

– Его высшая цель? – я перебил Артака, и мои слова вызвали у него приступ гомерического смеха.

– Высшая цель? – дракон продолжал смеяться, – вы сказали – высшая? Нет, нет, что вы, нет...

Я приподнял брови в знак удивления, ибо был уверен что мои слова встретят лишь одобрение со стороны моего дракона.

Однако, всё произошло с точностью до наоборот.

– Нет никакой высшей цели, – пояснил свой смех Артак, – никакой высшей цели нет и никогда не было.

– Но почему?

– Потому что если назвать какую-либо цель высшей, – Артак многозначительно поднял свою лапу, – то придётся признать что кроме этой высшей цели существуют ещё какие-то цели – например, низшие, понимаете? А никаких более целей нет и быть не может – цель жизненного пути человека – лишь познание, и это цель не высшая – это цель единственная! Единственная, понимаете?

– А всё остальное?

– Всё остальное не цель, всё остальное – лишь бесплатные приложения к этой единственной цели – к цели познавать.

– И это важно?

– Разве может быть важным то, что неизбежно? – философски заметил Артак. – Важным может быть лишь то что должно случится с определенной долей ВЕРОЯТНОСТИ, разве не так? Ведь именно эта НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ и делает одни вещи важнее других, правда? А то, что произойдёт неотвратно... – дракон хотел что-то сказать, но замолчал.

– И познавать для человека – неизбежно?

– Всенепременно, – кивнул головой дракон.

– А если он не хочет?

– Тогда теряется смысл всего его существования. Тогда он попросту тратит своё время, тратит свою энергию, тогда он расходует своё тело зря.

– И он умрёт, не познавши?

– Нет. Умрёт его тело, а он останется познавать, – зевнул в сторону мой дракон, – говорю же вам – это неизбежно. И если не сейчас, то потом, но человек всё-таки будет вынужден познавать и познавать до упора. Он всё равно будет обязан выучить все правила этой дивной игры под кодовым названием «Жизнь». Всё здесь диктуется НЕОБХОДИМОСТЯМИ, именно они указывают всему миру его личный – мировой путь. И этот путь – только путь познания, тут без вариантов, – Артак сосредоточился, – тогда почему не начать познавать прямо сейчас? – он хитро глянул на меня, а потом перевёл взгляд на белоснежную простынь, не спеша пожираемую временем, – ведь всё равно придётся...

Я непрерывно кивал в знак согласия, словно заведённый до упора китайский фарфоровый болванчик.

– А всё остальное?

– Кроме познания?

– Да.

– Всё остальное лишь прилагаемая к цели мишура, которой, кстати, будет более чем достаточно. И важный момент тут – не совершить ошибку и не принять эту мишуру за реальность, то есть, не принять имитацию цели за саму цель.

– Вы сказали – важный? – я решил поддеть мудрого дракона.

– Да. Важный, – согласился Артак и пояснил, – как вы можете заметить в данном случае мы не говорим о неизбеж-

ности и поэтому я вполне могу употребить это слово. Ведь здесь присутствует ВЫБОР – что принять за цель? Реальность или вымысел? И, как и в любом случае, когда стоит выбор – появляется сравнение, и уже это сравнение порождает важность. Точно так же, как не существуют весов с одной лишь чашей, так и не существует важности без выбора. Так что, я вполне могу употребить это слово, – он улыбнулся, глядя мне прямо в глаза.

– Да, да, вы абсолютно правы, – легко выдержав драконий взгляд, согласился я. – И это единственная опасность в пути?

– Ты имеешь в виду – совершить ошибку и принять за истинную цель блеск её окружения?

– Да.

– Нет, не единственная, – покачал головой дракон.

– Что же еще ждёт познающего?

– Почти все познающие совершают одни и те же ошибки.

А если быть точным – то не одни и те же, но ошибки одного рода. И эти ошибки кроются в самых глубоких слоях основы – в фундаменте самого познания, – подчеркнул дракон слово «фундамент», – в самом низу, в самой его сути, даже можно сказать – в самом сердце самой его сути. Все люди, или познающие, как мы их называем, делятся на несколько категорий. Первые склонны принимать за истину окружающую их материю, включая свои собственные тела. И они склонны считать себя такой же непогрешимой и неделимой истиной, – Артак приподнял лапу и прикрыл мне рот, пре-

пятствуя возможным комментариям, – такие люди лишены главного – они лишены возможности познавать, ибо их реальность – это видимый человеческим глазом мир – мир в котором всё предельно ясно и прозрачно и, собственно, особо познавать нечего. Вторая группа людей принимает окружающий их мир за иллюзию, но при этом считая истиной самих себя – такие люди способны лишь на половинчатое познание, но всё же у них есть шанс, в том случае, если их познание сосредоточится на узнавании самих себя – этого может оказаться вполне достаточно. Третья группа людей принимает за иллюзию всё существующее – и в этом случае познание становится бессмысленным, ибо зачем познавать то, что по определению ложно? Ну и четвёртая – самая интересная группа людей, – Артак сделал паузу и понизил тон, словно приглашая прислушаться к своим словам, – эти люди считают окружающий их, даже невидимый человеческому глазу, мир истинным, а себя, своё тело – иллюзией или ложью, и вот тогда возможности познания становятся воистину безграничны. В этом случае, когда человек познаёт окружающий его мир – постепенно он сам становится им, потихоньку он с ним сливается. Тогда и происходит самое главное, а, может быть, и вообще – единственное что должно произойти, происходит действительно ВОЛШЕБСТВО – ложь сливается с правдой – человек сливается с истиной. Человек становится истинным, он становится Человеком с большой буквы! Человек становится настоящим и вливается в окру-

жающую его истину, он вливается в реальный мир уже своим собственным потоком – мощным и созидающим.

– Но разве невозможно познать истину познавая самого себя?

– Возможно, – Артак согласился со мной, – конечно, возможно. Но это очень самонадеянно, – он рассмеялся, – считать истиной только себя. Хотя, и такой путь, конечно же, существует, и, в конце концов, эта дорога приведёт его к тому же результату – человек, считая истиной себя самое, постепенно, шаг за шагом, породит такой же истинный, как и он сам, мир. Так что у каждого, – Артак подчеркнул, – у абсолютно каждого только свой собственный путь.

– Я понимаю, – в который раз за сегодня произнёс я и кивнул большой драконьей головой, – понимаю.

– Пойми, – Артак решил объяснить подробнее, – если мы приняли весь мир – и видимый человеческому взгляду, и невидимый, если мы приняли всё существующее в действительности за реальность, за мир, которому дали простое имя – истина, то мы просто обязаны принять ещё одну аксиому, а именно – истина – едина и неделима, ибо не может быть двух или трех истин – истина всегда одна и неразрывна в любом своём проявлении, – дракон помолчал всего одно мгновение и спросил:

– Это понятно?

– Да, – уверенно подтвердил я.

– Хорошо, – кивнул Артак, – в таком случае, раз окружа-

ющий людей мир реален и истинен, то познающий, для того чтобы иметь возможность познавать, просто обязан выйти за пределы этого неделимого и единого пространства – то есть выйти ЗА ПРЕДЕЛЫ самой истины. Я не зря постоянно твержу об этом, – дракон усмехнулся, – это очень важный момент!

Какая-то догадка быстро мелькнула у меня в голове, но я просто кивнул головой и промолчал, хотя уже отлично понимал к чему клонил Артак. Понимал интуитивно, ещё не успев облачить своё только что зарождённое понимание в речь, ещё не успев исказить его словами.

– Ведь никогда не может быть так, чтобы наблюдатель был одновременно наблюдаемым. И наблюдая истину, изучая и познавая её, сам наблюдатель просто обязан быть вне истины, а это значит...

– Он обязан быть ложью, – быстро закончил я, – мы говорили об этом.

– Именно, – так же быстро подтвердил мои слова Артак, – сам познающий обязан быть противоположностью тому, что он познаёт, иначе ничего не произойдёт. И если ты хочешь познать истину – стань для начала ложью, а если хочешь познать ложь – ты должен быть истинен. Познать человека, например, способен только мудрец, прикоснувшийся к истине. Вот такой парадокс. Ложь способна познать истину, а истина

– способна познать ложь. В человеке, кстати, присутствует и одно и другое начало... А значит, это всего лишь вопрос выбора каждого.

– Но разве желание познать ложь – не бессмысленно по своей сути?

– Не всё так однозначно, как тебе кажется с первого взгляда, – загадочно произнёс дракон. – Впрочем, есть ещё один способ прийти к достойному человека результату, – внезапно произнёс Артак, – и я бы сказал что это самый простой и быстрый способ.

– Какой же? – сразу насторожился я.

– Изначально не разделять себя на истину и ложь, – Агафья Тихоновна неожиданно встряла в наш разговор, – ибо в любом разделении, какой бы вариант мы ни брали, – она усмехнулась, – если не лениться и копать немного поглубже, если копать не покладая рук и ни на мгновение не ослаблять свой интеллект НАБЛЮДАТЕЛЯ, если продолжать размышлять таким образом, и делать это всё с большим напором, всё интенсивнее и интенсивнее, – Агафья Тихоновна говорила медленно и тихо, а Артак лишь молча улыбался, словно подтверждая её слова, – тогда мы сможем заметить что и сама ложь – всего лишь часть единой неделимой истины, ибо одно не может существовать без другого. Одно не может доказывать, но двоих уже не опровергнуть, – добавила Агафья Тихоновна. – Впрочем, как и наоборот, – теперь уже она засмеялась громко, радостно, в полный голос, – ис-

тина вполне может оказаться частью ещё большей лжи, ещё большей мистификации, ещё большей иллюзии.

– Большой, чем что?

– Большой, чем весь этот выдуманный мир, – спокойно ответил дракон.

– Большой, чем мир?

– Да, большей, чем мир, – ещё раз подтвердил Артак, – большей, чем всё кажущееся или реально существующее в этом мире, большей, чем все ваши мысли, большей, чем все ваши чувства, даже большей, чем небо, покрывающее весь этот мир. Со всеми вашими мыслями и чувствами.

Я присвистнул от удивления.

– Только спокойная вода в состоянии правильно отразить это небо, – добавил Артак, глядя мне прямо в глаза, – только спокойная, – повторил он, – только очень гладкая, зеркальная, ничем не потревоженная поверхность; только бесстрастная, безучастная, безмятежная сущность сможет это; только мыслитель, только философ, только бездельник, если хотите, – дракон рассмеялся, легко запрокинув голову вверх...

25

– Но как это могло произойти? – я был в полном недоумении и беспомощно оглядывался на своих зверей, – как я мог превратиться в самого что ни на есть настоящего дракона и

даже не заметить этого?

– Тебе просто понадобились свои собственные крылья, и когда я говорю – тебе – я имею в виду – твоему миру, понимаешь? – тихо проговорил Артак, – ведь миром правят НЕОБХОДИМОСТИ, как ты уже знаешь...

– Да, – согласился я, – верно. И ты хочешь сказать что необходимость иметь свои собственные крылья тут же сформировала их для меня из пустоты?

– Ага, – кивнул дракон, – точно. Сформировала, в тот же самый момент, когда для этой необходимости пришло время. Сформировала из того, что было у неё под рукой.

– А что было у неё под рукой?

– У необходимости?

– Ну, судя по всему – да.

– Всё что угодно, – серьёзно ответил Артак, – абсолютно всё, что может прийти вам в голову. Ведь ваши мысли тоже продиктованы необходимостями, и всё, что вы подумали или придумали, даже если вам так просто кажется, или вы уверены в том, что это произошло совершенно случайно – рано или поздно приведёт вас к одному и тому же – к удовлетворению этих самых необходимостей – тех необходимостей, которые и вызвали всё происходящее. И вызвали они всё это ПЕРВОНАЧАЛЬНО, первопричинно, вызвали из ниоткуда, пригласили их в бытие из недвижимого небытия. То есть они – необходимости и были самой первой причиной всего-всего сущего – куска времени или куска пространства,

человеческого чувства или мысли, возможно, действия, одним словом – всего-всего, – дракон поднял передние лапы и обвёл большим кругом всё существующее пространство.

– Первое что они сделали, эти необходимости – они видоизменили вас, и сделали это изнутри, именно так, как и было необходимо, – он повторил, – изнутри. И лишь потом ваше внутреннее изменение спровоцировало изменение внешнее и достигло видимой материи. Точно таким же образом искусный хирург вырезает опухоль или иссекает её для предотвращения её дальнейшего роста. Точно таким же образом необходимости вырезали из вас всё то, что и так уже отпало, и отпало само по себе. Однако, вы продолжали тащить за собой это, уже отпавшее, тратя на него своё время, свои усилия в этом самом времени и, следовательно, попусту растрачивая свою энергию. Необходимости превратили вас из ползающей гусеницы в летающую бабочку, они сделали это мастерски и достаточно быстро, понимаете? И говоря – ВИДОИЗМЕНИЛИ, я имею в виду именно то что сказал – необходимости видоизменили вас – и это значит – изменился ваш биологический вид. Вы стали драконом и попрощались не только с человеческими пороками, но и с человеческими удовольствиями. Вы поменяли принадлежность к ВИДУ, даже не заметив самого превращения, словно космический наркоз усыпил ваш мозг. Впрочем, можно сказать что так оно и было.

– Я был под наркозом?

– В своем роде – да, – ответил Артак, – ведь ваше челове-

ческое восприятие было усечено, и усечено очень прилично. И теперь, будучи драконом и широко открыв глаза, постигая новое – вы неизбежно сталкиваетесь с пренебрежением, или, по крайней мере – с подозрением, относящимся к старым знаниям и постулатам. Вы как бы просматриваете свои принципы и традиции с новой, более высокой горы, и с новыми же – теперь полностью открытыми глазами. И, конечно, в этом случае вы замечаете все прошлые, ещё человеческие недостатки и несоответствия.

– Вы думаете?

– Я ещё ни разу не встречал дракона, – Артак засмеялся, – даже такого молодого дракона как вы, который не смотрел бы в чувством собственного превосходства на те утверждения, которые казались ему умными или даже мудрыми в период его юности. Быть может, драконы просто не высказывают публично этого изменения в своём настроении, из честолюбия ли, или из тщеславия, а, может быть, и из-за некоторого высокомерия, присущего всем, без исключения, драконам.

– Только драконам?

– Драконам и философам, – поправил сам себя Артак.

– Почему только им?

– Во-первых, потому что и драконы, и философы полностью осознают свою силу, а это приводит к росту радости. Это происходит примерно таким же образом, как гимнаст получает удовольствие от гимнастических упражнений да-

же в отсутствие зрителей. Во-вторых, потому что в процессе познания как дракон, так и философ одолевают старые представления, и одолевают их вместе с их носителями, то есть, они становятся победителями над кем-то другим, или даже над самим собой. А если и не становятся победителями, то мнят себя таковыми, что, собственно, одно и то же. И в-третьих, потому что благодаря даже самому маленькому, но, обязательно, новому познанию – даже простой человек чувствует себя выше своих соплеменников и считает себя единственным существом, знающим истину, что уж говорить о драконе или философе!

– И тогда человек...

– Пока ещё не стал драконом?

– Да.

– Становится философом.

– Это неизбежно?

– Как дважды два!

– И я?

– И вы!

– Хм...

– Всё человеческое, с точки зрения своего возникновения, заслуживает самого что ни на есть иронического рассмотрения, – Артак улыбался одними глазами, – именно поэтому ирония в мире столь избыточно распространена.

– Какая же необходимость делает из человека философа, а чуть позднее, превращает философа в дракона?

– Необходимость вознестись НАД. Неважно над кем или над чем – это не меняет сути. Главное – стать выше.

– И необходимость стать выше диктует человеку его путь?

– Необходимость стать выше дарит человеку его возможности, а уж использует он их или нет – его личное дело. В этой точке природа подарила ему свободу выбора. Впрочем, – Артак немного замялся, – дело-то его, но выбора у него всё равно нет. Есть только КАЖУЩИЙСЯ выбор, который, впрочем, вполне удовлетворяет постоянное стремление человека к свободе.

– Значит и свобода – всегда лишь КАЖУЩАЯСЯ и к тому же НЕИЗБЕЖНАЯ?

– Да, верно, – Артак прищурился, словно хотел понять что-то важное, – свобода лишь кажущаяся, но что тебя заставило думать что она неизбежна?

– Ну если человека вполне удовлетворяет иллюзия выбора, которого на самом деле не существует, то его вполне удовлетворит и иллюзия свободы, которую ему предоставляет этот несуществующий выбор, не так ли?

– Да, – дракон кивнул головой, – так ли, так ли... – Он замолчал, словно понукая меня к продолжению рассуждений, и видимо рассчитывая на это.

– Но видимость свободы не заменит настоящую свободу, – развивал я свою мысль далее, – как и иллюзия выбора не заменит настоящий выбор, – я вопросительно взглянул на дракона.

– Да, – согласился он, – именно так.

– Значит ли это, что истинной свободы не существует вообще?

– Нет, не значит, – Артак рассмеялся, – просто кому-то хватает только тени этой самой свободы, как хватает и иллюзии выбора – ведь тени всегда неразлучны с иллюзиями, – пояснил Артак, – и, так как видимость выбора в состоянии породить лишь видимость свободы, то, в конце концов, она формирует лишь точно такую же видимость человека. Формирует его заготовку. То есть, формирует человека, который и не человек вовсе, а ещё животное, ещё платформа, ещё инстинктивный робот – формирует человека, который не в состоянии принять ни одного самостоятельного решения, которое бы даже в самой малой толике перечило его инстинктам, понимаете? По сути, за такого человека выбор делает сама природа. Всегда и во всём. Я не говорю, что это плохо, я лишь говорю, что такой человек недалеко ушёл от животного. Если не сказать что вовсе никуда не ушёл...

– Но есть и...

– Есть и другой тип человека, – кивнул Артак, – и этот Человек – высшее существо! Он вполне в состоянии обладать самой что ни на есть настоящей свободой, следовательно, он всегда стоит перед настоящим выбором, и этот выбор, в отличие от иллюзорного – реален, так как изменяет саму реальность. Свобода выбирать и делает из простого человека-животного сначала человека-философа, потом про-

сто философа – уже и не человека, и только потом уж, из философа она формирует человека-дракона, а впоследствии – и самого, что ни на есть, настоящего дракона – совершенно без примеси человека – то есть, формирует дракона бесчеловечного, конечно же, в хорошем смысле этого слова. *Draco Inhumanum!* Дракон Бесчеловечный!

– И что для этого нужно? Что необходимо для того чтобы стать таким человеком?

– Есть несколько путей, – Артак тяжело вздохнул, – как говаривал Конфуций – это и путь опыта – самый горький из всех, это и путь подражания – самый лёгкий из всех, это и путь размышления – самый благородный из всех существующих путей... Да мало ли, вон сколько дорог вокруг, – вдруг рассмеялся Артак, – ведь длина, ширина и наполнение дороги формируют лишь иллюзии, тогда как конечная точка в путешествии у всех одна. И точка эта – вершина горы. Это пик, апогей, это единица – цельная и неделимая, первая и последняя, это одна большая и единственная крайность, которая, к тому же, находится в самом центре всего существующего.

– Значит Свобода существует, – задумчиво повторил я.

– Да.

– И чтобы её достичь, необходимо...

– Стать Человеком... – продолжил за меня Артак, – только это первично. Сначала ты становишься Человеком, а потом получаешь всё, что тебе заблагорассудится.

– Но Человек всегда стоит перед выбором, перед самым что ни на есть настоящим выбором, не так ли?

– Да, Человек – стоит перед Выбором, а человек – нет, не стоит. За него уже выбрано, – кивнул мой друг дракон.

– Но это значит что Человек может ошибиться, тогда как человек застрахован от ошибок, верно?

– Верно, – ещё раз кивнул головой Артак и прищурился, – продолжай...

– Но ошибки надо исправлять.

– Исправлять или перепрыгнуть, – засмеялся дракон, – да, да, не удивляйся – или перепрыгнуть. Если представить ваш путь в виде дороги, конечно.

– Пусть перепрыгнуть, – согласился я, – но ведь для хорошего прыжка нужно взять хороший разбег?

– Просто необходимо, уверяю тебя, каждый, кто в пути, берет разбег перед прыжком.

– Значит, для этого необходимо немного отойти назад по этой дороге? Чтобы разогнаться?

– Да, – ещё раз согласился дракон, – необходимо. И это происходит каждый раз, когда люди говорят что у них опускаются руки. Это и есть этот пресловутый откат назад, который, по своей сути, является лишь расчищением необходимого расстояния для прыжка.

– Прыжок исправляет ошибку?

– На этом уровне сознания никаких ошибок уже не существует, – медленно произнес дракон, – есть некоторые пре-

пятствия, но не более того. И более того, – добавил он, – каждое такое препятствие несёт в себе какой-либо бесценный дар, который так необходим человеку для создания из себя настоящего Человека. И дар этот спрятан в каждом препятствии на его пути. Так что благодари препятствия – мало того, что они позволяют тебе немного отойти назад, чтобы взять разбег, так они ещё несут дары.

– Я понимаю.

– Прыжок – и человек стал философом. Ещё один – и он превращается в самого настоящего дракона. А что это значит? – Артак сам спросил и сам ответил, – это значит что Человек, после осознания всей полноты ответственности за абсолютно всё происходящее с ним на его же собственном пути, и даже за происходящее не с ним, а всего лишь перед его взором – такой Человек хочет расширить горизонты своего видения, и для этого ему необходимо только одно – вознестись над миром. И после осознания этой простой необходимости тут же возникает следующая необходимость – она уже тут как тут, уже путается под ногами, мешая идти, – Артак сделал небольшую паузу и испытывающе посмотрел на меня.

– И как мы выяснили минуту назад – если что-то мешает тебе идти – это можно перешагнуть или перепрыгнуть. Иногда эта путающаяся под ногами необходимость заставляет тебя даже взлететь, так как она бывает слишком крупна, чтобы её можно было перешагнуть.

– А обойти? Нельзя её просто обойти стороной?

– Нельзя! Её никак не обойти, ибо избегание необходимостей не приведет ни к чему хорошему. Не забывай, что необходимость несёт в себе не только препятствие, но и заключенный в её принятии бесценный дар, который так необходим, и необходим именно тебе и необходим именно сейчас. А избегание препятствия приведёт лишь к его повтору – это препятствие будет повторяться столько раз, сколько тебе будет нужно для того чтобы заметить этот дар. Препятствие будет волочиться вслед за тобой, и более того – тянуть его придётся тебе – тянуть, растрачивая свои силы и своё время. И чем крупнее препятствие – тем тяжелее тянуть, но и тем значительнее сам подарок, скрытый внутри. Прямо как коробка от подарка на день рождения – чем она больше – тем крупнее и сам подарок. И если уж под ногами нечто совершенно огромное, которое не перешагнуть и не перепрыгнуть – то его остается только перелететь! Перелететь, но не в коем случае не избегать! Потому как – большой дар может храниться только в большой коробке. Так что радуйся, искренне радуйся большим препятствиям, ибо самые большие из них, когда-нибудь принесут тебе крылья! – подытожил Артак и неожиданно для меня продолжил:

– Вот таким простым образом человек-философ и обретает крылья, становясь драконом. И крылья эти ему даёт знание, если брать первоначальную причину – и это осознание сути, осознание природы вещей. Он, возможно, хочет и не

совсем этого, однако, на пути к знаниям философ сталкивается с необходимостью парить не только над остальными людьми, но и над ситуациями, создаваемыми этими людьми. И необходимость в знаниях легко трансформируется в необходимость уметь летать. А умение летать полностью удовлетворяет первоначальную необходимость в знаниях, ибо поднявшись высоко – и видишь много дальше. И так как этой необходимости, как и любой другой, не избежать никак, кроме как её полной реализацией, то философ, конечно же, повинуется. Философ, вообще часто соглашается со всем, даже кажущимся, тогда что уже говорить о настоящем? Он соглашается, потому что если и есть на свете что-то такое, о чём ему уже точно известно, так это то, что спорить не только не нужно, но даже запрещено, ибо это действие полностью бесполезно. Это простое начальное знание любого философа совершенно логично и закономерно превращает его в просто крылатое для него самого, а для всех остальных людей – в сказочное, в волшебное существо. Но это превращение совсем не является сказочным со стороны самого философа – наоборот – для него оно и своевременно и предсказуемо. А значит – оно строго научно. И Человек, получив волшебную-научную возможность летать, возможность взмыть в небо, возможность оторваться от всего земного и ирреального – вместе с этим получает действительно волшебную – волшебную своей уникальностью возможность воспарить над мирской суетой, частью которой он сам когда-то являлся. И

это значит что философ, сразу и непосредственно перед обращением в дракона просто обязан подняться именно над самим собой, подняться над всеми своими, сугубо человеческими чувствами и делами. Безусловно, такой человек смотрит на всех немного свысока, на всех, включая себя самого. Такой человек имеет на это – смотреть свысока – не только заслуженное право, но и твёрдую обязанность, ибо не отделяя себя от простых людей, он оказывается с ними на одном уровне, а значит – теряет не только крылья, но и возможности, которые эти крылья предоставляют. Однако, с потерей крыльев, необходимость, их взрастившая, никуда не уходит – она остаётся и твёрдо стоит на своём – она требует, она вопит о крыльях, она молит о них. Раз не уходит необходимость, то, конечно же, не уходит и само препятствие – огромное препятствие, которое необходимо перелететь, и которое внутри себя содержит лишь неважную и иллюзорную пустоту самого препятствия, но кроме неё – эти настоящие и волшебные инструменты для настоящего полёта – крылья...

– Пустоту и крылья? – переспросил я.

– Да, – подтвердил Артак, – пустоту и крылья. Любое препятствие на твоём пути – по своей сути лишь трамплин. И в любом препятствии скрыт бесценный дар, больше ничего. Препятствие никогда не несёт в себе проблемы. Оно несёт в себе лишь новые возможности.

– А как же само препятствие?

– Оно иллюзорно, – рассмеялся Артак, – любые препят-

ствия люди создают себе сами, и существуют они лишь в головах создавших их людей, а в реальности – препятствие несёт свой уникальный, столь нужный тебе дар и звенящую пустоту – необходимую для того, чтобы этот дар было где разместить. И чем больше это препятствие – тем больше нового свободного места и тем значительнее может быть то, что ты там захочешь разместить.

– Но препятствия реальны?

– Конечно, – кивнул Артак, – если считать их реальными.

– А если... – начал было я.

– А если относиться к ним как к пустому месту, как к воздуху в коробке с подарком, то это препятствие этим воздухом и станет, то есть, оно, самым что ни на есть чудесным образом превратится в пустое место.

– Понимаю. Но для такого взгляда...

– Для такого взгляда необходимо быть или очень большим, чтобы не замечать препятствия и перешагивать их, или...

– Или научиться летать, – теперь уже я перебил своего Артака, – но не потеряется ли при этом дар, заключенный в препятствиях над которыми я буду пролетать сверху?

– Нет, не потеряется, – серьёзно ответил Артак, – ибо вы делаете одну ошибку, – своим взглядом он влил в мои глаза немного жёлтого, – и ошибка эта в отделении вопроса от ответа, в отделении правого от левого, в отделении высокого от низкого, в отделении препятствия от возможности прой-

ти сквозь него, – дракон потрепал меня по волосам, и я с интересом отметил новые ощущения – ведь волос на моей голове уже не было.

Артак на мгновение замолчал и продолжил:

– Пространство, на котором ты столкнулся с препятствием, окружает тебя со всех сторон, на всех глубинах и высотах, оно – как плёнка, натянутая через все твои возможные пути и дороги, как сверху – на недосягаемой для обыкновенного человека высоте, так и снизу – в пыли твоей дороги. И пройдя или пролетая дальше ты автоматически прорываешь эту плёнку, и прорывая – выходишь на новый и недосягаемый для себя прежнего уровень.

– Но можно и...

– Но можно игнорировать его и задумчиво брести вдоль этой плёнки, натянутой перпендикулярно всей твоей жизни, и уходя при этом все более и более вбок. Тогда можно не продвинуться вперед ни на один шаг, понимаешь?

– Да, – кивнул я драконьей головой, – да, я понимаю.

– И свой дар ты получишь только пройдя сквозь эту пленку, только разорвав её. И неважно в каком именно месте ты её разорвёшь – на высоте ли – имея драконьи крылья, или на глубине – роя землю как крот. В этом и состоит собственно весь реально существующий выбор – выбор Человека – двигаться вперед, а не в сторону, и при этом совершенно неважна высота самого движения – двигаться сверху или снизу. Главное, определяющее направление тут – вперед.

– Почему же я стал драконом, а не кротом, например?

– Такова реализация твоего собственного выбора, и, опять-таки, совершенно непринципиально кем ты стал, – дракон опять немного плеснул жёлтым светом из своих глаз, – важно, что ты изменился внутри, понимаешь? Как гусеница, которой пришло время стать бабочкой. Твои изменения сугубо внутренние – и если есть на земле что-то важное – то только они и важны. Внутренние изменения. Именно эти изменения несут в себе не только подарок, но и боль, неизбежно сопровождающую любые перемены. И подарок этот всего лишь несколько компенсирует эту боль, но её остатки вознесут тебя ещё выше. Ибо вознести ввысь способна только она – боль. Только она даёт тебе настоящие крылья – она прорезает твою спину острым ножом и раскрывает твои лопатки, тем самым, сжимая твоё сердце в тиски. БОЛЬ. Только так растут драконьи крылья...

Я лишь замороженно кивал головой, не чувствуя в себе сил добавить что-то от себя. Да и мог ли я добавить нечто своё собственное, не являющееся уже общим? Было ли что-то во мне такого, чего не было вне меня? Думаю, не было, и поэтому любое моё дополнение было бы повторением уже кем-то произнесенного или уже кем-то подуманного.

Артак, тем временем, продолжал:

– Твой выбор – это драконий полёт, и окружающее тебя

живое пространство всего лишь реализует твой собственный выбор – выбор, совершённый сознательно – именно тобой выбранный выбор. Пространство реализует его точно внутри тебя, используя вездесущее сознание, для которого пара пустяков, а если выразиться точнее – то ОДИН пустяк – превратить тебя во что угодно. И решение этого сознания – снабдить тебя отличной парой сильных, и я бы даже сказал – непобедимых крыльев, – Артак сделал акцент на слове «непобедимых», – а чей-то другой выбор может быть отличным от твоего. Возможно, для кого-то важен и не полёт вообще, а например, подземное уединение крота. И в этом случае вселенские необходимости тут же сформируют для него из существующей живой материи пространства прекрасный слух и сверх обоняние, крепкий рот с сорока четырьмя зубами и широкие лапы с мощными когтями на них для загребания земли и для рытья невидимых глазу подземных ходов... И по этим невидимым глазу ходам сверхкрот и будет перемещаться в поисках своей, теперь уже духовной, сверхпищи... – Сверхкрот? – я вскинул брови от удивления, и застыл в удивлении ещё большем – бровей у меня не было...

Драконы не имеют бровей.

А человеческого в моём теле уже не было – это было сильное и гибкое тело мудрой и древней рептилии.

– Да, – согласился Артак, – я употребил именно это слово.

Сверхкрот или сверхдракон. Когда человек выходит на уровень Человека – он неизбежно возвращается к образу какого-то уже существующего животного, так как только животные в состоянии жить в настоящем моменте, жить здесь и сейчас, и только животные не смешивают потоки временно-го измерения своими мыслями о будущем и сожалениями о прошлом.

– Сверхкрот тоже строит тоннели для поиска пищи?

– Да, – Артак пояснил, – и сверхкроты, да и просто кроты роют новые ходы в поисках пропитания – духовного ли, материального, но всё-таки пропитания, ведь без пищи кроты смогут прожить лишь 10-15 часов... У кротов очень быстрый обмен веществ в пищеварении, а у сверхкротов – в мышлении. Да и сами прорытые кротами тоннели являются по своей сути лишь ловушками для насекомых и червяков – обычной пищи крота, или же, тоннели – лишь свободное место для паутины с помощью которой сверхкрот ловит новые мысли, витающие в этих ходах.

– И они так же не могут долго без новых мыслей? – спросил я с улыбкой, – всего 10-15 часов?

– Нет, что вы, – совершенно серьёзно ответил Артак, глядя прямо в мои жёлтые драконьи глаза, – сверхкрот не может прожить без осмысления и без поиска добычи в своих паутинах ни одного мгновения. Какие уж тут часы, – дракон вздохнул, – ни одного мгновения!

Я наморщил лоб, раздумывая над сказанным, а Артак, по-

смеиваясь наблюдал за мной.

– Другой вид познания – и, соответственно, другие необходимости. Однако, основная потребность остается одной и той же – и это поиск нового знания. И при всех фундаментальных различиях в процессе поиска – качество самого знания не становится хуже. Оно даже не становится другим.

– Так значит кроты... Сверхкроты... – невнятно пробормотал я, не зная как точно сформулировать свою мысль.

Артак утвердительно кивнул головой, показывая что он меня понял даже без произнесённых слов, подтверждая что я был услышан без единого звука.

Ведь как слово происходит от звука, так и звук спрятан в самом слове.

Вот ещё один пример мира в себе – единого и цельного мира вибраций.

– Человек-дракон проходит свой путь в небе, человек-крот – в земле. Оба они собирают одно и то же – знания. И собирая их, продвигаются вперед.

Где бы не было найдено знание – в небе ли, в земле ли, под водой – знание остается знанием, и описывает оно всегда одни и те же вещи.

– Одни и те же?

– Абсолютно.

– Но описания разные.

– Это иллюзия. Как в примере со слонем.

– С каким слонем?

– Когда три слепца повстречали на своем пути слона – один из них пощупал его за хобот, другой за ухо, а третий – за ногу, и, соответственно, первому слон показался похожим на змею, второму – на большой лист, третьему – на столб. Все они были и правы и неправы одновременно, но, всё равно, все они говорили об одном и том же. Так и любой путь, в конце всех концов, приведет тебя к общему знанию, к общему пониманию того, какой же слон на самом деле. И знание это будет независимым от того, к какому месту слона ты прикоснулся впервые. Или какое препятствие, отделяющее тебя от общего знания, ты перешагнул.

– Фрагментарность восприятия – тоже препятствие? Как у тех слепцов?

– Нет, что ты, – дракон не согласился со мной, – нет, фрагментарность – это и есть путь, это и есть сама дорога. Сначала ты видишь лишь часть показавшегося из-за поворота здания, а потом, проделав ещё небольшой отрезок пути – и всё здание целиком. Надо просто продолжать двигаться.

– Тогда что является препятствием? Слепота этих троих?

– И снова нет, – Артак рассмеялся, – их слепота скорее дар, нежели препятствие, ибо она сохранит их разум незамутненным увиденным.

– Но проще увидеть, нежели осязать?

– Увиденное заставит или подражать ему, или спорить с

ним, – Артак на мгновение задумался, – а осязаемое заставит размышлять и приведет, в конце концов, к тому единственному верному ответу, ибо у размышления нет других дорог, кроме как к правде... Тогда как зрение часто видит сны.

– Но что же тогда препятствие?

– В случае размышления – это леность ума, в случае зрения – это иллюзии света, то есть, иллюзии зрительного восприятия действительности.

– Получается зрячему труднее идти?

– Зрячему сложнее разобраться, ибо его мозг полностью верит тому, что он видит и зрячий никак не собирается глубоко размышлять над увиденным. Мозг считает всё видимое совершенно ясным и уже точно установленным. Тогда как слепой просто вынужден принимать каждый факт внутрь только лишь после длительного размышления. Только после всестороннего анализа. Только после логических сопоставлений.

– Это единственные препятствия?

– Единственные из реальных.

– Есть еще нереальные?

– Конечно, – кивнул Артак, – но они иллюзорны, и существуют лишь в головах людей. И говорить о них нет никакого смысла.

– Значит, реальных препятствий больше нет?

– Нет, – равнодушно покачал головой дракон, – реальных больше нет. Из реальных препятствий на пути человека –

только его лень.

Где-то в глубине меня паук, сидящий на мешке с ленью нехотя пошевелился, прислушался к происходящему и насторожился, а спустя мгновение, с ещё большим усердием начал ткать свою паутину, охватывая ею всё большие пространства и пытаясь заманить в свои сети ещё больше человеческих мыслей, действий и чувств.

Так, дерзкие и свободные действия, запутавшись в липкой и сковывающей движения паутины возвращались в своё первобытное состояние – они становились вялыми и бесстрастными мыслями, а спустя некоторое время превращались в свой труп – в жухлые и неживые, в умершие, апатичные идеи.

И разомлевшее, утомлённое ленью тело могло реагировать на такие действия только такими же вялыми, сонными и туманными чувствами, такое тело могло производить и чувствовать лишь один суррогат, одну видимость, одно КАЖЕТСЯ.

Конечно же, пойманные ленью движения и действия были не в состоянии обойти возникшее на моём пути препятствие, ибо они сами уже превратились в это препятствие, они сами уже стали частью мешка с ленью.

Не слепота трёх странников, выясняющих какой на самом деле слон, не фрагментарность их восприятия, а лень – сам мешок с ленью преграждал мне путь.

Всего лишь один мешок, один единственный мешок был реальным препятствием на моём пути – мешок, сотканный мною самим; мешок, безостановочно создаваемый моими собственными руками; мешок, который я с любовью наполнял не только своими действиями и чувствами, но и их полным отсутствием.

Ведь отсутствие действий – точно такое же наполнение, как и сами поступки. Как пустоты в банке с клубникой. Они – суть наполнение.

Возможно, этот наполненный с виду мешок на самом деле был пуст, но раздут до огромных размеров своей отрицательной, ничего не несущей пустотой – пустотой замолчанного, но не сказанного; пустотой сказанного, но не сделанного; пустотой своей собственной лжи; пустотой нереальности и небытия.

Возможно, его можно было достаточно легко уничтожить – просто-напросто сильно смять, выпустив из него весь затхлый и недвижимый воздух и раскрыв ткань, выбить её от пыли, проветрить сильной встряской, оставить уже пустой мешок на сильном ветру здоровых и сильных побуждений...

Пусть треплет его ураган жизни, пусть разорвёт он его в клочья и раскидает по всему миру...

Пусть этот мешок исчезнет, растворится, забудется в памяти и станет ночным сном, станет нереальным кошмаром.

Возможно, это и было так, но наверняка ли? Как это мож-

но было понадёжнее узнать?

Только заглянуть в него. Только имея очень длинную лестницу, способную вознести тебя до его горловины, ибо сам мешок был огромен.

Или...

– Или имея КРЫЛЬЯ, – продолжил за меня мои мысли Артак, – или имея свободные и сильные крылья дракона!

– Или имея крылья... – как эхо повторил я вслед за мудрой рептилией и рассмеялся.

– И если встреченное на твоём пути препятствие так же огромно, как этот мешок, если не удастся ни обойти его, ни перепрыгнуть, если... – дракон внезапно замолчал, словно ожидая моё слово.

И я подхватил его фразу и закончил её как мне хотелось:

– Если не принять в дар крылья и не использовать их для того, для чего они, собственно, и нужны – а именно – для свободного полёта; если не сделать этого – не взлететь, не взмыть ввысь – и прежде всего над самим собой, тогда остаётся только одно – остаётся стоять на месте. Стоять на месте, окружённым со всех сторон ленью.

– Получается, мои крылья были в этом мешке? – спросил я у дракона, кивая на огромный и устрашающий своими размерами мешок.

– Получается так, – согласился со мной Артак, – ведь любое препятствие, по своей сути несёт в себе только одно – возможность и дар. И ничего более. Я никогда не устану это

повторять. Препятствие на пути – это всегда благо. Это всегда реальная возможность и, следовательно, подарок. И никогда препятствие не сможет быть тем, чем оно не является, но кажется – никогда препятствие не сможет быть проблемой. Ибо препятствие всегда возвышает, а возвысив и приподняв всего тебя на твою же гору, подкинув твои глаза на один уровень вверх – препятствие, как эта самая гора – в состоянии открыть тебе новые горизонты и расширить твой кругозор, препятствие в состоянии сделать решение, лежащее на предгорье видимым для твоих глаз – глаз изменившихся, глаз зорких, глаз проникающих. Так что любая преграда, даже такая, как эта, казалось бы, непреодолимая гора твоих же, сначала отложенных, а потом и полностью забытых дел; твоих же данных и невыполненных обещаний и, уже как следствие – твоей же неудавшейся жизни – всё это было всего лишь подарком твоей судьбы – подарком, способным поднять тебя над самим собой и даже над своей собственной ленью. И здесь, – Артак кивнул головой на огромный мешок, – твой подарок! Это твоя новая, только что полученная возможность – летать, это твой бесценный дар – крылья!

– И эта возможность была в моём мешке с моей же собственной ленью?

– Наверное, – пожал плечами Артак, – тебе лучше знать.

– Но я же так и не смог добраться до верхушки мешка, – попытался схитрить я, – такой огромной лестницы, наверное, просто не бывает. Каким же образом я тогда смог до-

браться до его содержимого? – я улыбался, наслаждаясь светом драконьих глаз.

– Для того чтобы точно знать что находится в твоём собственном мешке, не обязательно заглядывать в него, – усмехнулся Артак, – достаточно лишь вспомнить то, что ты туда уже положил. Сам положил, заметь. Сам.

– Лишь вспомнить? – задумчиво повторил я.

– Да. Лишь вспомнить.

– Но что для этого необходимо?

– Всего лишь побороть свою лень.

– И?

– И мысленно заглянуть внутрь.

– А дальше?

– Взять там всё, что тебе необходимо.

– Из того что там есть?

– Да.

– А что там есть?

– Абсолютно всё.

– Как это?

– В течение всей своей жизни ты складывал туда всё то, что мог бы получить, если бы поборол свою лень. Ты складывал туда, если можно так сказать, материю со знаком минус – то есть энергию, которая не смогла воплотиться в физическом мире. И не смогла она этого сделать только по одной причине – ты не дал ей для этого своего разрешения. Но энергия-то осталась!

– А что я мог получить?

– Ты мог получить абсолютно всё. Но почему сразу мог? – Артак вскинул брови, – ты и сейчас можешь.

– Всё что угодно?

– Конечно. Всё НЕ сделанное тобой не перестало существовать, – продолжал Артак, – оно было, оно есть, и оно всегда будет. Но оно существует в небытии, а не в бытии. Оно существует, так сказать, отрицательно. И только твоя собственная лень развела ваши дороги, она и только она перечеркнула вашу общую возможность встретиться здесь – в мире материи и физических тел, понимаешь? Но, повторюсь – всё несделанное существует. Просто в твоём случае оно сложено в этом метафизическом, поглощающем всё невыполненное мешке – в мешке с человеческой ленью.

– И что нужно для того чтобы получить содержимое этого мешка?

– Побороть свою лень, – в который раз повторил Артак и засмеялся, – просто побороть свою лень! Правда, с каждым невыполненным обещанием, с каждым отложенным и несделанным делом побороть свою лень становится всё труднее и, в конце концов, это действие становится просто невыполнимым, так как со временем твоя лень – всепоглощающая и растворяющая любое твоё начинание лень заполняет собой уже всё окружающее тебя пространство. Она растворяет абсолютно любое начинание, – утвердительно кивнул Артак, – и со временем делает это особенно яростно, ибо растворяя

твои действия, она сохраняет саму себя и отсрочивает свою возможную в будущем гибель.

– Почему так происходит?

– Потому что с каждым несделанным делом твой мешок становится всё значительнее и сильнее, а побороть большого противника много сложнее, чем положить на лопатки противника маленького, не так ли? – Артак смеялся соей непонятливости.

– Ты прав, – мне ничего не оставалось делать, как согласиться.

– Более того, – продолжал дракон, – всё, несделанное тобой, копится и складывается в течение всей твоей человеческой жизни – ему просто некуда деться из этого проКлятого мешка, – дракон махнул лапой и огромного размера мешок появился перед моим, уже драконьим взором, – а силы твоего человеческого тела с течением времени лишь угасают, твоё тело становится слабее, и ты уже не в состоянии достать что-либо из этого мешка, ты даже не можешь развязать его горловину, ибо она достаточно высоко, и тебе пришлось бы сходить за лестницей, – Артак смеялся не переставая, – а твоя лестница, возможно, похоронена заживо всё в том же мешке, и где её там искать – даже не представляю.

– А нельзя его просто оставить на месте и двигаться дальше?

Артак покачал головой из стороны в сторону, выражая несогласие, а Агафья Тихоновна тихонько сидела немного

поодаль, не встречая и не вмешиваясь в нашу мысленную беседу.

Мой мир, сложенный аккуратно у неё на коленях поблескивал миллионами огней и возможностей.

– Человек-дракон не сможет двигаться дальше, если он не имеет возможности воспарить. А воспарить, имея с собой такой груз – невозможно, – дракон кивнул на стоящий мешок с ленью, – никакой дракон, даже самый сильный и крупный, не в силах унести с собой такой груз.

– Что же делать?

– Этот мешок здесь не просто так, – Артак вздохнул глубоко и грустно, – он символизирует собой новый этап твоей жизни – и этот этап...

– СТАРЕНИЕ, – вмешалась Агафья Тихоновна, – этот этап называется СТАРЕНИЕ. Не зря же старение дано нам исключительно после нашего настоящего рождения, и не зря оно тянется до самой смерти. В старении, конечно же, должен быть какой-то глубокий смысл, и этот смысл прост, как всё глубокое – закончить то, что не было закончено. Выполнить невыполненное. Довести до конца обещанное. И, тем самым, поставить жирную точку на всём своём прошлом человеческом существовании, отдавшись полностью существованию драконьему.

– Тогда я смогу воспарить?

Да, – акула серьезно кивнула, но глаза её при этом продол-

жали улыбаться, – да. Тогда ты сможешь воспарить. И над своей смертью в том числе. И даже над этим мешком с ленью. Правда, к тому времени твой мешок будет совершенно пуст и скорее всего, он осядет на пол складками ткани, среди которых ты сможешь легко отыскать его горловину и, зайдя внутрь, наконец-то покончить с ним навсегда.

– Но чтобы мой мешок стал пуст и осел на пол, его необходимо опустошить, не так ли?

– Конечно, – кивнула акула.

– Но как я это сделаю, не имея возможности даже добратся до его горловины?

– А как ты его наполнял? – засмеялась Агафья Тихоновна.

Я посмотрел ей в глаза, внезапно увидев чёрную лакированную поверхность до самых мельчайших подробностей – со всеми её трещинками и неровностями, со всеми её впадинками и бугорками и, по-моему, понял то, что она хотела сказать.

– Именно, – кивнула акула, – именно так. Наполняя, ты не беспокоился о том, как дотянуться до горла мешка чтобы положить туда ещё одно несделанное дело – ты просто НЕ делал то, что должен был делать и точка. Вот теперь точно так же и доставай. Просто делай то, что должен делать... Это же так просто...

Мы помолчали.

– И знаешь что ещё? – внезапно спросила Агафья Тихоновна.

– Что? – переспросил я.

– Каждый, абсолютно каждый человек знает совершенно точно то, что ему необходимо делать в данный момент. Природа не делает из этого тайны. Но далеко не каждый это выполняет. Люди почему-то зациклены на конечном результате. И если кто-то двигается по пути духовному – то он думает о просветлении. Если человек идёт по какому-то другому пути – он будет думать лишь о результате – о конечном результате своих поступков, о своих целях – сложных и многоступенчатых, он будет думать о глобальном! И никто не хочет думать о том, что необходимо сделать именно сейчас. Никто не хочет просто жить, идя по своей дороге небольшими шажками, которые совершенно точно и неизбежно приведут его к цели, какой бы недостижимой она не казалась с первого шага. Ведь то, как достичь конечного результата людям редко бывает видно хорошо и сразу. Они ограничены в своем видении, они видят лишь первую ступеньку, хоть и пытаются перепрыгнуть сразу на последнюю, ещё скрытую от них туманом. Делать нужно то, что должен! И действовать необходимо в том направлении, которое видно УЖЕ. Нет смысла ждать каких-то мифических событий, которые смогли бы перенести человека сразу в его, уже сделанную цель. Так не бывает... – подытожила Агафья Тихоновна и замолчала.

Артас посмотрел на меня, перевёл взгляд на Агафью Тихоновну, потом на мешок и кивком подтвердил всё сказанное акулой.

– И пока я не разгребу всё это – я показал глазами на мешок с ленью, – мне не подняться?

– Почему не подняться? – дракон рассмеялся, – подняться-то можно. Улететь нельзя.

– И это значит...

– Это значит что ты можешь летать, но не можешь покинуть игру. Это значит, что ты можешь стареть бесконечно. Это значит, что тебе никогда не удастся дойти до конечной точки своего СУЩЕСТВОВАНИЯ – это значит что ты никогда не сможешь умереть.

– Я или моё тело?

– Ты. Твоё тело будет умирать и возрождаться с тем же набором функций, возможностей и необходимостей. Твоё тело будет вынуждено разгребать абсолютно всё – тобой же надделанное и особенно то, что не сделано до конца. Ведь довести до завершения придется все существующие в пространстве и времени, абсолютно все начатые тобой дела. Твой мешок с ленью будет возрождать тебя неоднократно, он будет поднимать тебя из пепла всякий раз когда ты захочешь успокоиться и познать нечто другое. Особенно, когда ты захочешь познать нечто, для этого мира иррациональное, нечто запредельное, а это значит – нечто настоящее – нечто, следующее за потерей иллюзий. А что может следовать за потерей иллюзии? – Артак внимательно посмотрел на меня.

– Истина? – предположил я с небольшой долей робости.

– Ну можно сказать и так, – он кивнул головой, – на самом

деле никакой истины не существует, – Артак посмотрел на меня очень внимательно и продолжил:

– Точнее, истину формирует каждый сам для себя, и истина эта во всевозможности абсолютно всего существующего, – внезапно дракон улыбнулся Агафье Тихоновне, – Истина даже в том что акула обретает речь, а человек её лишается.

– Человек лишается речи? – не поверил своим собственным ушам я.

– Да, – спокойно подтвердил дракон, – человек лишается речи. Но не самой возможности говорить, а именно желания, впрочем это одно и то же – возможность перестает быть возможностью и становится своей противоположностью ровно в тот момент когда пропадает желание эту возможность использовать.

– То есть, всё зависит от желания?

– Конечно, – Артак улыбнулся одними глазами, – скажу более, взрослого человека невозможно удержать от исполнения СВОИХ желаний. А с момента потери желания – любое действие, ставшее, по определению нежелательным, будет трактоваться как объявление войны от того, кто вынуждает совершить это нежелательное, а если этот кто-то – ты сам, то и объявлением войны самому себе. А кто способен на объявление войны себе самому? Только психически нездоровый человек! Однако такое психическое нездоровье не считается таковым в человеческом обществе, поэтому но этот случай мы рассматривать не будем, – дракон засмеялся, как обычно,

задирая голову вверх.

– Даже так?

– Конечно, а как иначе? Человеческая психофизика устроена так, что даже самые приятные любезности, но от нелюбимых – люди воспринимают как агрессию, как нападение, как скрытую вражду. А явные выпады и предательства со стороны людей близких – как глубочайшее проявление любви. И ничего с этим не сделаешь.

– Хм... Действительно... Но почему человек лишается желания говорить?

– Потому что видит и осознаёт всю бессмысленность разговора, – Артак немного подумал, – и не хочет будоражить окружающее пространство лишними, никому не нужными и ничего не изменяющими вибрациями.

Я удивленно приподнял брови – ровно настолько, чтобы вспомнить и отчетливо понять что никаких бровей у меня нет, а моё тело, приняв необходимую трансформацию, стало драконьим и, следовательно, безбровым.

– Настоящая истина кроется именно в твоём осознании своих же безграничных возможностей, она спрятана в этом обретении – в обретении своих собственных инструментов своего же собственного продвижения. И это обретение, эта скрытая от невнимательных глаз истина, все эти твои возможности, действия, мысли, чувства, всё полученное тобой знание – всё это лишь части единого мира – всё это лишь части тебя самого. И совсем неважно на какой своей части

ты остановишься – важно, что эта часть неминуемо приведёт тебя к точке твоего зрения, которая одновременно является и широчайшим горизонтом познания.

– Выходит, точка и линия – одно и то же? – не скрывая улыбки спросил я.

– Выходит так, – весело подтвердил Артак, – но одинаковы не только точка зрения и горизонт познания – одинаковы абсолютно все и одинаково абсолютно всё. Конечно, если добраться до самой сути вещей и событий.

– Предметы и события тоже едины?

– Абсолютно и в Абсолюте – да. Просто представь, что любой предмет является одновременно и событием, если взглянуть на него под другим углом.

– Например?

– Например? – Артак засмеялся, а Агафья Тихоновна тихонько произнесла:

– Например, водопад. Если отлететь от него на достаточное расстояние и взглянуть другими мерками – водопад будет выглядеть как неподвижный предмет. Но стоит приблизиться к нему как мы заметим что казавшийся нам неподвижным предмет растворяется в брызгах единого события, и что интересно – это событие реальнее и правдивее самого предмета.

– Ух ты! – я не смог сдержать возгласа восхищения.

– Всё зависит от масштаба вашего зрения, – улыбнулась акула, – от того, как вы предпочитаете видеть – в мельчай-

ших подвижных подробностях или неподвижной глыбой – целиком.

– И это утверждение правильно для любого предмета?

– Абсолютно, – Агафья Тихоновна кивнула, – и для любого предмета и для любого события. Стоит только посмотреть внимательней на предмет и мы увидим множество событий, а стоит взглянуться в событие – и мы узрим невероятное количество предметов, заключенных внутри него.

– А чувства?

– Чувства формируются вследствие предметов и событий, так что можно сказать что они состоят из них, – акула усмехнулась.

– И лень? – я хитро посмотрел на Агафью Тихоновну.

– И лень, – подтвердила она.

– И из каких событий состоит моя лень? – мне казалось что я наконец-то поставил в тупик свою мудрую собеседницу.

– Из НЕ сделанных, – не теряя ни одного мгновения на раздумья быстро ответила Агафья Тихоновна.

– Но разве то, что не сделано – существует?

– Существует, – серьезно подтвердила акула.

– Существует, – так же серьезно кивнул головой дракон.

– Но как это?

– Та суть, из которой состоят события и предметы; та единая точка, к которой стремятся в своих познаниях думающие люди; та скала, стоя на которой твоему взору открывается

абсолютно всё существующее пространство – всё это и все они не способны воспринимать частичку «не». И в единстве всего сущего вашего «нет» просто не существует.

– И вы можете это доказать?

– Легко, – кивнула головой Агафья Тихоновна, – очень легко.

Я молча ждал.

– Но я попрошу тебя об одном, – добавила акула, улыбаясь, – точно выполнять все мои инструкции.

– Конечно.

– Не мог бы ты прямо сейчас не думать о воздушном шаре? – внезапно спросила Агафья Тихоновна.

В моей голове тут же всплыл образ воздушного шара, яркого, сине-красного, огромного и красивого. Но следуя указанию акулы я тут же прогнал появившееся видение.

– Хорошо, – кивнул я головой и приготовился выслушать дальнейшие указания.

Артак и Агафья Тихоновна весело рассмеялись, но ничего не сказали.

– И что дальше? – первым не выдержал я.

– Ничего, – сквозь смех произнесла акула, – ровным счетом ничего.

Я недоуменно пожал плечами и задумался.

– Хорошо, я помогу, – Артак придвинулся ко мне поближе и медленно, по слогам, произнёс:

– Не мог бы ты ещё раз НЕ думать о воздушном шаре?

И опять, как и в первый раз, яркий и отчетливый образ всплыл в моих мыслях. Я тут же отогнал его и кивнул головой.

Артак заливался искренним смехом. Он отдышался и повторил:

– И ещё один раз, пожалуйста. НЕ думай о воздушном шаре.

Сине-красный образ воздушного шара, уже ставший родным, всплыл где-то в моей голове, но на этот раз он был уже с гондолой для пассажиров. В этой гондole сидела Агафья Тихоновна и махала мне своим плавником.

– Вы уже трижды подумали именно о том, о чём я вас просил НЕ думать, – дракон был серьезен.

Я охнул и, наконец-то, понял.

– То есть... Получается, я... – несвязное бормотание вырывалось из моего рта, а мои звери продолжали улыбаться, глядя на мою растерянность.

– Да, да, да, – подтвердила мои мысли Агафья Тихоновна, – как только я произнесла «воздушный шар» – вы тут же сформировали его в своих мыслях.

– И даже увидели его! – добавил Артак, – сине-красный, как зонт при нашем первом знакомстве!

– Да, точно! – теперь уже смеялся и я сам, – именно так всё и было.

– Вот так и получается что сознание не способно воспринять частицу «не», сознание неизбежно тут же построит ре-

альность, в которой нет места «не» и «нет», понимаешь?

– Понимаю.

– Вот и выходит что твоя лень состоит из того, что ты НЕ сделал, но сумел сформировать в своем сознании. Представляешь, насколько она сильна?

– Трудно даже представить... И как её победить?

– Не надо никого побеждать, – усмехнулась акула, – в СУЩЕСТВОВАНИИ нет места войнам. Надо принять её существование наряду с другими существующими предметами и чувствами, надо просто её принять, – повторила Агафья Тихоновна, – просто принять как данность.

– Но я не хочу чтоб в моей жизни было для неё место, – возразил я, – не хочу.

– Не хочешь? – переспросил Артак. – Ну раз ты действительно не хочешь, то единственное, что ты мог бы сделать – это перенести всё НЕ сделанное из своего мешка с ленью в любой другой мешок, – дракон махнул крылом и в тот же миг на полу появились большие и маленькие, пыльные и не очень, полные и полупустые мешки с различными надписями.

Было тут и тщеславие, была гордость, были заносчивость и карьеризм, было самолюбование, была спесь, были чванство и честолюбие. Были равнодушие, вместе с апатией и безучастностью, была бесстрастность, было бесчувствие. Был и отдельный мешок с невыполненными, но данными обещаниями, а был мешок с выполненными, но ещё не раз-

ложенными по другим мешкам. Был тут и небольшой мешочек с искренностью, ещё меньший – с настоящей добротой, был мешочек с пониманием, с умением слушать, с терпением. Мешок с состраданием спрятался за более полный мешок с удовлетворенными амбициями.

Да, тут было абсолютно всё – и чувства удовлетворения и радости, скрытые в своих мешочках, были благополучие и блаженство, было наслаждение, была честность, и был даже один точечный, то есть, размером именно с точку, и это значит – неизмеримый мешок – мешок с истиной.

И в каждый из этих мешочков и мешков можно было перенести всё что угодно из единственного мешка с ленью – огромного, как сама жизнь, и маленького, как она же. Получается, любое действие или событие можно было перенести из мешка с НЕ сделанным в мешки со сделанным, с отработанным и прожитым, а значит, реальным для самого игрока. И этим сделанным возможно было наполнить любой из существующих мешков – никаких ограничений – абсолютно всё было возможно – стоило только захотеть.

– Хм, – произнёс я про себя, поняв подвох, – хм...

– А как ты думал? – рассмеялся дракон, – для того чтобы чего-либо достичь и покинуть предыдущую станцию, чтобы отправиться на станцию следующую – надо закрыть все долги. И это лишь один из этих долгов – осуществить всё НЕ сделанное, выполнить всё обещанное, выстрадать всё положенное. Такова игра, – добавил дракон, – но могу тебе ска-

зять что какова бы ни была игра – игрок свободен, и это единственное неизменное правило – игрок свободен в своих решениях и желаниях, он свободен лениться или действовать, свободен думать своей головой или принимать науку других. Игрок абсолютно бесконтролен со стороны самой игры – он бесконтролен со стороны жизни. Его право поступать так, как считает нужным он сам. Никаких ограничений нет, да и быть не может.

– Спасибо, – произнёс я, – спасибо. Благодарю за науку.

– Рано еще благодарить, – Артак усмехнулся, – чтобы покинуть станцию СУЩЕСТВОВАНИЯ, чтобы достичь станции СТАРЕНИЯ, чтобы в конце концов закончить игру и приехать на станцию СМЕРТЬ – необходимо разобраться со всем этим хламом, – он кивнул на все мешки, а крылом указал на насторожившегося, как мне показалось, паука, неспешно плетущего свою крепкую паутину на огромном мешке с ленью.

– Станция СМЕРТЬ звучит как-то не очень приятно, – я тоже усмехнулся.

– Это иллюзия, – расхохотался дракон, – просто иллюзия. Вы, люди, воспринимаете все слова ровно так, как вам их объяснили другие люди, и лишь единицы не верят на слово, а думают... Они-то, в конце концов, и понимают истинный смысл СУЩЕСТВОВАНИЯ и СТАРЕНИЯ – двух очень важных станций, которые уже не проедешь, как станцию ОЩУЩЕНИЙ, дающихся автоматически, или станцию

ЧУВСТВЕННЫХ ОПОР, тоже полученных, вроде как, само собой. На станциях СУЩЕСТВОВАНИЕ и СТАРЕНИЕ придётся потрудиться, и потрудиться хорошо, – он кивнул на мешок с ленью и невыполненными обещаниями, – твоё дело когда начинать, да хоть в следующей игре, но отработать и перетащить события и предметы отсюда туда, – он показал крылом на другие мешки, – придётся всё равно. Это и есть СТАРЕНИЕ – станция, растянутая в событиях, станция, на которой мгновение становится человеческой жизнью, а вся жизнь человеческого тела превращается в это самое мгновение. Платформа этой станции может длинна, а может быть и нет – это кому сколько отмеряно, но для ленивых она заканчивается всегда одинаково – железнодорожной стрелкой со станции СТАРЕНИЕ на станцию НЕВЕДЕНИЕ, и все начинается заново.

– Я понимаю. А для других? Для тех, которые не ленятся?

– Они приедут на станцию СМЕРТЬ и покинут игру навсегда.

– Это хорошо?

– Это правильно, – Артак засмеялся, – только это и правильно, ибо чтобы идти дальше, необходимо закончить здесь.

– А что дальше? Есть ли дальше?

– Не забегай вперед, – Артак нахмурился, – иди в том направлении, в котором тебе видно уже сейчас. Но было бы глупо предположить что есть только игра, а самого игрока

не существует.

– А я? Я не игрок?

– Ты или твоё тело? – дракон смотрел внимательно.

– Я.

– Игрок.

– А моё тело?

– Фишка игрока. Предмет, которым он играет.

– Хм...

– И для самой фишки, – добавила Агафья Тихоновна, – совсем не обязательно знать конечный пункт её путешествия. Ей хватит знания на ход-два вперед, большего просто не требуется. Вот именно поэтому я постоянно говорю – важен лишь масштаб твоего зрения, важно то, как ты предпочитаешь видеть мир – как неподвижную единую глыбу предмета или как бесконечное количество происходящих внутри своего единства событий. Конечная точка твоего путешествия от этого не меняется.

– А как я предпочитаю? – я беспомощно оглянулся на дракона, но тот вместо ответа просто поднял свои крылья, словно намекая что мой выбор уже сделан.

– В твоём случае – истина – это могучие крылья, в которых кроется смысл всего твоего Существования – и твой смысл – познание... Поэтому, твоя истина – та, что даёт тебе эту ВОЗМОЖНОСТЬ; та, что наградила тебя крыльями, которые в состоянии унести тебя за край видимого и показать ещё доселе никем не замеченное. Показать то, что дру-

гие и увидеть-то не смогут, ибо они уже выбрали свой собственный путь, и их путь отличен от твоего. И это правильно. Но ты – человек, сумевший подняться над огромной массой других людей даже без столь необходимых тебе крыльев, а поднявшись – сумел остаться им Человеком, и стал Философом. И тот прошлый ты, пока ещё не имевший крыльев, но уже поднявшийся над толпой – ты доказал природе свою насущную НЕОБХОДИМОСТЬ в этих крыльях. И природе не осталось ничего, кроме как тут же подготовить для тебя этот дар, ибо природа руководствуется в своём развитии не твоими желаниями, а своими НЕОБХОДИМОСТЯМИ, понимаешь? Поднявшись ввысь без драконьего крыла ты доказал что твоё желание – иметь это крыло – как раз и является природной НЕОБХОДИМОСТЬЮ... И мудрая природа тут же предоставила его тебе, аккуратно упаковав свой подарок в препятствие на твоём пути, – Артак посмеивался, видимо с настроением у него было всё в порядке, – и покончив с этим препятствием, ты получил в дар ВОЗМОЖНОСТЬ, которая и обрела материальную реализацию в виде крыла – сильного и неутомимого драконьего крыла.

– То есть в пространстве, а значит, и в моём теле реализована возможность самого пространства, а никак не моё желание!?

– Практически так и есть. Только реализована не возможность, а необходимость. Понимаешь разницу? Возможность может случиться, а может и нет, а необходимость – обяза-

тельна к исполнению, а значит, обязательна и к пространственной реализации.

– Хм.

– Да, да, – Артак усмехнулся, – люди часто думают что для того, чтобы что-то иметь – надо всего лишь страстно этого желать, однако это очень далекая от истины позиция, – дракон поднёс свою лапу к глазам и пристально посмотрел на свой коготь – жёсткий и негнущийся коготь дракона, – даже для того, чтобы получить эти когти, – после некоторого раздумья продолжил он, – мне необходимо было доказать природе мою необходимость в них.

– Доказать? – быстро переспросил я.

– Ахаха, – Артак перевёл взгляд на меня и неопределенно покачал головой, словно сомневаясь в чём-то, – ну хорошо, пусть не доказать, тут ты абсолютно прав. Правильное слово было бы – ПОКАЗАТЬ. Показать природе мою необходимость в этих когтях, в этих крыльях, в самом полёте.

Я молча кивнул головой, соглашаясь с данной формулировкой.

– И сделать я это мог одним всего лишь способом, – Артак перестал качать головой и вперил в меня свой жёлтый взгляд, – я вёл себя так, словно эти когти уже были, словно полёт был для меня самым что ни на есть привычным делом.словно я летал каждое утро, ещё до завтрака по три или четыре раза, – добавил он, ухмыляясь.

– И только тогда...

– И только тогда природе не оставалось ничего другого как принять мою необходимость как данность и, соответственно, реализовать её в тот же самый миг.

– Так ты был человеком?

– Почему был? – дракон смотрел прямо в мои глаза, – я и сейчас человек!

Он был серьёзен как никогда.

– Но...

– Твоё препятствие было твоей ленью, которую ты сумел обуздать и без столь необходимых тебе тогда крыльев, так что в данный момент ты получил именно то, что у тебя было и так – ты получил лишь то, чем ты уже с успехом пользовался ранее. Правда, пользовался, не догадываясь об этом.

Я пошевелил лопатками и с удовольствием ощутил спиной упругий и живой воздух, потревоженный моим крылом.

– Они всегда были со мной? – немного недоверчиво прошептал я.

– Всегда.

– Но где они были?

– В твоих мыслях, – серьёзно ответил Артак, – в единственном реально существующем месте пространства и времени.

– Я понимаю...

– Крыло дракона – приз, который всегда был с тобой. Но этот приз уготован немногим. Редким даром должен обла-

дать человек, готовый примерить на себя крыло, очень редким даром.

– Каким же?

– Он должен находиться на благороднейшем из всех жизненных путей – на пути размышления. – Артак провёл своей лапой по моему лбу, – и этот путь может дать ему абсолютно всё. Всё, о чём только может мечтать человек. И даже чуточку больше. Но для этого человек должен стать на дороге философии, ибо только эта наука логично замыкает на себе одну сильнейшую абстракцию – математику, и другую, не менее сильную – литературу.

Я удивленно вскинул несуществующие брови.

– Объясни!

– Да, да, – Артак засмеялся, – литература – сильнейшая из абстракций. Литература – это рисунок буквами, литература – это нигде не прописанная мелодия автора, литература – это то, что рождается внутри читателя, и знаешь что? – дракон продолжал смеяться, – настоящая литература имеет мало общего с самим автором. Настоящая литература общна лишь с читателем. Конечно, если читатель сумел найти в ней музыку.

– Музыку?

– Да, мелодию текста.

– Объясни! – еще раз повторил я.

– Каждый текст обладает своей собственной мелодией. И слова в нём – всего лишь слова песни на музыку автора. Ведь

автор самого текста пишет даже не текст – автор пишет мелодию. И если читатель сможет её отыскать среди черных закорючек-букв и нагромождения разных слов – он сам становится автором. Он становится автором уже не текста – он становится автором себя самого.

– Нагромождения слов?

– Слова в литературе – это ноты в музыке.

– Может буквы?

– Нет, – Артак покачал головой, – слова. Буквы – всего лишь линии, рисующие ноту, а саму мелодию определяют именно слова.

– И как найти эту мелодию? Как её услышать?

– Будь внимателен к знакам препинания, – вполне серьезно ответил Артак, – они укажут тебе путь.

– Но как?

– Запятые, точки с запятой, восклицательные и вопросительные знаки, троеточия – в умелых руках они задают темп, они меняют интонации, они играют чувствами, тогда как словам подвластен один лишь сухой смысл. И то – в его единственной интерпретации. Без мелодии слова пусты, а смысл может быть искажен вплоть до противоположного, тогда как само слово совершенно не изменится.

– А разве смысл не основное?

– Смысл – основное. Но и мелодия – тоже основное. И только сочетание этих основ в состоянии предоставить нечто объективное, нечто отсутствующее в одних словах или в од-

ной мелодии.

– Как же добраться до объективизма?

– Литературный текст подобен реке, несущей свои воды в пока ещё неизвестном для читателя направлении. И сама река – это песня, а её изгибы, повороты, валуны и камни на пути потока – как знаки препинания в песенном тексте. Они по сути и определяют напор и скорость самой воды – то есть определяют мелодию текста, его звучание. Текст – это вода, и отдельные слова в нём – как отдельные капельки – мало что определяют, – Артак засмеялся.

– Подожди! – закричал я. – А как же смысл? Смысл текста? Ведь его определяют слова?

– Смысл? – дракон засмеялся ещё громче, – смысл рождается в читателе, понимаешь, в читателе!!! Слова, сами по себе, не наполнены ничем, как ничто не растворено в хрустально звенящей воде из горной речки. Смысл всегда находился, находится, и будет находиться только в голове у читателя. Во всем мире нет для него больше места, – Артак наконец-то перестал смеяться и добавил:

– Даже если представить что смысл всё-таки в тексте, – дракон хитро прищурился, – то каким-то непостижимым образом его надо оттуда взять и положить в читательскую голову. А для того чтобы что-то взять и переместить, – Артак вновь засмеялся, – его надо видеть, его надо хорошенько отличать от всего остального, его необходимо отличать от бессмыслицы, не так ли? Чтобы вложить смысл слов в голову

читателя, этот смысл необходимо идентифицировать, к нему надо прикоснуться руками, то есть необходимо взять его, что невозможно по определению. Ведь тот, кто обладает смыслом – сам становится бессмыслицей. Как и тот, кто хочет познать истину – должен выйти за её пределы, хотя бы для того, чтобы взглянуть на неё со стороны – познающий должен стать ложью! Поэтому, гораздо логичнее предположить что смысл рождается там, где он и проявляется, то есть в голове у читающего. И, таким образом, смысл слов имеет мало, если не сказать – не имеет ничего общего с самими словами. Смысл – продукт сугубо внутренний, никогда не выходящий из самого человека.

– Получается, что писатель, пишущий книгу, пишет её для себя?

– Для себя, для себя, – выдохнул дракон, – а для кого же ещё.

– Но...

– Никаких но, – Артак меня перебил, – книга, написанная писателем, и книга, прочитанная читателем – это две совершенно разных книги, это две книги с разными мелодиями и с различным наполнением.

– А если читатель угадает мелодию автора?

– Тогда он поймёт что автор имел в виду.

– Хм, – недоверчиво пробормотал я про себя.

– Послушай меня ещё раз, – Артак, видимо, решился на повторное объяснение, но не скажу, что я в нём не нуждался.

ся, – смысл слов изменчив точно так же, как изменчиво течение в горной речке. Смысл может быть резким, а может быть мягким, он может ранить, убить, а может приподнимать над водой, давая возможность свободно дышать. Он может выбросить тебя на сушу, а может утопить в иносказаниях. Смысл слов – как кипучая, бурливая вода, огибающая речные валуны и камни в узких проходах, но он также может разливаться широкими лугами, затапливая и покрывая собой пепел пройденного и иногда формируя что-то новое, доселе неизведанное. Смысл может сохраняться в своих берегах и рамках, заданных словами, а может разбрызгиваться намеками и аллегориями. И именно знаки препинания – эти валуны и камни запятых и точек, резкие и не очень повороты вопросительных знаков, огромные скалы знаков восклицательных, впадины троеточий – именно они определяют конечный вид самой реки – это они звучат как единый оркестр, это они ведут свою сольную и основную партию, – Артак набрал побольше воздуха в лёгкие и закончил:

– В то время как слова сохраняют в себе математически точную последовательность букв и формируют пока ещё пустое предложение – знаки препинания вносят в него хаос, они вдыхают в пока ещё не рожденные слова саму жизнь, они же и несут самого автора – они выписывают в строках его личную музыку. Музыку без нот. Музыку, которую может услышать лишь подготовленное ухо.

– И поэтому литература – это абстракция? – ещё раз уточ-

нил я.

– Поэтому или не поэтому – мне неизвестно. Но то что литература – абстракция, впрочем, как и всё реальное, как всё настоящее, как всё действительно существующее – это верно.

– Как всё, действительно существующее?

– Да, – кивнул головой Артак, – всё действительно существующее имеет одну отличительную черту – для этого мира оно абстрактно и аллегорично.

– И математика?

– И математика. Литература – абстракция буквенная, тогда как математика – абстракция, состоящая из цифр. В остальном нет никакой разницы, – Артак вздохнул, как мне показалось – немного устало.

– И в математике тоже звучит музыка? – на всякий случай уточнил я, глядя прямо в солнечные глаза Артака.

– Математика сама по себе является музыкой, – дракон засмеялся, – правда, ноты в ней немного другого уровня.

– Уровня повыше?

– Нет ничего, что было бы выше или ниже, нет ничего, что было бы быстрее или медленнее, нет ничего, что было бы сложнее или проще – в мире вообще нет ничего что можно было бы сравнивать.

– То есть...

– То есть, всё существующее абсолютно уникально и сравнивать что либо было бы большой ошибкой.

– То есть... – повторил я немного настойчивее, – то есть, математика сама по себе является фикцией? Она иллюзорна? Получается, что её не должно было быть в принципе?

– Почему? – Артак смотрел на меня посмеиваясь, наверное, прекрасно зная что я имею в виду.

– Почему? – повторила Агафья Тихоновна, повернувшись ко мне, – почему иллюзорна?

– Потому что математика использует цифры, точно так же, как язык использует буквы, – улыбаясь, начал объяснять я, – и наличие этих самых цифр, если хорошенько подумать, ясно указывает нам на противоречие.

– Почему же? – акула была искренне заинтересована моими рассуждениями.

– Потому что само наличие цифр предполагает своим существованием возможность наличия чего-то двойного или тройного, не говоря уже о десятках, сотнях и тысячах чего бы то ни было. Само наличие цифр утверждает что чего-то может быть два, тогда как всё существующее абсолютно уникально, единственно.

Агафья Тихоновна ойкнула и зажала пасть одним из плавников, а вторым закрыла рот мне, как бы препятствуя дальнейшему разговору.

Артак громко рассмеялся и лапой убрал акулый плавник с моего рта.

– Пусть говорит, – произнёс дракон, глядя на акулу, – он говорит правильные вещи.

– Правильные? – изумилась Агафья Тихоновна.

– Конечно, правильные. Нет в мире ничего двойного или тройного, нет ничего, чего было бы два или три – всё единственно и уникально, и вся реальная математика должна была бы окончиться на цифре один, так как дальше начинается то, что не существует в реальности – два, три, четыре и так далее. Этих цифр нет, да и быть не может, – Артак довольно засмеялся, – нет, никак не может быть. Никак!

– Значит математика – всего лишь фикция? – я повторил свой вопрос.

– Она обязана быть фикцией здесь, – Артак кивнул головой и обвёл окружающее пространство глазами, – если, конечно, математика хочет быть полезной именно здесь – в этой иллюзии человеческого восприятия. Тогда как там, – дракон еле сдерживал смех, – там, – он махнул головой в неопределённом направлении, – там, в настоящем мире; там, где горы не имеют высот, а океаны – глубин и берегов; там, где воздух звенит на солнце, а вода течёт вверх; там, где падая – одновременно встаёшь, а поднимаясь – погружаешься в реальность, – Артак на мгновение замолчал, – так вот – там, – он опять неопределённо показал направление взглядом, – там математика теряет свою абстракцию и начинает описывать реальность, будучи при этом реальна сама. А здесь? – дракон посмотрел вокруг, – здесь математика – фикция, впрочем, как и всё настоящее. Ведь иллюзорное пространство может описать только лишь иллюзорная наука. А

всё настоящее остается уникальным и единичным по своей сути.

– Значит в той математике, – я округлил глаза, давая понять что говорю о самой что ни на есть настоящей науке в настоящем мире, не связанном с иллюзиями, – значит в той математике не бывает цифр.

– Именно так, – подтвердил Артак, – именно так. Точнее, в настоящей науке, в настоящей математике – всего лишь одна цифра – и как ты уже догадался – это единица.

– И всё?

– И всё, – вполне серьёзно произнёс дракон.

– Но...

– Теперь ты понимаешь, что для того чтобы выучить всю математику, – Артак громко засмеялся, – не надо никаких выдающихся способностей. Не надо вообще ничего. Необходимо знать одно – всё едино. Ну и, конечно, то, что все цифры ложны в своей основе.

– А здесь? Почему здесь всё так усложнено?

Артак многозначительно посмотрел на Агафью Тихоновну, которая сидела, погруженная в размышления. Казалось, она не участвовала в нашем разговоре, казалось, она вообще не участвовала ни в чём происходящем.

– И здесь всё просто, – спустя мгновение произнёс дракон, – люди усложняют всё сами. Настоящее знание лежит на поверхности каждой пылинки, каждого камушка и в каждой капле воды. Самое что ни на есть настоящее знание в

каждом твоём вдохе и выдохе. Оно абсолютно везде. И я не зря сказал – «на поверхности», ибо, – дракон предостерегающе поднял свою лапу, – ибо всё лежит «НА» и доступно любому взору, а не лежит, как думают многие «В», и для того чтобы предстать перед человеческим взглядом нуждается в научных приспособлениях. Всё лежит на поверхности любого предмета и любого события, – повторил Артак улыбаясь, – и углубляясь «В» человек может достигнуть лишь нового события или нового предмета, а знание опять будет НА его поверхности. Необходимо только как следует рассмотреть предмет или событие. Любое событие или любой предмет. Вот и вся наука. И нет никакой насущной потребности глубоко изучать математику, физику или медицину. Для того, чтобы прожить человеческую жизнь как следует, нет никакой необходимости изучать что бы то ни было. Есть только необходимость как следует рассмотреть то, что у тебя перед глазами – то, во что упирается твой собственный нос.

– И всё?

– И всё, – кивнул Артак, – но тут один нюанс, – он опять проследил взглядом за ничего не делающей акулой, – для того, чтобы у тебя была энергия рассмотреть что-то достаточно ясно, тебе необходимо подключиться к её источнику. Тогда, рождённая тобой НЕОБХОДИМОСТЬ соединяется с природными ВОЗМОЖНОСТЯМИ и именно тогда следует ждать какого-либо, хоть мало-мальски важного результата.

– Но как? Как подключиться к этому источнику?

– Удовольствие, – произнёс дракон всего лишь одно слово, – удовольствие, – повторил он без тени улыбки, и тут же пояснил, – то, что ты наблюдаешь должно тебе нравиться – то, что ты решил изучать должно приносить тебе радость, оно должно доставлять тебе удовольствие.

– Я знал это! – твёрдо произнёс я.

– Каждый знает это, – равнодушно подтвердил Артак, – но далеко не каждый пользуется тем, что знает.

– И если мне нравится математика...

– Тогда, своим удовольствием, как сахар черпают совком, ты будешь черпать энергию для своей игры – своеобразной игры с множеством правил, созданных такими же людьми, которым также, как и тебе, нравится математика. И это игра с абстракциями – то есть, игра, затрагивающая присущий только лишь человеку интеллект, и, значит, в эту игру не в состоянии играть ни один другой биологический вид, – Артак ухмыльнулся, – если ты играешь, если ты игрок, то уже одним своим присутствием ты сам усложняешь эти правила, ты вписываешь в них свою собственную лепту. И для этого тебе насущно необходим интеллект – чисто человеческий интеллект, который ты развиваешь, пользуясь им по назначению. И пока твоих знаний не хватает на то чтобы разглядеть иллюзорность самой науки – ты пытаешься расширить её – ведь того что есть тебе уже мало... И ты продолжаешь числовой ряд, устремляя его в бесконечность, как бы испытывая свой интеллект на прочность, я бы даже сказал – ис-

пытывая его на вневременность. И ты делаешь числовой ряд бесконечным, тем самым признавая и принимая бесконечность своего ума и формируя всё новые и новые границы познания, отодвигая при этом границы старые. Они – эти старые границы – перестают быть таковыми, ибо они уже не отделяют в твоём разуме изведенное от неизведенного – ведь ты уже в глубоком тылу, ты пробираешься внутрь, перемещая границу в непознанное... Ты создаешь математику этого выдуманного мира – математику в её чистом виде!

– Я?

– Да. Здесь нет ничего, что не было бы тобой.

– И математика?

– Она лишь твой инструмент и отличается от твоей руки или от твоих пальцев лишь в твоём восприятии. Инструмент всегда остаётся инструментом, вне зависимости от того, причисляешь ты его к своему телу или нет. Это всего лишь инструмент, который с лёгкостью можно заменить чем-то другим, но с точно такими же функциями.

– И меня можно заменить?

– На что? Или на кого ты хочешь заменить себя? – Артак опять рассмеялся, – на что или на кого бы ты себя не менял – ты меняешь себя на себя, ибо, повторюсь – нет ничего вокруг что было бы не тобой.

– А если посмотреть в другом масштабе? – я хитро прищурился.

– Если ты имеешь в виду себя, как инструмент, – дра-

кон прищурился точно так же хитро как и я, – как инструмент, которым пользуется Вселенная для познания самой себя, ибо других инструментов у неё нет и быть не может, то да – тебя с лёгкостью можно заменить.

– На что?

– На что-либо другое или на кого-либо другого, – Артак продолжал смеяться, – что Вселенная с успехом и делает на каждом витке человеческих поколений. На любого другого человека или на любой другой предмет – Вселенной это совершенно безразлично. Но ты сам, пока ты погружен в человеческое тело – ты сам и твой личный мир, твой настоящий мир – он, единый и неделимый – принадлежит только тебе, и вы – одно. И только ты в нём хозяин, а хозяин – уж никак не инструмент. Тогда ты начинаешь искать уже свои инструменты – инструменты хозяина. И эти инструменты ты можешь менять так же легко, как Вселенная меняет инструменты свои – то есть, меняет людей. Тогда и вся окружающая тебя Вселенная становится лишь инструментом, но уже – инструментом познания тебя самого. Вы, вроде как, меняетесь местами. Однако, никакой подмены нет, ты – инструмент мира и мир – инструмент тебя. Вы – едины!

– Хм... – пробормотал я в раздумьях, – а как можно назвать место, в котором мы находимся?

– Пустота, – одним словом ответил дракон.

– Но пустота – это не там где пусто, ведь так?

– Пустота – это там где уже и так полно всего, но эта пол-

нота невидима глазу, она воспринимается человеком как пустое, ничем не заполненное пространство. Однако, в нём, в этом пространстве, уже полным-полно всего чего угодно. В нём есть и всё для всего.

– В пустоте?

– В пустоте, – поправил меня Артак, – в пустоте, куда можно положить всё, что тебе заблагорассудится. Ведь для того чтобы куда-то что-то принести или положить тебе прежде всего необходимо место, не так ли? – он засмеялся, – ибо положить что-либо в уже занятое пространство не получится. Его прежде всего необходимо освободить.

Я кивнул головой в знак того что понял.

– Ещё один вопрос...

– Вопрос действительно один, – перебил меня Артак, – и он – единственный, состоит в том, принимаешь ли ты этот мир, берешь ли ты его с полки, прижимаешь ли ты его к своему сердцу. И если принимаешь, то ты никогда более не сможешь стать ни инструментом в чужих руках, ни даже инструментом в руках собственных... Ты не сможешь быть даже инструментом в других мирах, потому что ты никогда не сможешь более подчиняться, ты никогда не сможешь быть побеждён. Никем и никогда. Ведь, имея свой собственный мир, даже покорно склонив голову, ты продолжаешь повелевать, ибо назначение хозяина мира и назначение инструмента во всех мирах определено строго и однозначно... И если в какой-то момент хозяин склонит голову и подчинится – то

только самому себе, а если он кому-то видится управляемым – не беда. Ему-то известно что управляться и управлять теперь он может только одновременно, но только сам и только самим собой. Вот так-то!

– И я... – несколько неуверенно начал я.

– И ты... – подтвердил дракон, точно зная что я хотел спросить, – и ты, – повторил он и замолчал.

– И ты, – вдруг произнесла Агафья Тихоновна, – и ты, – посмотрела она на меня своими глазами-бусинками и улыбнулась.

А потом вдруг заплакала, быстро утираясь крупными и упругими плавниками. Однако, я успел заметить и её расстроенный вид и крупные слёзы, стекающие по упругим и скрипящим серым щекам.

26

Агафья Тихоновна подплыла ко мне, опираясь, как обычно, на один лишь воздух, словно вместо него была плотная и густая вода. Её глаза были чисты и прозрачны. Скорее, прозрачным в них был только слой лака, но даже его хватало для того, чтоб неживые чёрные бусинки приобрели вполне осмысленный и живой вид.

– Ты выбрал для себя силу дракона, – произнесла она медленно, – а фундамент драконьей силы – правда. И сейчас любая ложь начинает тебя ранить, точно так же, как она ранит и

убивает любого дракона, который осмелится показаться толпе. Именно по этой причине драконы и стали невидимы для людей.

– Так они были на самом деле?

– Конечно, – кивнула акула, – но почему были? Они есть.

– Да, да, я помню, мы говорили об этом.

– Но они стали так же редки, как и сама правда, погребённая под завалами лжи, и так же незаметны для неискушенного глаза, привыкшего смотреть поверхностно. Однако, глаз тренированный сможет вырвать их из толпы в один миг.

– Кого?

– Драконов.

– Они среди нас?

– Они внутри нас. Повторяю, – Агафья Тихоновна усмехнулась, – сила дракона в правде, и она доступна каждому желающему. И точно так же, как и в каждой лжи существует правда – так и в каждом человеке живёт дракон.

– Правда живёт в каждой лжи? – недоверчиво протянул я.

– Конечно, – подтвердила акула, – правда всегда существует рядом с ложью, иначе одно нельзя было бы отделить от другого, – она широко распахнула глаза, словно удивляясь моему непониманию, – как бы ты отличил правду от лжи, если бы самой лжи не было на свете? Как бы ты стал драконом, если бы не прошёл человеческий путь?

– А в то далёкое время, когда драконы жили среди людей и были видимы человеческому глазу, – спросил я, – в то время

правды на земле было больше?

– Нет никакого того времени, – проговорила акула, – нет ничего что не существовало бы прямо сейчас, нет ничего что было бы отделимо от центра, независимо от того, как это что-то воспринимает человеческий мозг – как прошлое, как настоящее или как будущее. Это всё – центр. И всё существует одновременно, я бы даже сказала – одномоментно, прошу тебя, никогда не забывай об этом, – Агафья Тихоновна расмеялась.

– Поэтому говорят что без прошлого нет и будущего?

– Возможно, – Агафья Тихоновна склонилась над моим ухом, – возможно, но так говорят только некоторые. И совсем немногие действительно понимают глубинный смысл сказанного.

– Кто, например?

– Понимают те люди, которые осознают, что изучая прошлое ты, тем самым, изучаешь самую что ни на есть настоящую реальность и познаёшь существующий в данный момент мир. Ты познаешь всё окружающее тебя – как справа, так и слева, как сверху, так и снизу – как прошлое, так и будущее. Ты впитываешь это окружающее, ты становишься им. И уже от одного этого впитывания ты становишься и умнее и прозорливее. И, конечно же, немного выше.

– Выше?

– Выше тех, кто не впитывает. Выше тех, кто так и не решился отправиться в путь. Выше тех, кто остался стоять на

остановке в ожидании. Выше тех, кто неподвижен в своих суждениях. Выше тех, кто не хочет рассуждать и мыслить. Выше тех, кто не понял что лучше медленно идти пешком, чем ждать быстрого автобуса. Выше тех, кто не осознал что быстро – это медленно, но без перерывов на ожидание. Выше тех, кто любому пути предпочёл своё любимое и комфортное ожидание. Ты стал выше их, выше толпы. Выше биологической массы. Выше стада, – акула резко вздохнула, словно передёрнула затвор, и закончила:

– А выше – всегда значит – сильнее. И если ты стал сильнее своего окружения – значит одна из твоих обязанностей – управлять. Даже, если ты этого не хочешь. В этом правиле не бывает исключений. Управлять должен только тот, кто находится выше и, соответственно, видит дальше. Тот, кто видит со своего места не только близко расположенное настоящее, но и далёкое прошлое... Тот, кто в состоянии различить даже туманное будущее. И ещё немного дальше...

– Дальше чем прошлое, настоящее и будущее?

– Да, – кивнула Агафья Тихоновна, – да.

– Но что может быть дальше? В этих трёх словах заключено абсолютно всё!

– В этих трёх словах заключено лишь твоё окружение – прошлое, настоящее и будущее. Окружение, сильнее которого ты стал! Окружение, но не ты сам! И ещё дальше видит только тот, кто замечает единство этого окружения, единство этих искусственных разделений человеческой жизни. Тот,

кто видит единство прошлого, настоящего и будущего.

– И такой человек обязан управлять?

– Более того, – акула потрепала меня по голове, – такой человек уже управляет.

– Даже если он занимает совсем не управляющее место?

– Место здесь не имеет никакого значения, – отмахнулась плавником Агафья Тихоновна, – ведь для того чтобы управлять не обязательно говорить что и как делать. Для того чтобы управлять – достаточно всего лишь знать.

– Что знать?

– Знать то, что делает человека драконом.

– Вот оно как!

– Да. И, более того – знать можно молча. Говорить об этом совсем не обязательно.

– Не обязательно, но необходимо?

– Если хочешь ранить, то да, – Агафья Тихоновна внимательно посмотрела на меня.

– Ранить? Кого?

– Прежде всего самого себя.

– И это необходимо, но не обязательно?

– Да, необходимо. Если ты хочешь расти выше.

– То есть расти не обязательно?

– Обязательно или нет – всего лишь твой выбор.

– Но необходимо?

– Если тебе хочется чтоб твой выбор совпадал с выбором самой природы – необходимо.

– Но не обязательно?

– Нет.

– Но почему ранить?

– Потому что только боль, выпитая до конца, приведёт тебя к вершине.

– А удовольствие?

– Его надо научиться получать.

– Даже от боли?

– Во всем остальном удовольствие является основой.

– А в боли?

– А в боли – противоположностью.

– И его надо научиться получать даже в боли?

– Да, потому что в любом другом случае, ты всеми доступными тебе средствами будешь избегать эту боль.

– И тогда...

– Представь что ты избегаешь лестницу по которой тебе необходимо подняться.

– Я понимаю... А управлять? Обязательно ли управлять, находясь на вершине?

– Одни сами посадили себя на вершину, то есть, на место управляющих, и если они ошиблись в своём праве на управление – всё общество начинает свой неверный путь. Ты же, не стремясь к власти, достиг её, ты сделал это единственным безошибочным путем – ты стал выше самого себя, ты научился управлять самим собой – и эта единственная победа неизбежно привела тебя к возвышению над остальными. Она

показала тебе путь на самый верх, и даже если вершина горы ещё сокрыта от твоего взора, то дорога к ней уже ясно и явно просматривается. Но эта ясность только для твоих глаз. Для глаз других она туманна, как туманна вершина горы – её пик за пеленой, за облаками, – Артак засмеялся, – ты просто научился видеть нечто важное и великое, и это нечто пока ещё не определено другими и спрятано от них. Это нечто сокрыто от массы, от большинства. И, конечно же, одна из твоих обязанностей – показать дорогу другим. И люди обязательно пойдут за тобой. Что же это тогда, как не управление?

– Управление кем?

– Теми, кто имеет достаточно чуткие уши, чтобы слышать.

– Кто они?

– Люди, самые простые люди.

– Но почему они обязательно пойдут за мной?

– Неужели ты не понимаешь? – Агафья Тихоновна рассмеялась, – потому что дорогу видно только тебе. Остальным видна лишь твоя спина впереди.

– Так может мне отойти? Дать им дорогу?

– Они все равно пойдут за тобой, даже если ты сойдешь с дороги. Потому что сама дорога существует только в твоей голове – в твоих мыслях и в твоих знаниях. И там, где ты увидишь светлый и широкий путь – другие рассмотрят лишь непроходимый кустарник. Они оцарапают о него свои руки, они могут даже погибнуть, если решат пройти через него. Ты же пройдёшь насквозь так, как горячий нож прокладывает

себе путь в масле, и уже по этому расплавленному твоими знаниями разлому легко пройдут остальные. Но имей в виду, что если ты всё-таки решишь сойти со своей дороги, если ты будешь передвигаться опасными и отвесными козлиными тропами – то на тех склонах, на которых тебе ещё удастся удержаться – многие, идущие след в след, рухнут вниз.

– Куда рухнут?

– В прошлое, – засмеялась акула, – только в прошлое, ибо рухнуть можно только в одном направлении – в направлении, указанном гравитацией. И это направление всегда вниз.

– При чём здесь гравитация?

– Гравитация приземляет, а прошлое – притормаживает. Гравитация отрицает полёт, а прошлое – отрицает настоящее. Гравитация заставляет склонить голову к земле, а прошлое – сгибает и скручивает в узел человеческую душу.

– Они рухнут, чтобы потом подняться?

– Если люди решат поразмышлять над тем местом, где окажутся – то их подъём неизбежен.

– Значит, изучая так называемое прошлое – мы изучаем самих себя?

– Да, – подтвердила Агафья Тихоновна, – изучая что угодно – мы изучаем только самих себя. И, к тому же, изучаем в настоящем моменте. Ибо нет в мире ничего, что было бы за пределами этого момента. И нет в мире ничего, что было бы не тобой. В любом временном срезе. В любой точке пространства. Прошлое тут – не исключение. Прошлое – это

ты сам, но с другим, с меньшим, чем в настоящем, набором знаний и навыков. Как и будущее – это тот же ты, но уже свободный от любого груза, свободный от любого знания, от любого навыка. Да, – акула кивнула большой и серой головой, – везде есть только ты сам и никого кроме тебя...

Агафья Тихоновна посмотрела на раскрытую простынь моего мира и усмехнулась.

– Невозможно изменить единицу. Но наблюдать за ней очень даже возможно.

– А выбирать?

– Из её цельности – всё что угодно.

– Но тогда это будет лишь часть!

– Любой выбор отрицает целое, – акула развела плавники в сторону, – любой выбор отсекает от целого одну его часть, оставляя всё остальное невостребованным.

– Бывает и так?

– Нет, так не бывает.

– Что ты имеешь в виду?

– То, что человек всё равно получает целое, как бы он от него не отмахивался.

– Но...

– Но не замечает его, обращая своё внимание только на выбранную им и, как правило, совсем незначительную часть этого целого, – Агафья Тихоновна усмехнулась, – человек живёт этой частью, отсекая от себя всё нужное и ненужное,

всё тихое и рассудительное – всё, столь ему необходимое, но совсем не обязательное. Но самое страшное происходит тогда, когда человек пытается впихнуть в эту выбранную часть всего себя – целого и неделимого себя...

Я молча кивнул головой в знак согласия, а может быть просто не хотел перебивать Агафью Тихоновну.

– Тогда равновесие нарушается и он падает, – акула продолжала улыбаться, – ибо невозможно ЦЕЛОЕ устроить на ЧАСТИ этого целого. Невозможно.

– И? – спросил я.

– И он падает с этой своей части, иногда разбиваясь насмерть, иногда – немного повредив ногу, – Артак выразительно посмотрел на мою, ещё недавно распухшую конечность, – а иногда – всего лишь отделавшись лёгким испугом. И важны тут не последствия – они-то как раз и незначительны – они просто не могут быть хоть сколько-нибудь значительными – важно то, что оправившись от падения, человек опять и опять залазит на осколок своего айсберга, и находится там в постоянном напряжении, пытаюсь сохранить своё зыбкое равновесие. Конечно же, рано или поздно он снова падает, снова поднимается... А иногда остаётся лежать.

– А если он умирает?

– Значит падение было сильным, – равнодушно произнесла Агафья Тихоновна, – но это ничего не меняет в последовательности. Если поменять слово «падает» на «умирает», то придётся заменить «поднимается» на «рождается», вот и

– Дракон или любое иное животное воплощение – неважно. Это всего лишь животный тотем... Так вот – дракон, являясь твоей следующей, после философа ступенью, получает в дар возможность того, о чём мечтал этот самый философ. А мечты философов редко отличаются друг от друга. Как правило, это и есть крылья, и иногда – уединение, которого можно достигнуть, опёршись на это крыло. Ибо небо – такое место где живет только бог. А бог един.

Я молча кивнул.

– Что немаловажно, – Артак продолжал объяснять, – эти дары приходят незаметно для их будущего хозяина, но он неизбежно замечает перемены, которые как долгожданный гость, стучатся изнутри его естества. И перемены эти, как маяки, появляются всегда вовремя и обязательно – всегда вблизи суши, к которой он так стремится. Вблизи того места, где можно стоять, твёрдо опёршись на собственные ноги. И именно поэтому, если у тебя пока ещё чего-то нету – не особо переживай – просто-напросто оно тебе ещё не нужно... – Артак усмехнулся в который раз.

– Или я пока ещё далёк от суши, – добавил я усмехнувшись.

– Или ты пока ещё далёк от суши, – рассмеялся Артак, –

но именно для этого тебе и предоставлена ВОЗМОЖНОСТЬ использовать крыло дракона. Твоя НЕОБХОДИМОСТЬ в крыльях доказана и поэтому подлежит немедленному исполнению.

– Доказана кем и кому?

– Прежде всего доказана самому себе. Доказана и принята как данность.

– Кем?

– Самим собой, – Артак засмеялся, – неужели ты думаешь что в целом мире есть кто-то еще, требующий от тебя отчёта? Только ты сам, везде только ты сам.

– Я сам... – эхом повторил я.

– Так и выходит что именно необходимости диктовали, диктуют и будет диктовать миру свои условия. Даже не условия, но требования, – Артак на мгновение задумался, – да, требования – это правильное слово. И природа беспрекословно исполнит любое такое требование, а единственным условием исполнения будет существование насущной необходимости – не твоей личной, но природной, общей. По достижению тобой определенного уровня, одним из таких природных требований было предоставление тебе надёжного драконьего крыла – то есть, той плоскости, на которую можно опереться, находясь не только на суше – той плоскости, на которую ведут тебя твои собственноручно зажженные маяки, – дракон оглянулся и посмотрел мне прямо в глаза, потом перевёл взгляд на лоб и сосредоточился на его сере-

дине, – а маяки – это всего лишь перемены в твоём мышлении. Так вот – крыло – словно часть суши, способная держать тебя высоко над толпой.

– Над толпой?

– Да, – Артак кивнул, – именно над толпой.

– Но что ты имеешь в виду?

– Суша способна дать опору твоим ногам, и это будут только твои ноги, и ничьи другие, – Артак продолжал улыбаться, – но драконье крыло способно предоставить опору тысячам ног.

– Но разве у них нет своей суши?

– Есть, конечно же, есть... Чужой опоры требует лишь тот, чья собственная суша пока ещё за горизонтом. Чьи маяки ещё скрыты туманом и чей ветер, способный разогнать этот туман, пока ещё мается внутри их тел. Кто знает, – добавил Артак после небольшой паузы, – возможно, один взмах твоего крыла сдует и это морево.

– Разве это возможно?

– Нет, – внезапно произнес Артак, – это невозможно, – он очень внимательно посмотрел на меня и добавил:

– Только их собственный ветер способен разогнать их собственный туман.

– Тогда мое крыло бессильно? – я немного напряг спинные мускулы и, как мне показалось, ощутил всю полноту той нечеловеческой власти, которую мог предоставить свободному уму такой же свободный полёт.

– И снова нет, – дракон отрицательно покачал головой, – твоё крыло способно увлечь за собой. Оно способно показать дорогу. И если, пока ещё не к монолитной суше, то, хотя бы, к своим собственным маякам.

– Но для того чтобы увлечь за собой необходимо ясно видеть моё крыло, не так ли? Или видеть те преимущества, которые оно даёт своему владельцу, – я хитро прищурился, глядя на довольную морду Артака.

– Именно поэтому это крыло, а не ноги. Ведь только находясь над толпой ты получаешь способность стать видимым для неё. И тогда эта твоя способность становится возможностью для всей толпы... Ну или для кого-то конкретного из толпы... И уж потом она переходит в новое качество – она становится **НЕОБХОДИМОСТЬЮ** для природы. А эти необходимости воплощаются безоговорочно.

– Без исключений?

– Без исключений.

– Значит, созерцая вознесшегося Будду каждый человек тоже немного возносится?

– Именно так, – Артак кивнул утвердительно, – только если он не будет думать о вознесении.

– О чём же ему думать?

– О том, как бы не споткнуться в пути, ведь камней на любой дороге достаточно для множества ног, – засмеялся Артак, – и для того, чтобы удержаться на своих ногах, прежде всего необходимо смотреть под эти самые ноги, а не пялить-

ся в далекую даль... Смотреть прямо под свои ноги – то есть, в том направлении, которое видно прямо сейчас, в уже существующем направлении своего движения.

– Я понимаю...

– Те же необходимости указывают человеку о чём должно мечтать и куда нужно стремиться, – добавил Артак после паузы, – и это что-то гораздо ближе, чем кажется с первого, не очень внимательного взгляда. Всё, что для этого требуется – лишь пробудиться от сна и начать движение, продолжая внимательно смотреть себе под ноги.

– Да уж... – я кивнул головой в знак согласия.

– Пробуждение никогда не совпадает с представлениями о нём, – медленно произнёс Артак, – оно подобно воспоминанию себя, как того, кто видит сон, а не как того, кто во сне что-то делает. Оно подобно воспоминанию того, кто существовал и будет существовать всегда. Существовал посреди всех явлений и за их пределами. Являлся одновременно и центром мироздания и его самой далекой окраиной...

Я осторожно расправил два огромных крыла за спиной и вдруг почувствовал нечто такое, чего никогда не ощущал ранее.

Я почувствовал то, что ощущает птенец перед своим первым полётом – страх, смешанный с любопытством... И ещё одно острое чувство – сильное, как никогда – чувство того, что я обязательно сделаю ЭТО. Обязательно, хотя сам для

себя я всё ещё ничего не решил.

И уже это новое чувство диктовало мне все мои действия – я уже точно знал, что мне придётся их выполнить, даже если эти действия будут губительны для моего тела.

Точно так же любой действительно решившийся самоубийца знает – он без сомнения прыгнет – знает даже в то время, когда он всё ещё стоит и раздумывает.

И даже продолжая раздумывать – он уже точно знает что скоро сделает свой последний человеческий шаг.

– Вы почувствовали? – Артак засмеялся и тоже расправил свои крылья, – почувствовали, – сам себе ответил он и, словно стрела из натянутой тетивы, взмыл вверх. Стоило ли говорить, что при этом Артак смеялся, запрокинув голову и глядя прямо на ослепляющий свет.

– Ты начал свою игру, ты создал свой мир, и конечно же, тебе необходимы крылья – прежде всего они необходимы тебе, а не кому-нибудь другому, – уже сверху прокричал он мне и стремительно, я бы даже сказал – внезапно, приземлился рядом со мной.

– Чтобы облетать мой мир время от времени? – я протянул свою лапу Артаку – лапу молодого дракона...

Я потрогал его крыло. Оно было тёплое и шершавое на ощупь, тогда как мои крылья отсвечивали розовым, наверное, как у всякого молодого, ещё неоперившегося птенца.

– Чтоб вознестись над своей игрой, – серьёзно ответил Артак, – чтобы не стать наркоманом, чтобы не стать зависимым. И уже там, с высоты, ты будешь в состоянии увидеть всё существующее сразу. Возможно, тебе удастся рассмотреть даже эти невидимые и неуловимые человеческому глазу необходимости, которые правят человеческим миром – невидимые даже для твоего нового, драконьего зрения, но очень даже видимые для драконьего ума.

– Увидеть всё существующее и во все времена?

– Да. Всё. Во все времена, – легко согласился дракон, и немного подвинулся, давая дорогу Агафье Тихоновне.

Акула приблизилась почти вплотную ко мне и протянула мне мой собственный – молодой и белоснежный мир, аккуратно его перед этим сложив.

– Спасибо, – поблагодарил я, принимая хрустально белую простынь, – спасибо, – подумал я, принимая в дар себя самого.

– Не стоит благодарности, – вежливо ответила Агафья Тихоновна, и передав мне кусок белой ткани, внезапно поклонилась и произнесла:

– Здесь я вынуждена с вами попрощаться, – она улыбнулась искренне, но всего на одно лишь мгновение её чёрные лакированные глаза-бусинки наполнились прозрачной и

пряמודушной, а значит и неподдельной грустью, – моя миссия выполнена. Мне нечего делать в мире драконов, и я обязательно должна вернуться в мир людей. Я должна вернуться в зеркало...

Агафья Тихоновна перевела взгляд на служившее нам полом мерцающее отполированное зеркало, которое словно подчиняясь её взгляду приобрело свойства густой жидкости, по своей консистенции и цвету чем-то напоминающей ртуть, и махнув на прощанье своим упругим светло-серым хвостом, нырнула в самую глубину этого зеркального океана единого человеческого сознания, слившись с ним в одно целое.

– Прощайте, – донеслось до меня.

В тот же миг светло-серое стало серебряно-зеркальным и мой ответ потонул в тишине...

Я неуверенно продолжал держать в руках свой собственный, полностью готовый к использованию чисто-белый мир, который акула мне вручила мгновение назад, но взгляд молодого дракона был прикован к тем плотным, движущимся концентрическим кругам на поверхности зеркального пола.

Его взгляд был прикован туда, куда нырнула Агафья Тихоновна – туда, куда ушла его речь, прихватив с собой за компанию и его желание говорить; туда, где тугие круги зеркальной жидкости соединялись в единую точку; туда, где молча-

ние становилось нормой, а норма – необходимостью.

Это был взгляд-прощание, взгляд-благодарность, это был последний взгляд человеческих глаз.

Слова ушли за ненадобностью – ушли, чтобы никогда более не вернуться, ибо в их возвращении уже не было не только смысла, но и нужды.

Ушли так, как могут уйти только близкие, родные и честные – не оставив после себя ничего неисполненного; ушли, соединив самим своим уходом противоположное по смыслу, и на первый взгляд, несоединимое; ушли, показав что не только нужда, но и полная её противоположность – ненадобность, может быть или стать самой что ни на есть насущной необходимостью.

Слова ушли, превратив эту необходимость в фарс.

Ушли, играючи.

Ушли без сожалений.

– Благодарю тебя, – тихо произнёс я, глядя на потревоженную прыжком акулы, и еще не до конца успокоившуюся зеркальную серебряную поверхность, – благодарю.

Только сейчас я обнаружил, что вишу прямо над этой плотной и упругой, как акулый хвост, но всё-таки жидкостью, и что вес моего тела держат на себе два молодых и расправленных драконьих крыла.

– Благодарю тебя, Артак, – я повернулся к дракону, но не

увидел его на привычном месте.

– Благо дари... – откуда-то сверху накатила привычная мысленная волна, – благо дари...

И только жёлтый солнечный свет, несмотря на осеннюю пору, по-летнему мощный, напоминал о существовании этой великой силы – силы человеческой мысли.

Но...

Может быть, в яркий жёлтый цвет просто были выкрашены стены подъезда, в котором я находился.

Всё может быть.

КОНЕЦ